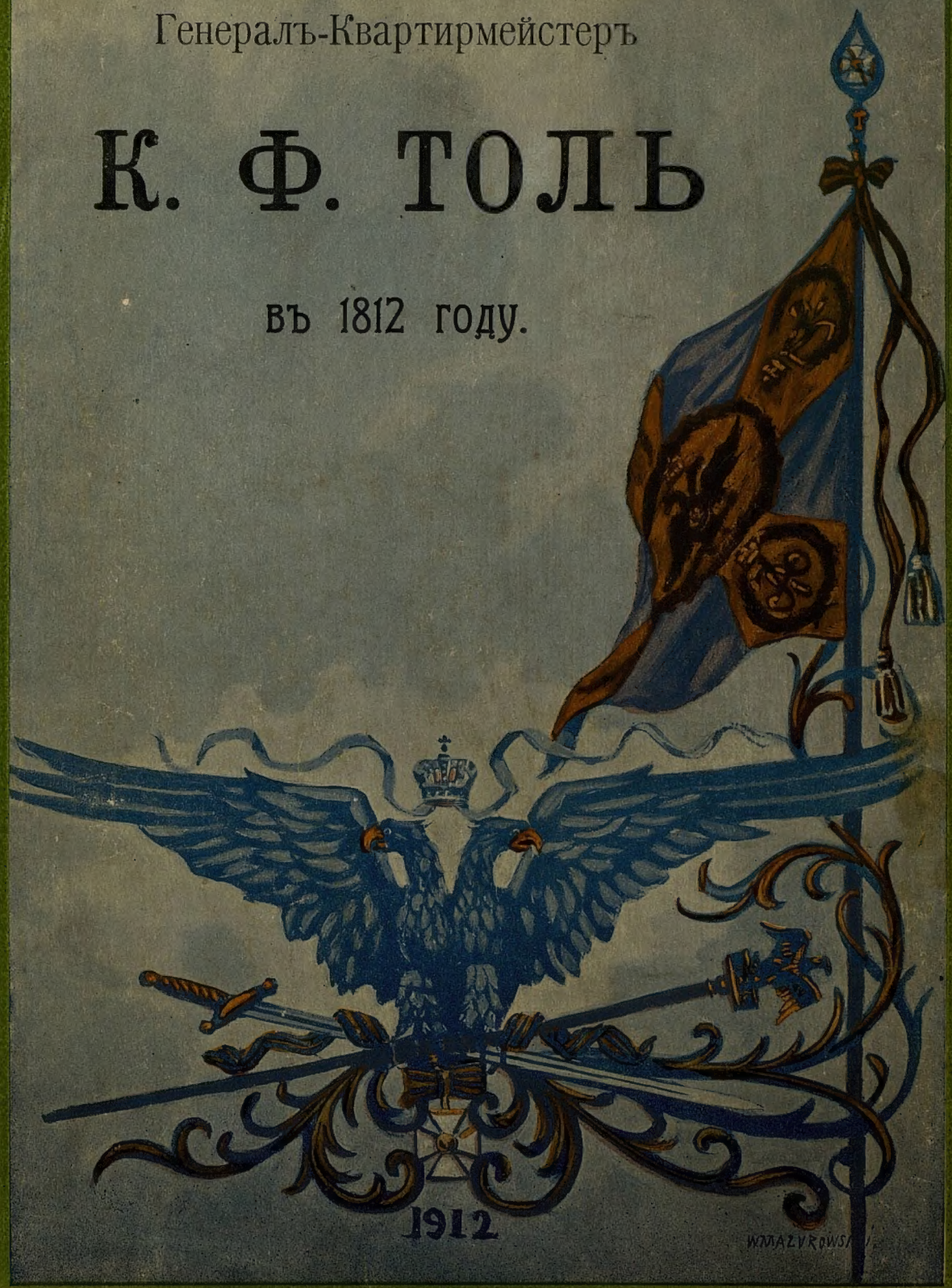
9(c)1
T554
511024

Генералъ-Квартирмейстеръ

К. Ф. ТОЛЬ

въ 1812 году.



1912

Пр. 2019

511027

Ф 23398

Проверено 1936 г.

Генералъ-Квартирмейстеръ

КАРЛЪ ФЕДОР. ТОЛЬ

въ Отечественную войну.

571027

ПР.-48 г.

Уральская Областная Библиотека Фундаментальная

Изданіе и редакція гр. Е. Н. Толя.

9(С)1
Т 554

151

Уральский Индустриальн. Ин-т
им. С. М. КИРОВА
Фундаментальн. библиотека

Пр. 1940

Научная библиотека
Уральского
Государственного университета
г. Свердловск

«Сѣверная Печатня». В. О., 13 л., 2

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Предисловіе	V — VI
Генералъ-адъютантъ графъ К. Ф. Толь (біографическій очеркъ)	VII — XL
Планъ войны	1— 16
Краткій военный журналъ движеніямъ 1-ой арміи и продолженіе онаго послѣ соединенія 2-ой арміи съ 1-ою	17— 34
Журналъ военныхъ дѣйствій съ 1-го сентября по 31-ое декабря 1812 г.	35—115
Описаніе сраженія при Смоленскѣ 4 и 5 августа 1812 г.	117—129
Описаніе сраженія при Бородинѣ 26-го августа 1812 г. (съ 4-мя таблицами)	131—152
Краткій военный журналъ движеніямъ 2-ой западной арміи въ 1812 г.	153—161
Критика сочиненія Михайловскаго-Данилевскаго: „Описаніе отечественной войны“ (русскій переводъ).	163—223
Critique de l'ouvrege général Danilefsky: „Описаніе отечественной войны“ (французскій текстъ, копія подлинника)	225—269
О квартирмейстерской части вообще	271—278
Приложенія	279—312

Отдѣльныя приложенія:

1) Портретъ гр. К. Ф. Толя.
2) Кутузовъ экзаменуетъ Толя-кадета.
3) Суворовъ поздравляетъ Толя съ чиномъ капитана.
4) Часовня, въ которой погребенъ гр. К. Ф. Толь.
5) Памятникъ на могилѣ гр. К. Ф. Толя.
6) Два листа плана сраженія при Бородино.

Передъ чтеніемъ настоящей книги, просимъ замѣтить слѣдующія вкравшіяся неточности:

На стр. 113, въ выноскѣ напечатано: *„См. приложеніе“;* слѣдуетъ читать: *См. таблицы на стр. 149, 150, 151 и 152.*

На стр. 217, строка 9-я снизу, напечатано: *„...и много другихъ офицеровъ генеральнаго штаба“,* слѣдуетъ читать: *„...и многіе другіе офицеры квартирмейстерской части“.*

На стр. 288, строка 16-я снизу, напечатано: *„Полковникъ Граббе“;* слѣдуетъ читать: *„Полковникъ Габбе“.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Цѣль изданія этихъ мемуаровъ, съ одной стороны, почтить память моего дѣда, небезызвѣстнаго дѣятеля въ отечественную войну, въ этой Иліадѣ жизни Русскаго народа, когда вдвое сильнѣйшій противникъ подъ предводительствомъ мірового генія Наполеона былъ сокрушенъ, по волѣ Всевышняго, твердостью духа Императора Александра Благословеннаго и безпредѣльно преданнаго Ему и родинѣ народа; съ другой стороны, болѣе подробно освѣтить уже общеизвѣстные факты этой войны по даннымъ штабнаго руководителя нашихъ тогда военныхъ дѣйствій,—полковника Толя. Если эта задача будетъ мною хотя нѣкоторымъ образомъ достигнута, то буду вполнѣ вознагражденъ за свой трудъ напечатанія этихъ записокъ, отысканія архивныхъ данныхъ и перевода нѣкоторыхъ изъ нихъ съ французскаго на русскій языкъ.

Въ составленномъ мною біографическомъ очеркѣ генералъ-адъютанта графа К. Ф. Толя, останавливаясь болѣе подробно на его дѣятельности въ отечественную войну, я старался вообще указать на выдающіяся заслуги этого генерала во многихъ веденныхъ нами войнахъ въ первой половинѣ девятнадцатаго вѣка. Въ составленномъ и представленномъ на усмотрѣніе Императора Александра I-го планѣ предстоящихъ нашихъ военныхъ операцій, онъ правильно оцѣнилъ тогда военную обстановку и въ противовѣсъ фантастическимъ соображеніямъ ген. Пфуля, основанныхъ на ученыхъ заблужденіяхъ, ставилъ первымъ условіемъ—соединеніе армій и переходъ къ оборонительнымъ дѣйствіямъ.

Краткій военный журналъ движеніямъ первой арміи отъ Дриссы до Смоленска, продолженіе онаго послѣ соединенія двухъ армій, журналъ военнымъ дѣйствіямъ съ 1-го сентября по 31-ое декабря, описаніе сраженія при Смоленскѣ 4-го и 5-го и при Бородинѣ 26-го августа, а также краткій военный журналъ второй западной арміи 1812 года,—представляютъ подробную и послѣдовательную передачу событій этой войны. (Выемку этихъ журналовъ изъ военно-ученаго архива Главнаго Штаба сдѣлалъ поручикъ В. Г. фонъ-Толь).

Въ переведенной мною съ французскаго языка „Критикѣ сочиненія генерала Михайловскаго-Данилевскаго о походѣ 1812 года“ Карлъ Федоровичъ передаетъ многія событія въ болѣе правильномъ освѣщеніи и не безъ основанія обвиняетъ Михайловскаго-Данилевскаго въ замалчиваніи въ этой исторіи своихъ дѣйствительныхъ заслугъ. Эта критика, не будучи еще нигдѣ напечатанною, была дана лишь для прочтенія сенатору Бутурлину и была возвращена послѣднимъ Толю обратно (см. приложеніе № 16).

Въ запискѣ о квартирмейстерской части К. Ф. Толь, на основаніи опыта войны 1812 года, предлагаетъ организацію, способъ комлектованія и оцѣнку служебныхъ качествъ офицеровъ квартирмейстерской части (нынѣ генеральнаго штаба). Какъ видно изъ прилагаемой при семъ переписки Карла Федоровича съ военными писателями—генераломъ Жомини и сенаторомъ Бутурлинымъ (см. приложенія №№ 12—16)—документы, относящіеся къ кампаніи 1812 года, переданы послѣднему, который широко использовалъ ихъ въ извѣстномъ его сочиненіи: „Histoire militaire de la campagne de Russie en 1812“. При этой книгѣ я прилагаю планъ Бородинскаго сраженія, составленный моимъ дѣдомъ по Высочайшему повеленію въ 1814 году.

Подлинники приложеній подъ №№ 1—8 находятся въ нашемъ семейномъ архивѣ.

Графъ **Е. Н. Толь.**

Іюль 1912 годъ.

Генералъ-Квартирмейстеръ

графъ Карлъ Федоров. Толь.

(Біографическій очеркъ).

Генералъ-Адъютантъ Графъ К. Ѳ. ТОЛЬ.

1777—1842.

Ген.-адъют. графъ Карлъ Федоровичъ Толь.

(Біографическій очеркъ).

Отвѣтственный постъ руководителя генеральнаго штаба Русской арміи въ памятную годину Отечественной войны занималъ ген.-кварт. полковникъ Карлъ Федоровичъ Толь, человѣкъ выдающихся способностей, энергіи и блестящей храбрости, „съ именемъ котораго тѣсно связаны славнѣйшія страницы войны 1812 года“ *).

Въ небольшомъ очеркѣ невозможно дать полное изображеніе всей дѣятельности этого талантливаго офицера Свиты Его Имп. Вел. по генералъ-квартирмейстерской части (нынѣ генеральный штабъ), но мы постараемся нѣсколько подробнѣе изложить дѣятельность его въ 1812 году, дать въ заключеніе бѣглый обзоръ дальнѣшихъ заслугъ его въ кампаніяхъ 1813, 14 и 15 гг. и въ войнахъ 1828—29 гг. и 1831 г. по должности Начальника штаба Россійской арміи, а также его дѣятельности, какъ главноуправляющаго путями сообщенія съ 1833 по 1842 г.

Но прежде всего нѣсколько словъ о происхожденіи К. Ф. Толь, о его воспитаніе и первоначальной службѣ по Квартирмейстерской части до 1812 года.

---

*) См. В. Харкевичъ: „Война 1812 года. Отъ Нѣмана до Смоленска“. 1901 г., стр. 123.

Потомокъ древней рыцарской фамиліи *) переселившейся въ началѣ шестнадцатаго вѣка изъ Голландіи въ земли Ливонскаго Рыцарскаго Ордена (первоначально на о. Эзель), Карлъ Федоровичъ фонъ-Толь родился 8/19 Апрѣля 1777 года въ имѣніи Кескеферъ, близь г. Гапсаля, Эстляндской губ.

Его отецъ, Конрадъ-Фридрихъ (1768—1772 гг.), участникъ войны съ польскими конфедератами (1749—1821 гг.), выйдя въ отставку съ чиномъ поручика, женился на Юстинѣ-Вильгельминѣ, дочери Эстляндскаго помѣщика фонъ-Руктешель.

Не имѣя возможности дать хорошее домашнее образованіе своему сыну, Конрадъ-Фридрихъ фонъ-Толь согласился помѣстить его, при содѣйствіи Фонъ-Руктешеля (офицера л.-гв. Семеновскаго полка), въ Сухопутный Шляхетскій Кадетскій Корпусъ.

Во главѣ Корпуса въ это время стоялъ благородный и гуманный графъ Ангальтъ, близкій родственникъ Императрицы Екатерины Великой, обратившій ввѣренное ему военно-учебное заведеніе въ лучшее образовательное учрежденіе Россіи.

Благодаря крѣпкому своему здоровью и отличнымъ способностямъ, кадетъ Толь выдѣлился въ средѣ своихъ сверстниковъ, обративъ на себя вниманіе самого графа Ангальта.

Назначенный, на мѣсто скончавшагося графа Ангальта, директоромъ Корпуса, генералъ Мих. Иллар. Голенищевъ-Кутузовъ (1794 г.) приблизилъ къ себѣ способнаго юношу. Черезъ годъ Карлъ Толь, блестяще окончивъ курсъ Кадетскаго Корпуса (вице-сержантъ), разсчитывалъ 18-ти лѣтъ быть произведеннымъ въ офицеры, но вслѣдствіе небольшого роста былъ задержанъ еще на одинъ годъ.

---

*) Родоначальникъ фамиліи фонъ-Толь, рыцарь Флорусъ фонъ-Толь, получилъ отъ отца своего, Гуго фонъ-Тейлингенъ, въ удѣлъ замокъ Толль близь г. Лейдена, въ Голландіи. Гуго фонъ-Тейлингенъ—прямой потомокъ (VI колѣно) владѣтельнаго графа Голландіи Арнольда, убитаго въ сраженіи подъ Вукелемъ, въ Фрисландіи, въ 1005 г. (см. кн. П. Долгоруковъ: „Россійская родословная книга“, ч. II, стр. 236; семейный архивъ графа Е. Н. Толя—родословная таблица съ 1091 года).

Генералъ Голенищевъ-Кутузовъ постарался ласковымъ обращеніемъ и производствомъ въ фельдфебеля сгладить разочарованіе любимаго своего воспитанника. Часто бывая въ домѣ директора Сухопутнаго Шляхетскаго Корпуса, Толь сблизился со всею семьею будущаго фельдмаршала и Свѣтлѣйшаго князя Смоленскаго. Въ біографіи К. Ф. Толя (см. „Импер. Александръ I и его сподвижники въ 1812, 1813, 1814 и 1815 годахъ", т. II) Михайловскій-Данилевскій говоритъ: Кутузовъ учредилъ для воспитанниковъ старшихъ возрастовъ тактическій классъ, и уже украшенный Георгіевской звѣздой, уже бывшій посломъ Екатерины, онъ самъ преподавалъ тактику, а Толь, стоя рядомъ съ нимъ на учительской каѳедрѣ, долженъ былъ въ кадетскомъ мундирѣ чертить мѣломъ на большой доскѣ передвиженія войскъ, объясняемыя Кутузовымъ юношеству, ввѣренному его попеченію *).

Произведенный въ офицеры 29-го ноября 1796 года, Толь былъ выпущенъ въ Свиту Е. И. В. по генералъ-квартирмейстерской части съ чиномъ поручика. Первые годы службы Карла Федоровича въ квартирмейстерскомъ штабѣ были самыми трудными его жизни, какъ благодаря матеріальной необезпеченности, такъ и неопредѣленности положенія самой Свиты Е. И. В. по Квартирмейстерской части въ первые годы царствованія Императора Павла I-го.

Работая подъ руководствомъ различныхъ квартирмейстеровъ (полковникъ Герардъ, графъ Аракчеевъ, генералъ-лейтенантъ Германъ), Карлъ Федоровичъ обратилъ на себя вниманіе своею отличною работоспособностью и сталъ извѣстенъ, какъ выдающійся квартирмейстерскій офицеръ, Императору Павлу I-му.

Въ то время, за отсутствіемъ Корпуса военныхъ топографовъ, съемки мѣстности производились квартирмейстерскими офицерами. Толь участвовалъ въ рядѣ подобныхъ работъ

*) См. T. v. Bernhardi, „Denkwürdigkeiten des Gr. von Toll". Band I, Seite 13.

(составленіе плана г. Москвы для коронаціи, съемки и составленіе карты окрестностей Краснаго-Села СПБ. губ.). Командированный ген.-лейт. Германомъ въ 1798 году, Карлъ Федоровичъ, подъ руководствомъ маіора Энгельмана, составилъ (совмѣстно съ колонновожатыми Кращъ и Іортъ) карту Очаковской степи. Въ виду того, что маіоръ Энгельманъ, несмотря на долголѣтнее пребываніе въ Россіи, совершенно не говорилъ по-русски, то Толь, служа ему переводчикомъ, усовершенствовался въ изученіи нѣмецкаго языка, который началъ забывать.

Весною 1799 года войска ген. Германа (11 бат. и 2 каз. полка) двинуты были черезъ Австрійскую границу на соединеніе съ корпусомъ ген. Розенберга.

17-го апрѣля 1799 г., находясь въ колоннѣ ген. Розенберга, Толь впервые былъ подъ начальствомъ великаго Суворова. Послѣ сраженія при Нови онъ лично сталъ извѣстнымъ генералиссимусу, который, за удачную рекогносцировку раіона крѣпостцы Серавеллы поздравилъ его капитаномъ (см. Даниловскій. „Александръ I и его сподвижники“).

При переходѣ С.-Готарда, состоя въ авангардѣ ген. Милорадовича, Толь однимъ изъ первыхъ спустился за этимъ генераломъ съ Альпійскихъ горъ и участвовалъ въ сраженіяхъ при Урзернѣ, на Чертовомъ мосту, Альтдорфѣ и Муттенталѣ. Отличившись въ дѣлѣ при Муотта, гдѣ слабый корпусъ (4.000 человѣкъ) ген. Розенберга разбилъ корпусъ ген. Массена (до 8.000 челов.), взявъ 1.020 человѣкъ въ плѣнъ и пять орудій. Здѣсь онъ получилъ первую боевую награду: орденъ Св. Анны 3 класса (см. приложеніе № 1) *). Во время извѣстнаго перехода нашихъ войскъ черезъ Альпы Толь претерпѣлъ много лишеній, но особенно ощутительна была по-

*) Нынѣ 4-ой ст. Св. Анны, съ надписью на шпагѣ: „За храбрость“ (см. T. v. Bernhardi, „Denkwürdigkeiten des Grafen von Toll“, Bd. I, Seite 81).

См. тамъ же, Bd. I, S. 95, со ссылкою на графа Ливенъ, бывшаго тогда военнымъ министромъ.

теря имъ двухъ лошадей, вынудившихъ его продѣлать пѣшкомъ значительную часть похода въ Швейцаріи.

Несомнѣнно, участіе молодого квартирмейстерскаго офицера въ походѣ безсмертнаго вождя Русской арміи, князя Суворова-Италійскаго, оказало большое вліяніе, пополнивъ его теоретическія знанія, недавно пріобрѣтенныя на кадетской скамьѣ, боевымъ опытомъ въ духѣ Суворовской „науки побѣждать".

По возвращеніи въ Петербургъ, неожиданное увольненіе ряда офицеровъ кварт. части выдвинуло капитана Толя въ спискѣ по старшинству, и онъ былъ 30-го апрѣля 1800 года произведенъ въ маіоры, пробывъ въ предыдущемъ чинѣ едва 6 мѣсяцевъ. Увольненіе квартирмейст. офицеровъ производилось безъ объясненія причинъ. Не лишено курьеза то обстоятельство, что Толь былъ оставленъ въ Свитѣ Е. И. В. по генер.-квартирм. части не за свои несомнѣнныя способности и выдающіяся знанія, а главнымъ образомъ за красивый почеркъ, извѣстный Императору Павлу I-му.

Со вступленіемъ на престолъ Императора Александра I, дѣятельность Квартирмейстерской части Свиты Е. И. В. приняла направленіе, болѣе соотвѣтствующее ея назначенію, чѣмъ въ предыдущее царствованіе. Рѣшено было поднять обученіе войскъ и съ этой цѣлью въ 1803 и 1804 гг. въ окрестностяхъ Краснаго-Села и Петергофа произведены были большіе маневры. Маіоръ Толь на этихъ маневрахъ исправлялъ должность генералъ-квартирмейстера, благодаря чему сталъ лично извѣстенъ Императору и сблизился съ генералъ-адютантомъ кн. Петромъ Волконскимъ.

Въ началѣ войны 1805 года Толь состоялъ при штабѣ корпуса графа Буксгевдена (согл. приказа 10 авг. 1805 года); послѣ назначенія генер. Голенищева-Кутузова главнокомандующимъ, маіоръ Толь занялъ должность начальника канцеляріи дежурнаго генерала кн. П. Волконскаго. Извѣстно, что главнокомандующій, въ силу особаго довѣрія Императора Алексан-

дра I къ генералъ-квартирмейстеру Вейротеру, игралъ второстепенную роль и оказывалъ незначительное вліяніе на ходъ военныхъ операцій. Раздѣляя общее увлеченіе главной квартиры стратегіей ген. Вейротера, Толь былъ крайне разочарованъ, когда прекрасная диспозиція Вейротера сведена была на нѣтъ творческою импровизаціею Наполеоновскаго генія.

Во время сраженія подъ Аустерлицемъ 19 ноября, состоя при войскахъ 4 колонны австр. генер. графа Коловрата, при которой находился и главнокомандующій ген. Голенищевъ-Кутузовъ, Толь участвовалъ въ наступленіи этой части союзной арміи на Праценскія высоты. Встрѣченная войсками маршала Сульта, 4-я колонна, послѣ геройскаго сопротивленія, была опрокинута, а происшедшее замѣшательство обратило войска въ безпорядочное бѣгство.

При отступленіи перемѣшались всѣ чины арміи. Императоръ Александръ I, разобщенный со своею свитой, ѣхалъ по полю сраженія въ сопровожденіи лейбъ-медика Вилье и берейтора Іена. Ѣхавшій вблизи маріоръ Толь видѣлъ, какъ императоръ сошелъ съ лошади и сѣлъ на сырую землю подъ большимъ деревомъ. Потрясенный событіями дня, Императоръ вынулъ платокъ и зарыдалъ. Сперва онъ не рѣшался подъѣхать къ Государю, но видя неутѣшное горе Монарха, подошелъ и сказалъ Государю нѣсколько словъ утѣшенія. Александръ I постепенно успокоивался, утеръ слезы, горячо обнялъ Толя и, вскочивъ на лошадь, направился къ Ходегицу. Толь сопровождалъ Императора (см. гр. Л. Н. Толстой, „Война и миръ“, томъ I, стр. 469, Москва, университетская типографія М. Каткова; Бернарди, томъ I, стр. 167—168).

За отличіе въ Аустерлицкомъ сраженіи Толь награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4 степени (см. приложеніе 2). По возвращеніи изъ похода, онъ досуги свои посвящалъ изученію сочиненій барона Жомини и другихъ спеціальныхъ трудовъ по военно-научнымъ вопросамъ и исторіи. Впрочемъ, открывшаяся въ 1806 году война противъ Турціи вызвала его на

театръ военныхъ дѣйствій. Находясь въ главной квартирѣ арміи, Карлъ Федоровичъ въ теченіе кампаніи исполняетъ неоднократно должность генерала-квартирмейстера. Состоя при главнокомандующемъ генералъ-отъ-кавалеріи Михельсонѣ, въ 1807 году участвовалъ въ сраженіи при Измаилѣ, награжденъ орденомъ Св. Анны второго класса съ алмазными украшеніями (смотр. прилож. № 3). Произведенный 2 февраля 1808 г. въ подполковники, Толь вновь встрѣтился съ генераломъ Мих. Ил. Голенищевымъ-Кутузовымъ, назначеннымъ въ концѣ 1807 г. помощникомъ главнокомандующаго князя Прозоровскаго. Ген. Кутузовъ увидѣлъ здѣсь въ своемъ бывшемъ кадетѣ „офицера съ извѣстною уже репутаціей“ и сдѣлалъ его вскорѣ постояннымъ своимъ спутникомъ, удостоившимся полученія одобрительныхъ отзывовъ ген. Кутузова (см. приложеніе № 5). Вслѣдствіе недоразумѣній между главнокомандующимъ и генер. Голенищевымъ-Кутузовымъ, послѣдній былъ отозванъ изъ арміи и назначенъ Виленскимъ генералъ-губернаторомъ.

Толь, какъ лицо, близкое Кутузову, подвергся преслѣдованію и мелкой придирчивости главнокомандующаго. Во избѣжаніе постоянныхъ недоразумѣній, онъ подалъ рапортъ князю Прозоровскому объ отчисленіи его отъ штаба арміи въ строй. Прозоровскій устроилъ ему переводъ въ 20 Егерскій полкъ (16 іюня 1809 г.) на должность командира баталіона. Полкъ этотъ входилъ въ составъ 3 пѣхотной дивизіи, расположенной въ Самогитіи, вдали отъ театра военныхъ дѣйствій. Штабъ 20 Егерскаго полка находился въ мѣстечкѣ Шавли; баталіонъ, которымъ назначался командовать подполковникъ Толь, квартировалъ по-ротно въ близлежащихъ деревняхъ, а офицерамъ отведены были квартиры въ усадьбахъ польскихъ помѣщиковъ. К. Ф. поселился въ замкѣ богатаго помѣщика. Свободное отъ занятій время онъ посвящалъ чтенію, тѣмъ болѣе, что въ замкѣ нашлась обширная библіотека съ большимъ числомъ книгъ военно-историческаго характера. Кромѣ того, онъ познакомился здѣсь съ жизнью и бытомъ солдатъ,

узналъ ихъ интересы и требованія. Прежняя служба въ штабахъ и управленіяхъ держала Карла Федоровича вдали отъ строя. Узнавъ духъ русскаго солдата, понявъ его міровоззрѣніе, Толь въ будущихъ кампаніяхъ умѣлъ вліять на войска въ рѣшительныя минуты, и войска его понимали, любили и шли за нимъ съ твердою вѣрой въ успѣхъ. Съ этой стороны пребываніе его, послѣ блестящей штабной карьеры, на скромной должности баталіоннаго командира Егерскаго полка, заброшеннаго въ глушь Самогитіи, принесло ему несомнѣнную пользу. Впрочемъ, онъ не засидѣлся въ Шавляхъ: князь Петръ Волконскій, цѣня его отличныя знанія и способности, содѣйствовалъ его возвращенію въ Квартирмейстерскую часть (1-го сентября 1810 года). Въ Петербургѣ ему снова поручили топографическія работы и съемки окрестностей Краснаго-Села. 15-го сентября 1811 года Толь былъ произведенъ въ полковники.

Насталъ знаменательный 1812 годъ, годъ Отечественной войны, когда на Россію, во главѣ полумилліонной арміи, двинулся геніальный полководецъ, императоръ Франціи, Наполеонъ I. Со славнѣйшими страницами исторіи этого памятнаго для Русскаго народа года тѣсно связана дѣятельность полковника К. Ф. Толя. Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій въ 1812 г., К. Ф. получилъ назначеніе начальника 2-го отд. канцеляріи Генералъ-Квартирмейстера 1-й Западной арміи. Командующій арміей генералъ Барклай де-Толли совершенно не зналъ Толя и его выдающихся способностей, чѣмъ и объясняется подобное назначеніе; но съ прибытіемъ въ Вильно Императора Александра I и кн. П. Волконскаго положеніе его улучшилось, такъ какъ и Государь и кн. Волконскій знали Толя по прежней его службѣ съ лучшей стороны. Черезъ посредство князя Волконскаго Толь представилъ Государю Императору свой планъ военныхъ дѣйствій (см. планъ, стр. 1—16). Хотя этотъ планъ не былъ приведенъ въ исполненіе, однако онъ интересенъ тѣмъ, что составитель уже и тогда (помѣчено 29

Кутузовъ, въ бытность директоромъ кадетскаго корпуса, экзаменуетъ К. Ѳ. Толя по стратегіи.

(См. біографію К. Ѳ. Толя).

апр. 1812 г.) настаивалъ на принятіи оборонительныхъ дѣйствій и требовалъ соединенія обѣихъ армій. Въ этомъ отношеніи трудъ его выгодно выдѣляется изъ ряда другихъ подобныхъ работъ, особенно при сравненіи съ фантастическимъ планомъ генерала Пфуля.

Когда въ главной квартирѣ поднялись споры о пригодности позиціи подъ Вильно для принятія генеральнаго сраженія, генер. Барклай де-Толли поручилъ Толю рекогносцировать долину лѣваго берега рр. Виліи и Вилейки. Исполнивъ означенное порученіе главнокомандующаго, Толь категорически высказался противъ принятія боя на подобной позиціи, представлявшей рядъ тактическихъ невыгодъ (лѣсистое плоскогорье, имѣющее въ тылу крутой скатъ).

Желая выслушать безпристрастное мнѣніе лица, стоявшаго вдали отъ интригъ главной квартиры, Императоръ Александръ I, черезъ ген.-адъют. князя Волконскаго, поручилъ Толю изложить свое мнѣніе о цѣлесообразности принятія боя у Вильно. Здѣсь ему представился случай изложить въ формѣ доклада свою оцѣнку пригодности упомянутой позиціи. Въ особомъ мнѣніи, поданномъ Его Величеству 3 мая 1812 г., указывая на отрицательныя стороны позиціи у Вильно, Толь пользуется случаемъ вскользь упомянуть о неудобствахъ путей отступленія на Дриссу и настаиваетъ на необходимости дать сраженіе по соединеніи I-й и II-й армій. Это мнѣніе служитъ прекраснымъ показателемъ правильности пониманія Толемъ стратегической обстановки, хотя въ оцѣнкѣ непріятельскихъ силъ онъ раздѣлялъ общее заблужденіе, то-есть, считалъ силы „великой арміи“ значительно менѣе дѣйствительныхъ.

Такимъ образомъ создалась репутація Толя, какъ отличнаго офицера Квартирмейстерской части (генеральный штабъ) въ главной квартирѣ Императора Александра I, и въ штабѣ главнокомандующаго привыкли выслушивать его авторитетное мнѣніе и постоянно приглашать на совѣщанія высшихъ начальниковъ наравнѣ съ генералами, пользовавшимися особымъ

довѣріемъ Государя: Барклая де-Толли, Пфуля, князя Волконскаго, Клаузевица и др.

30 іюня 1812 года, въ лагерѣ при Дриссѣ, Толь былъ назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ 1-й западн. арміи вмѣсто генер. М. Мухина (см. прилож. № 6).

Человѣкъ сильной воли, неутомимый работникъ, опытный офицеръ генеральнаго штаба, съ обширнымъ образованіемъ и продолжительнымъ боевымъ опытомъ, Карлъ Федоровичъ вполнѣ соотвѣтствовалъ новой отвѣтственной должности. Чуждый всякой партійности, человѣкъ долга и дѣла, онъ, къ сожалѣнію, обладалъ горячимъ характеромъ, который, въ связи съ его прямотой, создалъ ему не мало враговъ тайныхъ и явныхъ. Генералъ А. П. Ермоловъ, будущій герой Кавказа, назначенный тогда же начальникомъ штаба 1-й западной арміи, въ своихъ запискахъ *) далъ слѣдующій отзывъ: „Въ должности генералъ-квартирмейстера находился полковникъ Толь, офицеръ отличныхъ дарованій, способный со временемъ оказать большія заслуги; но смирять надобно чрезмѣрное его самолюбіе, и начальникъ его не долженъ быть слабымъ, дабы онъ не сдѣлался излишне сильнымъ. Онъ, при полезныхъ способностяхъ по роду служебныхъ его занятій, соображеніе имѣетъ быстрое, трудолюбивъ и дѣятеленъ; настолько привязанъ къ своему мнѣнію, что иногда, вопреки здравому смыслу, не признаетъ самыхъ здравыхъ возраженій, отвергая возможность имѣть не только превосходныя способности, ниже имѣть равныя“. Въ этихъ строкахъ словно сквозитъ нѣкоторая зависть и скрытое недоброжелательство ген. А. П. Ермолова, видѣвшаго въ молодомъ полковникѣ соперника и конкурента на должность начальника штаба арміи. Этимъ объясняется умышленное замалчиваніе въ запискахъ Ермолова нѣкоторыхъ заслугъ генер.-кварт. Толя 1812 г. (напр., о планѣ движенія

*) См. „Записки А. П. Ермолова о войнѣ 1812 года“. Londres—Bruxelles 1863 г., стр. 21.

на Рудню, объ участіи въ военномъ совѣтѣ въ д. Филяхъ, о дѣятельности подъ Тарутинымъ и др.).

Мало доступный главнокомандующій генералъ М. Б. Барклай де-Толли относился къ Генералъ-Квартирмейстеру не особенно довѣрчиво,—быть можетъ, въ этомъ сказалось вліяніе Вольцогена.

По соединеніи западныхъ армій подъ Смоленскомъ, 25 іюля былъ собранъ военный совѣтъ, на которомъ Толь горячо отстаивалъ свой планъ наступательныхъ дѣйствій. Еще до созыва совѣта Толь подалъ главнокомандующему Барклаю де-Толли записку, въ которой подробно изложена обстановка и планъ перехода обѣихъ армій въ наступленіе, пользуясь разбросанностью отдѣльныхъ частей непріятеля. Для этого слѣдовало, по мнѣнію Толя, наши силы направить по дорогѣ Рудня—Витебскъ для занятія внутренней операціонной линіи и ударить въ лѣвый флангъ праваго крыла французской арміи, чѣмъ можно было заставить его отойти на Могилевъ. Планъ этотъ заключалъ въ себѣ много рискованнаго, вслѣдствіе чего Барклай, обычно осторожный и предусмотрительный, не согласился съ нимъ. Главнокомандующій 1-й западной арміи считалъ необходимымъ предпринять наступленіе, но, очевидно, склонялся болѣе на сторону плана дѣйствій, предложенныхъ его адъютантомъ, барономъ Вольцогеномъ, предлагавшимъ по возможности укрѣпить Смоленскъ и ожидать на этомѣ пунктъ непріятеля. Позицію у Рудни Вольцогенъ считалъ совершенно неудобною и указывалъ, что при движеніи нашихъ армій на Рудню, Наполеонъ направится изъ Порѣчья къ Смоленску и отрѣжетъ нашъ путь отступленія. Въ концѣ-концовъ мнѣніе Толя, поддержанное Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ, княземъ Багратіономъ и нѣкоторыми другими членами совѣта, восторжествовало. Рѣшено было перейти въ наступленіе.

Причины, побудившія насъ къ тому, заключались: во-первыхъ, въ необходимости предупредить сосредоточеніе непрія-

тельскихъ силъ, разобщенныхъ на значительномъ пространствѣ; во-вторыхъ, въ удержаніи непріятеля на мѣстѣ, для довершенія вооруженія внутри имперіи; наконецъ, въ третьихъ, въ томъ, что, при удачѣ нашихъ дѣйствій, война могла принять новый, весьма благопріятный для насъ, оборотъ, а при неудачѣ — мы сохранили бы возможность свободнаго отступленія (Богдановичъ: „Исторія войны 1812 г.“, томъ I-й, стр. 227 и 228).

Но въ тотъ же день вечеромъ генералъ Барклай де-Толли, пригласивъ къ себѣ начальника штаба 2-й арміи, гр. Сенъ-При, и Толя, объявилъ имъ, что онъ предпринялъ наступленіе къ Руднѣ съ тѣмъ, чтобы войска не отдалялись болѣе 3-хъ переходовъ. „Поставленное условіе тотчасъ укладывало все предпріятіе въ узкія рамки, и вообще замѣчанія Барклая предвѣщали до извѣстной степени выполненіе медлительно-робкое и нерѣшительное“, говоритъ Бернгарди.

Во исполненіе принятаго плана Толя, арміи 26 іюля двинулись въ направленіи на Рудню. Не вдаваясь въ подробности, напомнимъ, что у Краснаго, для наблюденія за дорогой на Оршу, остался ген. Невѣровскій съ 27 пѣх. дивизіею, Харьковскимъ драгунскимъ полкомъ и 3-мя казачьими полками, небольшею частью Смоленскаго ополченія подъ начальствомъ ганералъ-маіора Оленина при 14-ти орудіяхъ. Главная квартира перешла въ Приказъ-Выдру. Толь тогда же подробно рекогносцировалъ мѣстность. На другой день 1-я армія должна была продвинуться на Инково, а 2-я армія по сосѣднимъ путямъ въ направленіи на Катань—Рудня до Надвы.

Но въ ночь съ 26-го на 27-ое іюля Барклай де-Толли, получивъ отъ ген.-адъют. бар. Винцингероде извѣстіе о сосредоточеніи значительныхъ силъ противника у Порѣчья, измѣнилъ планъ дѣйствій. Въ цѣляхъ сохраненія сообщенія со Смоленскомъ и опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ Москвы, главнокомандующій 1-ю арміей обратилъ исключительное вниманіе на обезпеченіе себя съ праваго фланга. „Сообразно

этому, 27 іюля (8 августа) часть 1-й арміи (2-й, 4-й и 5-й пѣхотные и 1-й кавалерійскій корпуса) переведена была на Порѣченскую дорогу къ селеніямъ Лаврову и Стабнѣ; остальная часть (3-й и 6-й пѣхотные и 2-й и 3-й кавалерійскіе корпуса), подъ начальствомъ Дохтурова, расположились у Приказъ-Выдры; въ то же время Барклай предложилъ князя Багратіону перевести 2-ю армію фланговымъ маршемъ къ Приказъ-Выдрѣ, гдѣ, по мнѣнію главнокомандующаго, „позиція была выгоднѣе", нежели при Смоленскѣ, и откуда онъ могъ удобнѣе наблюдать за непріятелемъ и подкрѣплять свои аванпосты, будучи, притомъ, ближе къ 1-й арміи и къ отряду въ Красномъ (см. Богдановичъ, стр. 231).

Рѣшеніе, принятое Барклаемъ де-Толли, вполнѣ соотвѣтствовало требованіямъ тогдашней стратегической обстановки. Но ближайшимъ сотрудникамъ и сподвижникамъ дѣйствія его казались загадочными и вызывали неудовольствіе. Хотя Толь не раздѣлялъ взглядовъ Барклая де-Толли, но къ чести его слѣдуетъ сказать, что въ критикѣ дѣйствій главнокомандующаго 1-ою арміей онъ не пошелъ такъ далеко, какъ князь Багратіонъ и нѣкоторые генералы. Быстрое поднятіе по іерархической лѣстницѣ, холодность въ обращеніи съ подчиненными и иностранное имя затмѣвали заслуги безсмертнаго Барклая де-Толли, давая пищу завистливому шопоту объ его измѣнѣ. Планъ Толя вполнѣ соотвѣтствовалъ взглядамъ Барклая де-Толли, но въ своихъ дѣйствіяхъ онъ не былъ самостоятеленъ. Смѣлое наступленіе на Рудню сулило успѣхъ надъ разобщенными частями арміи Наполеона, но надлежало во время остановить войска и продолжать отступленіе вглубь страны. Дальновидный Барклай понималъ, какъ трудно удержать отъ поступательнаго движенія войска, упоенныя первымъ боевымъ успѣхомъ (см. Богдановичъ, т. I, стр. 236, письмо Толя къ князю Волконскому, приложеніе № 9).

Этимъ объясняется отношеніе Барклая де-Толли къ плану Толя о движеніи на Рудню.

Не вдаваясь въ подробности дальнѣйшаго развитія военныхъ дѣйствій, перейдемъ къ участію Толя въ сраженіи подъ Смоленскомъ 4—6 августа 1812 года.

Когда послѣ упорной обороны Смоленска Барклай началъ отступленіе и войска, оборонявшія городъ, стали постепенно сниматься съ занимаемыхъ ими пунктовъ и переходить черезъ Днѣпръ, маршалъ Ней, полагая Петербургскій форштадтъ совершенно очищеннымъ русскими, для его занятія послалъ баталіонъ Виртембергцевъ и двѣ португальскія роты; но въ Петербургскомъ предмѣстьи пылающаго Смоленска въ это время находились еще егеря 20 и 21 полковъ изъ дивизіи генерала Коновницына, оставленные для прикрытія отступленія 4-й пѣхотной дивизіи принца Евгенія Виртембергскаго.

Когда егеря этой бригады (полковника Потемкина) были опрокинуты, Толь ведетъ въ контръ-атаку свѣжій баталіонъ егерей и совмѣстно съ Коновницынымъ организуетъ оборону предмѣстья.

Въ теченіе дня французская легкая кавалерія нѣсколько разъ покушалась перейти въ бродъ черезъ рѣку ниже города, но была опрокинута частями 11-го пѣхотнаго корпуса, подведенными Толемъ.

Диспозиція отступленія I-й западной арміи отъ Смоленска двумя колоннами, составленная Толемъ, предусматривала соединеніе обѣихъ колоннъ (ген. Дохтурова и генералъ-маіора Тучкова 1-го) у Соловьевской переправы. Въ цѣляхъ обезпеченія Московской дороги отъ диверсій со стороны французовъ, Барклай послалъ генералъ-маіора Тучкова 3-го во главѣ особаго авангарда (изъ Ревельскаго пѣх. полка, 20 и 21 Егерскихъ полковъ, Елисаветградскаго гусарскаго и 3-хъ казачьихъ полковъ, 1 конной и 1 пѣшей батареи).

Въ виду важности назначенія, отрядъ Тучкова 3-го высылается въ направленіи на Горбуново за два часа до начала движенія II-й колонны. Толь получаетъ отъ главнокомандующаго приказаніе отправиться къ отряду Тучкова 3-го и дѣй-

ствовать согласно съ обстоятельствами. Предусмотрительность Барклая де-Толли оправдалась послѣдовавшимъ ходомъ событій.

Отрядъ Тучкова 3-го, выступивъ въ 8 час. вечера съ мѣста расположенія у Порѣченской дороги, вслѣдствіе дурныхъ дорогъ, ряда рѣчекъ, ручейковъ, потратилъ 12 часовъ на переходъ менѣе 20 верстъ и только около 8 час. утра 7-го августа вышелъ на большую Московскую дорогу, гдѣ и остановился въ 4-хъ верстахъ отъ перекрестка между деревнями Тапоревщина и Латышино на выгодной высотѣ (журналъ военныхъ дѣйствій I-й Западной арміи, соч. Толемъ, стр. 17—34). Тучковъ 3-й и Толь, произведя рекогносцировку у селенія Валутина-Гора, убѣдились, что непріятель переходитъ въ наступленіе въ направленіи на Московскую дорогу (переправа Жюно у Прудищева).

Благодаря неосторожности кн. Горчакова, не дождавшагося смѣны отъ I-й арміи и ушедшаго къ Соловьевой переправѣ, I-я армія была поставлена въ крайне опасное положеніе. Къ счастью, Толь съумѣлъ избрать удачную позицію за рѣчкой Колодней.

Здѣсь войска удержались до 3 час. дня, когда отошли на позицію за рѣку Страгань. Какъ извѣстно, дѣло, завязанное слабымъ отрядомъ Тучкова 3-го, привело къ кровопролитному сраженію подъ Лубинымъ (у Валутиной-Горы).

А. П. Ермоловъ въ своихъ „Запискахъ“ и Михайловскій-Данилевскій въ своей „Исторіи войны 1812 г.“ умышленно умалчиваютъ о присутствіи ген.-кварт. Толя въ авангардѣ Тучкова 3-го. Между тѣмъ, за отличіе въ дѣлѣ при Валутиной-Горѣ Толь, по представленію главнокомандующаго Барклая де-Толли, награжденъ орденомъ Св. Владиміра 3-й степени (см. прилож. № 7).

Въ дальнѣйшемъ своемъ движеніи I-я армія 9-го августа заняла рядъ позицій при Усвятьѣ за рѣкой Ужей, а II-я армія—у Дорогобужа. Ермоловъ утверждаетъ, что позиція эта избрана Толемъ, но это не вѣрно: позиція была найдена офицерами

квартирмейстерской части, высланными впередъ Барклаемъ де-Толли, одновременно съ позиціей у Царева-Займище. Толь, осматривая позицію, нашелъ за нею нѣкоторыя положительныя стороны: правый флангъ примыкалъ къ Днѣпру, фронтъ прикрывался рѣкой Ужей, въ тылу имѣлись мѣстные предметы, способствующіе прикрытію войскъ. Въ общемъ, позиція у рѣки Ужи могла считаться подходящею для прикрытія оборонительнаго боя. Съ мнѣніемъ Толя согласился главнокомандующій Барклай де-Толли. Возможность обхода лѣваго фланга позиціи Толь предлагалъ парализовать расположеніемъ здѣсь значительной части войскъ въ видѣ резерва. Въ запискахъ Ермолова пространно разсказывается о рѣзкой критикѣ, которой подвергся планъ расположенія при Усвятьѣ во время рекогносцировки позиціи, произведенной главнокомандующими, Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ и корпусными командирами. Странно, что кн. Багратіонъ, все время ратовавшій за принятіе боя здѣсь, категорически высказался противъ.

Онъ находилъ опасною эту, сравительно выгодную, позицію, предполагая возможнымъ обходъ лѣваго фланга.

Толь горячо возражалъ. Кн. Багратіонъ, очевидно, не желая дѣлить лавры съ Барклаемъ де-Толли, требовалъ отхода „на болѣе выгодную, по его мнѣнію, позицію“ у Дорогобужа. Между тѣмъ, позиція у Дорогобужа оказалась никуда не годною (см. Богдановичъ, „Война 1812 г.“, т. II, стр. 115).

Ермоловъ въ своихъ пристрастныхъ „Запискахъ“, къ сожалѣнію, получившихъ большую извѣстность, обвиняетъ во всемъ Толя (см. А. П. Ермоловъ: „Записки о войнѣ 1812 г.“ Лондонъ, 1863 г., стр. 68).

Двойственное поведеніе кн. Багратіона, бракующаго сравнительно выгодную позицію и указывающаго завѣдомо негодную, можно объяснить тою интригой, которая велась въ это время противъ благороднаго главнокомандующаго I-ю арміей Барклая де-Толли. Надо было представить генерала Барклая де-Толли

Суворовъ поздравляетъ К. Ѳ. Толя съ чиномъ капитана за удачную рекогносцировку района крѣпостцы Серавелла.

(См. біографію К. Ѳ. Толя).

Подлинникъ картины находится у графа Е. Н. Толя.

нерѣшительнымъ, робкимъ вождемъ; пущенъ былъ слухъ о его измѣнѣ.

Прямодушный ген. Барклай де-Толли, стоя въ сторонѣ отъ интригъ, служилъ только великому дѣлу защиты своей родины; тѣмъ не менѣе, не оставляя мысли перейти въ наступленіе, онъ 13-го августа поручилъ Толю, совмѣстно съ генералъ-маіоромъ Трузонсономъ (начальникомъ инженеровъ I-й арміи), выбрать позицію, на которой 20—25-ти тысячный корпусъ могъ бы удержаться противъ превосходныхъ силъ непріятеля, предполагая въ то же время перейти въ наступленіе обѣими арміями.

Но у Вязьмы соотвѣтствующей позиціи не оказалось, вслѣдстіе чего арміи отошли къ Царево-Займищу 17-го августа.

Князь Кутузовъ, назначенный главнокомандующимъ, прибылъ туда 29-го августа. На другой день послѣдовалъ рядъ новыхъ назначеній: начальникомъ штаба главнокомандующаго былъ назначенъ графъ Беннигсенъ. Барклай и кн. Багратіонъ остались во главѣ своихъ армій; въ составъ штаба главнокомандующаго, кромѣ Беннигсена, вошли: дежурный генералъ Кайсаровъ, ген.-инт. т. с. Ланской; Толь назначенъ „для порученій при особѣ кн. Кутузова“, продолжая исполнять обязанности генералъ-квартирмейстера арміи (см. „Критику сочиненія Михайловскаго-Данилевскаго, стр. 198 и Bernhardi, т. II, стр. 12).

Согласившись сперва дать сраженіе „великой арміи“ Наполеона на позиціяхъ у Царево-Займище, представлявшей значительныя тактическія выгоды, князь Кутузовъ-Смоленскій неожиданно приказываетъ оставить позицію. То же дѣлается и у Гжатска. Наконецъ, Кутузовъ рѣшаетъ окончательно принять сраженіе на позиціи у Бородина, избранной, по свидѣтельству Бернгарди, генер. штаба полковникомъ Гартингомъ и одобренной Беннигсеномъ. На этой позиціи остановились единственно потому, что не было лучшей до самой Москвы (см. Богдановичъ, т. II, стр. 135). Извѣстный писатель Клаузевицъ указываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ на Толя, какъ на лицо,

избравшее Бородинскую позицію; но это ошибочно, такъ какъ это не подтверждается веденнымъ имъ дневникомъ военныхъ событій 1-й западной арміи въ 1812 г. (см. стр. 17—34).

По предложенію Толя, Кутузовъ приказалъ возвести на большомъ курганѣ у Шевардино сомкнутый пятиугольный редутъ на 12 орудій. Это укрѣпленіе предполагалось занять не столько „для задержанія непріятеля, сколько въ расчетѣ открыть съ этого господствующаго мѣста какъ силу наступающаго противника, такъ и первоначальныя распоряженія“ (T. v. Bernhardi, томъ II, стр. 28).

Во время боя у Шевардино Толь со многими офицерами квартирмейстерской части находился въ редутѣ, наблюдая за развитіемъ боя и намѣреніями противника. Вскорѣ онъ могъ донести, что непріятель направляетъ значительныя силы на правый берегъ Калочи и наступаетъ по старой дорогѣ отъ Гжатска черезъ Ельню.

На господствующей высотѣ впереди дер. Горки Толь, съ согласія фельдмаршала, приказалъ возвести люнетъ на 18 орудій.

Сторонникъ активной обороны, Толь всегда стремился использовать переходъ въ наступленіе. Руководясь этими соображеніями, онъ предложилъ главнокомандующему скрыть часть войскъ за Утицей въ лѣсу, откуда этотъ отрядъ могъ въ рѣшительный моментъ неожиданно выйти и нанести непріятелю, ведущему наступленіе на лѣвый флангъ нашего расположенія, ударъ во фланги и тылъ. Кн. Кутузовъ, согласившись съ этими доводами, приказалъ полковнику Толю расположить здѣсь 3-й пѣхотный корпусъ Тучкова 1-го, переведя его изъ общаго резерва.

Но такъ какъ объ этомъ распоряженіи не былъ увѣдомленъ начальникъ штаба гр. Беннигсенъ, а также о цѣляхъ такового распоряженія ничего не зналъ и генералъ Тучковъ 1-й, то послѣ отъѣзда полковника Толя произошло все наоборотъ. Генералъ Беннигсенъ, проѣзжая мимо д. Утицы, приказалъ командиру 3-го корпуса выдвинуться впередъ и встать на одну

линію съ егерями кн. Шаховскаго, занимавшими кусты лѣвѣе флешей. Благодаря этому корпусъ генерала Тучкова 1-го подвергся сильному артиллерійскому огню, а также атакамъ непріятеля, и понесъ жестокія потери. Ген. Тучковъ, какъ извѣстно, былъ убитъ.

Въ разгаръ Бородинскаго боя, когда былъ смертельно раненъ главнокомандующій II-й арміей кн. Багратіонъ, когда флеши у д. Семеновской грозили быть захваченными непріятелемъ, фельдмаршалъ посылаетъ полковника Толя въ угрожаемые пункты со словами: „Карлъ, что ты скажешь — я исполняю". (Bernhardi, томъ II, стр. 78).

Толь, быстро разбираясь въ измѣнчивыхъ условіяхъ горячей битвы, является на лѣвомъ крылѣ нашего расположенія тою руководящею рукой, безъ которой, несомнѣнно, положеніе наше привело бы къ трагическому концу и, пользуясь властью, данною ему фельдмаршаломъ, дѣйствовалъ подобно Барклаю де-Толли на правомъ крылѣ нашего расположенія.

Объѣзжая поле сраженія, Толь вернулся къ кн. Кутузову и настоялъ на отправленіи 1-ой кирасирской дивизіи на лѣвый флангъ и затѣмъ, вскорѣ послѣ этого, находясь близь бат. Раевскаго и видя опасность положенія, по собственной иниціативѣ спѣшитъ къ дивизіи № 4 принца Евгенія Виртембергскаго, слѣдующей на лѣвый флангъ и, встрѣтивъ ее близъ Князьково, ведетъ ее на выручку батареи, которая была уже спасена ген. Ермоловымъ. Тогда, по приказанію Барклая дивизія принца Евгенія Виртембергскаго располагается влѣво отъ курганной батареи.

Какъ извѣстно, Платовъ со своими казаками, находясь на лѣвомъ флангѣ нашего расположенія, обнаружилъ слабость лѣваго крыла французскихъ силъ. У Платова созрѣла мысль внезапнымъ обходнымъ движеніемъ черезъ р. Калочу нанести значительный ущербъ противнику. Посланный атаманомъ принцъ Гессенъ-Филипстальскій обратился сперва къ Толю. Послѣдній, быстро разобравшись въ обстановкѣ, увидѣлъ, что этимъ на-

паденіемъ можно отвлечь значительныя силы противника отъ рѣшительнаго пункта атаки, исходатайствовалъ у фельдмаршала разрѣшеніе ввести въ дѣло для предположеннаго обходнаго движенія весь 1-й кавалерійскій корпусъ (2.500 чел. ген. Уварова).

Эта операція, несмотря на нѣкоторыя ошибки Уварова и Платова, принесла нѣкоторую пользу, заставя Императора Наполеона I потерять время въ бездѣйствіи и тѣмъ дать возможность усилить нашъ центръ войсками съ праваго фланга и изъ резерва. Тѣмъ не менѣе, по словамъ Толя, большого значенія этотъ эпизодъ на общій ходъ сраженія не имѣлъ (см. „Критику сочиненія Мих.-Данилевскаго, стр. 215).

Другою важною заслугой Толя является правильная оцѣнка состоянія и расположенія второй арміи, а также всего лѣваго крыла нашихъ силъ въ концѣ дня сраженія подъ Бородинымъ. Объѣхавъ вдоль линіи эти войска, видя ихъ разстройство и вернувшись къ фельдмаршалу (въ мызу Татариново), своими доводами онъ склонилъ послѣдняго отмѣнить рѣшеніе — на утро снова дать сраженіе Наполеоновской арміи. Это рѣшеніе спасло Россію и приготовило въ недалекомъ будущемъ гибель смѣлому завоевателю.

Изъ вышеизложеннаго ясно, что во всѣхъ стадіяхъ операцій Шевардино—Бородино Толь принималъ дѣятельное участіе и оказалъ выдающіяся услуги государству. Имя полковника Толя тѣсно связано со всѣми перипетіями „великой битвы подъ Москвою“ и одно это уже дѣлаетъ его безсмертнымъ.

1-го сентября русская армія расположилась на позиціи въ двухъ верстахъ передъ Москвой. Здѣсь предположено было принять рѣшительное сраженіе. Но большинство главныхъ начальниковъ и въ ихъ числѣ и кн. Барклай де-Толли, Ермоловъ и Толь, произведя рекогносцировку позиціи, избранной гр. Беннигсеномъ, нашли ее мало пригодною.

Но главнокомандующій кн. Кутузовъ-Смоленскій не рѣшается, не выслушавъ мнѣнія главныхъ военачальниковъ, оста-

вить столицу противнику безъ сраженія, а потому созываетъ 1-го сентября, въ 5 часовъ дня, военный совѣтъ. Вопросъ о судьбѣ Москвы рѣшался въ простой крестьянской избѣ д. Фили, куда по требованію фельдмаршала немедленно прибыли: Барклай де-Толли, Дохтуровъ, Уваровъ, гр. Остерманъ-Толстой, Коновницынъ, Ермоловъ, Кайсаровъ, нѣсколько позже прибылъ Толь, задержанный исполненіемъ порученія—осмотрѣть позицію. Вслѣдъ за Толемъ прибылъ ген. Раевскій, а около 6 час. явился и ген. Беннигсенъ. Послѣдній защищалъ на совѣтѣ не столько избранную имъ позицію, непригодность которой стала всѣмъ очевидна послѣ собранныхъ рекогносцировкой Барклай де-Толли, Ермолова и Толя свѣдѣній, какъ самую мысль о необходимости защищать Москву. Толь, признавая всѣ невыгоды позиціи и соглашаясь съ доводами ген. Барклая де-Толли, предложилъ занять другую позицію: правымъ крыломъ къ д. Воробьевой, а лѣвымъ—къ новой Калужской дорогѣ въ направленіи между деревнями Шатиловой и Вороновой, сохраняя за собой путь отступленія на старую Калужскую дорогу. Предложеніе Толя не было принято, да и самъ онъ предложилъ ее только въ противовѣсъ плану ген. Беннигсена. Какъ извѣстно, фельдмаршалъ, выслушавъ мнѣніе всѣхъ членовъ совѣта, сказалъ: „Съ потерей Москвы еще не потеряна Россія....“—и приказалъ отступать по дорогѣ на Рязань.

Затѣмъ, послѣ выступленія французовъ изъ Москвы, по плану Толя были открыты дѣйствія въ тылу противника и съ непріятельскаго фланга, а 9 сентября высланъ отрядъ ген.-маіора Дорохова для наблюденія за противникомъ со стороны новой Калужской дороги (см. Bernhardi, т. II, стр. 178).

14 сентября Толь, на совѣщаніи, собранномъ фельдмаршаломъ, провелъ планъ расположенія русской арміи на позиціи у Тарутино (см. Богдановичъ: „Исторія войны 1812 г.“, т. II, стр. 250—251) и воспользовался наступившимъ періодомъ затишья для тщательнаго изученія расположенія французской арміи. Ежедневно лично производя рекогносцировки, Карлъ Федоро-

вичъ вскорѣ пришелъ къ выводу, что авангардъ французской арміи (подъ начальствомъ Мюрата), расположенный у рѣчки Чернышнѣ, можно легко разбить. Представленный Толемъ планъ нападенія на войска Мюрата былъ сочувственно встрѣченъ большинствомъ генераловъ главной квартиры. Колебавшійся вначалѣ князь Кутузовъ, вскорѣ согласился съ доводами Толя и назначилъ генерала Беннигсена начальникомъ войскъ, получившихъ задачу обойти непріятельскую позицію у р. Чернышнѣ.

Самъ фельдмаршалъ сталъ во главѣ войскъ, назначенныхъ для атаки съ фронта. Диспозиція была составлена Толемъ; но благодаря тому, что она не могла быть вручена ген.-маіору Ермолову своевременно въ виду его отсутствія, этотъ планъ не былъ выполненъ въ точности и самая операція получила другой характеръ. Но Толь проявилъ во время дѣйствій подъ Тарутинымъ много находчивости, энергіи, не говоря уже объ обычной храбрости. Онъ нѣсколько разъ лично водитъ колонны въ бой, вступаетъ въ горячій споръ съ храбрымъ ген. Багговутомъ и все время руководитъ дѣйствіями передовыхъ войскъ, за что получилъ орденъ Св. Анны I-й ст. при особомъ рескриптѣ... лишь 6 лѣтъ послѣ Тарутинскаго боя (см. прил. 8 и „Критику сочиненія Мих.-Данилевскаго, стр. 221, примѣч.).

Диспозиція сраженія 6 ноября подъ Краснымъ была составлена Толемъ (см. Богдановичъ, томъ II, стр. 121), при чемъ Богдановичъ добавляетъ: „Если бы эти распоряженія (согласно диспозиціи) были исполнены, то, по всей вѣроятности, Наполеону не удалось бы пробиться на Оршу, что заставило бы его кинуться съ большой дороги вправо, гдѣ у него не было никакихъ средствъ для устройства переправы на Днѣпрѣ. Въ такихъ обстоятельствахъ онъ могъ спастись только съ небольшою частью своихъ войскъ и французская армія была бы совершенно уничтожена“.

Въ слѣдующихъ операціяхъ нашей арміи Толь принимаетъ самое дѣятельное участіе, являясь во многихъ случаяхъ иниціаторомъ крупныхъ военныхъ предпріятій, въ другихъ ему

принадлежитъ роль вдохновителя, при чемъ ему приходилось напрягать всю силу своей энергіи, чтобы побороть нерѣшительность фельдмаршала. И, несмотря на побочныя вліянія, Карлу Федоровичу удавалось проводить планы большого значенія.

Михайловскій-Данилевскій, замалчивая въ своей „Исторіи похода 1812-го года“ заслуги Толя, какъ, напримѣръ, при Тарутинѣ (см. „Критику сочиненія Мих.-Данилевскаго“, стр. 220), тѣмъ не менѣе, въ своей краткой о немъ біографіи говоритъ: „Фланговый маршъ съ Рязанской дороги на Калужскую и на Малоярославецъ, подъ Тарутинымъ, Вязьмой, Краснымъ, параллельное преслѣдованіе непріятеля большею частью обязаны ему, т. е. Толю“.

Непосредственный начальникъ Толя, ген.-фельдм. князь Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій въ одномъ изъ своихъ донесеній Государю Императору писалъ: „Всѣ виды, мнѣнія и предположенія Толя, внушаемыя чистымъ усердіемъ и отмѣнными дарованіями, столь полезны, что я возымѣлъ къ нему совершенную довѣренность. Побуждаемый справедливостью, осмѣливаюсь испрашивать у Вашего Императорскаго Величества ему орденъ Св. Георгія 4 класса и чинъ Генералъ-Маіора, съ утвержденіемъ его въ званіи Генералъ-Квартирмейстера; „первое послужитъ къ усугубленію усердія его и къ возвышенію извѣстныхъ Вашему Величеству способностей его, а послѣднее для пользы арміи“ (см. Михайловскій-Данилевскій: „Императоръ Александръ I-й и его сподвижники въ 1812—1815 гг.“, т. II, СПБ. 1845 г., гр. Толь). Испрашиваемыя главнокомандующимъ русской арміей награды были получены Толемъ.

Кампанія 1813 г. еще болѣе выдвинула ген.-м. К. Ф. Толя. Занимая должность генералъ-квартирмейстера главнаго штаба Его Величества, Карлъ Федоровичъ принималъ непосредственное участіе во всѣхъ совѣщаніяхъ, касавшихся военныхъ дѣйствій, и участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Люценомъ и Бауценомъ.

За сраженіе подъ Бауценомъ Толь былъ награжденъ Прусскимъ орденомъ Краснаго Орла первой стапени, а во время майскаго перемирія былъ посланъ къ австрійскому фельдмаршалу, кн. Шзарценбергу, для выработки условій предстоявшихъ военныхъ дѣйствій союзной арміи. На строгаго кн. Шварценберга Толь произвелъ прекрасное впечатлѣніе. Черезъ три недѣли К. Ф. сопровождалъ Императора Александра I-го въ Трахенбергъ и здѣсь былъ принятъ выработанный имъ операціонный планъ, приведшій къ побѣдамъ арміи союзныхъ Государей.

Императоръ Александръ I-й въ слѣдующихъ выраженіяхъ благодарилъ ген.-кварт. Толя по окончаніи засѣданія: „Благодарю тебя, Карлъ Федоровичъ, за столь основательно обдуманный тобою планъ. Плодами его будетъ вѣрный успѣхъ къ упроченію славы нашего оружія“.

Успѣхъ сраженія подъ Кульмомъ тоже слѣдуетъ признать одною изъ заслугъ Толя. Когда 17-го августа Императоръ Александръ I-й рѣшилъ атаковать корпусъ Вандама, расположенный подъ Кульмомъ, Толь нѣсколько разъ посылается Государемъ для ускоренія движенія войскъ. Ему же довѣряется передача ген. Барклаю де-Толли плана нападенія. На другой день ген.-кварт. Толь открылъ славное Кульмское сраженіе, поведя лично Чугуевскихъ уланъ въ атаку на лѣвое крыло французовъ.

Послѣ побѣды Толь рѣшительно противился дальнѣйшему преслѣдованію Вандама, и событія показали правильность этого взгляда. Орденъ Св. Владиміра 2-й ст. и командорскій крестъ австрійскаго ордена Леопольда—вотъ награды за подвиги подъ Кульмомъ.

Согласно статуту, орденъ Леопольда и командорскій крестъ этого ордена возвелъ ген.-квартирм. ген.-м. К. Ф. Толя въ баронское Австрійской Имперіи достоинство. Императоръ Александръ I-й вскорѣ утвердилъ этотъ титулъ за Карломъ Федоровичемъ.

Часовня, въ которой погребенъ гр. К. Ѳ. Толь,
въ имѣніи „Аррокюль", Эстляндской губерніи.

Во время битвы подъ Лейпцигомъ ген.-м. Толь состоялъ при австрійскомъ корпусѣ ген. Кленау. Съ обычною энергіей К. Ф. помогалъ австрійскому генералу не только совѣтами, но и неоднократно водилъ въ атаку войска. Кромѣ того, онъ руководилъ дѣйствіями артиллеріи и, на свой рискъ остановивъ отрядъ гр. Платова, шедшій къ польской арміи, обезпечилъ имъ австрійскій корпусъ. Посланный въ концѣ военныхъ операцій подъ Лейпцигомъ для переговоровъ съ Саксонскимъ Королемъ, ген. Толь склонилъ войска Рейнскаго союза, расположенныя на площади г. Лейпцига, перейти на сторону Русскихъ и Пруссаковъ.

Послѣ изгнанія войскъ императора Наполеона I изъ Германіи, во Франкфуртѣ-на-Майнѣ происходили совѣщанія. Здѣсь рѣшался вопросъ: мириться-ли съ Наполеномъ, или пользоваться нашими успѣхами и внести оружіе во Францію. Толь присутствовалъ на всѣхъ совѣщаніяхъ о великомъ вопросѣ, и согласно волѣ Императора Александра, настаивалъ на немедленномъ переходѣ за Рейнъ, выдерживая продолжительныя и жаркія пренія со многими именитыми генералами“ (см. „Сподвижники Императора Александра I-го“, т. II, гр. К. Ф. Толь, соч. Михайловскаго-Данилевскаго).

За Лейпцигъ бар. Толь пожалованъ чиномъ генералъ-лейтенанта.

Въ 1814 г. ген.-лейт. бар. Толь участвовалъ во всѣхъ совѣщаніяхъ, происходившихъ подъ предсѣдательствомъ Императора Александра I-го и къ голосу его прислушивались военные дѣятели того времени.

При вступленіи союзныхъ войскъ во Францію Толь находился при князѣ Шварценбергѣ. За Гаріенское сраженіе награжденъ орденомъ Маріи-Терезіи малаго креста, послѣ чего назначенъ состоять при наслѣдномъ принцѣ Виртембергскомъ, съ которымъ былъ въ сраженіяхъ при дер. Фантештѣ, Баръ-сюръ-Обѣ и принималъ участіе въ преслѣдованіи ген. Макдональда; пожалованъ командоромъ военнаго Виртембергскаго

ордена. Затѣмъ съ главною арміей находился въ сраженіяхъ при Арсисѣ Феръ-Шампенуазѣ, Беавилѣ и Монмартрѣ.

Главнѣйшею заслугой К. Ф. слѣдуетъ признать проведеніе имъ плана движенія союзной арміи на Парижъ, заставившей императора Наполеона I-го отказаться отъ престола Франціи.

Войны 1813 и 1814 гг. выдвинули ген.-лейт. Толя и сдѣлали его имя извѣстнымъ въ военныхъ кругахъ западной Европы.

Во время кампаніи 1815 г. ген.-лейт. Толь, состоя генералъ-квартирмейстеромъ штаба Его Величества, посланъ былъ Императоромъ Александромъ I къ фельдмаршаламъ: герцогу Веллингтону и кн. Блюхеру—для сообщенія имъ плана военныхъ дѣйствій, составленныхъ Толемъ и утвержденныхъ въ Гейдельбергѣ Императоромъ Александромъ I.

Неоднократно негласно руководя дѣйствіями союзной русско-австрійской арміи, ген. Толь вернулся въ Россію съ обширнымъ боевымъ опытомъ талантливаго стратега. Сравнительная молодость Карла Федоровича (38 лѣтъ) сулила ему блестящую будущность.

Въ 1823 г. ген.-лейт. бар. Толь пожалованъ въ генералъ-адъютанты съ назначеніемъ начальникомъ штаба I-й арміи. Эту должность онъ занималъ въ продолженіе шести лѣтъ, когда получилъ орденъ Св. Александра Невскаго. Во время декабрскаго военнаго мятежа 1825 г. въ С.-Петербургѣ Толь своими совѣтами (см. „Журналъ генералъ-адъютанта К. Ф. Толя о Декабрскихъ событіяхъ 1825 года“, изданіе и редакція гр. Е. Н. Толя), поддержалъ Императора Николая I-го въ рѣшительную минуту. Награжденный въ день восшествія Императора Николая I-го чиномъ ген.-отъ-инф., Толь во время войны 1828—1829 гг. состоялъ начальникомъ штаба арміи гр. Дибича-Забалканскаго. Дибичъ, соглашаясь съ желаніемъ Государя, принялъ на эту должность (начальника штаба дѣйствующей арміи) своего бывшаго соперника по службѣ въ квартирмейстерской части, ген.-адъют. Толя, который былъ старше Дибича

и лѣтами и службою, имѣлъ въ своемъ прошломъ много славныхъ воспоминаній и боевой практики, могъ самъ быть кандидатомъ на должность главнокомандующаго и, тѣмъ не менѣе, съ замѣчательнымъ самопожертвованіемъ принялъ должность начальника штаба 2-й арміи и на первыхъ же порахъ сталъ въ отношеніе полной подчиненности къ Дибичу. Дибичъ, въ свою очередь, за все время кампаніи не могъ нахвалиться Толемъ и исходатайствовалъ ему самъ графское достоинство (за побѣду при Кулевчѣ) и орденъ Св. Георгія 2-й ст. Ходатайствуя о послѣдней наградѣ, Дибичъ писалъ, что Толь „былъ всегда и вездѣ его первымъ помощникомъ и лучшимъ другомъ, который, принеся свое самолюбіе въ жертву долгу службы, выполнилъ ее самымъ благороднымъ образомъ“. (См. „Столѣтіе воен. министерства“. Историч. очеркъ генер. штаба, составл. П. А. Гейсманомъ, стр. 56). За успѣшныя дѣйствія противъ турокъ Толь былъ, кромѣ того, награжденъ орденомъ Св. Владиміра I-й степени и назначенъ шефомъ 20-го Егерскаго полка, а въ февралѣ 1830 года назначенъ былъ членомъ Государственнаго Совѣта. Вспыхнувшее въ 1831 г. возстаніе въ Польшѣ снова вызвало гр. Толя на театръ военныхъ дѣйствій и снова онъ занялъ должность начальника штаба арміи. Прекрасную оцѣнку его дѣятельности въ кампаніи 1831 г. даетъ ген. П. А. Гейсманъ въ вышеупомянутомъ своемъ трудѣ (стр. 112—113), вслѣдствіе чего мы позволяемъ себѣ привести ее здѣсь:

„Въ 1831 г. въ высшей степени рельефно выступаетъ энергичный характеръ начальника штаба арміи, графа Толя, который какъ бы старается восполнить недостатки главнокомандующихъ и котораго цѣнитъ по достоинству и самъ первый главнокомандующій“.

За успѣшныя дѣйствія подъ Прагой (командуя 36 эскадронами при 40 орудіяхъ, сбилъ съ позиціи и обратилъ въ бѣгство противника) и подъ Остроленкою (удачнымъ расположеніемъ батареи изъ 34 орудій на лѣвомъ берегу Нарева спо-

собствовалъ пораженію поляковъ), а также за сраженіе подъ Гроховымъ Толь награжденъ орденомъ Бѣлаго Орла.

Назначеніе главнокомандующимъ гр. Паскевича не могло не задѣть самолюбія Толя, который, по своей прежней службѣ, могъ надѣяться, что на него будетъ возложено окончаніе кампаніи. Въ теченіе своего временнаго командованія арміей онъ вполнѣ разработалъ новый операціонный планъ, собравъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ свѣдѣнія, необходимыя для движенія арміи къ нижней Вислѣ и передалъ преемнику Дибича армію въ самомъ отличномъ состояніи.

Послѣ штурма Варшавы, успѣхъ котораго составляетъ признанную военными историками заслугу Толя, графъ Паскевичъ-Эриванскій позволилъ себѣ передѣлать реляцію полковника Чевкина и составить такую, въ которой дѣятельность гр. Толя изображена, какъ скромная исполнительность предначертаній фельдмаршала. Неудивительно, что гр. Толь уѣхалъ изъ арміи, считая себя обиженнымъ послѣ того, какъ Высочайшій манифестъ войскамъ, взявшимъ Варшаву, обошелъ молчаніемъ его дѣятельность въ этомъ событіи. Лишь впослѣдствіи, 21 сентября 1831 года, когда стало извѣстно, какая выдающаяся роль выпала на долю его при взятіи Варшавы, онъ былъ награжденъ знаками ордена Андрея Первозваннаго.

Изъ вышеизложеннаго случая видно, что Паскевичъ старался уменьшить заслуги Толя, но судъ исторіи за нимъ не послѣдовалъ и призналъ, что во второй періодъ кампаніи, при Паскевичѣ, онѣ были еще болѣе существенны, чѣмъ въ первый періодъ, при Дибичѣ (см. „Столѣтіе воен. минист.“ Истор. очеркъ генеральнаго штаба, составл. П. А. Гейсманомъ, стр. 112—113).

До 1833 г. гр. К. Ф. Толь жилъ какъ бы въ опалѣ въ своемъ имѣніи Аррокюль (Эстл. губ.). Призванный въ этомъ году на постъ главноуправляющаго путями сообщеній, онъ на этомъ новомъ поприщѣ государственной дѣятельности принесъ много пользы.

Въ виду послѣдовавшаго въ половинѣ того же года при-

соединенія къ вѣдомству путей сообщенія управленія всѣми гражданскими публичными зданіями, кругъ его обязанностей сталъ значительно шире, чѣмъ у его предшественниковъ по должности главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями. Но такъ какъ административныя средства остались прежнія, то для успѣшнаго исполненія работъ требовалось тщательное ознакомленіе съ бюрократическою машиной вѣдомства и немедленное исправленіе замѣченныхъ недочетовъ. Старый воинъ, показавшій себя въ многочисленныхъ походахъ смѣлымъ вождемъ и отличнымъ стратегомъ, приступилъ къ преобразованію Высочайше ввѣреннаго ему управленія путей сообщенія со свойственною ему энергіей, рѣдкимъ терпѣніемъ и осторожностью. Прежде всего, графъ Толь взялся за Главное Управленіе Путей Сообщенія. Онъ преобразовалъ Департаментъ Путей Сообщенія, отдѣливъ отъ него Контрольную часть, учредилъ особую Ревизіонную Комиссію и усилилъ вліяніе Комиссіи проектовъ и смѣтъ. Перечисленныя мѣры, проведенныя графомъ Толемъ въ первые три года управленія имъ путейскимъ вѣдомствомъ, дали блестящіе результаты и прежде всего отразились на быстротѣ работъ всѣхъ чиновъ управленія. Ежегодно объѣзжая округа своего вѣдомства, гр. Толь убѣдился въ необходимости коренной ломки ихъ управленія. Составленный имъ проектъ реформъ окружныхъ управленій и мѣстныхъ учрежденій путейскаго вѣдомства, по Высочайшемъ его утвержденіи, былъ проведенъ имъ „безъ потрясенія не только цѣлаго механизма управленія, но и самаго благосостоянія служащихъ“.

Изъ мѣръ въ этомъ направленіи слѣдуетъ отмѣтить: новое раздѣленіе Россійской Имперіи на округа путей Сообщенія, установленіе во главѣ каждаго округа коллегіальнаго правленія (сосредоточеніе мѣстной власти и отвѣтственности), установленіе болѣе строгаго надзора за начальниками округовъ. Далѣе замѣчательны заботы графа о развитіи рѣчного судоходства, законъ о бичевникахъ и пристаняхъ Имперіи (и по-

стройка цѣлой сѣти шоссе) отъ С.-Петербурга къ западной границѣ, отъ Москвы къ промышленнымъ городамъ, шоссейныя дороги вокругъ Риги и Кіева, и т. д.). Одновременно начата была работа по улучшенію водяныхъ путей сообщенія (на Ладожскомъ, Тихвинскомъ и Маріинскомъ каналахъ и на Вышневолоцкой водной системѣ), дано нѣсколько другое направленіе теченію р. Цны и уничтожена часть пороговъ на Днѣпрѣ. Всѣ эти работы велись усиленнымъ темпомъ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ главноуправляющаго.

Нѣкоторые историки упрекаютъ гр. Толя въ несочувствіи развитію въ Россіи сѣти желѣзныхъ дорогъ. Это несправедливо: онъ понималъ значеніе желѣзныхъ дорогъ для развитія промышленности и торговли страны и въ этомъ смыслѣ составленныя имъ Всеподданѣйшія записки (Меморіалъ гр. Толя о жел. дор.) представлены были имъ Императору Николаю I-му.

Труды Карла Федоровича высоко цѣнились Императоромъ, пожаловавшемъ ему: въ 1835 г. брилліантовые знаки ордена Св. Андрея Первозваннаго, въ 1836 г.—староство Уньовъ (Калишской губ. Царства Польскаго), какъ маіоратъ рода гр. Толь, а въ 1839 г.—лестный Высочайшій рескриптъ.

Тревоги боевой и походной жизни, усиленные труды по управленію вѣдомствомъ путей сообщеній надорвали его здоровье, и въ 1839 г. ген.-адъют. гр. Толя постигъ нервный ударъ. Въ 1842 г., послѣ вторичнаго удара, онъ 23-го апрѣля скончался.

Замѣчательно, что смерть постигла графа именно въ день Св. Георгія Побѣдоносца, столь часто покровительствовавшаго ему на полѣ брани. Похороненъ онъ въ имѣніи Аррокюль, Эстл. губ. Одинъ изъ младшихъ его современниковъ, графъ М. А. Корфъ, въ своихъ запискахъ такъ характеризуетъ Толя (см. „Русская Старина“, 1899 годъ, сентябрь, стр. 511):

„Наружность графа Толя очень мало обѣщала. Невысокаго роста, но плечистый и ширококостный, такъ что казался довольно объемистымъ; съ лицомъ, хотя не безобразнымъ, однако очень простымъ, ко-

торое оживлялъ лишь огненный его взглядъ; въ полурыжемъ гладкомъ парикѣ, который онъ снялъ только послѣ поразившаго его въ 1839 году апоплексическаго удара; наконецъ, съ ухватками и пріемами, заимствованными нѣсколько отъ стариннаго хвастовства, ничто въ его фигурѣ не намекало на что-нибудь геніальное. Между тѣмъ всѣ, слѣдившіе за его военнымъ поприщемъ, всѣ, видѣвшіе его на полѣ сраженія, единогласно называли его однимъ изъ первостепенныхъ полководцевъ нашего вѣка. При львиной личной храбрости, онъ былъ отличный стратегикъ, обладалъ огромными свѣдѣніями тактическими и имѣлъ весь огонь, весь геній истиннаго военачальника...". „...Вспыльчивый до бѣшенства въ обычной жизни, онъ, въ началѣ дѣла, становился вдругъ ледовито-хладнокровнымъ, и это хладнокровіе не оставляло уже его ни на минуту во все продолженіе сраженія; но съ послѣднимъ пушечнымъ выстрѣломъ возвращалась къ нему опять и вся запальчивая его горячность".

Мы далеки отъ мысли создавать идеальный образъ изъ этого выдающагося человѣка. Прямой и благородный и истинный рыцарь, какъ назвалъ его Императоръ Николай I, Карлъ Федоровичъ обладалъ тяжелымъ характеромъ, гордымъ самолюбіемъ, вспыльчивостью, благодаря которымъ онъ часто невольно противорѣчилъ вліятельнымъ лицамъ того времени. Но онъ безусловно былъ однимъ изъ наиболѣе образованныхъ офицеровъ русской арміи, обладавшій несомнѣнными дарованіями и обширнымъ боевымъ опытомъ, что дѣлало его необходимымъ работникомъ въ штабѣ арміи.

Военныя дарованія Толя, получивъ заслуженную оцѣнку въ сочиненіяхъ такихъ авторитетовъ военной науки, какъ Клаузевицъ и другіе современные ему извѣстные военачальники той эпохи, возбудили дань признательнаго уваженія со стороны геніальнаго нашего поэта А. С. Пушкина и партизана писателя Дениса-Давыдова (см. прилож. №№ 10 и 11). К. Ф былъ искреннимъ поклонникомъ таланта фельдмаршала Кутузова-Смоленскаго. Еще при жизни перваго была сдѣлана попытка въ заграничной печати умалить и даже совершенно опровергнуть заслуги князя Кутузова и приписать весь успѣхъ русскаго оружія Толю; но великодушный и глубоко преданный

своему отечеству, онъ самъ опровергаетъ это мнѣніе въ письмѣ къ сенатору Бутурлину (см. прилож. № 12).

Итакъ, воспитанникъ сухопутнаго кадетскаго корпуса, русскій сердцемъ и привычками, Толь былъ безусловно однимъ изъ усерднѣйшихъ и даровитѣйшихъ дѣятелей на военномъ поприщѣ того времени. Извѣстный историкъ Михайловскій-Данилевскій, котораго уже никакъ нельзя заподозрить въ особой симпатіи къ Карлу Федоровичу, говоритъ въ своей краткой о немъ біографіи:

„Даже оставляя въ сторонѣ другія, оказанныя имъ услуги и принимая во вниманіе только двѣ главныя его (Толя) идеи: фланговый маршъ съ Рязанской на Калужскую дорогу въ 1812 г. и движеніе на Парижъ въ 1814 г.,—то все это даетъ право поставить его въ одинъ уровень съ лучшими полководцами той эпохи“ *).

*) См. T. v. Bernhardi, „Toll's Denkwürdigkeiten“. B. IV, Beilagen.

Памятникъ на могилѣ графа К. Ѳ. ТОЛЯ.

Планъ войны,

составленный полковникомъ К. Ѳ. Толь
въ 1812 году.

ПЛАНЪ ВОЙНЫ,

составленный полковникомъ Толь и представленный Императору Александру I ген.-адъют. княземъ П. М. Волконскимъ въ г. Вильно 29 Апрѣля 1812 г.

Военныя приготовленія со стороны Россіи и ополченія ея, на разныхъ пунктахъ, предвѣщаютъ неизбѣжную войну между ею и Франціею.

Теперешнее расположеніе войскъ россійскихъ вдоль по западной границѣ, начиная отъ окрестностей Шавли до окрестностей Луцка, заключающее въ себѣ около 800 верстъ разстоянія, и разные магазины, на семъ пространствѣ учрежденные, подаютъ поводъ заключить, что сіе размѣщеніе имѣетъ предметъ одну только удобность къ продовольствію армій нашихъ; но не есть выгоднѣйшее положеніе для веденія военныхъ дѣйствій, ибо разстояніе отъ одной арміи до другой такъ пространно (хотя между арміями находится обсерваціонный корпусъ г.-л. Эссена), что непріятель, вознамѣрившійся начать военныя дѣйствія, сосредоточивъ главныя свои силы при Варшавѣ (имѣя притомъ два боковыхъ корпуса), можетъ взять внутреннюю операціонную линію, и, прекративъ чрезъ то всякое сношеніе между арміями, разбить порознь каждую, будучи въ превосходныхъ противу ихъ силахъ.

Не нужно мнѣ изъяснять о томъ, сколь выгодна наступательная война; но къ сожалѣнію моему я долженъ замѣтить, что благопріятное время къ наступательнымъ дѣйствіямъ для насъ миновало: во-первыхъ, потому, что французы успѣли прекратить всѣ способы продовольствія въ краѣ, заключающемся

между границею россійскою и Вислою, и перевезти весь провіантъ и фуражъ въ укрѣпленныя мѣста по Вислѣ и за Вислою лежащія, какъ-то: Варшаву, Модлинъ, Торнъ, Грауденцъ, Маріенвердеръ и Данцигъ, снабдя и кр. Замосцъ вновь устроенную; во-вторыхъ, потому, что они успѣли собраться въ силахъ около 220,000 человѣкъ, могущихъ соединиться въ превосходномъ числѣ противъ одной изъ нашихъ армій, долженствующихъ дѣйствовать, по нынѣшнему расположенію, на двухъ операціонныхъ линіяхъ, именно: отъ Вильны чрезъ Гродно на Варшаву, и отъ Луцка чрезъ Владиміръ на Варшаву. Сообразивъ сіе, я полагаю, что не остается намъ иного средства, какъ только вести, на первый случай, войну оборонительную, и для того намѣренъ я начертать слѣдующій планъ операціямъ.

Новое размѣщеніе армій передъ начатіемъ военныхъ дѣйствій.

Нынѣшнее положеніе армій имѣетъ тѣ выгоды, что непріятель не можетъ угадать настоящаго плана нашихъ операцій, и вѣроятно, что онъ, основываясь на теперешнемъ растянутомъ размѣщеніи войскъ нашихъ, соберетъ главныя силы (la masse des ses forces), въ числѣ 160,000, въ окрестностяхъ Варшавы, откуда, ближайшею и выгоднѣйшею для него операціонною линіею, начнетъ дѣйствовать на Брестъ-Литовскій или на Брянскъ, Слонимъ и далѣе, и симъ движеніемъ принудивъ къ отступленію 6-й корпусъ генералъ-лейтенанта Эссена, прекратить чрезъ то всякое сношеніе между первою и второю Западными арміями. Для предупрежденія пагубныхъ слѣдствій, которымъ будутъ тогда подвержены обѣ арміи, необходимо нужно сблизить ихъ слѣдующимъ порядкомъ:

1-й корпусъ генералъ-лейтенанта графа Витгенштейна, въ числѣ 18,000 человѣкъ, перевести изъ окрестностей города Ковна. Предметъ сего корпуса есть наблюденіе движеній непріятельскихъ вдоль по Нѣману и прикрытіе Литвы своимъ положеніемъ, равно и стараніе объ уничтоженіи всякаго не-

пріятельскаго покушенія на Курляндію (буде онъ рѣшится, по переправѣ его черезъ Нѣманъ идти на Либаву или Митаву), дѣйствуя на сообщенія его съ Нѣманомъ.

Первая Западная армія, состоящая изъ 2-го, 3-го, 4-го и 5-го корпусовъ и 1-го и 2-го резервныхъ кавалерійскихъ корпусовъ всего 80,000 человѣкъ войска, выступить изъ нынѣшняго расположенія слѣдующимъ образомъ:

2-й корпусъ, собравшись при мѣстечкѣ Богуславишки, въ три дни, выступить чрезъ мѣстечко Подваришки, мѣстечко Сумелижки, Длуги, Меречъ, къ Гродно, куда прибывши безъ растаховъ *) на 9-й день, располагается лагеремъ.

3-й корпусъ, собравшись при городѣ Трокахъ, въ два дни, возьметъ свое направленіе чрезъ Ораны, Морциканцы, Езіоры, къ селу Комотову, куда прибывши на 6-й день, располагается лагеремъ.

4-й корпусъ, исключая 1-го и 18-го егерскихъ полковъ, въ Одельскѣ и Крынкахъ квартирующихъ, располагается лагеремъ при Мостахъ, куда прибудетъ въ пять маршей.

5-й корпусъ, собравшись при Вильнѣ въ 6 дней (исключая войскъ въ Ошмянахъ, Сморогни, Вилейкъ, Курженцѣ, Ольшанахъ, Дзевенишкахъ, Словянскѣ и Воложинѣ находящихся, которые соберутся въ Ойшишкахъ и ожидать будутъ прибытія 5-го корпуса), выступаетъ чрезъ Вильны Парадоминъ, Ойшишки, Каменку, къ селу Дубнѣ, куда прибывши на 7-й день, располагается лагеремъ.

1-й резервный кавалерійскій корпусъ, собравшись въ Уцянахъ въ одинъ день, выступить чрезъ Вилькомиръ, Богуславишки, Подваришки, Длуги, къ Гродну, гдѣ присоединится ко 2-му корпусу на 13-й день.

2-й резервный кавалерійскій корпусъ, собравшись при Бѣлицѣ въ три дни, выступить чрезъ Зельву къ городу Волковиску, куда прибывши на 4-й день, располагается лагеремъ.

---

*) Растахъ—дневка. *Прим. Ред.*

Изъ всѣхъ помянутыхъ лагерей, по правому берегу Нѣмана и при Волковискѣ, вся 1-я армія, выступя, по исчисленному времени, разными дорогами, можетъ прибыть въ назначенный день къ избраннымъ въ Бѣлостокской области военнымъ позиціямъ.

А именно: 2-й пѣхотной и 1-й резервный кавалерійскій корпуса отъ Гродна къ деревни Суховолѣ въ два марша; 3-й и 5-й корпуса отъ села Комотова и села Дубна къ мѣстечку Корыцину въ три дня.

4-й пѣхотный и 2-й резервный кавалерійскій корпуса отъ мѣстечка Мостовъ и города Волоковиска къ мѣстечку Васильскову въ четыре дня.

Главная квартира 1-й арміи въ Соколкѣ. Вышеупомянутыя позиціи, при Суховолѣ, Корыцинѣ и Васильковѣ, представляютъ самыя выгоднѣйшія военныя позиціи, изъ коихъ въ каждой отъ 40—60,000 войска расположиться могутъ; и какъ разстояніе отъ Василькова до Суховоли не болѣе 45 верстъ, слѣдовательно, чтобы по обстоятельствамъ концентрироваться арміи на какомъ-нибудь флангѣ сей мѣстной линіи, нужно будетъ 12 часовъ времени; буде же въ Корыцинской позиціи, какъ центральной, не болѣе 6-ти часовъ.

Армія, расположивъ свои корпуса, отдѣляетъ сильные отряды: къ корчмѣ Выгодѣ неподалеку Гоніондза лежащей; къ корчмѣ Татары, что противъ Тыкочина, Хорощѣ и къ Суражу. Сіи четыре поста связываются вдоль по границѣ казачьими постами.

6-й корпусъ, въ числѣ 18,000 человѣкъ, собравшись около Пружанъ, выступить чрезъ Каменецъ-Литовскій, Высоко-Литовскъ и Семятичи къ мѣстечку Гранну и Дрогичину, гдѣ располагается лагерями, что составитъ общій авангардъ обѣихъ армій. Изъ сего корпуса отдѣлить нужно будетъ сильный постъ въ Цехановецъ.

Вторую Западную армію, въ числѣ 50,000 человѣкъ, сблизить въ то же время, какъ и первую, къ границѣ, а именно:

7-й пѣхотный и 3-й резервный кавалерійскій корпуса къ мѣстечку Семятичамъ, гдѣ расположить ихъ лагеремъ.

8-й и 10-й корпуса при мѣст. Нѣмировѣ.

9-й пѣхотный и 4-й резервный кавалерійскій корпуса при г. Брестъ-Литовскомъ.

Вся 2-я армія можетъ въ помянутыя мѣста прибыть въ 15 дней не полагая растаховъ.

Главная квартира сей арміи въ мѣст. Высоко-Литовскъ.

Резервную армію генерала-отъ-инфантеріи Тормасова, въ числѣ 40,000 человѣкъ, расположить около города Дубна, для наблюденія движеній австрійской арміи.

1-ю резервную армію, въ числѣ 40,000 человѣкъ, при гор. Борисовѣ на рѣкѣ Березинѣ.

2-ю резервную армію, въ числѣ 40,000 человѣкъ, при гор. Мозырѣ, на рѣкѣ Припетѣ.

Пункты для двухъ послѣднихъ резервныхъ армій назначаются временными сборными мѣстами, ибо большая часть войскъ, поступающихъ въ составъ сихъ армій, идутъ изъ разныхъ рекрутскихъ депо, въ Россіи расположенныхъ. По прибытіи же всѣхъ войскъ на сборныя мѣста, арміи сіи должны двинуться: Первая отъ Борисова къ Несвижу, а Вторая отъ Мозыря къ Давыдъ-городку, гдѣ расположатся лагерями.

Вышеупомянутое положеніе разныхъ корпусовъ дѣйствующихъ армій не можетъ оставаться въ избранныхъ позиціяхъ иначе, какъ тогда только, когда непріятель будетъ при Варшавѣ; въ противномъ же случаѣ, находясь ближе, подвергаются арміи быть разбитыми по частямъ. Для предупрежденія сего, намѣренъ я опредѣлить, по разнымъ обстоятельствамъ встрѣтиться могущимъ, сборныя мѣста, въ коихъ соединившись, будемъ въ силахъ дать сраженіе непріятелю.

Напередъ нужно знать пространство, на которыхъ марши съ обѣихъ сторонъ предприняты быть могутъ.

Съ нашей стороны отъ Бреста-Литовскаго (то есть отъ лѣваго фланга до праваго занимаемой нами мѣстной линіи),

до дер. Суховоли 176 верстъ *). Полагая форсированнымъ маршемъ, нужно для перехода сего пространства 70 часовъ времени. Сей случай можно только тогда предположить, когда мы никакихъ свѣдѣній о непріятельскихъ движеніяхъ имѣть не будемъ, и онъ, въ соединенныхъ силахъ, показавшись около Щучина, угрожать будетъ нападеніемъ на корпусъ при Суховолѣ расположенный; чтобы избѣжать видимой опасности, 2-й пѣхотный и 1-й резервный кавалерійскій корпуса должны немедленно присоединиться къ 3-му и 5-му корпусамъ при Корыцинѣ. Отрядъ при корчмѣ Выгодѣ долженъ съ твердостію держаться и защищать дефилею при оной находящуюся, и тѣмъ удержать стремящагося чрезъ р. Бобръ непріятеля; равномѣрное усиліе надобно употребить при корчмѣ Татары, ибо сей постъ таковаго жъ свойства, какъ и при корчмѣ Выгодѣ. При семъ замѣтить должно, что для занятія сихъ мѣстъ не нужно отдѣлять цѣлыя дивизіи, но для того достаточно будетъ по 2,000 человѣкъ легкой пѣхоты при казакахъ и нѣсколькихъ орудій конной артиллеріи.

Если 2-й, 3-й, 5-й пѣхотные и 1-й резервный кавалерійскій корпуса почтутъ невыгоднымъ сражаться съ непріятелемъ въ Корыцинской позиціи, въ такомъ случаѣ, не взирая на потерянное сообщеніе съ Гродно, должно имъ выступить къ мѣст. Василькову и тамъ занять крѣпкую и выгодную позицію по лѣвому берегу болотистой рѣчки Супрасли, (не за лишнее почитаю упомянуть, что по обѣимъ сторонамъ рѣчки Супрасли выгодныя позиціи, но берега въ такомъ между собою разстояніи, что дѣйствіе артиллеріи съ одной на другую вредить не можетъ).

Отряды при корчмахъ Выгодѣ и Татары въ то же время отступаютъ ближайшими дорогами къ Бѣлостоку, и перейдя

---

*) Всякаго благомыслящаго удивить сіе большое пространство 176 вер. но замѣтить должно, что армія беретъ сіе положеніе потому, чтобы не открыть настоящій предметъ ея дѣйствій и, соображаясь съ движеніями непріятеля отъ Варшавы, по обстоятельствамъ, соединить свои силы въ томъ пунктѣ гдѣ пожелаетъ. *Примѣчаніе подлинника.*

рѣку Супрасль ниже Василькова, занимаютъ позицію при дер. Фасти, чѣмъ совершенно обезпечивается лѣвый флангъ арміи. Вѣроятно, что по мѣрѣ соединенія 1-й Западной арміи, Вторая, сблизившись, будетъ въ сношеніи съ нею и сообразно ея движеніямъ можетъ дѣйствовать соединенно съ 6-мъ корпусомъ на коммуникаціи непріятельскія.

Вышеупомянутый случай можно примѣнить и къ лѣвому крылу нашей мѣстной линіи; если непріятель показался бы въ соединенныхъ силахъ около Константинова, тогда должны арміи сосредоточить силы свои между Брестомъ-Литовскимъ и Немировымъ.

Примѣчаніе. Если Вторая Западная армія форсированными маршами успѣла бы достигнуть Василькова тогда, когда непріятель угрожать будетъ нападеніемъ на корпуса при Корыцинѣ соединенные, въ такомъ случаѣ позиція при Соколкѣ предпочитается Васильковской, ибо соединенію обѣихъ армій, идущихъ отъ Корыцина и Василькова, непріятель никакъ воспретить не можетъ, равномѣрно и позиціею сею наша операціонная линія къ Слониму болѣе обезпечится.

Ближайшій путь, ведущій непріятеля къ нами занимаемой мѣстной линіи, есть отъ Варшавы чрезъ Венгровъ, Гранно и Бѣльскъ. Но дабы ему дойти до сего послѣдняго мѣста форсированнымъ маршемъ,—считая всѣ сопротивленія, которыя ему при семъ переходѣ встрѣтиться могутъ при переправахъ и маршѣ,—нужно будетъ употребить не менѣе 80 часовъ времени. Намъ же для соединенія обѣихъ армій при деревнѣ Войшки, свободнымъ маршемъ, нужно только 25 часовъ.

Въ томъ нѣтъ сомнѣнія, чтобы непріятель, если онъ отважится дать сраженіе въ сей позиціи при деревнѣ Войшки по правому берегу Нарева (которую нужно въ подробности осмотрѣть), не былъ разбитъ, ибо мы, будучи въ соединенныхъ силахъ, имѣя 148 тысячъ регулярнаго войска и 25 тысячъ казаковъ, можемъ ему во всѣхъ мѣстахъ сдѣлать надлежащій отпоръ.

Россіяне всегда тамъ побѣждали Французовъ, гдѣ дрались съ ними въ соединенныхъ и сомкнутыхъ силахъ, и если Французы въ кампаніи 1806 и 1807 годовъ не вошли въ границы наши, то единственно обязаны мы тому, что имѣли армію нашу соединенную и готовую повсюду встрѣтить непріятеля *).

Главное искусство въ день сраженія—сберегать сколь возможно сильные резервы. Сіи средства предоставлены одной сосредоточенной арміи. Знаменитыя побѣды бывали одерживаемы надъ непріятелемъ отъ ударовъ, нанесенныхъ ему резервами. Когда же резервы не имѣютъ въ оныхъ участія, то, бывъ сберегаемы отъ урона, преслѣдуютъ съ неутомленными силами разстроеннаго непріятеля, и, приводя его въ крайнее положеніе, нерѣдко рѣшаютъ жребій войны выгоднымъ миромъ, въ пользу побѣдителя заключаемымъ.

Операціонная линія всѣмъ прочимъ предпочитаемая.

Успѣхъ цѣлой кампаніи нерѣдко зависитъ отъ хорошаго выбора операціонной линіи. Выше предполагаемое положеніе нашихъ армій представляетъ намъ оную изъ Бѣлостокской области чрезъ Слонимъ, Несвижъ, Минскъ, Борисовъ, и даже Смоленскъ въ Москву; равномѣрно отъ Несвижа чрезъ Слуцкъ, Бобруйскъ, Рогачевъ и Черниговъ.

Посредствомъ сей простой операціонной линіи находится армія въ ближайшемъ сообщеніи съ хлѣбороднѣйшими губерніями Россіи, какъ-то Витебскою, Смоленскою, Могилевскою, Черниговскою и Кіевскою, изъ коихъ по существующему водяному сообщенію всякое продовольствіе легко въ армію можетъ быть доставлено, а именно: изъ Витебской, Смоленской и Могилевской по Двинѣ и рѣкѣ Березинѣ до гор. Борисова, откуда гужемъ 150 вер. до м. Столбцевъ; отъ сегожъ послѣдняго мѣста внизъ по Нѣману до Гродна и далѣе, смотря по обстоятельствамъ, къ Кёнигсбергу.

*) Эта фраза въ осторожной формѣ заключаетъ намекъ на опасность дальнѣйшаго исполненія плана генерала Пфуль. *Прим. Ред.*

Рѣка Припетъ, впадающая въ Днѣпръ, представляетъ другой путь водянаго сообщенія изъ губерній: Могилевской, Черниговской, Кіевской и Волынской. Хотя по сей рѣкѣ доставленіе будетъ затруднительнѣе, нежели по Нѣману, ибо оное должно производиться бичевою или на парусахъ, не менѣе того однакожь выгодно доставленіе хлѣба изъ Волыни отъ окрестныхъ городовъ Острога и Новградъ-Волынскаго, посредствомъ рѣкъ Горыня и Случа (которыя судоходны до половины іюня) къ городу Пинску, а отъ сего мѣста по Яселдѣ, Огинскому каналу и рѣкѣ Щаръ въ Слонимъ. На случай отступленія нашей арміи къ границѣ Минской губерніи, можно будетъ, если время позволитъ, свободно перевезти по Припяти всѣ запасы къ Мозырю и далѣе къ Кіеву.

Разныя выгоды имѣетъ сія операціонная линія, относительно ближайшаго сообщенія, какъ со всѣми артиллерійскими запасами находящимися въ Несвижѣ, Бобруйскѣ, Кіевѣ, Смоленскѣ, Брянскѣ и Шостенскомъ заводѣ, такъ и съ рекрутскими депо, внутри Россіи расположенными. Малороссія представляетъ намъ способъ ремонтировать нашу кавалерію и артилерію.

Другая могущая быть операціонная линія.

Если бы изъ движеній непріятеля замѣтить можно было, что онъ желаетъ вести войну на Волыни, въ такомъ случаѣ арміи, соединившись около Владиміра, имѣютъ операціонную линію, отъ сего мѣста, чрезъ Луцкъ, Новградъ-Волынскій, Житомиръ, къ Кіеву.

Одна только изъ предполагаемыхъ операціонныхъ линій по обстоятельствамъ выбрана должна быть, ибо рѣка Припять, въ обширныхъ болотахъ текущая, находясь между оными, дѣлаетъ затруднительнымъ всякое сношеніе армій, дѣйствующихъ по двумъ операціоннымъ линіямъ; потому и надлежитъ избѣгать случая осѣдлывать рѣку Припять (se mettre à cheval), дабы непріятель, сосредоточивъ свои силы противъ одной изъ всѣхъ

армій, и занявъ малыми отрядами дефилеи, идущіе чрезъ Припять и Пинскія и Ковельскія болота, не успѣлъ бы превосходными силами разбить одну изъ сихъ армій, тогда какъ другая спѣшить будетъ ей на помощь. Быть можетъ, нѣкоторые сдѣлаютъ на сіе возраженіе, что „въ самое въ то время, когда Наполеонъ пойдетъ на первую армію, вторая можетъ, переправляясь чрезъ Бугъ, дѣйствовать на его сообщенія и тѣмъ отрѣзать его отъ Варшавы". Чтожь изъ сего будетъ? 1) Какъ арміи по отдаленности своей, не могутъ имѣть скораго сношенія, потому и дѣйствія ихъ не могутъ въ одно и то же время стремиться къ одной цѣли. 2) Довольно извѣстно положеніе оборонительной арміи, которая, едва узнавъ предпріятіе наступательной арміи, видитъ себя уже повсюду атакованною, и 3) положимъ, что одна изъ сихъ армій, дабы воспользоваться случаемъ, изъ оборонительныхъ дѣйствій перейдетъ въ наступательныя; тогда можно будетъ себѣ представить, что сіи дѣйствія не прежде примутъ свое начало, какъ по достиженіи Наполеономъ до 1-й арміи съ быстротою ему свойственною и по совершенномъ ея разбитіи.

Положимъ, что 2-й арміи удастся отрѣзать Наполеона отъ Варшавы; сіе ни мало не лишитъ его сообщенія съ Вислою, ибо другіе его запасы будутъ въ Торнѣ, Грауденцѣ, Маріенвердерѣ и Данцигѣ, кромѣ тѣхъ, которые онъ Кенигсбергѣ и Лыкѣ имѣетъ. Изъ сего слѣдуетъ, что Наполеонъ, разбивъ 1-ую армію и преслѣдуя оную частью своихъ войскъ, обратится, соединясь съ правымъ своимъ корпусомъ, на 2-ю армію, и будучи вторично въ превосходныхъ силахъ, разобьетъ и оную.

На всякій сдучай однако замѣтить должно, что операціонная линія, идущая чрезъ Волынь, представляетъ большія выгоды для оборонительной войны, что видѣть можно, взглянувъ на карту; ибо рѣки Стырь, Горынь и Случь, текущія отъ юга къ сѣверу, дѣлаютъ, въ недальнемъ одна отъ другой разстояніи, крѣпкія преграды, на коихъ много выгодныхъ позицій. Невзи-

рая на то, предпочитается для главныхъ соединенныхъ силъ первая мною предполагаемая операціонная линія; по второй же можетъ съ удобностью дѣйствовать армія генерала Тормасова.

Линіи магазиновъ къ первой операціонной линіи принадлежащихъ.

Водяное сообщеніе, какъ выше сказано, между Припетью и Нѣманомъ, посредствомъ Огинскаго канала и рѣки Щары, составляетъ натуральную линію магазиновъ, которые съ удобностью снабжать можно, и для того полагаю я главнымъ магазинамъ быть: въ Мостахъ, въ гор. Слонимѣ, въ мѣстечкѣ Телешаны и гор. Пинскѣ. Сіи должны пополнять меньшіе впереди лежащіе магазины: въ Гроднѣ, Волковискѣ, Новомъдворѣ, Пружанахъ и Кобринѣ; изъ сихъ же пополняться будутъ магазины: въ Соколкѣ, Великой Брестовицѣ, Бѣловѣжѣ и Каменцѣ-Литовскомъ. Изъ сей послѣдней линіи магазиновъ довольствуется армія въ Бѣлостокской области расположенная. Разумѣется, что, сверхъ оныхъ, должны быть большіе запасы въ Бѣлицѣ, Новогрудкѣ, Несвижѣ, Минскѣ, Борисовѣ, Бобруйскѣ, Мозырѣ и Давыдъ-городкѣ.

Магазины къ операціонной линіи 1-го корпуса принадлежащіе.

Поелику выгоднѣйшая операціонная линія для корпуса генерала-лейтенанта графа Витгенштейна есть отъ Ковна, чрезъ Яновъ, Вилькомиръ, къ Динабургу, то имѣть магазины: главнѣйшій въ Вилькомирѣ; меньшіе въ Поневѣжѣ, Яновѣ и Ковнѣ; главные артиллерійскіе парки въ Вилькомирѣ и Динабургѣ.

Магазины къ операціонной линіи Резервной арміи генерала Тормасова.

Главнѣйшіе должны быть въ мѣст. Тучинѣ и гор. Острогѣ. Сіи пополняютъ меньшіе впереди лежащіе магазины, а именно: въ Клевани, Ровнѣ и Варковичахъ. Изъ сихъ послѣднихъ довольствуется армія. Сверхъ упоминаемыхъ магазиновъ, должно

имѣть большіе запасы: въ Заславѣ, Стар.-Константиновѣ, Новградъ-Волынскомъ, Житомирѣ и Кіевѣ. Артиллерійскіе парки въ сей арміи: въ Тучинѣ, Полонномъ, а главнѣйшій въ Кіевѣ.

Поелику во всѣхъ пограничныхъ губерніяхъ сложеніе лошадей весьма слабое, то и должно пополненіе магазиновъ производиться на волахъ; въ противномъ случаѣ будетъ оно медлительно.

О Дунайской арміи.

Войну противъ Турокъ, относительно нынѣшнихъ политическихъ обстоятельствъ, должно стараться всячески прекратить, и выгоднѣйшій для насъ миръ былъ бы тотъ, еслибы Порта Оттоманская согласилась, оставаясь посредникомъ предстоящей войны между Россіею и Франціею, уступить намъ въ залогъ ненарушимаго мира Хотинъ, Бендеры и Аккерманъ. Имѣя сіи три крѣпости, снабженныя провіантомъ, и на случай разрыва мира, присоединивъ къ сей оборонительной мѣстной линіи корпусъ въ 20,000 чел., достаточно будетъ остановить всѣ усилія непріятельскія съ сей стороны.

Соображаясь симъ обстоятельствами, можно будетъ изъ 4-хъ дивизій, Дунайскую армію нынѣ составляющихъ, отдѣлить три для присоединенія къ резервной арміи генерала Тормасова, а четвертая составитъ гарнизонъ вышеупомянутыхъ крѣпостей.

Мѣры, которыя нужно принять на случай предполагаемаго плана.

1-е). Описать весь хлѣбъ существующій нынѣ въ Самогитіи и Курляндіи, оставя только необходимое количество онаго для пропитанія жителей, прочее жъ перевести въ Либаву и Виндаву, откуда водою отправить въ Ригу. Съ части прилежащей къ Литвѣ свести къ Ковну, Поневѣжу, Янову и Вилькомиру.

2-е). Существующее нынѣ количество хлѣба въ магазинахъ, въ Слонимѣ и Пинскѣ, утроить, а вновь мною предполагаемые магазины немедленно снабдить онымъ.

3-е). Разослать отличнѣйшихъ офицеръ квартирмейстерской части и инженеровъ съ піонерными командами, для военнаго обозрѣнія края, заключающаго между Нѣманомъ и Припетью, поставя имъ въ предметъ: осмотръ всѣхъ дорогъ, переправъ, дефилей, военныхъ позицій, всѣхъ между позиціями и дорогами сообщеній, равно учрежденіе коммуникацій посредствомъ новыхъ дорогъ, просѣкъ въ лѣсахъ; перерѣзать и уничтожить таковыя, которыми непріятель воспользоваться можетъ; сдѣлать съемку всѣхъ военныхъ позицій въ большомъ масштабѣ, съ объясненіемъ въ особомъ описаніи слабыхъ и крѣпкихъ ихъ сторонъ и какую они требуютъ искусственную оборону. Словомъ сказать, каждый изъ господъ начальниковъ, имѣющій важную часть, обязанъ представить мнѣніе свое письменно о наступательной и оборонительной войнѣ въ предполагаемомъ краѣ.

Относительно Волынской губерніи имѣются самые лучшіе карты и планы, съ подробнѣйшими описаніями, изготовленные генералъ-маіоромъ Мухинымъ, которые нынѣ хранятся при 2-й Западной арміи. На случай присоединенія ея къ первой, нужно будетъ доставить всѣ сіи свѣдѣнія въ армію генерала Тормасова.

Мнѣніе о употребленіи казачьихъ войскъ.

Поелику число казаковъ при 1-й и 2-й Западныхъ арміяхъ составляетъ 25,000 войска, то и нужно будетъ оставить самое необходимое число ихъ при арміяхъ для содержанія передовыхъ постовъ, вмѣстѣ съ легкою регулярную кавалерію. Сіе число не должно однакожь превышать 5,000 человѣкъ. Прочіе 20,000 человѣкъ раздѣлить на летучіе корпуса, отъ 1,000 до 3,000 человѣкъ, съ тѣмъ, чтобы имѣя въ предметѣ нанести сильный ударъ непріятелю, можно было соединить ихъ въ одинъ сильный корпусъ. Цѣль сего распоряженія есть та, чтобы ворваться въ непріятельскій край и вести въ ономъ войну партизанскую, какъто: дѣлая ночныя нападенія на войска въ квартирахъ распо-

ложенныя; разбивая транспорты къ арміи идущіе; перехватывая его курьеровъ; словомъ сказать — стараться причинить всевозможный вредъ. Буде же замѣчено будетъ, что непріятель соединяетъ большія силы и намѣревается сдѣлать на насъ нападеніе, тогда летучіе казачьи корпуса должны также сближаться къ нашей арміи, угрожая всегда тылу и флангамъ непріятеля. Сіи распоряженія доставятъ намъ многія выгоды: во первыхъ, Наполеонъ найдется принужденнымъ отдѣлить знатную часть своей кавалеріи, которой никогда не удастся имѣть поверхность надъ казаками, ибо быстрота ихъ движеній предупредить непріятеля во всѣхъ случаяхъ; во-вторыхъ, для сбереженія доставшихся непріятелю плѣнныхъ, нужно будетъ ему отдѣлять гораздо большее прикрытіе, нежели какъ то бывало прежде (второй случай себя ослабить), и если гдѣ казакамъ удастся разбить сіе прикрытіе (примѣры бывшіе въ прошедшую войну противъ Французовъ), тогда усилившись нѣкоторою частью пѣхоты и обезоруживъ непріятеля, могутъ они смѣлѣе стремиться къ новымъ нападеніямъ, не упуская однозъ виду—скорое и вѣрное присоединеніе попрежнему къ нашей арміи *).

*) Подлинникъ плана войны, составленный полковникомъ Толь, хранился въ Архивѣ Военно-Топографическаго Депо за № 29, 199, подъ заглавіемъ „Мемуаръ графа Толя". См. М. Богдановичъ: Исторія Отечественной войны 1812 г. прил. къ главѣ V-й (2).

Планъ перевед. на нѣмецкій языкъ приложенъ къ сочиненію T. v. Bernhardi: «Toll's Derkwürdigkeiten». Bd. I. Beilage II. Operations plan 1812.—S. 413—419. *Прим. Ред.*

Краткій военный журналъ

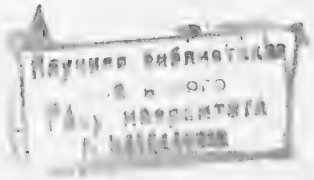
движеніямъ перьвой западной арміи отъ укрѣпленнаго лагеря при Дриссѣ до города Смоленска и продолженіе онаго послѣ соединенія 2-ой арміи съ 1-ою.

SII027

Сочиненъ Генералъ-Квартирмейстеромъ Полковникомъ ТОЛЕМЪ

въ 1812 году.

(См. дѣло Военно-Ученаго Архива Главнаго Штаба. Т. I. отд. II. ч. I-я стр. 304. № 1853. (29180). Война съ Россіей въ 1812 г.)



Краткій военный журналъ

движеніямъ первой западной арміи отъ укрѣпленнаго лагеря при Дриссѣ до города Смоленска и продолженіе онаго послѣ соединенія 2-ой арміи съ 1-ою.

---

29 іюня. Всѣ корпуса 1-й западной арміи, исключая 1-го корпуса генералъ-лейтенанта графа Витгенштейна, соединились въ укрѣпленномъ лагерѣ при Дриссѣ, на лѣвомъ берегу рѣки Двины. 1-й же корпусъ расположился при Друѣ. Непріятельскіе корпуса подъ командою Короля Неаполитанскаго, состоящія изъ корпусовъ Нея и Удино, нѣкоторыхъ дивизій корпуса Даву и кавалерійскихъ корпусовъ: Нансути и Монбренъ слѣдовали за 1-ою западною арміею до укрѣпленнаго лагеря при Дриссѣ. Вся непріятельская гвардія оставалась въ Вильнѣ, гдѣ Императоръ Наполеонъ дѣлалъ ей 26-го іюня (8-го іюля) смотръ. Корпусъ Даву вошелъ въ Минскъ 27-го іюня. При семъ корпусѣ находился кавалерійскій корпусъ ген. Груши.

30-го іюня и 1-го іюля армія имѣла растахъ*).

4-ый непріятельскій корпусъ Вице-Короля Италіанскаго вступилъ въ Докшицы 1-го іюля (13-го іюля), а корпусъ баварскихъ войскъ подъ командою графа Гувіонъ Сентъ-Сира былъ осматриваемъ Императоромъ Наполеономъ въ городѣ Вильнѣ 2-го іюля, который, послѣ смотра, получилъ повелѣніе слѣдовать на мѣстечко Глубокое.

2-го іюля вся армія переправилась чрезъ Двину по устроеннымъ четыремъ мостамъ и расположилась: 3-й и 4-й корпуса при деревнѣ Юстиновѣ, 5-й, при городѣ Дриссѣ, по правому берегу рѣки Дриссы, 6-й—при Волынцахъ, 2-й—при деревнѣ Понаіовцахъ; 2-й и 3-й кавалерійскіе корпуса оставались на лѣвомъ берегу Двины для содержанія передовыхъ постовъ. Главная квартира въ Дриссѣ.

---

*) Растахъ—дневка. *Прим. Ред.*

3-го іюля армія имѣла растахъ, исключая 2-го корпуса, который присоединился къ 5-му; 1-й корпусъ графа Витгенштейна расположился при Понаевцахъ*). Послѣ оставленія арміею укрѣпленнаго лагеря при Дриссѣ, всѣ движенія 1-й арміи клонились только къ соединенію ея со 2-ою арміею генералъ-отъ-инфантеріи князя Багратіона, которая движеніемъ непріятельскаго корпуса маршала Даву отъ Вильны, чрезъ Ошмяны, Вишневъ къ городу Минску, потеряла кратчайшее сношеніе свое съ 1-ю арміею, а потому

Іюля 4-го всѣ корпуса 1-й арміи исключая перваго, двинулись двумя колоннами вверхъ по правому берегу Двины въ направленіи къ Полоцку и расположились: 2-й и 5-й при мѣстечкѣ Волынцахъ, 3-й и 4-й при Прудникахъ, 6-й при деревнѣ Костоломахъ; авангардъ сего послѣдняго корпуса подъ командою генералъ-маіора графа Палена, изъ 3-й кавалерійской дивизіи состоящій, переправясь при городѣ Диснѣ на правый берегъ, остановился при семъ городѣ, имѣя посты свои на лѣвомъ берегу Двины. 2-й кавалерійскій, подъ командою генералъ-адъютанта Корфа, переправясь чрезъ рѣку Двину при Дриссѣ слѣдовалъ движенію 3-го и 4-го корпусовъ.

5-го іюля армія продолжала маршъ свой двумя же колоннами 2-й и 5-й корпуса къ селу Соколицы, 3-й и 4-й къ деревнѣ Бараухѣ, 6-й имѣлъ растахъ.

6-го іюля. Армія выступила двумя колоннами къ городу Полоцку и, пройдя оный, расположилась по Витебской дорогѣ лагеремъ. 6-й корпусъ прибылъ къ деревнѣ Бараухѣ. 2-й и 3-й кавалерійскіе корпуса, оставаясь при Дриссѣ и Диснѣ, составили аріергардъ армій подъ командою генералъ-маіоровъ барона Корфа и графа Палена.

7-го іюля всѣ войска имѣли растахъ.

8-го іюля армія предприняла маршъ къ городу Витебску. Вслѣдствіе сего выступила двумя колоннами, имѣя третью дорогу для обозовъ и артиллерійскихъ парковъ чрезъ Козяны и Городокъ къ городу Витебску. 2-й и 5-й корпуса расположились при селѣ Оболь Езуитской, 3-й и 4-й при селѣ Островляне, 6-й при Полоцкѣ, аріергардъ при деревнѣ Бараухѣ и по дорогѣ изъ города Дисны въ городъ Полоцкъ.

9-го іюля 2-й и 5-й корпуса при мѣстечкѣ Сиротинѣ, 3-й и 4-й

*) Въ сей день генералъ Витгенштейнъ переправилъ часть войскъ на лѣвый бевый берегъ Двины подъ командою ген.-маіора Кульнева. Сей генералъ атаковалъ кавалерію генерала Себастіоны въ окрестностяхъ Друи врасплохъ, разбилъ его, взявъ въ плѣнъ многихъ нижнихъ чиновъ, штабъ и оберъ-офицеровъ и генерала Сентъ-Женье.

при сельцѣ Климовѣ, 6-й при селѣ Островляне. Аріергардъ въ полумаршѣ отъ сего послѣдняго корпуса имѣя посты свои при Днснѣ.

10-го іюля. 2-й и 5-й корпуса при селѣ Погорѣльцахъ. 3-й и 4-й при старомъ селѣ, 6-й при селѣ Климовѣ. Сего числа перешли французы рѣку Двину при городѣ Днснѣ. (Сія статья несогласна съ показаніемъ французскимъ изъ полученныхъ же рапорты г.-м. Палена непріятель не прежде 10-го числа показалъ направленіе берегомъ Дисны *).

Съ 4-го по 10-е главная квартира арміи слѣдовала всегда съ 3-мъ и 4-мъ корпусами и располагалась въ тѣхъ мѣстахъ, при коихъ помянутыя корпуса становились лагеремъ.

11-го іюля всѣ корпуса соединились при городѣ Витебскѣ. 3-й, 4-й и 5-й пѣхотныя и 1-й кавалерійскій корпуса, переправясь на лѣвый берегъ Двины, расположились лагеремъ при рѣчкѣ Лучесѣ по большой дорогѣ въ Бешенковичи. 2-й же пѣхотный со 2-мъ кавалерійскимъ стали лагеремъ на правомъ берегу рѣки Двины при гор. Витебскѣ. 6-й при старомъ селѣ. Аріергардъ графа Палена, изъ 3-й кавалерійской дивизіи состоящій, наблюдая движенія непріятеля, находился всегда въ маломъ маршѣ отъ 6-го корпуса.

12-го іюля сильный отрядъ подъ командою генералъ-маіора Тучкова 4-го командированъ по дорогѣ къ Бабиновичамъ къ селу Тиховкѣ, дабы занять оное и имѣть посты въ Средновѣ, Бабиновичахъ и Любавичахъ. Всѣ корпуса арміи имѣли растахъ. Главная квартира въ городѣ Витебскѣ.

13-го іюля 4-й пѣхотный корпусъ подъ командою генералъ-лейтенанта графа Остермана, командированъ былъ по дорогѣ къ мѣстечку Островно; пройдя 7-мь верстъ, встрѣтилъ непріятеля, съ которымъ вступилъ въ сраженіе, продолжавшееся цѣлый день. Наконецъ, непріятель долженъ былъ отступить. Съ самаго начала дѣйствія 2 эскадрона лейбъ-гусаръ, за коими слѣдовали шесть орудій конной артиллеріи роты Кандибы, открывъ непріятеля и преслѣдуя слишкомъ горячо, наскочили на многочисленную непріятельскую конницу, которая ихъ обратила до нашей пѣхоты. При семъ случаѣ всѣ 6-ть орудій нашей конной артиллеріи достались въ руки непріятеля. Во время дѣйствія 3-я пѣхотная дивизія генералъ-лейтенанта Коновницына выступила на подкрѣпленіе 4-му корпусу и, пройдя 9-ть верстъ остановилась въ резервѣ помянутому корпусу. Въ ночь съ 13-го на 14-е 4-й корпусъ (сражавшійся

*) Въ подлинникѣ написано карандашемъ.

цѣлый день) получилъ повелѣніе отступить за 3-ю дивизію и расположится при корчмѣ Добрейкѣ.

14-го іюля непріятель атаковалъ 3-ю дивизію тремя корпусами при деревнѣ Каморьѣ. Сраженіе было упорное и продолжалось цѣлый день; только что къ ночи отступила 3-я дивизія къ корчмѣ Добрейнѣ *).

Генералъ-маіоръ графъ Паленъ, получившій командованіе надъ новымъ аріергардомъ, составленномъ большею частію изъ кавалеріи и конной артиллеріи, прикрылъ отступленіе 3-й дивизіи и 4-го корпуса къ арміи, которая въ ночь съ 14-го на 15-е перемѣнила свою позицію и стала почти параллельно Бабиновичской дорогѣ, имѣя село Бѣлево между линіями, въ коемъ расположилась главная квартира. (О потерѣ съ обѣихъ сторонъ не забыть).

15-го іюля аріергардъ графа Палена, будучи атакованъ гораздо превосходнѣйшими непріятельскими силами, ретировался на правый берегъ рѣки Лучесы. Тѣмъ временемъ армія, въ виду непріятеля, выступила тремя колоннами въ направленіи къ городамъ Порѣчью и Смоленску, а именно: 2-й и 4-й корпуса къ селу Гапоновщизнѣ, 3-й къ селу Веледичи, имѣя въ аріергардѣ генералъ-маіора Корфа со 2-мъ кавалерійскимъ корпусомъ, 5-й и 6-й корпуса къ деревнѣ Кромлову, имѣя въ аріергардѣ генералъ-маіора Шевича съ 3-мъ кавалерійскимъ. Главный аріергардъ арміи подъ командою графа Палена остался въ сей день въ своей позиціи на правомъ берегу рѣки Лучесы.

16-го іюля армія продолжала маршъ свой. 2-й и 4-й корпуса къ мѣст. Яновичи, 3-й въ мѣст. Колышки, 5-й и 6-й въ Ліозну. Главный аріергардъ отступилъ частью чрезъ городъ Витебскъ, а другою частію мимо города на Порѣченскую дорогу составя аріергардъ 2-го и 4-го корпусовъ **).

17-го іюля 2-й, 4-й и 3-й пѣхотные корпуса соединились при городѣ Поречье. Аріергардъ графа Палена, тѣснимый гораздо превосходнѣйшимъ непріятелемъ подъ командою Короля Неаполитанскаго въ открытыхъ мѣстахъ, получилъ на подкрѣпленіе генерала-маіора Корфа

---

*) Потери въ двухдневномъ семъ сраженіи съ нашей стороны простирается до 2500 какъ убитыхъ, такъ и раненыхъ. Въ числѣ первыхъ былъ г.-м. Акуловъ. Непріятель, потерявъ плѣнными 1-го полка, 30 офицеровъ и до 300 нижнихъ чиновъ, понесъ большую потерю убитыми и ранеными.

**) Ген.-маіоръ графъ Паленъ, командовавшій симъ аріергардомъ, во всѣхъ случаяхъ умѣлъ воспользоваться выгодами мѣстоположенія что и сего числа случилось въ окрестностяхъ мѣстечка Гапоновщизны; гдѣ оставленная имъ засада истребила семь французскихъ эскадроновъ.

со 2-мъ кавалерійскимъ корпусомъ, 6-й и 5-й при мѣст. Руднѣ. Главная квартира отъ деревни Делева слѣдовала съ 3-мъ корпусомъ.

18-го іюля 2-й, 4-й и 3-й корпуса выступили по Смоленской дорогѣ къ селу Холму. 5-му и 6-му корпусамъ предписано было въ три марша по удобности поспѣвать къ Смоленску на соединеніе со 2-ю западною арміею, направляющеюся къ сему городу. Главная квартира 1-й западной арміи въ селѣ Холмѣ. Аріергардъ графа Палена въ Поречьѣ.

19-го іюля 2-й, 4-й и 3-й корпуса при деревнѣ Мощинкахъ, гдѣ и главная квартира арміи расположилась; аріергардъ въ Поречьѣ.

20-го іюля всѣ корпуса 1-й арміи соединились при городѣ Смоленскѣ, расположась лагеремъ по правому берегу Днѣпра по Пореченской и Рудненской дорогамъ. Аріергардъ графа Палена при Холмѣ, имѣя посты свои при Поречьѣ. Въ Руднѣ аріергардъ генералъ-маіора Шевича. При городѣ Смоленскѣ присоединились къ арміи 8-мъ запасныхъ батальоновъ, 8-мъ запасныхъ эскадроновъ и нѣсколько ротъ артиллеріи, прибывшіе изъ Рославля и Дорогобужа и состоявшіе въ командѣ генералъ-адъютанта барона Винцингероде, который, сдавъ оные въ полки, получилъ повелѣніе съ 4-мя казачьими полками и однимъ драгунскимъ полкомъ дѣйствовать въ лѣвый флангъ непріятелю и дѣлать поиски не только по правому берегу Двины до самаго города Витебска, но и всячески стараться прикрыть дорогу изъ Витебска на Великіе-Луки отъ набѣговъ непріятеля.

21-го іюля всѣ войска 1-й западной арміи имѣли растахъ. Главная квартира въ Смоленскѣ.

22-го іюля 2-я западная армія присоединилась къ 1-й и расположилась лагеремъ по лѣвому берегу Днѣпра, при самомъ городѣ Смоленскѣ, отдѣля 23-го числа 5000-ый корпусъ подъ командою генералъ-маіора Невѣровскаго по большой Оршенской дорогѣ къ городу Красному, Главныя Квартиры обѣихъ арміи въ Смоленскѣ *). Когда 2-я западная армія переправилась при новомъ Быховѣ чрезъ Днѣпръ и направилась чрезъ городъ Мстиславль къ городу Смоленску на соединеніе съ 1-ю арміею, тогда генералъ-отъ-Кавалеріи Платовъ, со всѣми казачьими полками и отрядомъ ген.-маіора Дорохова изъ Изюмскаго гусарскаго и 1-го и 33-го Егерскихъ полковъ состоявшаго, прикрывая маршъ 2-й арміи и наблюдая за непріятелемъ, на правомъ берегу Днѣпра находившимся, шелъ черезъ Чаусы, Горки на Дубровну. По соединеніи

*) Соединеніе обѣихъ армій при городѣ Смоленскѣ имѣетъ особый планъ подъ № *).

*) № не проставленъ въ подлинникѣ. *Прим. Ред).*

же обѣихъ армій, переправясь чрезъ Днѣпръ, растянулся постами отъ дер. Дубровны чрезъ дер. Иньково къ Поречью.

23-го, 24-го и 25-го іюля всѣ войска 1-й и 2-й западныхъ армій имѣли растахъ. Аріергарды 1-й арміи сближались къ корпусамъ, а именно: генералъ-маіора графа Палена къ деревнѣ Мощинкамъ, генералъ-маіора Шевича къ деревнѣ Бурой.

26-го іюля соединенныя арміи сдѣлали наступательное движеніе тремя колоннами въ направленіи къ мѣст. Руднѣ, дабы разбить по частямъ непріятеля, расположившагося слѣдующимъ образомъ: Вице-Король Италіанскій съ 4-мъ корпусомъ въ Суражѣ, занимая отрядами Велижъ, Поречье и Усвятъ. Маршалъ Ней съ 3-мъ корпусомъ при Ліознѣ. Маршалъ Даву съ 1-мъ корпусомъ при Оршѣ и Шкловѣ. Князь Понятовскій съ 5-мъ корпусомъ въ Могилевѣ. Императоръ Наполеонъ съ гвардіею въ Витебскѣ. Король Неаполитанскій съ 1-мъ, 2-мъ и 3-мъ кавалерійскими корпусами въ Руднѣ. 4-й кавалерійскій корпусъ и одна польская пѣхотная дивизія подъ командою Латуръ Мобурга передъ Бобруйскомъ и Мозыремъ. Маршъ нашихъ колоннъ былъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 2-й, 3-ій и 4-й корпуса и 1-й и 2-й кавалерійскіе шли чрезъ Жуково къ селу Ковалевскому. 6-й и 5-й корпуса и 3-ій кавалерійскій чрезъ Шаломецъ къ Приказу Выдрѣ. Вся 2-я армія, перейдя на правый берегъ Днѣпра, слѣдовала на село Катань. Генералъ-маіоръ Невѣровскій при городѣ Красномъ. Главная квартира въ Приказѣ Выдра. Генералъ-маіоръ Тучковъ 4-й при Касплѣ съ отрядомъ изъ пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи, состоящаго.

27-го іюля войсковой атаманъ Платовъ 6-ю казачьими полками успѣлъ разбить при деревнѣ Молевомъ Болотѣ авангардъ Короля Неаполитанскаго, подъ командою генерала Себастіани, изъ 6000 человѣкъ кавалеріи и нѣкоторой части пѣхоты состоявшаго, взявъ въ плѣнъ одного полковника, многихъ штабъ и оберъ-офицеровъ и до 800 нижнихъ чиновъ. Главнокомандующій генералъ-отъ-инфантеріи Барклай-де-Толи, получа неосновательныя извѣстія о нахожденіи сильнаго непріятеля въ городѣ Поречьѣ, приказалъ арміямъ сдѣлать отступное движеніе слѣдующимъ образомъ: 2-й и 4-й пѣхотные и 1-й кавалерійскій корпуса выступили обратно къ Лаврову. 5-й корпусъ на Пореченскую дорогу къ селу Стабно, а армія князя Багратіона къ селу Надвѣ, 3-й и 6-й корпуса и 2-й и 3-ій кавалерійскіе къ Приказу Выдрѣ, гдѣ и главная квартира въ сей день осталась. Авангардъ Платова остался при Молевомъ Болотѣ.

28-го іюля, пополудни, 3-ій и 6-й пѣхотные и 2-й и 3-ій кавалерій-

скіе корпуса выступили чрезъ деревню Шаломецъ къ деревнѣ Мощинковъ, куда и главная квартира перешла. Вторая армія смѣнила отступившіе корпуса отъ Приказа Выдры и расположилась лагеремъ при семъ мѣстѣ. Войсковой атаманъ Платовъ съ казаками отступилъ въ Гаврики, имѣя на лѣвомъ своемъ флангѣ, при деревнѣ Волоковой, авангардъ второй арміи подъ командою ген.-м. Васильчикова.

29-го, 30-го и 31-го іюля первая армія имѣла растахъ, а вторая 31-го числа отступила къ стѣнамъ Смоленска.

1-го августа предпринято вторично соединенными арміями наступательное движеніе въ томъ же намѣреніи, какъ было оно опредѣлено 26-го іюля. 2-й и 4-й пѣхотные и 1-й кавалерійскій къ деревнѣ Ковалевцамъ, 3-ій, 5-й и 6-й пѣхотные и 2-й и 3-ій кавалерійскіе въ Шаломецъ. 2-я армія, не доходя до Шоломца, остановилась лагеремъ.

2-го августа 1-я армія выступила и расположилась при деревняхъ Волоковой и Гаврикахъ. 2-я армія при Приказѣ Выдрѣ. Главная квартира въ дер. Гаврики.

3-го августа 1-я армія имѣла растахъ; 2-я армія выступила къ селу Надвѣ.

Въ теченіе сихъ маршей и контръ-маршей и четырехдневнаго бездѣйствія, Наполеонъ, соединивъ всѣ корпуса своей арміи на Днѣпрѣ, при мѣстечкѣ Расаснѣ и мѣст. Дубровнѣ, предполагалъ форсированнымъ маршемъ вверхъ по лѣвому берегу сей рѣки подойти къ Смоленску и, овладѣвъ симъ городомъ въ тылу нашей арміи, отбросить 1-ю и 2-ю западныя арміи къ Поречью или Витебску. 3-го числа получено было дѣйствительное извѣстіе, что генералъ-маіоръ Невѣровскій при городѣ Красномъ атакованъ сильнымъ непріятельскимъ авангардомъ, за коимъ слѣдовала вся армія Наполеона. Твердость генералъ-маіора Невѣровскаго и мужество ввѣренныхъ ему войскъ не только что спасло ихъ отъ совершеннаго истребленія, но удивило самихъ непріятелей. 36 часовъ времени держался онъ на пространствѣ 45-ти верстъ и, наконецъ, потерявъ до 1500 человѣкъ и 5 орудій, 4-го числа къ вечеру отступилъ къ городу Смоленску и присоединился къ корпусу генералъ лейтенанта Раевскаго, выступившаго 3-го числа форсированнымъ маршемъ къ городу Смоленску. Сего же числа къ вечеру 2-я армія двинулась изъ Надвы къ дер. Катанъ. 6-й корпусъ отъ дер. Волоковой пришелъ къ деревнѣ Надвѣ.

4-го августа 7-й корпусъ Раевскаго, переправясь чрезъ Днѣпръ при Смоленскѣ и соединясь, какъ выше сказано, съ отрядомъ Невѣровскаго, заняли Смоленскъ и приготовились къ оборонѣ. Въ сей день

французы, штурмовавъ авангардомъ своимъ королевскій бастіонъ, были отбиты съ большимъ урономъ. Вся 1-я армія, сдѣлавъ форсированный маршъ, къ 5-ти часамъ пополудни прибыла къ Смоленску, расположась на правомъ берегѣ Днѣпра лагеремъ. Вторая армія присоединилась къ первой. Въ сей день вся армія Наполеона въ 225,000 подошла къ Смоленску. Къ вечеру непріятель сдѣлалъ нѣсколько атакъ на городъ, но былъ повсюду отбитъ отрядомъ генералъ-маіора Неверовскаго и 7-мъ корпусомъ генералъ-лейтенанта Раевскаго.

5-го августа, до разсвѣта, 6-й корпусъ генерала-отъ-инфантеріи Дохторова и 3-я пѣхотная дивизія генералъ-лейтенанта Коновницына смѣнили 7-й корпусъ, послѣдовавшій за 2-ю арміею и выступившій по Дорогобужской дорогѣ. Часть иррегулярныхъ войскъ сей арміи послана была къ Ельнѣ и Рославлю для наблюденія за непріятелемъ. Генералъ-лейтенантъ князь Горчаковъ 2-й, получивъ начальство надъ аріергардомъ 2-й арміи, остановился съ онымъ въ 8-ми верстахъ отъ Смоленска. Въ 8-мь часовъ пополуночи 6-й корпусъ сдѣлалъ вылазку изъ крѣпости и сбилъ непріятеля на всѣхъ пунктахъ, по близости города ночевавшаго. Непріятель, усиля свои передовыя войска, возобновилъ атаку; но встрѣченъ будучи изъ артиллеріи и въ штыки войсками нашими, принужденъ былъ отступить почти на пушечный выстрѣлъ. Стрѣлки съ обѣихъ сторонъ сражались, не преставая, до 2-хъ часовъ пополудни. Въ теченіе сего времени 1-я армія, расположенная на правомъ берегу, устроила сильные батареи, дабы фланговымъ огнемъ воспретить штурмъ на крѣпость. Около 4-хъ часовъ непріятель, съ своей стороны, открылъ огонь болѣе какъ изъ 500 орудій и повелъ атаку на всѣ части крѣпости, обратя однако-жъ главнѣйшія силы на Малаховскіе ворота, которыми было завладѣлъ, но личный примѣръ генераловъ Дохторова, Коновницына и принца Евгенія Виртембергскаго ободрилъ до такой степени солдатъ нашихъ, которые, ударя въ штыки, опрокинули, смяли непріятеля и по тѣламъ его продолжали поражать бѣгущихъ. При семъ случаѣ убитъ польскій генералъ Домбровскій.

Между тѣмъ, бомбардированный Смоленскъ, зажженной во всѣхъ мѣстахъ, представлялъ ужасную массу огня; такъ что заряды опасно было доставлять къ батареямъ. Не взирая на то, городъ удержанъ былъ до самой полуночи. Потеря съ нашей стороны убитыми и ранеными простиралась до 6000 человѣкъ. Главную потерю понесли мы отъ того, что сражались внѣ крѣпости. Въ часъ пополуночи, по повелѣнію Главнокомандующаго, 6-й корпусъ и 3-я дивизія, равно и нѣкоторые полки 2-го корпуса, посланные во время сраженія на подкрѣпленіе, должны

были перейти на правый берегъ Днѣпра и занять егерями форштадтъ, на оной сторонѣ лежащій. Мостъ на Днѣпрѣ былъ нашими истребленъ.

6-го августа, на разсвѣтѣ, Главнокомандующій генералъ-отъ-инфантеріи Барклай-де-Толи приказалъ генералъ-квартирмейстеру Толю занять позицію для арміи по Пореченской дорогѣ. Едва лишь начали войска трогатся, чтобы вступить въ свои мѣста, какъ непріятель, перейдя вбродъ рѣку Днѣпръ и овладѣвши форштадтомъ, началъ, подъ прикрытіемъ стрѣлковъ, густыми колоннами выходить изъ онаго на равнину по Порѣченской дорогѣ. Генералъ-лейтенантъ Коновницынъ, по повелѣнію Главнокомандующаго, приказалъ немедленно всѣмъ отступающимъ полкамъ ударить на непріятеля; во мгновеніе ока форштадтъ былъ опять во власти нашей и занятъ сильнымъ аріергардомъ подъ командою генералъ-маіора барона Корфа, имѣвшаго потомъ цѣлый день перестрѣлку съ непріятелемъ, на лѣвый берегъ Днѣпра перешедшимъ.

Послѣ оставленія города Смоленска, положеніе 1-й западной арміи, расположившейся на Порѣченской дорогѣ, сдѣлалось было весьма сумнительнымъ, ибо непріятель быстрымъ движеніемъ своимъ впередъ могъ отрѣзать оную отъ 2-й арміи князя Багратіона, отступившей по Дорогобужской дорогѣ. Генералъ Барклай-де-Толи, видя важность сего обстоятельства, выступилъ съ 1-ю арміею 6-го числа въ 9-ть часовъ пополудни двумя колоннами къ Соловьевой переправѣ, куда назначено было прибыть въ два марша.

Первая, или *правая,* колонна подъ командою генералъ-лейтенанта Тучкова 1-го, состоявшая изъ 3-го, 4-го, 2-го, пѣхотныхъ корпусовъ и 1-го кавалерійскаго, шла чрезъ деревни: Крахоткина, Годеонова, Карелье, Посарцы, Ступино къ селу Бредихино, гдѣ назначено было ей стать лагеремъ.

Вторая, или *лѣвая,* колонна подъ командою генерала-отъ-инфантеріи Дохтурова, состоявшая изъ 5-го и 6-го пѣхотныхъ корпусовъ, 2-го и 3-го кавалерійскихъ и 1-й Кирасирской дивизіи и всей резервной артиллеріи, слѣдовала чрезъ деревни: Зыкальну, Пойсклову, Маршулки и Сущово къ деревнѣ Прудище. Аріергарду арміи подъ командою генералъ-адъютанта барона Корфа, состоявшаго изъ Сумскаго, Маріупольскаго гусарскихъ и польскаго уланскаго, нѣсколькихъ полковъ егерскихъ и казачьихъ при ротѣ конной артиллеріи приказано было, по мѣрѣ движенія арміи, отступать мало-по-малу по дорогѣ, по которой слѣдовала первая колонна. Главнокомандующій арміею генералъ Барклай-де-Толи, вѣдая, что непріятель кратчайшимъ путемъ можетъ предупредить правую колонну у соединенія дорогъ при деревнѣ Лубино

и тѣмъ воспрепятствовать соединенію 1-й арміи со 2-ю, отступившей къ Соловьевой переправѣ, и зная также, что аріергардъ оставленный въ 4-хъ верстахъ отъ Смоленска по Московской дорогѣ изъ 4-хъ казачьихъ полковъ подъ командою генералъ-маіора Карпова, не въ силахъ будетъ удержать непріятеля, приказалъ генералъ-маіору Тучкову 3-му съ тремя казачьими полками, Елисаветградскимъ гусарскимъ, 20-мъ и 21-мъ Егерскими, Ревельскимъ пѣхотнымъ и ротою конной артиллеріи, за часъ предъ выступленіемъ арміи, слѣдовать форсированнымъ маршемъ и занять не только перекрестокъ дорогъ, но и податься сколь возможно болѣе впередъ по большой дорогѣ къ Смоленску.

7-го августа, въ 8-мь часовъ пополуночи, авангардъ правой колонны подъ командою генералъ-маіора Тучкова 3-го, вышелъ на большую дорогу, идущую изъ Смоленска въ Дорогобужъ, остановился въ 4-хъ верстахъ отъ перекрестка между деревнями Тапоревщина и Латышино на выгодной высотѣ. Въ 10-ть часовъ пополуночи былъ атакованъ тремя французскими корпусами, а именно: маршаловъ Даву, Нея и Жюно и всею кавалеріею Короля Неаполитанскаго. Выгодное мѣстоположеніе, на которомъ сражался генералъ-маіоръ Тучковъ, не позволяло непріятелю деплоировать всѣхъ своихъ силъ; къ тому же твердость генералъ-маіора Тучкова и храбрость ввѣренныхъ ему войскъ восторжествовали надъ непріятелемъ, который не только что былъ удержанъ, но и понесъ величайшій уронъ. Кавалерія же его вовсе должна была уступить мѣсто сраженія нашей кавалеріи. Въ сей знаменитый день потеря съ нашей стороны простиралась до 5,000 какъ убитыхъ, такъ и раненыхъ. Генералъ-маіоръ Тучковъ 3-ій достался въ плѣнъ непріятелю. Потеря непріятеля, превосходившая нашу, весьма для него была чувствительна потерею дивизіоннаго генерала Гюдена, который былъ убитъ. Въ плѣнъ взято нашими болѣе 500 человѣкъ много штабъ и оберъ-офицеровъ. Подробность сего сраженія можно видѣть на особомъ планѣ по № *), при коемъ и подробнѣйшее описаніе **). 2-й, 3-ій и 4-й пѣхотные корпуса и 1-й кавалерійскій расположены были при дер. Лубино и, подкрѣпляя во время дѣйствія генералъ-маіора Тучкова, не мало способствовали къ пораженію непріятеля.

8-го августа, въ 4^{ре} часа пополуночи, войска правой колонны продолжали маршъ свой къ Соловьевой переправѣ, куда прибыла и лѣ-

*) Въ подлинникѣ № не проставлены. *Прим. Ред.*

**) См. „Описаніе сраженія при городѣ Смоленскѣ 4-го и 5-го августа 1812 года". *Прим. Ред.*

вая колонна генерала Дохтурова. Въ сей день 1-я армія переправилась на лѣвый берегъ Днѣпра и расположилась лагеремъ при Умольѣ. Аріергардъ ея изъ многихъ казачьихъ полковъ и регулярной кавалеріи Сумскаго, Маріупольскаго, и Елисаветградскаго гусарскихъ и польскаго уланскаго, поступивъ въ команду генерала отъ-кавалеріи Платова, оставался на правомъ берегу Днѣпра и содержалъ связь съ генералъ-адъютантомъ барономъ Винцингероде, находившимся около города Духовщины для наблюденія марша Вице-Короля Италіанскаго, послѣдовавшаго отъ Смоленска на сей городъ съ 4-мъ пѣхотнымъ и 3-мъ кавалерійскимъ корпусами. Въ подкрѣпленіе генералу Платову оставленъ былъ на лѣвомъ берегу Днѣпра генералъ-маіоръ баронъ Розенъ съ пѣхотою, состоявшею изъ Егерскихъ полковъ: 34-го, 1-го, 33-го, 18-го, 19-го и 40-го, полуроты легкой артиллеріи и роты конной артиллеріи Захаржевскаго. 2-я армія въ сей день расположилась при деревнѣ Михалевкѣ.

9-го августа 2-я армія расположилась на высотахъ при Дорогобужѣ, а 1-я выступила въ 10-ть часовъ пополудни къ деревнѣ Усвять. Вся кавалерія аріергарда переправилась къ вечеру вбродъ на лѣвой берегъ Днѣпра. Непріятель, устремившійся за нею, былъ отраженъ стрѣлками и артиллеріею, на лѣвомъ берегу оставленныхъ.

10-го августа первая армія расположилась при деревнѣ Усвять, на правомъ берегѣ рѣки Ужи, а вторая при городѣ Дорогобужѣ. Главная квартира была въ деревнѣ Андреевской. Въ сей позиціи Главнокомандующій намѣревался дать сраженіе. На разсвѣтѣ непріятель, приближась стрѣлками и артиллеріею къ Днѣпру, подъ прикрытіемъ оныхъ началъ строить мосты. Генералъ Платовъ приказалъ генералъ-маіору барону Розену со всею пѣхотою и регулярною кавалеріею отступить до деревни Михайловки. А какъ мѣстоположеніе при оной представляло удобство удержать нѣкоторое время непріятеля, генералъ-маіоръ баронъ Розенъ, сообразно тому, построилъ войска въ боевой порядокъ. Въ 4-ре часа пополудни генералъ Платовъ навелъ казаками непріятеля на позицію, на которой былъ встрѣченъ егерскими стрѣлками и артиллеріею, скрытно поставленными. Сраженіе было упорное и продолжалось до полуночи. Непріятель не только былъ удержанъ, но и отраженъ на всѣхъ пунктахъ. Кавалерія наша не имѣла никакого участія, ибо мѣстоположеніе не представляло удобства ей дѣйствовать. Семь баталіоновъ егерей подкрѣпленныхъ 20-ю орудіями артиллеріи, неоднократными атаками въ штыки уничтожили всѣ усилія непріятеля съ большимъ для него урономъ. При семъ случаѣ взято въ плѣнъ нѣсколько офицеровъ и до 60-ти нижнихъ чиновъ.

11-го августа 1-я армія имѣла растахъ. Въ сей день 2-я армія, выступивъ обратно отъ Дорогобужа, расположилась на лѣвомъ флангѣ 1-й арміи, оставя сильный отрядъ пѣхоты и кавалеріи у Дорогобужа, на правомъ берегу Днѣпра, подъ командою генералъ-маіора Неверовскаго. Главная часть аріергарда арміи подъ командою генералъ-маіора барона Розена прибыла въ полдень къ деревнѣ Усвятью, а къ вечеру и генералъ Платовъ съ казаками приблизился къ сему мѣсту. Между тѣмъ, получено было извѣстіе, что непріятель по дорогѣ отъ Духовщины приближается къ Дорогобужу, что и побудило Главнокомандующаго генерала Барклая-де-Толи съ обѣими арміями въ ночь съ 11-го на 12-е число отступить къ Дорогобужу.

12-го августа, Лагерь 1-й арміи былъ при городѣ Дорогобужѣ. 2-й пѣхотный корпусъ подъ командою генералъ-лейтенанта Боговута расположился на правомъ берегѣ Днѣпра, а генералъ-маіоръ Неверовскій присоединился ко второй арміи, которая стала на лѣвомъ флангѣ 1-й арміи при селѣ Бражино. Къ вечеру аріергардъ генералъ-маіора Розена, по приказанію генерала Платова, отступилъ и остановился въ позицію въ 7-ми верстахъ не доходя Дорогобужа. Въ ночь съ 12-го на 13-е число обѣ арміи продолжали отступательное движеніе по дорогѣ къ Вязьмѣ тремя колоннами. *Первая*, или *правая*, *колонна* состояла изъ 2-й арміи; *вторая*, или *средняя*, *колонна* изъ корпусовъ 1-й арміи, а именно: 3-го, 4-го, 5-го и 6-го и со всею резервною артиллеріею къ сей арміи принадлежащею; *третья*, или *лѣвая*, *колонна* изъ 2-го пѣхотнаго корпуса, 1-го кавалерійскаго и трехъ Донскихъ казачьихъ полковъ; а какъ мѣста отъ Дорогобужа до Вязьмы болѣе открытые, то и оставлены были въ подкрѣпленіе аріергарду 2-й и 3-ій кавалерійскіе корпуса.

13-го августа войски 1-й и 2-й западныхъ армій расположились слѣдующимъ образомъ: первая колонна при деревнѣ Божанѣ, вторая при деревнѣ Чоботовѣ, третья при деревнѣ Конушкинѣ. Поелику Вице-Король Италіанскій угрожалъ прибыть прежде аріергарда нашего къ Дорогобужу, то и приказалъ генералъ Платовъ генералъ-маіору Розену съ пѣхотою и регулярною кавалеріею въ три часа пополуночи выступить и, пройдя городъ Дорогобужъ, остановится за рѣчкою Осьмою.

14-го августа армія продолжала отступать, расположась: *первая колонна* при деревнѣ Лужки, *вторая* при селѣ Семлевѣ, а *третья* при деревнѣ Афанасіево. Всѣ покушенія непріятельскаго авангарда къ переправѣ чрезъ рѣку Осьму въ сей день были отражены удачнымъ дѣйствіемъ нашихъ стрѣлковъ и артиллеріи. Къ вечеру генералъ-маіоръ Розенъ отступилъ за рѣку Кострy. Отрядъ генералъ-маіора барона

Винцингероде находился между городомъ Духовщины и города Бѣлаго. Для сохраненія съ нимъ связи командированъ былъ на дорогу отъ Вязьмы къ Духовщинѣ генералъ-маіоръ Красновъ съ тремя казачьими полками, имѣя въ подкрѣпленіи часть 1-й кавалерійской дивизіи подъ командою генералъ-маіора Шевича.

15-го августа всѣ войски 1-й арміи соединились при городѣ Вязьмѣ; 2-я армія расположилась при деревнѣ Быковѣ. Главная часть аріергарда отступила къ селу Бѣломирскому, на лѣвый берегъ рѣчки Осьмы, занявъ, однако, кустарникъ, на правомъ берегу лежащій, 1-мъ Егерскимъ полкомъ. Когда казаки навели непріятеля на позицію, аріергардомъ занимаемую, тогда былъ онъ встрѣченъ егерями 1-го полка, которые, однако, должны были уступить превосходству силъ его и перейти вбродъ рѣчку Осьму. А какъ высоты лѣваго берега сей рѣки были заняты нашею артиллеріею, то непріятель, пользуясь обширностью мѣстоположенія, слабымъ нашимъ аріергардомъ занимаемаго остановилъ атаку на фронтъ, а сталъ обходить лѣвое крыло аріергарда. Вся наша кавалерія, посланная въ подкрѣпленіе онаго, неоднократно отражала соединенно съ егерями всѣ покушенія непріятеля, который, сражаясь жестоко, переходилъ два раза вбродъ рѣку Осьму, но всегда съ большою потерею былъ опрокидываемъ нашею кавалеріею обратно на лѣвый берегъ сей рѣки. Прибывающіе къ нему новыя силы побудили, наконецъ, генерала Платова, въ 7-мь часовъ пополудни, приказать генералъ-маіору Розену начать мало-по-мало отступать къ Семлеву, что и исполнено въ совершенномъ порядкѣ. Въ сей день всѣ войска аріергарда и 32 орудія артиллеріи находились въ дѣйствіи. Передовые казачьи посты ночевали на мѣстѣ сраженія.

16-го августа 1-я и 2-я западныя арміи заняли лагерь при селѣ Федоровскомъ. Аріергардъ арміи отступилъ къ Вязьмѣ, будучи сильно преслѣдуемъ всею непріятельскою кавалеріею и корпусомъ маршала Даву. Въ семъ мѣстѣ аріергардъ арміи, бывшій доселѣ въ командѣ войсковаго атамана, генерала-отъ-кавалеріи Платова, за болѣзнію его; порученъ былъ генералъ-лейтенанту Коновницыну.

17-го августа. Лагерь обѣихъ армій при Царево-Займище. Въ сей день прибылъ генералъ-отъ-инфантеріи князь Голенищевъ-Кутузовъ и принялъ главное начальство надъ арміями. Хотя предположено было генераломъ Барклаемъ-де-Толи дать сраженіе непріятелю при Царевомъ-Займищѣ, но Князь Голенищевъ-Кутузовъ почелъ нужнымъ напередъ сблизится съ подкрѣпленіемъ, которое велъ генерал-отъ-инфантеріи Милорадовичъ къ арміи.

18-го августа былъ растахъ всѣмъ войскамъ.

19-го августа армія, пройдя городъ Гжатскъ, расположилась лагеремъ при деревнѣ Ивашковѣ. При семъ мѣстѣ присоединился Генералъ Милорадовичъ съ новыми войсками, прибывшими изъ Калуги и составлявшими батальоновъ пѣхоты, эскадроновъ кавалеріи и ротъ артиллеріи *).

20-го августа. Лагерь при деревнѣ Дурыпинѣ.

21-го августа. Лагерь при Колоцкомъ монастырѣ. При сихъ мѣстахъ невыгодность мѣстоположенія не позволяли Главнокомандующему дать непріятелю сраженіе, и потому армія продолжала отступное движеніе къ селу Бородино, гдѣ мѣстоположеніе представило болѣе къ тому выгодъ.

22-го августа вступила армія въ лагерь при Бородинѣ. По осмотрѣ Главнокомандующимъ позиціи, повелѣно было немедленно приступить къ укрѣпленію оной. Главная квартира въ деревнѣ Горкахъ.

23-го августа. Разныя укрѣпленія были сдѣланы по фронту нашей позиціи; главнѣйшіе были на лѣвомъ крылѣ нашей арміи передъ деревнею Семеновскою, гдѣ въ лѣсахъ поддѣланы были засѣки.

24-го августа. Атака непріятельская *на редутъ* **), *на львомъ флангѣ арміи* находившемся и защищаемомъ 27-ю пѣхотною дивизіею генералъ-маіора Неверовскаго, имѣвшей въ подкрѣпленіе 2-ю кирасирскую дивизію генералъ-маіора Дука. Всѣ войска состояли на семъ пунктѣ въ командѣ генералъ-лейтенанта Князя Горчакова 2-го. Въ сей день всѣ усилія непріятеля были тщетны: не только-что онъ былъ отбитъ, но и потерялъ 8-мь орудій артиллеріи, изъ которыхъ три, бывъ нами подбиты, оставлены на мѣстѣ сраженія. Главнокомандующій приказалъ генералъ-лейтенанту князю Горчакову 2-му, оставя редутъ въ ночи, отступить со всѣми войсками въ главную позицію и занять свое мѣсто въ линіи.

25-го августа. Къ сему числу всѣ укрѣпленія были довольно усовершенствованы. 3-й пѣхотный корпусъ командированъ былъ занять старую Смоленскую дорогу при деревнѣ Утицѣ, коему дано было въ подкрѣпленіе 6-ть донскихъ полковъ съ генералъ-маіоромъ Карповымъ, московское ополченіе подъ командою генералъ-лейтенанта графа Маркова, въ 7000 человѣкъ состоявшее и присоединившееся 23-го числа къ арміи. Главная квартира въ дворѣ Татаринова.

---

*) Числа не поставлены въ подлинникѣ. *Прим. Ред.*

**) Редутъ у с. Шевардино.

26-го августа. Сраженіе при Бородинѣ. (Подробное описаніе *) имѣется особо при планахъ подъ № I, II, III, IV, V, VI, VII и VIII).

27-го августа. Лагерь арміи при Можайскѣ. Сего числа, въ 10-ть часовъ пополуночи, аріергардъ нашъ подъ командою генералъ-отъ-кавалеріи Платова, будучи атакованъ превосходнымъ непріятельскимъ авангардомъ составленнымъ изъ многочисленной кавалеріи и молодой гвардіи, долженъ былъ отступить къ городу Можайску, куда прибылъ около 4-хъ часовъ пополудни. Императоръ Наполеонъ съ главною частію своей арміи послѣдовалъ вслѣдъ за своимъ авангардомъ, приказавъ Вице-Королю Италіанскому съ 4-мъ корпусомъ и частью кавалеріи слѣдовать чрезъ Рузу и Звенигородъ на Москву. Генералъ-адъютантъ баронъ Винцингероде, подкрѣпленный Изюмскимъ гусарскимъ и двумя казачьими полками, наблюдалъ движенія сего непріятельскаго корпуса. Главнокомандующій князь Кутузовъ, осмотрѣвъ наступающаго къ Можайску въ большихъ силахъ непріятеля, приказалъ генералу Платову непремѣнно удерживать городъ,ославъ къ нему генералъ-маіора барона Розена командовать всею пѣхотою аріергарда, которая заняла оный, учредя батареи на выгодныхъ мѣстахъ; кавалерія же аріергарда нашего стала влѣво отъ Можайска, на открытомъ мѣстѣ. 1-я армія заняла высоты, пройдя городъ Можайскъ, а 2-я—стала: одинъ эшелонъ на лѣвомъ флангѣ 1-й арміи. Главная квартира расположилась въ деревнѣ Жуковѣ. Въ семъ положеніи Главнокомандующій ожидалъ атаки непріятеля, который, подойдя поближе, открылъ сильный огонь изъ артиллеріи по городу Можайску, на что артиллерія нашего авангарда съ успѣхомъ отвѣчала. Сей день кончился тѣмъ, что городъ остался за нами и непріятель никакихъ важныхъ покушеній на оный не дѣлалъ.

Главнокомандующій князь Кутузовъ, желая сберечь армію, столь много 26-го числа потерпѣвшую, и вѣдая, что новыя войска слѣдуютъ на подкрѣпленіе къ Москвѣ, рѣшился сблизиться къ онымъ подкрѣпленіямъ, хотя-бъ сопряжено то было съ потеряніемъ столицы, и потому продолжалъ отступленіе съ арміею къ Москвѣ.

28-го августа армія расположилась на высотахъ при деревнѣ Землинѣ. Главная квартира въ деревнѣ Леутинской. Аріергардъ нашъ, составленный изъ полковъ егерскихъ 4-го, 35-го, 30-го и 48-го, 1-го кавалерійскаго корпуса при конной артиллеріи роты Геринга и нѣсколькихъ казачьихъ полковъ, не взирая на превосходство непріятельскаго авангарда, слѣдовавшаго за нимъ послѣ Бородинскаго сраженія, удер-

*) См. описаніе сраженія при Бородино. *Прим. Ред.*

живалъ оный на каждомъ шагу, такъ что армія наша въ отступномъ движеніи ея ни мало потревожена не была. Въ сей день Главнокомандующій, поручивъ аріергардъ генералъ-отъ-инфантеріи Милорадовичу, приказалъ подкрѣпить оный полками егерскими 11-мъ и 36-мъ, пѣхотными Бутырскимъ, Томскимъ, Софійскимъ и Либавскимъ и батарейною ротою Гулевича; такъ что сильно наступавшій непріятель былъ повсюду опрокинутъ и долженъ былъ податься нѣсколько верстъ назадъ.

29-го августа армія продолжала свое отступательное движеніе и остановилась лагеремъ на лѣвомъ берегъ рѣки Нары, при деревнѣ Крутицѣ. Главная квартира находилась въ деревнѣ Репищѣ. Въ сей день непріятель усиливъ свой авангардъ многочисленною кавалеріею и пѣхотою, вознамѣрился разбить нашъ аріергардъ и бросить оный на армію, въ 4-хъ верстахъ лагерь занявшую. Генералъ Милорадовичъ и подъ нимъ господа Генералы Уваровъ и Розенъ, полковники: Потемкинъ, Бистромъ и Федоровъ личнымъ своимъ примѣромъ уничтожили всѣ усилія непріятеля, такъ что послѣ сего дня непріятель слѣдовалъ съ большою осторожностію за нашимъ авангардомъ, оставаясь всегда внѣ пушечнаго выстрѣла.

30-го августа. Лагерь арміи при селѣ Вязьмѣ (тоже Никольское). Аріергардъ, нашъ слабо преслѣдуемый, остановился при селѣ Кубинскомъ.

31-го августа. Лагерь арміи при деревнѣ Мамоновѣ; аріергардъ при Малой Вяземкѣ.

1-го сентября. Лагерь передъ городомъ Москвою. Правый флангъ передъ деревнею Фили; центръ между селами Троицкимъ и Волынскимъ; лѣвый флангъ передъ селомъ Воробьевымъ; аріергардъ арміи при деревнѣ Сетуновѣ.

Журналъ

военныхъ дѣйствій съ 1-го сентября по 31-ое декабря 1812 г.

Журналъ

военныхъ дѣйствій съ 1-го сентября по 31 декабря 1812 года.

Послѣ оставленія города Москвы, армія взяла отступное свое направленіе по дорогамъ Владимірской и Рязанской, какъ для прикрытія жителей, вышедшихъ съ своимъ имуществомъ, такъ и для обезпеченія всѣхъ сокровищъ Государственныхъ, въ семъ направленіи отосланныхъ, и для того:

2-го сентября прибыла армія къ селу Панки (15 верстъ), гдѣ расположилась лагеремъ. Авангардъ остался при деревнѣ Вязовкѣ.

3-го сентября имѣла растахъ, дабы дать время удалиться всѣмъ выходцамъ изъ Москвы.

4-го сентября отступила къ Боровскому перевозу, что на рѣкѣ Москвѣ. Авангардъ на прежнемъ мѣстѣ, имѣвъ за собой подкрѣпленіе.

5-го сентября предприняла фланговый маршъ влѣво къ городу Подольску, куда прибыла.

6-го сентября гдѣ расположилась лагеремъ. Авангардъ при деревнѣ *Іомъ*.

7-го сентября армія имѣла растахъ. Авангардъ при селѣ Знаменскомъ, на Серпуховской дорогѣ.

8-го сентября продолжала армія фланговый маршъ къ деревнѣ Красной Пахрѣ. Авангардъ при селеніяхъ Знаменскомъ и Диснѣ, на Калугской дорогѣ.

Предметъ сего фланговаго марша арміею влѣво былъ тотъ, чтобы скрыть движеніе наше въ недальномъ разстояніи отъ непріятеля и тѣмъ прикрыть настоящую операціонную линію, ведущую отъ Москвы въ Калугу, по которой все продовольствіе и снабженіе къ арміи движется. Авангардъ арміи, находившійся всегда въ полумаршѣ отъ оной, перешелъ рѣку Москву, при Боровскомъ перевозѣ тогда, когда армія отошла болѣе 20 верстъ влѣво. Авангардъ же, оставя свои передо-

вые посты на самомъ Боровскомъ перевозѣ, ночнымъ маршемъ отошелъ вслѣдъ за арміею, и симъ движеніемъ совершенно непріятель потерялъ армію нашу изъ виду, ибо передовые войски, будучи атакованы, отступили по Рязанской дорогѣ, за коими непріятель до самой Бронницы послѣдовалъ.

9-го, 10-го, 11-го, 12-го, 13-го и 14-го сентября имѣла армія растахъ. Въ сіе время подходило новое войско, какъ изъ кавалеріи, такъ и изъ пѣхоты состоящее, которое на укомплектованіе полковъ поступило.

19-го сентября. Армія отступила 15-го по Калужской дорогѣ и расположилась при деревнѣ Богородскѣ. Аріергардъ остался въ прежнемъ расположеніи, но вечеромъ онъ приблизился къ арміи и остановился у села Вороново.

20-го сентября растахъ.

9-го сентября. Генералъ-адъютантъ баронъ Винцингероде доноситъ отъ 6-го сентября изъ села Пешки, что онъ съ ввѣреннымъ ему корпусомъ находится въ 50 верстахъ отъ Москвы по С.-Петербургской дорогѣ; что онъ разставилъ кавалерійскіе отряды по Владимірской, Дмитровской и Ярославской дорогамъ; что 4-го сентября взяты имъ 2 польскихъ офицера и 10 солдатъ, отправленныхъ фуражировать между Петербургскою и Ярославскою дорогою. Тверское же ополченіе, находившееся поблизости Клина, обращено генераломъ Винцингероде къ Твери.

Ахтырскаго гусарскаго полка подполковникъ Давыдовъ рапортуетъ отъ 6-го сентября, что слѣдуя съ отрядомъ своимъ, состоящимъ изъ 50 гусаръ и 80 казаковъ, къ большой дорогѣ, лежащей между Вязьмою и Гжати, открылъ близъ села Царева-Займище непріятельскій транспортъ съ хлѣбомъ, состоявшій въ 30 подводахъ и сопровождаемый 215-ю человѣками пѣхоты, на коихъ онъ ударивъ, взялъ въ плѣнъ 98 человѣкъ, а прочихъ перекололъ; равномѣрно захваченъ имъ слѣдовавшій въ небольшомъ разстояніи другой транспортъ, состоявшій въ 3-хъ фурахъ и 2-хъ артиллерійскихъ ящикахъ съ снарядами.

Генералъ-маіоръ Дороховъ выступилъ сего числа съ летучимъ отрядомъ, сотоящимъ изъ полковъ: Елисаветградскаго гусарскаго, лейбъ-драгунскаго, 3-хъ казачьихъ и при 2-хъ орудіяхъ конной артиллеріи, къ сторонѣ Можайской дорогѣ.

10-го сентября. Отъ генералъ-лейтенанта Бороздина получено извѣстіе, что, по рекогносцированію непріятельскихъ войскъ, оказалось, что пѣхота потянулась назадъ къ Москвѣ и при селѣ Красномъ оста-

лась одна кавалерія. Генералъ-отъ-кавалеріи Тормасовъ двумя рапортами, сего числа полученными, увѣдомляетъ:

Первымъ, отъ 25-го августа, изъ лагеря при Луцкѣ, что обстоятельства не представляли ему иной позиціи, гдѣ бы могъ выждать сближенія Дунайской арміи, къ Дубно слѣдующей, какъ за рѣкою Стыромъ при Луцкѣ, куда онъ 15 августа прибылъ. Непріятель находился противу сей позиціи не далѣе 30 верстъ; силы его простирались до 50,000 человѣкъ. Генералъ Тормасовъ ожидаетъ прибытія 1-й колонны Дунайской арміи къ 31-му августу, а 2-й къ 4-му сентября.

Вторымъ, отъ 30-го августа, доноситъ, что какъ скоро Главнокомандующій Молдавскою арміею господинъ адмиралъ Чичаговъ съ войсками прибудетъ, то, по соображенію съ нимъ мѣстныхъ обстоятельствъ, предполагаетъ обратиться чрезъ Мозырь, Бобруйскъ къ Мстиславлю, держа, сколь можно, параллельное направленіе съ дорогою, отъ Минска чрезъ Оршу къ Смоленску идущею.

Генералъ-лейтенантъ Раевскій двумя рапортами доноситъ: первымъ, что полковникъ Ефремовъ съ двумя полками по сіе время долженъ находиться на Коломенской дорогѣ; и 2-й,—что сейчасъ онъ получилъ извѣстіе, что непріятель съ Каширской дороги слѣдуетъ къ Подольску и отъ онаго находится въ шести верстахъ, почему посты, стоявшіе на Серпуховской дорогѣ, отступаютъ на сію сторону рѣки Пахры.

Генералъ-адъютантъ Васильчиковъ рапортомъ, въ 6-мъ часу пополудни полученнымъ, подтверждаетъ то же самое извѣстіе.

11-го сентября. Генералъ-маіоръ Дороховъ доставилъ перехваченную почту въ двухъ запечатанныхъ мѣшкахъ и третій мѣшокъ съ ограбленными церковными вещами.

Полковникъ Ефремовъ доноситъ, что непріятель тронулся отъ Боровской переправы и слѣдуетъ по Коломенской дорогѣ въ большихъ силахъ. Генералъ-лейтенантъ Раевскій,—что непріятель усиливается пѣхотою. Генералъ-адъютантъ Васильчиковъ,—что непріятель идетъ по дорогѣ къ городу Подольску и имѣетъ кавалерію, артиллерію и пѣхоту, число коихъ, вѣроятно, не простирается болѣе трехъ или 4000. Подполковникъ Штакельбергъ съ отрядомъ своимъ, напавъ на непріятельскій пикетъ у села Знаменскаго, много изъ сихъ покололъ и взялъ въ плѣнъ 11 человѣкъ. А полковникъ Ефремовъ въ 8-мъ часу пополудни рапортуетъ, что непріятель ночуетъ около города Бронницы, занявъ состоящее отъ онаго верстахъ въ пяти селеніе Борщово.

12-го сентября. Вслѣдствіе рапорта генералъ-адъютанта Васильчикова, непріятель противъ селенія Іомъ переправился черезъ рѣку Пахру

и слѣдуетъ на Подольскъ въ немаломъ количествѣ кавалеріи, артилеріи и пѣхоты.

Генералъ-маіоромъ Дороховымъ пойманы по Можайской дорогѣ два курьера съ депешами; сожжены 20 ящиковъ съ снарядами и взято 200 человѣкъ плѣнныхъ, въ числѣ коихъ 5 офицеровъ.

Полковникъ Балабинъ рапортуетъ, что непріятель, остановившійся, въ селѣ Знаменскомъ, по сю пору тамъ, и что пикетная команда, примѣтя непріятельскій разъѣздъ, напала на него и разбила оный, при чемъ взято въ плѣнъ 1 офицеръ и 21 рядовый.

Генералъ-отъ-инфантеріи Милорадовичъ присоединилъ два егерскихъ полка къ кавалеріи на аванпостахъ, противъ деревни Десны находящейся, послѣ чего непріятель, оставя пикеты и немного пѣхоты въ одной части деревни Десны за мостомъ, отступилъ съ кавалеріею за высоты; наши же посты оставались въ другой части деревни и на мосту. Передъ самымъ вечеромъ непріятель атаковалъ наши аванпосты, стараясь ихъ сбитъ и занять ту деревню, но удержанъ былъ нашими стрѣлками съ резервами; деревня же зажжена его выстрѣлами.

Въ вечеру непріятель сбилъ аванпосты генералъ-лейтенанта Раевскаго, находящіеся на лѣвомъ берегу рѣки Пахры при деревнѣ и потянулся вверхъ по Деснѣ; у него находились четыре полка кавалеріи при орудіяхъ и пѣхотѣ.

13-го сентября. Генералъ-отъ-инфантеріи Милорадовичъ рапортуетъ по полученнымъ донесеніямъ генераловъ:

Шевича,—что непріятель, безуспѣшно атаковавшій наши аванпосты, имѣлъ по ту сторону рѣки Десны, по крайней мѣрѣ, шесть кавалерійскихъ полковъ.

Бороздина,—что непріятель принудилъ отступить за рѣку бывшіе по другой сторонѣ расположенные казачьи Грекова 21-го и 18-го полки.

Полковникъ Балабинъ 2-й рапортуетъ, что полкъ его пятью тысячами непріятельской кавалеріи, шедшей сею стороною рѣки Пахры отъ большой Коломенской дороги, принужденъ былъ отступить къ Подольску. Изъ послѣдующихъ рапортовъ, сего числа отъ него же полученныхъ, явствуетъ, что непріятель въ большомъ количествѣ направлялъ силы свои къ Подольску; потомъ, прошедъ оный, слѣдовалъ по Серпуховской дорогѣ, отдѣляя часть къ Чирикову. Во 2-мъ часу пополудни генералъ-отъ-инфантеріи Милорадовичъ доноситъ, что непріятель переправился чрезъ Десну при селеніи Дубровицѣ, а въ 9-ть часовъ вечера,—что казачій полкъ Грекова, узнавъ переправу непріятеля, напалъ на него, перекололъ 40 человѣкъ, взялъ въ плѣнъ ротмистра польской

гвардіи и оной же гвардіи адъютанта, улановъ 14 и голландской гвардіи 19 человѣкъ.

Изъ третьяго рапорта того же числа, отъ генерала Милорадовича полученнаго,—что непріятель обходилъ насъ въ большихъ силахъ по дорогѣ отъ Подольска къ Чирикову и что уже перешелъ въ Подольскѣ рѣку Пахру.

Полковникъ Ефремовъ доноситъ, что непріятель въ 3-хъ полкахъ кавалеріи, въ одномъ полку пѣхоты и не маломъ количествѣ орудій слѣдуетъ отъ Бронницы къ Шубину, гдѣ ночевалъ и по сіе время находится.

14-го сентября. Генералъ-отъ-инфантеріи Милорадовичъ увѣдомляетъ въ 6-ть часовъ пополудни, что непріятель, усилившійся въ Дубровицѣ, въ сію минуту начинаетъ дебушировать по большой дорогѣ, чрезъ которую наши войска шли къ Луковнѣ и Поливанову. Онъ уже занимаетъ Луковню.

Изъ рапорта генералъ-маіора Паскевича видно, что непріятель расположенъ по вчерашнему, въ селеніи Знобишинѣ,—на дорогахъ, ведущихъ въ Красную Пахру и черезъ Сатино въ Чириковъ.

15-го сентября. Генералъ-маіоръ Дороховъ взялъ въ плѣнъ 4 офицера и 287 человѣкъ нижнихъ чиновъ, и самъ находится въ селеніи Бурцовѣ на Боровской дорогѣ.

Генералъ-лейтенантъ графъ Остерманъ извѣщаетъ, что непріятель въ большихъ силахъ замѣченъ отъ него вправо, и полагаетъ, что онъ идетъ на Серпуховскую дорогу.

Генералъ-маіоръ Дороховъ разбилъ совершенно гвардейскихъ 2 эскадрона и батальонъ пѣхоты; при семъ случаѣ взялъ въ плѣнъ 1-го полковника, 4 офицера и 186 рядовыхъ; появившееся подкрѣпленіе сему отряду часъ спустя прогнано болѣе двухъ верстъ и также весьма много побито.

16-го сентября. Полковникъ Ефремовъ встрѣтилъ непріятеля, шедшаго отъ Боровскаго перевоза къ Подольску, у селенія Вишневскаго, разбилъ его совершенно и взялъ въ плѣнъ до 500 человѣкъ.

Генералъ-адъютантъ Корфъ увѣдомляетъ, что имъ вчерашняго числа отбитъ обозъ, въ коемъ нашлись бумаги; при семъ случаѣ взято шесть плѣнныхъ.

17-го сентября. Генералъ-отъ-инфантеріи Милорадовичъ доноситъ о довольно жаркомъ дѣлѣ, бывшемъ сего числа въ авангардѣ подъ его командою. Охотники изъ ратниковъ, съ примѣрнымъ мужествомъ бросаясь на штыки, выжали непріятеля изъ деревни Чириковой; въ семъ дѣлѣ взятъ въ плѣнъ адъютантъ князя Понятовскаго—ротмистръ графъ Потоцкій и бригадный генералъ Ферріе, начальникъ главнаго штаба

Неаполитанскаго Короля, съ находившемся при немъ офицеромъ по квартирмейстерской части.

Сего числа Король неаполитанскій принялъ начальство надъ авангардомъ непріятельскихъ войскъ.

18-го сентября. Полковникъ князь Вадбольскій прибылъ съ Маріупольскимъ гусарскимъ полкомъ и 500 казаками въ назначенное ему селеніе Ожегово, откуда посылалъ партіи казаковъ по большой Боровской дорогѣ для развѣдыванія непріятеля, самъ же пошелъ по сторонѣ Можайской и Рузской дорогъ.

Непріятель, подъ командою маршала Бессіера, показался сегодня въ шести колоннахъ по Калужской дорогѣ, съ коими была перестрѣлка, и аванпосты наши отступили по сей дорогѣ на версту.

Полковникъ Ефремовъ увѣдомляетъ отъ 16-го сентября, что непріятеля у Боровскаго перевоза и далѣе верстъ за 5 вовсе нѣтъ.

Генералъ-Адъютантъ Корфъ доноситъ, что непріятель, подъ прикрытіемъ десяти эскадроновъ конницы и артиллеріи, посылалъ фуражировать въ деревню Климово; въ вечеру же, посылавъ за тѣмъ самымъ предметомъ, непріятель былъ атакованъ полковникомъ Балабинымъ, который разбилъ его совершенно, при чемъ 200 человѣкъ положено на мѣстѣ и 85 человѣкъ съ двумя унтеръ-офицерами взяты въ плѣнъ, въ числѣ плѣнныхъ 44 кирасира.

19-го сентября. Генералъ-адъютантъ баронъ Корфъ рапортуетъ, что посланныя имъ казацкія партіи разбили нѣсколько непріятельскихъ эскадроновъ и взяли 102 человѣка въ плѣнъ.

20-го сентября растахъ.

Генералъ-отъ-инфантеріи Милорадовичъ отъ 19-го сентября увѣдомляетъ, что непріятель въ 5 часовъ пополудни атаковалъ около деревни Чириковой расположенные наши аванпосты, кои отступили къ деревнѣ Голохвастовой и остановились въ полуверстѣ отъ оной. Генералъ Милорадовичъ расположилъ такимъ образомъ, что его аванпосты и аванпосты графа Остермана остаются на занимаемыхъ ими мѣстахъ и будутъ имѣть между собою тѣснѣйшую связь.

Казаки, узнавъ что французы грабятъ 11 верстъ отъ Москвы по Владимірской дорогѣ въ селѣ Ивановомъ, напали на нихъ и взяли 11 человѣкъ въ плѣнъ.

Изъ 2-хъ рапортовъ генералъ-лейтенанта Эртеля явствуетъ, что 2 сентября одержалъ онъ надъ непріятелемъ подъ Глускомъ поверхность. При семъ случаѣ достался намъ въ добычу магазинъ съ собраннымъ хлѣбомъ и взято въ плѣнъ 3 офицера и до 80 человѣкъ нижнихъ

чиновъ. Разбивши непріятеля, преслѣдовалъ онъ его по дорогѣ, ведущей къ Горбачевичу, и встрѣтивъ его близъ онаго, одержалъ 3-го сентября вторичную надъ нимъ поверхность, плодами которой было 5 плѣнныхъ офицеровъ, 154 человѣка нижнихъ чиновъ и болѣе 1000 убитыхъ. Корпусъ генералъ-лейтенанта Эртеля находится въ Мозырѣ; отряды посылаются по Могилевской дорогѣ.

Въ заключеніе присовокупляетъ онъ, что, по показанію плѣнныхъ офицеровъ, французскій маршалъ Викторъ, съ сорока тысячами свѣжихъ войскъ вышедшій изъ Франціи спѣшитъ, соединиться съ большою непріятельскою арміею.

Вторымъ рапортомъ доноситъ генералъ-лейтенантъ Эртель о разныхъ сшибкахъ происходившихъ между его отрядами и непріятелемъ, по Пинской дорогѣ находившемся; въ сихъ небольшихъ дѣлахъ полковникъ Исаевъ 2-й напалъ близъ мѣстечка Лафа на 200 непріятелей, разбилъ ихъ совершенно и взялъ въ плѣнъ 1 офицера и 71 нижнихъ чиновъ, а генералъ-маіоръ Запольскій, послѣ упорнаго сопротивленія, разбилъ вовсе непріятеля и взялъ въ плѣнъ 1 штабъ-офицера, 2-хъ оберъ-офицеровъ и до ста человѣкъ нижнихъ чиновъ, и одну пушку. Слѣдствіемъ сей побѣды было занятіе Пинска, въ которомъ найдено много припасовъ всякаго рода, особенно же казенной соли.

Полковникъ князь Вадбольскій доноситъ, что онъ, перешедъ Боровскую дорогу къ сторонѣ Можайской, остановился близъ селенія Разсудово, что по проселочному тракту до Кубинскаго. Посланными отъ него партіями поймано 15 мародеровъ.

Въ вечеру генералъ Милорадовичъ доноситъ, что пѣхота и часть кавалеріи расположены около Воронова и что аванпосты на прежнихъ мѣстахъ по всей линіи и на всѣхъ пунктахъ. Но рапортомъ, отъ него нѣсколько часами позже полученнымъ, извѣщаетъ, что непріятель, дѣлая движенія на всѣхъ пунктахъ, заставилъ наши аванпосты съ подкрѣпленіями кавалеріи отступить и приблизиться къ занятой имъ позиціи впереди Воронова, гдѣ былъ встрѣченъ по всей линіи расположенными батареями; непріятельскіе маневры рѣшили генерала Милорадовича отступить за Вороново, разстояніемъ съ четверть версту.

21-го сентября. Армія сдѣлала отступной маршъ по Калужской дорогѣ 13 верстъ и остановилась въ селѣ Тарутинѣ.

Полковникъ князь Вадбольскій съ ввѣреннымъ ему отрядомъ прибылъ къ селенію Бархатову, откуда посылаетъ разныя партіи, какъ для истребленія непріятельскихъ мародеровъ, такъ равно и для развѣдыванія о непріятелѣ къ сторонѣ Можайска.

Въ ночь съ 20 на 21 сентября генералъ Милорадовичъ сдѣлалъ ночную экспедицію, во время которой взято въ плѣнъ 83 человѣка.

Генералъ Милорадовичъ доноситъ, что непріятель началъ свое движеніе въ 2 часа пополудни, но былъ удерживаемъ на всякомъ удобномъ мѣстѣ.

Близъ Спасскаго села поставлено было 14 орудій, опрокинувшихъ непріятельскія колонны, выходившія изъ лѣса, и сбившихъ непріятельскую батарею, подбивъ у нихъ три орудія и взорвавъ 4 ящика. Во время отступленія батарей сильно преслѣдовали оную ядрами. Артиллерія наша столь удачно дѣйствовала, что непріятельская кавалерія принуждена была скрыться въ лѣсъ. При семъ дѣлѣ взято въ плѣнъ 3 офицера и болѣе 100 человѣкъ нижнихъ чиновъ.

Генералъ-адъютантъ Винцингероде находится по сихъ поръ въ Пешкахъ, и непріятель не дѣлаетъ никакого движенія ни по Петербургской, ни по Дмитровской, ни по Ярославской дорогамъ. Авангардъ генералъ-лейтенанта Винцингероде стоитъ въ селѣ Черная Грязь; казаки, напавшіе на непріятеля въ селеніи Соколовѣ, разбили его совершенно и взяли въ плѣнъ 3 оберъ и 15 унтеръ-офицеровъ и 83 рядовыхъ, положивъ на мѣстѣ баталіоннаго командира, 3 офицеровъ и 120 человѣкъ нижнихъ чиновъ. Маіоръ Прендель посланъ съ отрядомъ, изъ 200 человѣкъ состоящимъ, къ городу Рузѣ, дабы безпокоить непріятельскую коммуникацію около Можайска.

22-го сентября. Кромѣ плѣнныхъ, взятыхъ въ вышеозначенныхъ дѣлахъ, поймано еще ополченіями окружныхъ губерній и поселянами столько, что число всѣхъ взятыхъ съ 2-го по 21 число простирается болѣе 5000 человѣкъ.

23-го сентября. Генералъ Милорадовичъ, въ дополненіе вчерашняго рапорта, доноситъ, что вчерашняго числа всего взято въ плѣнъ 10 офицеровъ, болѣе 150 рядовыхъ и, по словамъ плѣнныхъ, истреблено 7 полковъ кавалерійскихъ: 4 французскихъ, 2 польскихъ и 1 виртембергскій. Плѣнные извѣщаютъ также, что-слѣдующіе семь полковъ вмѣстѣ имѣютъ только 700 лошадей, какъ то: французскихъ 4, а именно 11-й и 12-й конно-егерскіе, 5-й и 9-й гусарскіе, 1 виртембергскій уланскій, 1 прусскій уланскій и 1 польскій гусарскій. Полковникъ Вадбольскій доноситъ, что разосланными отъ него партіями истреблено болѣе 100 французскихъ мародеровъ. Главный отрядъ означеннаго полковника находится въ селѣ Обухово, что на Верейской дорогѣ.

Генералъ Милорадовичъ въ 7 часовъ пополудни сообщилъ извѣстіе, что непріятель началъ свои движенія въ 10-мъ часу на первую

позицію за деревнею Спасской, откуда авангардъ ретировался; на второй же позиціи, у деревни Черимной, мѣсто было удержано.

Армія имѣла растахъ; между тѣмъ, укрѣпляли лагерь близъ села Тарутина.

24-го сентября. Главная квартира генералъ-фельдмаршала перенесена изъ села Тарутина въ деревню Леташевку, что за лагеремъ по Калужской дорогѣ.

Полковникъ князь Вадбольскій находится въ селѣ Никольскомъ, близъ города Вереи, откуда для развѣдыванія непріятеля посылаются имъ партіи, коими пойманъ капитанъ артиллеріи съ бывшими при немъ бумагами и истреблено въ селеніи Горкахъ 12 человѣкъ непріятельскихъ мародеровъ. Генералъ-адъютантъ Винцингероде изъ деревни Давыдовки отъ 17 сентября рапортуетъ что непріятель дѣлалъ движенія по Владимірской дорогѣ и обратно пошелъ къ Москвѣ, и что непріятельскіе аванпосты по всѣмъ дорогамъ отъ оной столицы не удаляются. Равномѣрно доноситъ онъ, что полковникъ Иловайской 12-й, въ ночь съ 14-го на 15-е число разбилъ совершенно французскій авангардъ, при чемъ взялъ въ плѣнъ 1 офицера и 270 рядовыхъ; уронъ непріятеля долженъ быть весьма великъ, ибо онъ былъ преслѣденъ нѣсколько верстъ.

Полковникъ Бенкендорфъ посланными къ Рузѣ и Можайску партіями, доходившими почти до оныхъ городовъ, взялъ въ плѣнъ 315 человѣкъ, а партія, посланная къ Гжатску, еще не возвратилась.

Ополченіе Рязанской губерніи расположено по правому берегу рѣки Оки и, обезпечивая губернію отъ непріятельскихъ нападеній, прикрываетъ большую дорогу, къ Рязани ведущую, особенно же всѣ транспорты, идущіе Окою къ арміи.

Ахтырскаго гусарскаго полка подполковникъ Давыдовъ, командующій особымъ отрядомъ, выступилъ изъ Юхнова на Вязьму и въ виду онаго города 16-го числа напавъ на французскій отрядъ, прикрывавшій транспортъ артиллерійскихъ снарядовъ, разбилъ оный совершенно, при чемъ положилъ на мѣстѣ до 250 человѣкъ, взялъ въ плѣнъ 2-хъ офицеровъ и 146 рядовыхъ и получилъ въ добычу 20 подводъ съ фуражемъ и провіантомъ и 10 фуръ съ снарядами. 18-го числа маіоромъ Темировымъ, посланнымъ съ особою партіею, убито до 100 человѣкъ, взято въ плѣнъ 125 человѣкъ и досталась въ добычу 1 фура съ артиллерійскими снарядами. Подполковникъ Давыдовъ, продолжая свое движеніе 19-го числа, явился вновь на большую дорогу между Семлевой и Вязьмою, къ селу Юреневу и, атаковавъ 2 баталіона 2-го Поль-

скаго полка и 1 Вестфальскій баталіонъ, взялъ въ плѣнъ 1 капитана и 142 человѣка нижнихъ чиновъ, и сжегъ 100 человѣкъ, засѣвшихъ въ деревнѣ и не хотѣвшихъ сдаться; въ сіе самое время взорваны многія ящики на воздухъ, взято 72 пары воловъ, употребленныхъ для возки парковъ, и истреблены нѣсколько мельницъ, въ коихъ непріятель мололъ хлѣбъ.

Артиллеріи штабсъ-капитанъ Фигнеръ съ ввѣреннымъ ему отрядомъ истребилъ въ окрестностяхъ Москвы все продовольствіе, положилъ на мѣстѣ до 400 непріятелей, бывшихъ въ селахъ, лежащихъ между Тульскою и Звенигородскою дорогами, взорвалъ на Можайской дорогѣ паркъ, привелъ въ совершенную негодность 6 батарейныхъ орудій и потопилъ оныя въ болото, взорвалъ на воздухъ 18 ящиковъ, къ орудіямъ принадлежащихъ; при семъ взято въ плѣнъ 1 полковникъ, 4 офицера и 58 рядовыхъ, а положено на мѣстѣ великое число рядовыхъ и 3 унтеръ-офицера. Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка поручикъ фонъ-Визенъ съ партіею казаковъ слѣдовалъ по Боровской дорогѣ къ Москвѣ, за селеніе Ожегово, но непріятеля нигдѣ не встрѣтилъ. У селенія Детково положилъ на мѣстѣ 15 человѣкъ непріятельскихъ фуражировъ и 2-хъ взялъ въ плѣнъ. Онъ доноситъ, что въ Боровскомъ уѣздѣ жители вооружены и при появленіи непріятеля сосѣднія селенія сбираются въ назначенное мѣсто. Между прочимъ въ селѣ Каменскомъ примѣчено имъ до 1000 человѣкъ вооруженныхъ крестьянъ, конныхъ и пѣшихъ, коими 23-го числа прогнаны непріятельскіе фуражиры, при чемъ убитъ 1 офицеръ и 6 рядовыхъ.

25-го сентября армія имѣла растахъ.

Полковникъ князь Вадбольскій доноситъ, что онъ 22-го числа прибылъ къ Верейской дорогѣ и расположился между селеніями Литвиновымъ и Новинскимъ, и посылаемыми отъ него партіями истреблено въ разное время до 200 человѣкъ, между коими 1 офицеръ. Вслѣдствіе рапорта начальника Черниговскаго ополченія генералъ-лейтенанта графа Гудовича о появившейся въ городѣ Рославлѣ непріятельской партіи, угрожающей городъ Брянскъ, въ коемъ находится артиллерійскій арсеналъ, предписано начальнику Калужскаго ополченія генералъ-лейтенанту Шепелеву, для подкрѣпленія прежде посланнаго туда отряда, составить изъ ополченія и регулярныхъ войскъ съ 1-мъ полкомъ казачьимъ Донскимъ корпусъ изъ 5000 человѣкъ, снабдивъ оный 9 пушками.

26-го сентября армія имѣла растахъ.

Полковникъ князь Вадбольскій рапортуетъ отъ 25-го сентября,

что онъ намѣренъ перейтить въ селеніе Сивково, состоящее между Вереею и Можайскомъ. Партіями его истреблено до 100 непріятелей и взято въ плѣнъ 16 человѣкъ.

Занимаемый нынѣ арміею укрѣпленный лагерь на правомъ берегу Нары, при Тарутинѣ, позволяетъ отдѣлять отъ оной значущія партіи, которымъ предписано имѣть въ виду не токмо истребленіе непріятельскихъ мародеровъ и фуражировъ и обезпокоиваніе непріятеля, но которыя силою своею должны быть въ состояніи наносить ему чувствительный вредъ, который ему въ настоящее время будетъ тѣмъ ощутительнѣе, что онъ претерпѣваетъ сильнѣйшій недостатокъ въ фуражѣ и въ провіантѣ, простирающійся до того, что въ непріятельской арміи, по единогласному увѣренію плѣнныхъ, употребляютъ въ пищу лошадиное мясо, не взирая на то, что мяса еще болѣе у нихъ имѣется, чемъ хлѣба.

Первая подъ командою генералъ-маіора Дорохова, состоящая изъ 5-ти баталіоновъ пѣхоты, 4-хъ эскадроновъ Елисаветградскаго гусарскаго полка и двухъ казачьихъ полковъ при 8 орудіяхъ. Сверхъ того, полковнику князю Вадбольскому съ ввѣреннымъ ему отрядомъ предписано соединиться съ генералъ-маіоромъ Дороховымъ и состоятъ въ его командѣ. Партіи сей назначено истребивъ непріятельскія укрѣпленія въ Вереи, дѣйствовать по пространству между Гжатью и Можайскомъ.

Второй партіи, подъ командою артиллеріи капитана Фигнера, предписано дѣйствовать между Можайскомъ и Москвою.

Третья партія поручена адъютанту Его Высочества полковнику князю Кудашеву, коему дано направленіе на Серпуховскую дорогу, гдѣ, сдѣлавъ надъ непріятелемъ поиски къ сторонѣ Подольска, стараться обойти непріятельскую армію и соединиться съ партіею капит. Фигнера.

Всѣ разосланныя партіи хотя и находятся въ различныхъ отъ арміи направленіяхъ, но не менѣе того составляютъ между собою непрерывную связь, что удобно видѣть можно, сообразя взаимное ихъ положеніе. Отъ Смоленска до Гжатска дѣйствуетъ подполковникъ Давыдовъ, отъ Гжатска до Можайска генералъ-маіоръ Дороховъ, а отъ Можайска до Москвы капитанъ Фигнеръ. Удачныя нападенія на непріятеля и множество плѣнныхъ, доставшихся симъ начальникамъ въ то время, когда они имѣли малые токмо отряды, ручаются за вѣрный и надежный успѣхъ, который имъ нынѣ предстоитъ, тѣмъ болѣе, что теперь партіи ихъ противу прежнихъ гораздо сильнѣе и что они, какъ выше упомянуто, находятся между собою въ связи и дѣйствуютъ согласно по одному плану и къ одной цѣли.

27-го сентября. Смоленской губерніи Бѣльскаго уѣзда предводитель дворянства Коленовъ, городничій Адамовичъ и исправникъ Богуславскій доносятъ, что хотя городъ ихъ отъ непріятельскаго нашествія по сихъ поръ и былъ избавленъ, но не менѣе того показываются непріятельскія партіи для грабительства; а посему жители означеннаго города, движимые чувствами истинныхъ Россіянъ, составили единодушнымъ согласіемъ общее ополченіе, которое съ неусыпною дѣятельностію дѣйствуетъ на истребленіе враговъ.

Неоднократно уже являются крестьяне изъ многихъ селеній, близъ мѣста расположенія арміи находящихся, и испрашивая усильно ружей съ патронами для защиты отъ непріятеля, они уже истребили ихъ не малое число и при всякой встрѣчѣ, рѣшительно нападая на враговъ, не сходятъ съ мѣста, не разбивъ оныхъ совершенно. Между прочимъ казенные крестьяне Боровскаго уѣзда, слободы Каменской, соединились подъ присягою для общаго своего защищенія съ тѣмъ, что положено жестокое наказаніе на случай, если бы оказался кто изъ нихъ трусомъ, или бы измѣнилъ другъ другу. По мѣрѣ возможности, просбы сихъ почтенныхъ крестьянъ удовлетворяются и имъ даютъ ружья и пистолеты.

Генералъ-лейтенантъ графъ Витгенштейнъ отъ 13-го сентября изъ мызы Соколищево доноситъ, что, до усиленія ввѣреннаго ему отряда не предпринимая ничего важнаго, отряжаетъ отъ онаго токмо партіи. Полковникъ Родіоновъ 2-й, откомандированный съ таковою партіею, разбилъ многіе непріятельскіе отряды и нанесъ непріятелю весьма важный вредъ; онъ истребилъ совершенно 3-й легкій полкъ 2-й кавалерійской дивизіи, взявъ въ плѣнъ 1 подполковника, 4 оберъ-офицера, 4 военныхъ коммисара и 184 рядовыхъ; убито 80 офицеровъ и болѣе 400 рядовыхъ; въ добычу досталось 300 лошадей, 40 бочекъ вина, 1000 печеныхъ хлѣбовъ, муки и овса до 5000 четвертей и 100 штукъ рогатаго скота.

Полковникъ князь Кудашевъ рапортуетъ, что онъ пришелъ между дорогами старою Калужскою и Серпуховскою до деревни Жуковой и видѣлъ съ тылу непріятельскій авангардъ, который, по его мнѣнію, простирается до 20.000 человѣкъ. Онъ отправилъ партіи казаковъ.

28-го сентября. Полковникъ князь Кудашевъ рапортуетъ, что узнавъ, что непріятель находится въ селѣ Никольскомъ въ числѣ 2.500 человѣкъ, напалъ на нихъ съ 300 казаками; атака была стремительна и пораженіе непріятеля конечное, ибо онъ, не взирая на великое превосходство свое, былъ обращенъ въ бѣгство, при чемъ убитъ французскій генералъ Бовье, коего лошадь досталась въ добычу казакамъ; во нѣ-

которомъ отъ мѣста сраженія разстояніи непріятель, собравъ разстроенныя силы свои, ожидалъ вновь нашей атаки, которая была столь же, какъ и первая, стремительна и удачна. Князь Кудашевъ, отдавая должную похвалу подполковнику Харитонову, есаулу Патилееву, сотнику Платову и хорунжему Басову, доноситъ въ заключеніе, что непріятель оставилъ на мѣстѣ сраженій убитыхъ 100, а плѣнныхъ 200 человѣкъ, при чемъ много кирасиръ. Потомъ перешелъ на Калужскую дорогу, а князь Кудашевъ взялъ направленіе на Серпуховскую дорогу для дальнѣйшихъ дѣйствій.

Генералъ Милорадовичъ доставилъ 27 и 28 сентября изъ авангарда плѣнныхъ офицеровъ 4 и 346 нижнихъ чиновъ.

29-го сентября. Главная армія оставаясь въ своей позиціи, не дѣлала движенія.

Полковникъ князь Кудашевъ рапортуетъ, что прибылъ съ ввѣреннымъ ему отрядомъ къ Лопаснѣ и Чепелеву, откуда извѣстилъ серпуховскаго исправника о успокоеніи жителей Серпуховскаго уѣзда. При семъ рапортѣ доставилъ онъ 13 человѣкъ плѣнныхъ.

Артиллеріи капитанъ Фигнеръ находится между большою непріятельскою арміею и его авангардомъ и старается въ столь выгодномъ для него положеніи узнавать о силѣ, движеніяхъ и намѣреніяхъ непріятеля. Въ теченіе двухъ дней доставлено имъ плѣнныхъ до 200 рядовыхъ и 4 офицера.

Генералъ Милорадовичъ рапортуетъ, что посланная на правый непріятельскій флангъ партія казаковъ доѣзжала до деревни Спаской, гдѣ нашедъ на непріятельскія пикеты у самыхъ биваковъ, сдѣлала на оныя нападеніе. Казаки считаютъ пѣхоты ихъ болѣе 3000; захвативши нѣсколько лошадей, казаки возвратились безъ малѣйшей потери.

30-го сентября армія имѣла растахъ.

Начальникъ Калужскаго ополченія генералъ-лейтенантъ Шепелевъ доноситъ, что въ слѣдствіи даннаго ему предписанія, выступила часть ополченія съ присовокупленіемъ регулярныхъ войскъ, 6 орудій и одного Тептерскаго казачьяго полка въ Брянскъ, угрожаемый изъ Рославля непріятелемъ.

Полковникъ князь Кудашевъ доставилъ два рапорта: первымъ изъ села Молади, препровождая 13 человѣкъ плѣнныхъ, увѣдомляетъ, что получилъ извѣстіе о Императорѣ Наполеонѣ, что онъ выѣзжалъ на нѣсколько дней изъ Москвы, но опять туда возвратился.

Вторымъ, оттуда же, что посланная отъ него партія съ капитаномъ Кожуховымъ, который, присоединясь къ прежде посланной партіи, пе-

решелъ черезъ рѣку Могу въ деревню Черадаеву, куда непріятель бросился и откуда произвелъ на нихъ сильную пальбу. Потомъ, вышедъ изъ деревни, построилъ непріятель каре, на который наши ударивъ съ рѣшительною храбростію, положили на мѣстѣ 40, а въ плѣнъ взяли 60 человѣкъ, при чемъ капитанъ Тубье раненый въ руку.

Генералъ-маіоръ Дороховъ, отряженный на Можайскую дорогу, и коему приписано было имѣть первоначально въ виду истребить укрѣпленія, непріятелемъ въ Вереѣ сдѣланныя, рапортомъ доноситъ, что означенныя укрѣпленія, выстроенныя на крутой горѣ, имѣющей саженъ вышины, обнесенныя кругомъ палисадомъ, черезъ полчаса, не взирая на упорство осажденныхъ, взялъ штурмомъ безъ одного выстрѣла, при чемъ кромѣ многаго числа убитыми, взято въ плѣнъ болѣе 350 рядовыхъ, 14 штабъ и оберъ-офицеровъ, комендантъ и 1 знамя вестфальское.

На штурмѣ Вереи четыре мѣщанина сего города вели наши колонны съ неописаннымъ мужествомъ; трудность предпріятія не охладѣли въ сердцахъ ихъ любви къ отечеству, и первые бросились на крѣпостные валы; одинъ изъ нихъ раненъ и всѣ четверо награждены знакомъ отличія военнаго ордена.

Доставшіяся при взятіи Вереи намъ 500 непріятельскихъ ружей раздѣлены между крестьянами.

1-го октября. Армія оставалась во прежде занимаемой ею позиціи. Нижегородскій гражданскій губернаторъ доноситъ, что прибывшіе къ Нижнему Новгороду 5-й Уральской казачій, 3-й и 4-й башкирскій полки выступили изъ онаго для присоединенія къ корпусу ген.-лейт. графа Витгенштейна, въ слѣдствіе даннаго о семъ предварительнаго предписанія.

Генералъ Милорадовичъ рапортуетъ, что непріятельскіе аванпосты на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, и что казаки безпокояся по ночамъ, заставили ихъ усилить цѣпь свою.

Генералъ-маіоръ Дороховъ въ дополненіе вчерашняго рапорта своего доноситъ, что во Верее взято не 352 рядовыхъ, а 377 и 15 офицеровъ отправленные имъ въ Калугу, что полковникъ строитель Верейскихъ укрѣпленій; два инженерныхъ офицеровъ и болѣе 300 человѣкъ найдено убитыми. Печеный хлѣбъ для коего муку собиралъ непріятель въ окрестныхъ деревняхъ, розданъ войскамъ, а мука разсоренымъ крестьянамъ; собранными священникомъ соборной церкви Иваномъ Скобеевымъ до 1000 человѣками срыты на полисады солдаты получили хорошую денежную добычу.

Полковникъ Потемкинъ при рапортѣ доноситъ отъ авангарда 25 плѣнныхъ сего числа взятыхъ.

2-го октября. Начальникъ Калужскаго ополченія генералъ-лейтенантъ Шепелевъ по рапорту дошедшему къ нему отъ партизана подполковника Давыдова, находящагося близь Вязьмы доноситъ, что непріятель полками и сильными партіями имѣется по большой Московской дорогѣ отъ Смоленска, препровождавъ въ немаломъ количествѣ, какъ артилерію, такъ и парки.

Изъ Авангарда доставлено 23 плѣнныхъ.

Генералъ-маіоръ князь Урусовъ рапортуетъ, что онъ съ пятью полками прибылъ въ г. Тулу, гдѣ остановился впредь до дальнѣйшаго повелѣнія для доведенія людей къ лучшему познанію оборотныхъ движеній.

Полковникъ князь Кудашевъ отправляетъ партіи по Серпуховской и Калужской дорогамъ; одной предписано было слѣдовать до Чириково, а другой до Калужской дороги. 2-я партія узнавши, что непріятель обходитъ его съ лѣвой стороны, къ Воронову обратился назадъ. Хорунжей Басовъ, встрѣтивъ непріятельскій обозъ за Чириковымъ, напалъ на оный съ 50 казаками, взялъ 20 человѣкъ въ плѣнъ, 2 коляски, три брички. Посланные къ Подольску партіею открыто, что тамъ стоитъ пѣхота непріятельская съ 2-мя орудіями; князь Кудашевъ, будучи въ сношеніи съ полковникомъ Ефремовымъ, извѣстился отъ него, что непріятель находится въ большихъ силахъ въ селѣ Іомѣ Никоновѣ.

Князь Кудашевъ пошелъ самъ къ Лопаснѣ.

Вторымъ рапортомъ сего же числа полученнымъ полковникъ князь Кудашевъ доноситъ, что посланная отъ него партія отъ Вязьмы къ селу Васильевскому фуражирующихъ кирасиръ, напала на нихъ и прогнала до д. Петровской, гдѣ они предприняли оборону; но есаулъ Анафинъ ударивъ на нихъ взялъ въ плѣнъ 27 кирасиръ, 10 положили на мѣстѣ, а остальные спаслись бѣгствомъ.

3-го октября. Армія осталась на прежней позиціи.

Адмиралъ Чичаговъ доноситъ, что Волынская губернія войсками нашими отъ непріятеля очищена, который во время преслѣдованія нашего отступалъ повсюду. На дорогѣ находились разломанныя его повозки, разбитыя бочки и палыя лошади, что все доказываетъ поспѣшность его къ удаленію; въ теченіе сего времени взято нами плѣнныхъ: 5 офицеровъ и 333 унтеръ-офицера и рядовыхъ.

Генералъ Тормасовъ рапортуетъ, что непріятель ретируется съ великою поспѣшностью къ Бресту-Литовскому. Аріергарды его настигаются легкою нашей конницею . . . .*) убитыми до 2000 и плѣнныхъ

*) Пропускъ въ подлинникѣ. *Прим. Ред.*

болѣе 500 человѣкъ. Корпусъ князя Шварцерберха столь стѣсненъ былъ при отступленіи, что не имѣлъ времени присоединиться съ отрядомъ генералъ-маіоромъ Зигенталемъ, коихъ нашъ авангардъ отрѣзываетъ и не допускаетъ соединиться съ главной арміею.

Гвардіи капитанъ Сеславинъ рапортуетъ, что не доходя четырехъ верстъ до селеній Богородска встрѣтился съ непріятельскою кавалеріею и пѣхотою, изъ коихъ взялъ 15 человѣкъ въ плѣнъ, направился самъ ко Ожелову.

Кромѣ сихъ 15 плѣнныхъ, доставленныхъ сего числа въ главную квартиру, доставлено еще изъ авангарда 37 рядовыхъ и 1 офицеръ и отъ полковника князя Кудашева 26 человѣкъ.

4-го октября. Генералъ-отъ-кавалеріи Платовъ доставилъ при рапортѣ отбитое у непріятеля Симферопольскимъ конно-татарскимъ полкомъ церковное серебро вѣсомъ около пуда.

Полковникъ князь Кудашевъ рапортуетъ изъ Лопасни, что посланная отъ него партія встрѣтила въ селѣ въ Клеви, въ 5-ти верстахъ отъ Лопасни, непріятель, состоящаго въ пѣхотѣ и въ конницѣ прикрывавши фуражировъ, на коихъ казаки ударивъ опрокинули и отхватили 16 кирасиръ. Онъ доноситъ, что непріятель съ нѣкотораго времени становится весьма остороженъ, и фуражировъ не иначе посылаютъ, какъ подъ прикрытіемъ пѣхоты.

Ахтырскаго гусарскаго полка полковникъ Васильчиковъ доноситъ, что посланнымъ отъ него штабъ-ротмистромъ Вернеромъ захвачено въ 8 верстахъ въ право къ селенію Воронову непріятельскій пикетъ.

Артиллеріи капитанъ Фигнеръ, который всегда находится въ самой близости непріятеля, доноситъ, что вчерашняго числа взято имъ 40 отмѣннѣйшихъ артиллеристовъ и 2 офицера.

5-го октября. Генералъ-адьютантъ баронъ Винценгероде рапортуетъ, что отъ него посылаются отряды по всѣмъ дорогамъ, которые не только безпокоютъ непріятеля, но и дѣлаютъ на него удачнѣйшія нападенія. Такимъ образомъ 27 сентября подполковникъ Чернозубовъ съ отряженными 300 человѣками на непріятельскую коммуникаціонную линію, между Можайскомъ и Гжатью, произвелъ весьма удачное нападеніе, на весьма значущій непріятельскій конвой. При чемъ взято въ плѣнъ 14 офицеровъ, 36 унтеръ-офицеровъ и 383 рядовыхъ, положилъ на мѣстѣ столько же и захватилъ множество повозокъ.

Сверхъ того, генералъ-лейтенантъ Винценгероде доноситъ, что включая плѣнныхъ взятыхъ по Ярославской дорогѣ, и коихъ болѣе 250

человѣкъ взято въ теченіе недѣли его только отрядами, 33 офицера и 2792 унтеръ-офицера и солдатъ.

5-го октября. Гвардейской Артиллеріи капитанъ Сеславинъ рапортуетъ изъ деревни Смиглево въ четырехъ верстахъ отъ Каменной, что непріятельскій обозъ, изъ 300 подводъ состоящій, выступилъ съ Можайска, дорога изъ села Везіомовъ къ Боровской, подъ прикрытіемъ 4-хъ полковъ кавалеріи и 2-хъ баталіоновъ пѣхоты съ 8 орудіями, капитанъ Сеславинъ скрывши въ лѣсу . . . .*) пѣхоту и часть кавалеріи, на остальныхъ же напавъ, много побилъ, и всѣхъ лошадей надъ артиллеріею перекололъ и испортилъ упряжь.

Полковникъ князь Кудашевъ изъ Лопасни доноситъ, что узнавши о движеніи непріятеля близъ . . . . . .**) отправился онъ туда съ 300 донскими казаками, встрѣтивъ направлявшагося къ Серпуховской дорогѣ непріятеля въ числѣ 1.500 кавалеріи, не смотря на несоразмѣрность силъ, атаковалъ съ успѣхомъ, и взялъ въ плѣнъ 70 человѣкъ.

Генералъ-маіоръ Дороховъ рапортуетъ, что полковникъ князь Вадбольскій, будучи извѣщенъ о отрядѣ французской кавалеріи, слѣдовавшей въ числѣ 500 ч. къ селу Каменскому, вѣроятно фуражировать, атаковалъ оныхъ съ кавалеріею, и не взирая на отчаянное сопротивленіе непріятеля, разбилъ его, положилъ на мѣстѣ болѣе 100 человѣкъ, взялъ въ плѣнъ 4 офицера и 32 человѣка нижнихъ чиновъ.

Генералъ-адьютантъ Винценгероде доноситъ, что въ продолженіи сего времени его отряды по дорогѣ отъ Ярославля къ Дмитрову, отъ Твери къ Черной Грязи, въ окрестностяхъ отъ Сузы до Москвы и по дорогѣ отъ Смоленска между Можайскомъ и Гжатью, почти всегда съ успѣхомъ тревожили и нападали на непріятельскіе аванпосты, квартиры и отряды, а 27 сентября подполковникъ Чернозубовъ съ 300 человѣками посланныхъ по большой дорогѣ между Можайскомъ и Гжатью съ блистательною удачею истребилъ у непріятеля знатной конвой, захватилъ 14 оберъ, 36 унтеръ-офицеровъ и 383 рядовыхъ, убилъ такое же число и завладѣлъ большимъ числомъ экипажей, всѣхъ плѣнныхъ взятыхъ въ продолженіи 3-хъ недѣль и отосланныхъ уже въ Тверь, простирается до 33 офицеровъ и 2792 нижнихъ чиновъ, не говоря о 250 человѣкъ захваченныхъ по Ярославской дорогѣ. Непріятель, обезпокоенный сими успѣхами, съ корпусомъ отъ 6 до 7000 подъ командою генерала Пажоля, началъ съ 25-го сентября подвигаться по дорогѣ

*) Пропускъ въ подлинникѣ. *Прим. Ред.*
**) Пропускъ въ подлинникѣ. *Прим. Ред.*

къ Дмитрову, отразилъ нашъ отрядъ и безпокоя между Черною Грязью и Пещею лѣвый флангъ авангарда генерала Винценгероде вступилъ 28-го утра въ г. Дмитровъ и занявъ тамъ позицію распространилъ передовые свои посты по дорогѣ къ Клину за 8 верстъ отъ города.

28-го непріятель въ равныхъ силахъ наступилъ по большой дорогѣ къ Твери, оттѣснилъ нашъ передовой отрядъ и на другой день расположился лагеремъ предъ Черною Грязью.

По сему поводу главныя силы генералъ-адъютанта Винценгероде занимаютъ теперь положеніе при городѣ Клинѣ. Авангардъ его находится за 30 верстъ отъ сего города по дорогѣ отъ Москвы къ Петербургу, прочіе его отряды для наблюденія за непріятельскими движеніями занимаютъ необходимые . . . . . .*) на всемъ пространствѣ отъ Можайска до Дмитрова, генералъ-маіоръ Дороховъ увѣдомляетъ, что слѣдующій къ селенію Каменскому непріятельскій отрядъ въ 500 человѣкъ, нашею кавалеріею подъ командою князя Вадбольскаго атакованъ и послѣ отчаяннаго сопротивленія разбитъ съ потерею болѣе 100 убитыхъ, взято 4 офицера и 32 рядовыхъ.

Полковникъ князь Кудашевъ извѣстясь отъ жителей о движеніи непріятеля въ окрестностяхъ Алферова, съ двумя ввѣренными ему донскими полками, (въ) которыхъ за откомандировками не находилось болѣе 300 на лицо, рѣшился его атаковать и не смотря на несравненность силъ, по жестокой перестрѣлки при селеніи Алферовой уничтожено покушеніе 1500 непріятельской кавалеріи.

Гвардіи капитанъ Сеславинъ увѣдомляетъ, что дивизіонный генералъ Орани съ 4-мя полками кавалеріи, двумя баталіонами пѣхоты и 8-ю орудіями обратился на Боровскую дорогу съ поспѣшеніемъ пройдя Верею на Смоленскъ идти для сформированія въ Саксонію, предпринясь на проходѣ оному внезапнымъ нападеніемъ нанести вредъ, капитанъ Сеславинъ поспѣшно слѣдовалъ по бокъ за непріятелемъ, и перейдя его скрылся въ лѣсъ, черезъ который непріятель долженъ былъ слѣдовать: . . . . . **) чрезъ д. Кутасово всю его пѣхоту и часть кавалеріи подъ картечными и ружейными выстрѣлами стремительно ударилъ и опрокинулъ часть его кавалеріи и стрѣлковъ, искололъ лошадей, испортилъ упряжь и позади слѣдующей артилерійской фуры, но когда превосходный непріятель замѣтя слабыя силы нашего отряда готовился оный обойти пѣхотою, а кавалерія его повела рѣ-

*) Пропускъ въ подлинникѣ. *Прим. Ред.*
**) Пропускъ въ подлинникѣ. *Прим. Ред.*

шительную атаку, то гвардіи капитанъ Сеславинъ, не имѣя способовъ отъ всѣхъ силъ выдержать общаго нападенія, уклонился лѣсами къ Нарѣ для соединенія съ генералъ-маіоромъ Дороховымъ; въ семъ дѣлѣ непріятель потерялъ убитыми командующаго пѣхотой генерала, одного полковника, нѣсколько офицеровъ и 300 изъ нижнихъ чиновъ, съ нашей стороны уронъ простирался до 40 человѣкъ и 45 лошадей.

6-го октября. Армія вышедши изъ позиціи своей, при селѣ Тарутинѣ атаковала правымъ флангомъ бывшимъ подъ начальствомъ генерала-отъ-кавалеріи барона Бенигсена, корпусъ арміи непріятельской въ 50 тысячахъ, состоявшій подъ командою короля Неаполитанскаго, и расположенный при рѣкѣ Чернишнѣ, слѣдующимъ образомъ: еще до свѣта войски 2, 3 и 4 пѣхотныхъ корпусовъ, 10 казачьихъ полковъ, съ подкрѣпленіемъ четырехъ (полковъ) легкой кавалеріи въ совершенномъ порядкѣ и тишинѣ достигли въ назначенныхъ имъ пунктовъ; между тѣмъ, какъ остальная часть арміи послѣдовала ихъ движенію впередъ по большой дорогѣ. На разсвѣтѣ съ таковымъ же порядкомъ, прошедъ лѣсъ, отдѣлившій насъ отъ непріятеля, устремились на него казаки подъ командою генералъ-маіора графа Орлова-Денисова, бывшіе даже въ тылу лѣваго непріятельскаго крыла и вышесказанные пѣхотные корпуса, ударили столь быстро на безпечнаго непріятеля, что онъ долго не державшись, предпринялъ ретираду къ горамъ скоро потомъ сдѣлалась бѣгствомъ. Легкія наши войски съ артиллеріею подкрѣпляемыя конницею и пѣхотою, преслѣдовали отступающаго въ большомъ безпорядкѣ непріятеля за село Вороново. Потеря его въ сей день состоитъ за полторы тысячи плѣнными, въ томъ числѣ генералъ Дери, до 2500 человѣкъ на мѣстѣ оставленными, одного почетнаго штандарта перваго Кирасирскаго полка, 38 орудій, 40 зарядныхъ ящиковъ, всего обоза, между коимъ находился и обозъ Неаполитанскаго короля, наша же потеря не превышаетъ 300 человѣкъ убитыми и ранеными; но чувствительна смерть храбраго и достойнаго генералъ-лейтенанта Баговута, убитаго ядромъ съ начала дѣйствія, когда онъ обходилъ непріятельскій лѣвый флангъ.

За симъ армія вошла въ прежнюю позицію при Тарутинѣ. Авангардъ остался при Чернишнѣ, главные казачьи посты находятся въ Львовѣ, Богоявленскѣ, Трсицкомъ, а средоточіе ихъ въ селѣ Спасъ Купла; передовые же пикеты расположены предъ Вороновымъ.

7-го октября. По случаю сей одержанной надъ непріятелемъ побѣды, во всѣхъ корпусахъ приносимо было благодарственное молебствіе; а главнокомандующій съ нѣкоторыми изъ генералитета слушали

молебствіе при гвардіи, куда принесенъ былъ образъ Смоленской Богоматери.

8-го октября. Артилеріи капитанъ Фигнеръ рапортомъ своимъ доноситъ, что въ послѣднюю его экспедицію взялъ въ плѣнъ 5 офицеровъ, 345 рядовыхъ, убито 6 офицеровъ и 360 рядовыхъ. Часть плѣнныхъ положила оружіе при селѣ Каменномъ, другая часть взята при рекогносцированіи авангарда и наконецъ остальные въ селѣ Плесковѣ. Въ семъ послѣднемъ мѣстѣ непріятель въ числѣ 300 человѣкъ прикрывалъ большія заготовленія провіанта въ зернѣ и три тысячи четвертей муки, тамошнею мельницею смолонной. Капитанъ Фигнеръ все сіе вмѣстѣ съ мельницею предалъ огню, равно какъ и множество ржи и фуража въ окрестныхъ деревняхъ, куда фуражиры изъ арміи, не взирая на голодъ въ оной свирѣпствующій допускаемы не были. По мѣрѣ накопленія большого количества муки вся она отправлялась въ Москву. Непріятель, предпринявши защищаться, потерялъ половину убитыми, въ числѣ коихъ 5 офицеровъ наиболѣе упорствовавшихъ. Отъ чрезвчайнаго голода непріятель разсѣясь большими партіями ищетъ скрывающихся по мѣстамъ крестьянъ и отнимая сначала ихъ имущества, лишаетъ ихъ потомъ и жизни. Капитанъ Фигнеръ всѣхъ такихъ злодѣевъ, ему встрѣчавшихся истреблялъ. Уронъ съ нашей стороны во всю экспедицію состоитъ въ 2-хъ убитыхъ, ранены штабсъ-ротмистръ Ковалевскій и 5 рядовыхъ, убитыхъ лошадей хотя и болѣе 30 но всѣ онѣ замѣнены взятыми у непріятеля. Генералъ-маіоръ Дороховъ доноситъ двумя рапортами, первымъ отъ 7 октября, что онъ наканунѣ того числа атаковалъ легкою кавалеріею форпосты непріятеля находившагося при селѣ Мальковѣ и Фоминскомъ; 7 октября съ разсвѣтомъ возобновилъ пртивъ него атаку и ударивъ на него удачно, вмѣстѣ съ казаками, занялъ высоты, съ которыхъ весьма удобно могъ обозрѣть всѣ непріятельскія движенія; и остался цѣлый день въ сей позиціи. Вмѣстѣ съ отправленіемъ сего рапорта захваченной пленной, увѣдомилъ его, что генералъ Брюсьеръ, командующій 14-ой дивизіи принадлежащею къ 4-му корпусу со всей своей дивизіей, которой сила можетъ простираться отъ 8 до 10 тысячъ человѣкъ находится по той сторонѣ рѣки съ 16 пушками. Генералъ-маіоръ Дороховъ увѣрясь, что виденныя имъ войска непріятеля составляютъ только его авангардъ, и не сомнѣвается, что намѣреніе его есть удержать сей постъ и можетъ быть воспользовавшись превосходствомъ своихъ силъ истребить ввѣренный ему отрядъ. По сему обстоятельству, всю легкую кавалерію оставивъ на прежнихъ своихъ мѣстахъ, отступаетъ

онъ остальнымъ отрядомъ къ селенію Корякову, три версты предъ Добринымъ.

Вторымъ отъ 9-го октября, что 8-го числа сего мѣсяца, непріятель оставивъ авангардъ на своемъ мѣстѣ, перевелъ съ другой стороны рѣки 2 баталіона пѣхоты, одну пушку и часть кавалеріи. Послѣ 2-хъ часовъ перестрѣлки съ казаками, и не выигравъ болѣе полуверсты занялъ находящійся на лѣвомъ флангѣ его авангардъ лѣсокъ, и тамъ остановился; генералъ-маіоръ Дороховъ, предвидя по расположенію непріятеля, что онъ не можетъ никакимъ образомъ съ выгодою напасть на него старается всякими способами скрывать отъ него свои силы, и надѣется что увѣрилъ непріятеля въ томъ, что отрядъ его состоитъ изъ одной только кавалеріи и что онъ не имѣетъ при себѣ пѣхоты, ни пушекъ.

Движеніе генерала Брусіера, почитаетъ сей генералъ необходимымъ для французской арміи, потому что пока армія непріятельская находилась около Москвы, то коммуникаціонная его линія простиралась отъ Можайска до Москвы; теперь же находясь около Воронова, старается учредить кратчайшее сообщеніе съ флангами, отъ Воронова на Ожигово и оттуда на Кубинское и Можайское. Для прикрытія сей линіи полагаетъ онъ, что нужны для непріятеля два пункта: Борисовъ и Сламинское, между тѣмъ опасаясь, чтобы сіе дѣйствіе непріятельскаго отряда не было только предварительнымъ движеніемъ всей его арміи и желая, какъ можно скорѣе извѣстить о его движеніяхъ, занялъ своимъ отрядомъ посты въ Каменскомъ, передъ Смуневымъ, около Котова, въ Башкинѣ, Кузминѣ, съ селѣ Желудкинѣ по верейской дорогѣ и наконецъ въ самой Верѣе.

Непріятель находился 10 числа по прежнему у села Воронова. Для скорѣйшаго объ немъ извѣстія генералъ объ инфантеріи Милорадовичъ, устроилъ летучую почту, разставивъ въ деревнѣ Лѣтошевкѣ, села Тарутинѣ, деревни Чернышнѣ и селѣ Спасѣ Купая по 6 казаковъ.

Ахтырскаго Гусарскаго полка подполковникъ Давыдовъ доноситъ двумя рапортами: 1-мъ 7 числа по полудни въ 11 часовъ, что онъ сію минуту получилъ извѣстіе чрезъ своихъ конфидентовъ о прибытіи наканунѣ того дня въ вечеру трехъ непріятельскихъ полковъ изъ Москвы въ Вязьму, изъ которыхъ 2 весьма изнуренные конные провожали большой транспортъ. Не смотря на сіе сильное прикрытіе, онъ надѣется напасть на нихъ при выступленіи ихъ изъ Вязьмы.

Вторымъ отъ 8 октября, что по прибытіи Попова 13 донскаго полка, выступилъ 2 числа къ Вязьмѣ, получивъ предварительное извѣстіе о проходящихъ непріятельскихъ партіяхъ, 4 числа на разсвѣтѣ

со всѣмъ своимъ отрядомъ занялъ большую дорогу отъ Вязьмы до Семлева, раздѣливъ его на три части и приказавъ каждому уничтожить все ему встрѣчающееся. Сіе счастливо предпринятое дѣйствіе, имѣла желаемой успѣхъ; первое отдѣленіе войскового старшины Попова 13-го въ виду Вязьмы разсѣялъ непріятельской отрядъ, который дерзнулъ было войти къ нему на встрѣчу.

Счастливыя нападенія на искусно расположенныя засады, а вмѣстѣ и храбрость всякаго изъ нижнихъ чиновъ, уничтожили отважные замыслы непріятеля, и онъ обратясь въ бѣгство претерпѣлъ жестокое пораженіе, 2 отдѣленіе, подъ начальствомъ ротмистра Чеченскаго Напалеона транспортъ состоящій изъ 41 большихъ фуръ, подъ сильнымъ прикрытіемъ и принудило его скрыться въ лѣсъ; ротмистръ Чеченскій окруживъ тотчасъ лѣсъ и спѣшивъ половину казаковъ Бугскаго полка, симъ предводительствуя ими принялъ непріятеля въ дротики наши, раздраженные потерею нѣсколькихъ изъ своихъ товарищей, немногихъ взяли въ плѣнъ изъ непріятелей, ибо большая часть изъ нихъ пали жертвою своего упорства, 3 отдѣленіе подъ командою Волынскаго уланскаго полка маіора Храповицкаго 2-го направляясь къ Семлеву, встрѣтилъ транспортъ съ полною одеждою на одинъ Вестфальскій гусарскій полкъ подъ значительнымъ прикрытіемъ кавалеріи и пѣхоты находившейся. Маіоръ Храповицкій, дабы привести непріятеля въ заблужденіе, велѣлъ своимъ гусарамъ на пики флигера, а казакамъ опустивъ пики слѣдовать за ними, непріятель почтя сей отрядъ польскою кавалеріею, съ оплошною довѣренностію вышелъ на ровнину, гдѣ сей нашего ударилъ, непріятель старался защищаться скрывшись за фуры залегши подъ оныя и производя отъ туда сильный огонь; мужество нашихъ превозмогло все; даже самое бѣгство не могло спасти его. Разосланные казаки и гусары, взяли въ плѣнъ большую часть конвоя вмѣстѣ съ транспортомъ. Въ сей день непріятель потерялъ убитыми 375 человѣкъ въ числѣ коихъ 3 офицера, взято въ плѣнъ 1 штабъ 4 оберъ офицера и 490 рядовыхъ, которые отправлены въ Калугу, отбита 41 большихъ транспортныхъ фуръ съ сухарями и овсомъ, одежды на одинъ Вестфальскій гусарскій полкъ которая по превождаемому щету стоила 17 тысячъ франковъ. Подъ Вязьмою отбито 66 нашихъ плѣнныхъ изъ которыхъ больныхъ препровождаетъ въ Юхновъ, а протчихъ вмѣстѣ съ бѣжавшими изъ плѣну Давыдовъ собиралъ къ себѣ, сформировалъ уже цѣлую роту, которую вооружилъ отбитыми у непріятеля ружьями; подъ Вязьмою отбито 140 паръ воловъ употреблявшихся подъ артиллерійской паркъ, находящіеся въ семъ городѣ.

Съ нашей стороны убито казаковъ 4, ранено 30, гусаръ ранено 8, лошадей убито 17; ранено 53.

Сверхъ того подполковникъ Давыдовъ донося, что отрядъ его усилился и потому продовольствіе его могло бы затрудниться, съ благодарностію доводитъ до свѣдѣнія начальства патріотическія дѣянія Юхновскаго дворянскаго предводителя Храповицкаго; сей истинно благородный человѣкъ не напрасно представляетъ собою свое почтенное сословіе. Онъ снабжалъ отрядъ подполковника Давыдова всѣми жизненными потребностями, учредилъ милицію, разставилъ изъ оной на важнѣйшихъ отдаленныхъ пунктахъ извѣстительные для подполковника Давыдова бекеты, учредилъ своимъ иждивеніемъ госпиталь въ Юхновѣ; при вступленіи французовъ въ его уѣздъ съ ополченіемъ своимъ прежде прибытія подполковника Давыдова съ его отрядомъ, отразилъ ихъ отъ окружностей Юхнова, одинъ остался въ городѣ и симъ примѣромъ не только возвратилъ но и ободрилъ всѣхъ дворянъ. Его свѣтлость Главнокомандующій господинъ генералъ-фельдмаршалъ съ сердечнымъ удовольствіемъ наградилъ сего чиновника орденомъ Святой Анны 2-го класса.

Генералъ-отъ-инфантеріи Милорадовичъ доноситъ рапортомъ отъ 10-го октября, что посланная имъ вчерашняго числа партія для развѣдыванія гдѣ происходила кононада, узнала что сіе было на Боровской дорогѣ у села Котова, гдѣ непріятель въ большихъ силахъ атаковалъ казачьи пикеты генералъ-маіора Дорохова и сбивъ оные слѣдовалъ къ селу Башкину генералъ-маіоръ Дороховъ ночевалъ того числа въ селѣ Каряковѣ.

Генералъ-отъ-инфантеріи Дохтуровъ рапортомъ 10-го октября писаннымъ въ $9^1/_2$ часовъ, доноситъ что капитанъ Сеславинъ доставилъ ему свѣдѣнія, полученныя отъ плѣнныхъ, показывающихъ единообразно, что корпусъ маршала Нея, двѣ дивизіи гвардіи и Наполеонъ расположились на ночлегъ въ селеніи Быкасовѣ. Сіи войски вышли уже пятый день изъ Москвы, а прочіе идутъ по сей же дорогѣ отъ Моги на Рыжево, Ярцево, Шаломово и Быкасово. Въ Москвѣ подорвано множество снарядовъ, ибо непріятель не имѣлъ способовъ ихъ вывезти, и вообще остались въ ней одни только больные. Въ непріятельской арміи вообще носятся слухи, что она идетъ на Можайскую дорогу. Чрезъ прибѣжавшаго того дня ввечеру изъ Боровска дворового человѣка получено извѣстіе что непріятель занялъ сей городъ. Генералъ-маіоръ Дороховъ также подтверждаетъ сіе извѣстіе и сверхъ того доноситъ что по сей дорогѣ тянуться не малыя его силы. Генералъ-отъ-инфантеріи Дохтуровъ остановился съ корпусомъ своимъ въ Аристовѣ, кавалерію для

наблюденія непріятельскихъ движеній подвигаетъ всю впередъ, а на боровскую дорогу пошлетъ сильныя партіи для открытія количества и рода войскъ непріятельскихъ.

11-го октября. Генералъ-отъ-инфантеріи Милорадовичъ донесъ, что генералъ-адъютантъ Баронъ Корфъ получилъ не доходя еще до Воронова рапортъ отъ генералъ-маіора Карпова, что съ свѣтомъ вмѣстѣ замѣчено, что непріятельскіе посты оставивъ Вороново ретировались. Тотъ же часъ казаки заняли сіе сѣло. Нѣсколько офицеровъ свиты Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части и казаки отправлены для открытія непріятеля.

Непріятель, повидимому оставилъ совсѣмъ Москву дабы отступитъ обильнѣйшими нашими провинціями, потянулся съ большими силами по новой калужской дорогѣ къ Боровску. Не смотря на всѣ его намѣренія его, предупреждено генералъ-отъ-инфантеріи Дохторовъ, съ корпусомъ своимъ подвинутъ былъ 11-го на 12-е числа ночью къ малому Ярославцу гдѣ онъ нашелъ его въ 5 часовъ утра завязалось дѣло, которые въ послѣдствіи съ прибытіемъ всѣхъ нашихъ войскъ, сдѣлалось довольно значительнымъ сраженіемъ, продолжавшимся до 10 часовъ ночи. Предметомъ сраженія былъ городъ который 8 разъ занимаемъ былъ нами и столько же былъ уступаемъ сильному стрѣмленію непріятеля.

Положеніе Ярославца оказалось такое, что войски непріятельскіе выбиваемые изъ онаго нашими всегда подкрѣпляются высотами праваго берега рѣки Лужи; и для того рѣшился главнокомандующій около 1-го часа по полуночи городъ, который со всѣхъ стронъ отъ кононады горѣлъ, оставить и занять высоты въ $2^1/_2$ верстахъ отъ Ярославца, гдѣ армія оставалась готовая къ сраженію ожидала непріятеля. Между тѣмъ онъ съ главными своими силами оставался на лѣвомъ берегу рѣки; но того дня къ вечеру получено извѣстіе, что показались войски его, изъ пѣхоты и конницы состоящіе по дорогѣ къ Медыню, которыхъ передовые хотя и разбиты были казачьимъ полковникомъ Иловайскимъ 9-мъ, но примѣтивъ намѣреніе его идти къ г. Калуге должно было приблизиться болѣе къ дорогѣ ведущей черезъ Медынь въ сей городъ и тѣмъ прикрыть оный, для сего въ 5 часовъ утра 14 числа перешла армія на весьма выгодныя высоты при деревнѣ Гончаровѣ, которой прежде ея прибытія уже начаты нужныя укрѣпленія къ усилѣнію слабыхъ мѣстъ.

13-го октября. Генералъ-отъ-кавалеріи Платовъ, переправясь съ нѣсколькими казачьими полками и егерями 20-го полка чрезъ рѣку

Лужу пять верстъ выше Малаго Ярославца, напалъ на непріятельскій паркъ, состоящій изъ 40 пушекъ и находившійся подъ прикрытіемъ значительнаго числа кавалеріи и пѣхоты, отбилъ 11 пушекъ, другихъ же не могли взять потому, что непріятельскія лошади не могли скоро ихъ везти; непріятель послалъ сильный отрядъ кавалеріи для отбитія отнятыхъ у него пушекъ; но засѣвшій въ кустарникѣ полковникъ Кейсаровъ со стрѣлками 20-го егерскаго полка удержалъ мужественно ея стремленіе и тѣмъ способствовали переправѣ пушекъ чрезъ рѣку.

14-го октября. Полковникъ Иловайской 9-й рапортомъ отъ 13-го сего мѣсяца въ 10 часовъ по полудни донесъ, что онъ извѣсченъ отъ полковника Быхалова 1-го, что непріятель выступилъ изъ селенія Кременцы къ городу Медынѣ съ 4-ю полками кавалеріи, однимъ пѣхоты и нѣсколькими орудіями, отправился тотъ же часъ съ своими и полковника Иловайскаго 11-го полками на подкрѣпленіе Быхалову. Непріятель близь уже въ 6-ти верстахъ отъ города, когда полковникъ Иловайской 9-й, поставивъ свои полки въ скрытыхъ мѣстахъ и пропустя непріятеля еще ближе къ городу, вмѣстѣ съ полкомъ Быхалова сдѣлалъ на него сильное нападеніе; онъ долго и упорно защищался, но былъ выгнанъ изъ своей позиціи съ чувствительнымъ для него урономъ и принужденъ былъ отступить по той же дорогѣ къ селенію Кременцу.

При чемъ взято у него 5 пушекъ, которые на него же и обращены были; взято въ плѣнъ командовавшій симъ отрядомъ польской генералъ Тышкевичъ, одинъ полковникъ, 1 штабъ-лѣкарь 1 вахмистръ и нѣсколько рядовыхъ. Въ продолженіи сраженія убито французской генералъ; въ рапортѣ полковника Иловайскаго сказано имя похожее на Лефевръ; но сомнительно, чтобъ ето былъ маршалъ Лефевръ; нѣсколько оберъ-офицеровъ и до 500 рядовыхъ. Съ нашей сторонѣ уронъ въ людяхъ и великъ, на значительно числомъ убитыхъ лошадей. Вмѣстѣ симъ полковникъ Иловайской доноситъ, что по словамъ плѣннаго генерала Тышкевича князь Понятовскій находится съ войсками въ Верѣе. Полковникъ Иловайской отправилъ по дорогѣ къ тому городу, для открытія онаго.

Полковникъ Быхаловъ 1-й доноситъ отъ 12-го числа что, онъ обходя со ввѣреннымъ ему полкомъ по Медынскому округу, нигдѣ непріятеля не нашелъ, но встрѣтилъ его въ селеніи Ребининымъ и Федоровской, въ Можайскомъ уѣздѣ, гдѣ и убилъ у него до 200 человѣкъ. Оттудова отправясь къ Колотскому Монастырю, сразился съ непріятелемъ и несмотря на то, что онъ отражалъ его пушечными выстрѣлами, вгонялъ его три раза въ самый монастырь и наконецъ возвратился въ Медынь, взявъ въ плѣнъ 2-хъ офицеровъ, 5-ть капраловъ и 2-хъ унтеръ-

офицеровъ. Полковникъ Быхаловъ получилъ рапортъ отъ капитана Александрина, что непріятель находится въ Верѣе и приближится къ селенію Егорью, гдѣ Александринъ находится.Ославъ подкрѣпленіе сему послѣднему, самъ Быхаловъ остался въ Медынѣ.

Генералъ-отъ-кавалеріи Платовъ, отъ 14-го октября двумя рапортами увѣдомляетъ, первымъ что онъ будетъ держаться съ своими полками верстахъ 3-хъ или 4-хъ. на правомъ непріятельскомъ флангѣ и что въ таковомъ же разстояніи вправо будетъ имѣть сильныя партіи.

Вторымъ, что генералъ-маіоръ Кутейниковъ 2-й представилъ къ нему плѣнныхъ и особенно рекомендуетъ отличившагося наканунѣ того дня въ сраженіи съ непріятелемъ донскаго казачьего Власова 3-го полка урядника Власова своеручно убившаго непріятельскаго генерала.

Полковникъ князь Кудашевъ рапортомъ отъ 14-го октября доноситъ, что онъ на разсвѣтѣ того числа перешелъ съ своимъ отрядомъ Боровскую дорогу, намѣренъ напасть во флангъ непріятельскаго лагеря, за коимъ былъ расположенъ его вагенбургъ *). Несмотря на то что мѣстоположеніе было для князя Кудашева невыгодно и что непріятель бывшій въ превосходныхъ силахъ, открывъ его ранѣе, нежели какъ онъ надѣялся началъ перестрѣлку съ его казаками, онъ нежелая дать ему усилиться, рѣшился атаковать его. Непріятель открылъ уже огонь изъ семи орудій. Полковникъ князь Кудашевъ отрядилъ часть кавалеріи противъ вагенбурга самъ пошелъ на его силы. Ударъ на вагенбургъ былъ столь удаченъ что у непріятеля отбито слишкомъ сто фургоновъ, повозокъ съ провіантомъ и разнымъ экипажемъ. Онъ выслалъ 250 стрѣлковъ, на которыхъ Татарскаго уланскаго полка ротмистръ Ремель ударивъ сильно во флангъ, почти всѣхъ побилъ. Между тѣмъ непріятель весьма усилился: сверхъ четырехъ колоннъ пѣхоты показались въ тылу князь Кудашевъ по Боровской дорогѣ двѣ колонны кавалеріи и онъ имѣлъ уже противъ себя весь 3-й корпусъ. Сіе хотя и понудило его отступить; но выгодными кавалерійскими атаками прѣсѣкъ онъ стремленіе непріятеля, взялъ въ плѣнъ около 400 человѣкъ и убилъ по крайней мѣрѣ 280. Войски получили въ добычу множество лошадей и экипажей. Съ нашей стороны убито 4 ранено 8 лошадей убито и ранено около 13-ть кои всѣ замѣчены взятыми у непріятеля.

Рапортомъ отъ 12-го числа, сію минуту полученнымъ князь Кудашевъ доноситъ, что онъ того дня съ своимъ отрядомъ преслѣдовалъ

*) Вагенбургъ (нѣм.)—обозъ. *Прим. Ред.*

непріятеля къ Боровской дорогѣ до селенія Шалимово, непріятель шелъ форсированнымъ маршемъ въ самомъ большомъ безпорядкѣ.

Въ тотъ день князь Кудашевъ отбилъ у него множество снарядовъ, амуниціею, нѣкоторые изъ пороховыхъ ящиковъ взорваны непріятелемъ а многіе достались намъ, въ плѣнъ взяты 2 комисара и 400 нижнихъ чиновъ, непріятель старался усиливать свой аріергардъ дабы тѣмъ воспрепятствовать князю Кудашеву его преслѣдовать. Всѣ кавалерійскіе депо, больные и тяжесть отправлены непріятелемъ на Можайскую дорогу подъ прикрытіемъ нѣкоторой части войскъ. Полковникъ князь Кудашевъ съ своей стороны отправилъ одинъ казачей и одинъ башкирскій полкъ до Таратунь для прикрытія нашихъ обозовъ могущихъ попасть на старую Калужскую дорогу.

15-го октября. Непріятель 15-го оставилъ Ярославецъ и отступилъ по Боровской дорогѣ, генералъ Милорадовичъ доноситъ что непріятель былъ преслѣдованъ отъ малаго Ярославца 8 верстъ. У него были замѣчены значительныя силы. Авангардъ нашъ взялъ свое направленіе чрезъ селенія: Чернолокня, Самсыкино, Бабичево и Адамовское, казаки же авангарда оставлены въ 8-ми верстахъ за малымъ Ярославцомъ для наблюденія движеній непріятельскихъ. Онъ отступая съ поспѣшностью, бросилъ свои обозы изломавъ оные. генералъ-отъ-инфантеріи Милорадовичъ, преслѣдуя его нашелъ въ семъ послѣднемъ городѣ нѣсколько раненыхъ и взялъ 100 человѣкъ въ плѣнъ разныхъ вещей, одного офицера по квартирмейстерской части, находившагося при неаполитанскомъ королѣ, и шталмейстера Наполеона.

Отъ того же числа Генералъ-отъ-кавалеріи Платовъ доноситъ; что онъ для прикрытія авангарда, отправилъ генералъ-маіора Иловайскаго 3-го съ 5-ю донскими полками къ селу Фангѣеву что на большой дорогѣ отъ Ярославца къ Боровску, въ 3-хъ верстахъ отъ сего послѣдняго города. Оттуда пошлетъ онъ большія партіи чрезъ Окулово къ Беницамъ, которыя должны соединиться съ нимъ и что самъ съ остальными полками, съ егерями и артиллеріею остановится въ Серединскомъ откуда учредилъ онъ связь съ Графомъ Орловымъ Денисовымъ до Кременскаго, для наблюденія движенія непріятельскія отъ Вереи до Кременскаго, изъ Серединскаго послалъ онъ тотъ же передъ собою партіи къ Дубровѣ, въ дирекціи къ Суботино.

Полковникъ Кейсаровъ донесъ, что онъ бывъ въ партіи открылъ не далѣе какъ на три ружейныхъ выстрѣла непріятельскую армію въ 3-хъ верстахъ отъ Боровска состоявшую изъ большаго числа пѣхоты и конницы.

Полковникъ Ефремовъ отъ 9 октября доноситъ, что разосланными ими партіями взято въ плѣнъ не подалеку отъ Москвы 40 человѣкъ.

Генералъ-лейтенантъ князь Голицынъ начальникъ владимирскаго ополченія доноситъ что генералъ-маіоръ Иловайскій 11-го октября занялъ Москву.

16-го октября. Генералъ-адъютантъ графъ Орловъ Денисовъ донесъ что генералу-отъ-кавалеріи Платову, что полковникъ Быхаловъ дѣлалъ поискъ на село Егорей что на дорогѣ отъ Медыня къ Можайску. Въ семъ селеніи открылъ онъ сильнаго непріятеля состоявшаго изъ пѣхоты, конницы и артиллеріи коего потревоживъ, взялъ одного въ плѣнъ; сей плѣнный объявилъ что силы непріятельскіе состоятъ изъ 2-хъ дивизій подъ командою князя Понятовскаго, которые прибывъ въ Егорье, имѣютъ повелѣніе итти на Медынь. За сими дивизіями по словамъ плѣннаго идетъ часть войскъ французскихъ, о которыхъ онъ подробнаго свѣдѣнія дать не могъ. Генералъ-маіоръ Паскевичъ отряженный еще 15-го числа на Медынскую дорогу, отъ того же числа подтверждая сіе извѣстіе доноситъ что непріятель хочетъ итти чрезъ Медынь на Калугу.

Полковникъ Кейсаровъ доноситъ, что непріятель бывъ у Боровска отступилъ по Верейской дорогѣ. Взятые плѣнные всѣ единогласно утверждаютъ что непріятель идетъ къ Смоленску.

17-го октября. Генералъ-отъ-инфантеріи Милорадовичъ донесъ, что непріятель по свѣдѣніямъ полученнымъ отъ жителей находится въ въ 6-ти верстахъ за Егорьевскимъ въ селеніи Марино. Авангардъ сокращая путь девятью верстами, идетъ изъ селенія Адамовскаго, чрезъ Одуевское къ Егорьевску гдѣ 26-я дивизія идущая изъ Медыня къ оному присоединяется.

Отъ 16 октября. Генералъ-маіоръ Карповъ 2-й доноситъ что непріятельской аріергардъ отступивъ въ Боровскъ зажегъ его. Генералъ-маіоръ Карповъ напавъ на него вытеснилъ его изъ города откуда непріятель обратился къ Верѣе.

Генералъ-адъютантъ графъ Орловъ Денисовъ отъ 16-го доноситъ что непріятель въ большихъ силахъ находится въ селеніи Суботинѣ, имѣя свой авангардъ въ Егорье; всѣ его силы поспѣшно идутъ отъ Вереи къ Можайску, изтребляя по дорогѣ всѣ селеніи; отъ 17-го октября доноситъ что непріятель оставилъ Егорье и что полкъ Иловайскаго 9-го пошелъ его преслѣдовать. Генералъ-маіоръ Паскевичъ съ своимъ отрядомъ подкрѣпляетъ отрядъ генералъ-адъютанта графа Орлова-Денисова.

Генералъ-отъ-кавалеріи Платовъ тремя рапортами увѣдомляетъ, первымъ что непріятель по дорогѣ идущей изъ Боровска къ Верѣе, ретируется съ большою со стороны его осторожностію. Семь казачьихъ полковъ преслѣдуютъ его неотступно, тревожатъ и отъ части поражаютъ.

Вторымъ что полковникъ Кейсаровъ непріятеля преслѣдовалъ до Вереи, ночевалъ подъ симъ городомъ и на другой день слѣдовалъ въ боку непріятельской арміи до города Борисова, чрезъ которой непріятель направлялся къ Можайску; онъ оставилъ генералъ-маіора Иловайскаго 3-го слѣдующаго въ боку непріятеля паралельно и въ виду его съ 5-ю полками, два полка изъ отряда Карпова слѣдуятъ за онымъ, а самъ Карповъ съ 5-ю полками идетъ въ авангардъ къ Генералу Милорадовичу въ Георгіевскъ.

Третьимъ отъ 18-го числа онъ пришедъ въ селеніе старое, узналъ что большіе непріятельскіе обозы во вчерашней ночи, потянулись чрезъ сіе селѣніе и Можайскъ къ Смоленску, приказалъ онъ тремя полками преслѣдовать и не потерять слѣда французскаго аріергарда до прибытія генерала Милорадовича, а самъ съ 20-ю полками спѣшитъ выграть маршъ надъ непріятелемъ. Для сего хочетъ онъ слѣдовать на первый разъ къ Полоцкому монастырю во флангѣ непріятельскомъ дабы предупредить близь Гжати его или большіе его транспорты.

18-го октября. Генералъ-отъ-инфантеріи Милорадовичъ, доноситъ что по извѣстіямъ сію минуту полученнымъ, непріятель того числа ночью вышелъ къ Полоцкому монастырю. Нашъ же аріергардъ чтобы предупредить непріятеля идетъ къ Гжатску чрезъ Сосновское, Губино, Слощево и Семеновское скорость съ каковою идетъ непріятель такъ велика, что безъ изнуренія людей преслѣдовать его невозможно. Генералъ Милорадовичъ доноситъ, что авангардъ слѣдуя отъ Егорьевска фланговымъ маршемъ, того дни ночуютъ въ 20 верстахъ, генералъ Платовъ ночуетъ въ Ельнѣ, недалеко отъ Колотскаго монастыря, а генералъ-адъютантъ графъ Орловъ-Денисовъ, пошелъ на Гжатскъ. На другой день авангардъ приближась къ сему городу, составитъ подкрѣпленіе генералу Платову. Генералъ-маіоръ Иловайской съ 10-ю полками находится уже во флангѣ непріятеля у котораго много людей отстаетъ, берутся въ плѣнъ и число ихъ т. е. плѣнныхъ (?) чувствительно умножается.

Отъ 11-го октября полковникъ Ефремовъ донесъ, что посланныя имъ въ Москву партіи взяли 59 человѣкъ въ плѣнъ.

19-го октября. Генералъ-отъ-кавалеріи Платовъ атаковалъ непрія-

теля при Колоцкомъ монастырѣ на разсвѣтѣ, сей встревоженный въ ту же минуту поднялся въ походъ, онъ преслѣдуется на каждомъ флангѣ бригадою казаковъ съ орудіями, а самъ генералъ Платовъ тѣснитъ его съ тылу казаками и артиллеріею. Непріятель неоднократно останавливался, желая защищаться но всегда угрожаемый во флангъ и тѣснимый съ тылу долженъ былъ удалиться.

У Колоцкаго монастыря на возвышеніи еще разъ испыталъ онъ держаться, но поражаемый нашею артиллеріею и оттуда долженъ былъ удалиться оставивъ намъ въ добычу 20 пушекъ, удачнымъ нападеніемъ казаковъ изтреблено два баталіона отъ коихъ взятый 2 знамя.

Генералъ-маіоръ Иловайской 3-й преслѣдуя непріятеля изтребили болѣе 500 человѣкъ. Генералъ Платовъ неутомимо слѣдуетъ за непріятелемъ.

Непріятель бросилъ болѣе 500 лошадей, зжегъ множество фуръ и неперестаетъ взрывать зарядные ящики. Въ фуражѣ и провіантѣ замѣчено у него великой недостатокъ.

Съ 19-го по 20-е число авангардъ ночевалъ, и слѣдовалъ фланговымъ маршемъ къ Цареву-Займищѣ сближаясь съ арміею.

20-го октября. Генералъ Платовъ извѣщаетъ, что армія непріятельская бѣжитъ такъ, какъ никогда и никакая армія неотступала, бросая всѣ тяжести, больныхъ и раненыхъ. Слѣды его ознаменованы ужасомъ; на всякомъ шагу видно или умирающій или мертвый.

Въ 2 дня поднялъ онъ на воздухъ въ виду войскъ генерала Платова болѣе 100 ящиковъ и столько же принужденъ былъ оставить на мѣстѣ. Пораженный при Колоцкомъ монастырѣ, испытывалъ онъ держаться мѣстахъ въ десяти, но искуснымъ дѣйствіемъ донской артиллеріи и егерей вездѣ былъ збиваемъ.

20-го числа ввечеру, у Гжатска, поставилъ онъ на высотѣ сильныя пѣхотныя колонны, пустилъ стрѣлковъ своихъ въ лѣса, но обѣ стороны дороги и фланги свои прикрылъ батареями. Въ семь орудій Донской артиллеріи, подъ командою полковника Кейсарова и пущенные имъ лѣсами въ обходъ въ оба фланга егери равно какъ и казачьи бригады, съ ихъ орудіями столь сильно напали на оба фланга непріятеля, что онъ послѣ двухъ часоваго сраженія, принужденъ былъ быстро отступить, будучи преслѣдуемъ до самой ночи казаками. Генералъ Платовъ посадивъ егерей на казачьихъ лошадей, теснилъ непріятеля во всю ночь. Онъ столь сильно потесненъ былъ, что сверхъ желанія своего надвинулся уже кажется сего числа на корпусъ маршала Даву, въ переди его слѣдовавшей кавалерія непріятельская, столь въ дур-

номъ положеніи, что онъ долженъ прикрывать и вести ее по срединѣ своей пѣхоты, оставляя за собой множество истощенныхъ лошадей и до 800 кирасъ уже найдено на дорогѣ.

Подполковникъ Давыдовъ на большой дорогѣ между Вязьмою и Гжатью, отбилъ у непріятеля 70 транспортныхъ фуръ, двухъ русскихъ офицеровъ, въ плѣнъ взялъ 6 офицеровъ и 225 рядовыхъ. Обозы непріятельскія слѣдуютъ изъ Гжати, подъ большимъ прикрытіемъ, состоящимъ иногда изъ 1500 человѣкъ. Непріятели идутъ день и ночь почти безъ остановки. Генералъ-отъ-кавалеріи Платовъ послѣдовалъ въ ночи за бѣгущимъ непріятелемъ. Полковникъ Кейсаровъ насадивъ егерей на коней, настигъ непріятелей у Царево-Займищы, гдѣ былъ непріятельской вагенбургъ и часть его парковъ. Непріятель стараясь вывезть изъ селенія сего всѣ свой тяжести и отправя аріергардъ свой далѣе, оставилъ на высотахъ при Царево-Займищѣ 3 баталіона пѣхоты, прикрываемые тираліорами*) и артиллеріею. Полковникъ Кейсаровъ пользуясь глубокимъ туманомъ, взялъ 60 человѣкъ егерей и всѣхъ барабанщиковъ скрытымъ образомъ подошедъ на оба фланга непріятельскіе съ крикомъ ура! и барабаннымъ боемъ бросился на него. Изумленный и встревоженный непріятель не видавъ силы его атакующей, бросился въ бѣгство, егери преслѣдовали его. Въ сей день взято 20 пушекъ большая часть парка и вагенбурга съ большимъ богатствомъ достались нашимъ войскамъ.

Генералъ-лейтенантъ графъ Витгенштейнъ атаковалъ 6-го числа сего мѣсяца непріятеля со стороны селенія Юревича, отъ куда его вытѣснилъ. А генералъ-лейтенантъ князь Яшвиль съ отрядомъ своимъ отъ Бѣлова. Сраженіе началось въ 6 часовъ утра и продолжалось до глубокой ночи. Непріятель принужденъ былъ оставивъ первое мѣсто сраженія войти въ окопы производя оттуда ужасный пушечный огонь во всѣ стороны. 7-го числа графъ Штейнгель, опрокинувъ непріятеля у селенія Болоніи, по ту сторону Двины, преслѣдовалъ его къ Полотску, а графъ Витгенштейнъ въ тотъ же самый день въ 5 часовъ по полудни, атаковавъ непріятеля находившагося противъ него въ окопахъ, выгналъ его изъ оныхъ. Непріятель запершись въ Полоцкѣ обнесеннымъ двойнымъ полисадникомъ, держался въ немъ почти всю ночь, продолжая стрѣльбу изъ полисадовъ и изъ домовъ. Удачное дѣйствіе нашей артиллеріи и наконецъ штурмъ авангарда подъ командою генералъ-маіоровъ Властовъ и Дибича и Гродненскаго гусарскаго полка

*) Тираліоръ—стрѣлокъ (отъ французскаго слова tirailleur). *Прим. Ред.*

полковника Ридигера, принудили его оставить городъ. 8-го числа въ 3-мъ часу по полуночи Полоцкъ занятъ нашими войсками. Потеря непріятеля должна быть чрезвычайно велика, ибо все мѣсто сраженія покрыто было мертвыми тѣлами. Раненные его были перевозимы на другую сторону рѣки цѣлой день. Въ семъ дѣлѣ маршалъ Гувіонъ *) самъ сильно раненъ въ ногу, взято въ плѣнъ 45 штабъ и оберъ-офицеровъ, въ томъ числѣ 2 полковника, до 2000 нижнихъ чиновъ и 1 пушка, въ магазейнѣ которой онъ не успѣлъ зажечъ, найдено значительное число хлѣба. Съ нашей стороны уронъ такъ же не маловаженъ. Войска сражались съ обыкновенною имъ храбростію; и Петербургское ополченіе раздѣленное пополамъ, дрались съ неустрашимостію, неуступая ни въ чемъ старымъ солдатамъ; наипаче же отлично дѣйствовало колоннами на штыкахъ, подъ предводительствомъ храбраго своего начальника сенатора Бибикова. У насъ убито мало, но раненыхъ довольно ибо не было почти средствъ остановить колонны кидавшіяся съ великимъ ожесточеніемъ на непріятельскія батареи и окопы.

21-го октября. Генералъ-адъютантъ графъ Орловъ-Денисовъ атаковалъ на разсвѣтѣ непріятельскія партіи въ разныхъ пунктахъ при городѣ Вязьмѣ, состоявшая изъ оставшихъ разбитыхъ полковъ. Оные сопротивлялись упорно но вездѣ были поражаемы. Въ добычу намъ досталось одно батарейное орудіе и болѣе 40 повозокъ съ разною добычею. Взятъ въ плѣнъ Дюка-де-Басана секретарь Камюзе и вся его канцелярія, капитанъ Гартунгъ саксонской гвардіи штабъ-докторъ Швабгаузъ, коммисіонеры корпуса маршала Нея, Шарбонье, Сенъ-Серъ и Ренье, нижнихъ чиновъ 130 человѣкъ.

Адмиралъ Чичаговъ доноситъ отъ 9-го октября, что непріятель обратился со всѣми своими силами отъ Высокометовска, чрезъ Симятичъ къ Дрогичину. Аріергардъ его былъ настиженъ при селеніи Граборнѣ и Сичи отрядами генералъ-маіора Грекова и полковника Кнорринга понудивши въ плѣнъ 60 человѣкъ. Съ нашей стороны убито 21 человѣкъ ранены 31. Въ преслѣдованіи непріятеля полковникомъ Кнорингомъ взято въ плѣнъ 100 человѣкъ и одинъ австрійской офицеръ, посланный курьеромъ изъ Гродно отъ генерала Моро къ князю Шварценбергу съ донесеніемъ, что онъ бывъ отрѣзанъ отъ соединенія съ нимъ принужденъ былъ ретироваться отъ Пружанъ къ Гроднѣ. Партіи полковника Кнорринга доходили до мѣстечка Нуръ, отрядъ

*) Гувіонъ де Сенъ-Сиръ. *Прим. Ред.*

полковника Чернышева посланъ въ княжество Варшавское, непріятель шелъ отъ большой Варшавской дороги къ мѣстечку Біалому. По открытіи движенія непріятельскаго предписано генералъ-лейтенанту Эсену 3-му съ его корпусомъ итти по біалской дорогѣ въ Залѣсьѣ, а корпусу генералъ-маіору Булатову къ мѣстечку Тицавъ, протчіе же войски подвинуты впередъ въ слѣдъ за тѣмъ прибыли въ Залѣсьѣ, потомъ пошли къ Лоштицамъ по дорогѣ къ Венгрову. Полковникъ Чернышевъ, нанеся непріятелю великій вредъ изтребленіемъ военныхъ запасовъ, собралъ контрибуцію въ княжествѣ Варшавскомъ въ мѣстечкахъ Біалой, Ментеричахъ, Сельцахъ, Соколовѣ, Венгровѣ, Радзинѣ, Котскѣ и Любартовѣ; навелъ страхъ самой Варшавѣ, находясь отъ нее не далѣе 6 миль и возвратился благополучно къ Владовѣ.

Генералъ-маіоръ Чаплицъ, подходя 7-го числа съ легкимъ своимъ отрядомъ къ Слониму, схватилъ пикеты и столь быстро подступилъ къ сему городу, что находившейся въ ономъ городѣ польской генералъ Каношка, едва успѣлъ изъ него выбѣжать съ конно-гвардейскимъ полкомъ, но бывъ преслѣдованъ генералъ-маіоромъ Чаплицомъ верстъ до 30-ти взятъ въ плѣнъ почти со всемъ его полкомъ, со всѣми офицерами и большою частію обоза.

22-го октября. По утру генералъ-отъ-инфантеріи Милорадовичъ достигнувъ непріятеля фланговымъ маршемъ съ лѣва атаковалъ его. (Во время дѣла присоединилъ онъ къ корпусу ген.-отъ-кав. Платова).

26-я дивизія генералъ-маіора Паскевича, дѣйствовавшая на правомъ непріятельскомъ флангѣ. Сраженіе продолжалось въ семъ порядкѣ до самаго города Вязьмы изъ котораго непріятель вытесненъ на штыкахъ дивизіями генералъ-маіоровъ Паскевича и Чеглокова и Бѣлозерскимъ полкомъ. Перновской же пѣхотной полкъ бывшій въ головѣ колонны съ распушенными знаменами и съ барабаньимъ боемъ перьвой ворвался въ городъ и очистилъ по трупамъ непріятельскимъ путь другимъ. По словамъ плѣнныхъ, непріятель имѣлъ 3 корпуса, Давуста*), Нея и вице-короля Италіанскаго.

Потеря въ сей день съ непріятельской стороны простирается убитыми и ранеными до 6000, въ плѣнъ взято 2500 между коими генералъ-отъ-артиллеріи Пеллетіеръ съ его адъютантами и начальникъ Главнаго Штаба генерала Давуста полковникъ Моратъ.

Уронъ съ нашей стороны какъ съ убитыми такъ и ранеными простирается до 500 человѣкъ.

---

*) Маршала Даву. *Прим. Ред.*

По взятіи города авангардъ нашъ расположился пришедъ оный по смоленской дорогѣ, а легкіе войски гнали до глубокой ночи непріятеля.

23-го октября. Генералъ-отъ-кавалеріи Платовъ соединясь 22-го числа съ авангардомъ генерала Милорадовича доноситъ, что у селенія Федоровскаго генералъ Милорадовичъ зашелъ въ тылъ и съ правой стороны непріятельскаго корпуса состоявшаго подъ командою маршала Даву, а самъ генералъ Платовъ тѣснилъ и поражалъ его въ тылъ. Къ сему разбитому корпусу непріятельскому присоединилися корпусы короля неаполитанскаго и маршала Нея; но не смотря на ихъ сопротивленіе авангардомъ и казаками были четыре раза выбиваемы изъ ихъ позиціи и прогнаны съ великимъ урономъ черезъ Вязьму. Кирасирская дивизія генералъ-лейтенанта Уварова подоспѣвъ изъ Дубровны къ авангардному дѣлу, занялъ дѣйствіями своими непріятельской лѣвой флангъ, способствовали пораженію и прогнали его. Непріятель пошелъ далѣе, а генералъ Платовъ и въ ночи его преслѣдовалъ. При семъ дѣйствіи отбилъ онъ у непріятеля одно знамя и три пушки, побилъ много его войскъ и многихъ захватилъ въ плѣнъ. За симъ слѣдуя генералъ Платовъ въ сей день отъ Вязьмы до Еренино останавливалъ непріятеля два раза, поразилъ его жестоко и покрылъ трупами его большое пространство дороги. Плѣнными кромѣ раненыхъ и больныхъ взялъ за 1000 человѣкъ.

Когда удостовѣрился главнокомандующій о дѣйствительномъ направленіи отступнаго марша непріятельскаго, тогда рѣшился дѣйствовать кратчайшими путями, дабы съ удобностью тревожить его маршъ и угрожать главными силами отрѣзать ему отступленіе. Въ слѣдствіе чего движеніи арміи были слѣдующіи:

Октября	Генералъ Платовъ съ 20-ю полками	Генералъ Орловъ-Денисовъ съ 6-ю полками	Генералъ Милорадовичъ съ Авангардомъ	Главная армія
17-го	Въ с. Старое.	Въ Купровѣ.	Въ Георгіевскомъ.	Въ Адамовскомъ.
18-го	Въ с. Ельнѣ.	Въ Никольскомъ.	Въ Губино.	Въ Кременскомъ.
19-го	При Колоцк. Монастырѣ.	Въ Никольскомъ.	Въ с. Семеновскомъ.	Въ Спасъ-Кузовъ.
20-го	При Гжатскѣ.	При Теплухѣ.	При Воронцовѣ.	Въ Силенки.
21-го	Царево Займище.	Минськовѣ.	При Спаскомъ.	Въ с. Дубровѣ.
22-го	При Вязьмѣ.	Покровскомъ.	При Вязьмѣ.	При Быковѣ.

Отъ Бобруйскаго военнаго губернатора получено свѣденіе, что блокировавшій оную крѣпость непріятельскій корпусъ подъ командою генерала Домбровскаго, 30 числа сентября изъ тамошнихъ окрестностей

выступилъ по тракту къ Могилеву. Корпусъ можетъ состоять отъ 8 до 9 тысячъ человѣкъ.

Сего числа должны присоединиться къ Арміи остальные ожидаемые съ Дона казачьи полки, кои прежде вновь прибывшими составляютъ 24 полка. Казаки и лошади сего отличнаго войска, несмотря на форсированные дѣлаемые ими марши, находятся въ самомъ лучшемъ состояніи и нетерпѣливо желаютъ сражаться съ непріятелемъ.

Бывшій на рязанской дорогѣ полковникъ Ефремовъ съ двумя казачьими полками Андреянова 2-го и Симферопольскимъ конно-татарскимъ выступилъ изъ селенія Никольскомъ къ городу Богородицку, узнавъ что тамъ появились непріятельскіе фуражиры.

Посланная партія отъ полковника князя Кудашева 3-го октября къ селеніямъ Олферову и Никольскому для открытія непріятеля не доходя до тѣхъ сѣленій встрѣтила непріятельскихъ фуражировъ, изъ коихъ 21-го коннаго взяла въ плѣнъ, а прочіе были преслѣдованы до тѣхъ поръ.

Другая партія отъ Башкирскаго полка подъ командою маіора Лачинова въ окрестностяхъ Жохова, захватила 22 непріятельскихъ фуражировъ.

Адъютанъ его свѣтлости капитанъ Кожуховъ 4-го октября будучи посланъ съ 30-ю казаками къ селенію Псевѣ, узналъ отъ обывателей, что въ селеніяхъ Сатовѣ, и Сафоновѣ находится непріятельская кавалерія, гдѣ лежитъ прямѣйшая дорога къ красной Пахрѣ. Пробравшись мимо непріятельскихъ пикетовъ къ дорогѣ, на разсвѣтѣ ударилъ на его обозъ, изъ коего отбилъ 12 повозокъ, взялъ въ плѣнъ 3-хъ офицеровъ, въ томъ числѣ одинъ изъ штаба Давуста, посланный курьеромъ изъ Москвы, 40 кирасировъ и конныхъ егерей.

Генералъ-лейтенантъ Шепелевъ отъ 8-го октября донесъ, что городъ Рославль авангардомъ, отъ отряженнаго корпуса въ городъ Брянскъ занятъ—маіоръ Томировъ слѣдуя туда 23 сентября при селѣ Мушцевѣ и деревнѣ Капустиной нашелъ заставу изъ 60 французскихъ конныхъ, съ коими ведя долго перепалку, наконецъ всѣхъ ихъ изтребилъ, при чемъ раненъ пятидесятникъ Сафоровичъ, (убитой) ранено казачьихъ 28 лошадей, 24-го и 25-го при деревняхъ Забѣжнѣ и Устиновѣ побито имъ непріятеля болѣе 70 человѣкъ. 26-го и 27-го сентября при селѣ Костылянъ напавъ на заставу польскихъ шасеровъ 1-го коннаго полка состоявшую изъ 50 человѣкъ, 21 изъ нихъ убилъ на мѣстѣ и 6 взялъ въ плѣнъ, при чемъ ранены 2 казака, убиты и ранены 31 казачья лошадь.

Для обезпеченія отъ непріятеля большой Московской дороги, составленъ корпусъ войскъ подъ командою генерала-маіора Новака, изъ 2 казачьихъ полковъ С.-Петербургскаго ополченія, 3-хъ баталіоновъ второго морского полка, 4000 новогородскаго ополченія, одной конной и одной пѣшей роты артиллеріи, морскихъ полковъ. Въ обязанность сему корпусу поручено охранять какъ большую Московскую дорогу, такъ и ведущія отъ Гжатска чрезъ Зубцовъ и Ржевъ на Осташковъ, состоя въ командѣ генералъ-адъютанта барона Винцингероде, въ коего начальство поступили и возвращеные, выступившіе было къ графу Витгенштейну 8 резервныхъ баталіоновъ съ полковникомъ Жемчужниковымъ.

Генаралъ-маіоръ Дороховъ доноситъ отъ 7 октября, что казачьяго Власова полка урядникъ Филатовъ 6-го октября посланъ имъ будучи въ партію съ 10 казаками для наблюденія движенія непріятельскаго по рѣке Наре между его отрядомъ и арміею, находившеюся въ тотъ день въ Баталіи, увидя сраженіе при атакѣ непріятельскаго авангарда, вмѣтался въ дѣло и поражая бѣгущихъ убилъ своеручно генерала командовавшаго гвардіею неаполитанскаго короля Деръ *) коего доломанъ съ звѣздою и 4 крестами такъ же лядунку представилъ въ доказательство своего подвига. Генералъ-маіоръ Дороховъ при семъ случаѣ свидѣтельствуетъ, что онъ служа 12 лѣтъ урядникомъ, находясь въ его командѣ при отступленіи отъ Немана во многихъ случаяхъ оказалъ знатные подвиги. Господинъ главнокомандующій въ уваженіе сего тотъ часъ произвелъ его въ хорунжіе, и наградилъ орденомъ Св. Анны 3-го класса.

24-го октября. Генералъ-отъ-кавалеріи Платовъ доноситъ отъ 23-го октября, что въ послѣдствіи оказалось, вмѣсто 20-ти орудій взятыхъ при Колодскомъ монастырѣ, о коихъ прежде упоминаемо было, взято всего 27 орудій.

Генералъ-адъютантъ графъ Орловъ-Денисовъ ведя безпрестанныя перестрѣлки съ непріятельскими партіями для фуражированія и зажиганія деревень, истребилъ изъ оныхъ до 300 и взялъ въ плѣнъ 86 человѣкъ. Главная квартира арміи въ деревнѣ Красной.

25-го октября. Получено свѣдѣніе отъ генерала-отъ-кавалеріи Платова, что онъ 24-го числа преслѣдуя отступающаго непріятеля до с. Семлева по большой Смоленской дорогѣ, взялъ въ плѣнъ болѣе 1000 человѣкъ.

Генералъ-лейтенантъ графъ Витгенштейнъ доноситъ отъ 14-го числа, что онъ въ преслѣдованіи непріятеля до мѣстечка Ушачи взялъ въ плѣнъ болѣе 800 человѣкъ и отбилъ до 70 артиллерійскихъ ящи-

*) Ген. Дестре (Destrès)?

ковъ наполненныхъ снарядами, а авангардъ генералъ-лейтенанта графа Штейнгеля при преслѣдованіи взялъ 6-ть пушекъ и 2-е гаубицы.

Генералъ-отъ-инфантеріи Милорадовичъ съ авангардомъ настигъ непріятеля, котораго аванпосты расположены были при с. Чеботовѣ, и остановился въ двухъ верстахъ отъ оныхъ на ночлегъ при деревнѣ Зарубежье, при томъ доноситъ, что непріятель въ поспѣшномъ отступленіи оставилъ одну пушку въ водѣ, которою приказалъ онъ вытащить. Вся дорога усеяна мертвыми телами погибшихъ отъ болезни и усталости, а частію и убитыми, множество слабыхъ и усталыхъ людей, разбросанныхъ по дорогѣ повозокъ и изнуренныхъ лошадей.

Сего числа генералъ Милорадовичъ съ авангардомъ пробылъ въ с. Семлево и сменилъ генерала-отъ-кавалеріи Платова, которой съ своимъ отрядомъ отправился въ право отъ большой дороги имѣя направленіе къ Дорогобужу.

Адмиралъ Чичаговъ рапортуетъ отъ 22-го сентября, что онъ преслѣдуя отступающаго непріятеля взялъ въ плѣнъ 5-хъ офицеровъ и 333 унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ, и что Волынская губернія очищена отъ непріятеля.

Генералъ-адъютантъ Голенищевъ-Кутузовъ отъ 21 октября доноситъ, что онъ принявъ корпусъ генералъ-лейтенанта барона Винценгероде, послалъ нѣсколько казачьихъ полковъ по Можайской дорогѣ для наблюденія непріятеля, а самъ съ остальными войсками остался въ Москвѣ для устройства и соблюденія порядка. Главная квартира арміи въ деревни Гаврюковѣ.

26-го октября. Генералъ-отъ-кавалеріи Платовъ доставляя отбитое въ сраженіи подъ Вязьмою знамя доноситъ, что онъ преслѣдуя непріятеля отъ Вязьмы къ Дорогобужу 25-го числа разбилъ несколько эскадроновъ гвардейской кавалеріи и взялъ два Штандарта, при чемъ много побито на мѣстѣ и въ плѣнъ захвачено болѣе 300 человѣкъ такъ же доноситъ, что онъ слѣдуя отъ большой дороги въ право стараться будетъ выиграть маршъ надъ нимъ, поражать непріятеля въ головѣ колонны или напасть у переправы при Соловьевѣ.

Генералъ-лейтенантъ Шепелевъ отъ 22 октября донесъ, что онъ съ отрядомъ слѣдуя къ Ельнѣ. 14-го числа встрѣченъ былъ непріятелемъ. Отрядъ князя Яшвиля устроясь въ двѣ колонны опрокинулъ его мгновенно, а гналъ бѣгущаго въ безпорядкѣ къ городу. Въ то самое время другой непріятельской отрядъ стремился зайти ему въ тылъ; почему князь Яшвиль сдѣлавъ по немъ нѣсколько выстрѣловъ ядрами и картечью оставилъ его. Непріятельскіе отряды соединясь держались

въ городѣ, а князь Яшвиль оставя только свободные ворота къ Смоленску, съ трехъ сторонъ держалъ ихъ въ блокадѣ.

Главная квартира арміи въ селѣ Бѣлой Холмъ.

27-го октября. Генералъ Милорадовичъ 26 октября преслѣдуя сильно непріятеля не позволилъ ему сдѣлать другой мостъ недоходя 8-ми верстъ до города Дорогобужа, отъ чего при переправѣ непріятель имѣлъ значущую потерю утонщими и множество обоза имъ брошено, по прибытію же къ Дорогобужу непріятель занявъ выгодное мѣсто положеніе защищался весьма упорно, по чему генералъ Милорадовичъ принужденъ былъ атаковать двумя егерскими полками и въ тоже время 4-ю дивизію послалъ въ обходъ, что и принудило непріятеля оставить городъ. При отступленіи его егерями отбито двѣ пушки и нѣсколько зарядныхъ ящиковъ, другіе два орудія взяты казаками, въ плѣнъ захваченъ одинъ офицеръ и до 600 человѣкъ рядовыхъ.

Партизанъ подполковникъ Давыдовъ отъ 26 октября донесъ, что онъ слѣдуя форсированными маршами между городами Краснымъ и Смоленскимъ стараться будетъ истреблять транспорты непріятельскіе.

Единогласно говорятъ пленные, когда 13-го числа между Ярославцомъ и Боровскимъ взяты были 11-ть пушекъ, Бонапартъ самъ находился съ своею свитою бежавъ изъ Ярославца къ Боровску и что ежели бы (замѣчаютъ офицеры французскіе) казакамъ и егерямъ подъ командою полковника Кейсарова могло сіе быть извѣстно, тогда бы конечно отложа усилія свои на взятіе пушекъ, обратилось бы все ихъ вниманіе на столь дорогую добычу и добро конными казаками безъ сомненія онъ былъ бы достигнутъ и взятъ.

Главная квартира арміи въ городѣ Ельнѣ.

27-го октября. Генералъ-адъютантъ графъ Орловъ-Денисовъ нападая на сильныя непріятельскія партіи, отряжаемыя для фуражированія истребилъ до 200 и взялъ въ плѣнъ 126 человѣкъ, при чемъ досталось въ добычу 22 повозки съ разнаго рода запасами.

Генералъ-лейтенантъ князь Голицынъ донесъ, что онъ 23-го числа съ Владимирскимъ ополченіемъ прибылъ въ Москву. Непріятель въ поспѣшномъ отступленіи изъ Москвы оставилъ по донесенію генералъ-адъютанта Голенищева-Кутузова 40 пушекъ, 2 гаубицы, 204 ящика съ зарядами, 54 распусковъ съ понтонами, 35 провіантскихъ фуръ, 9 инструментальныхъ повозокъ и 11 походныхъ кузницъ.

28-го октября. Генералъ-отъ-кавалеріи Платовъ рапортуетъ отъ 26-го числа, что подполковникъ Андріяновъ 2-й съ отрядомъ, открылъ непріятеля при с. Бозиковѣ, идущаго по дорогѣ къ Духовщинѣ, быстро

на него ударилъ и разстроивъ совершенно, взялъ одно знамя, 175-ть человѣкъ и 5-ть артиллерійскихъ ящиковъ съ зарядами, кои по немѣнію средствъ транспортировать приказалъ взорвать на воздухѣ.

Генералъ Милорадовичъ доноситъ отъ 25-го числа, что непріятель былъ преслѣдованъ пять верстъ за Балдинъ монастырь до сумерокъ, гдѣ наши передовые посты съ кавалеріею расположились. Непріятель подорвалъ 38-мь ящиковъ, неуспѣвая ихъ увозить. По всей дороги разбросаны мертвыя тѣла, множество слабыхъ и умирающихъ отъ совершеннаго не имѣя продовольствія, въ Болдинскомъ монастырѣ не пріятель сжегъ несколько своихъ лафетовъ и одну пушку бросилъ въ колодезъ.

Генералъ-адъютантъ графъ Орловъ-Денисовъ рапортуетъ отъ 24-го числа, что онъ имѣя направленія изъ деревни Колпита чрезъ село Волочекъ за Дорогобужъ и проходя въ близкомъ разстояніи отъ гвардейскаго непріятельскаго лагеря, бывшаго въ с. Жашково, напалъ частію своего отряда побилъ ихъ болѣе 200 человѣкъ и взялъ въ плѣнъ 1-го офицера и 180-ть человѣкъ рядовыхъ, изъ коихъ большая часть гвардейцовъ; при чемъ досталось въ добычу 30-ть повозокъ съ провіантомъ собраннымъ ими по селеніямъ.

Генералъ-отъ-кавалеріи Платовъ 27-го числа донесъ что слѣдуя къ соловьевой переправѣ 26-го числа настигъ корпусъ вице-короля Италіанскаго идущій отъ Дорогобужа къ Духовщинѣ и съ помощію Божію ударивъ разрѣзалъ его на двѣ части, одна потянулась къ Духовщинѣ, а другая въ крайнемъ безпорядкѣ обратилась къ Дорогобужу. На другой день 27-го числа генералъ Платовъ не смотря на ненастную погоду нагнавъ непріятеля быстро атаковалъ и разбилъ совершенно. Въ дву-дневное пораженіе сіе непріятель кромѣ отбитыхъ 62 пушекъ и взятыхъ въ плѣнъ до 3000 человѣкъ, потерялъ множество убитыми, въ числѣ коихъ были и генералы, что доказываютъ доставленные ихъ знаки. Пользуясь побѣдою генералъ Платовъ сильно преслѣдуетъ остатки разбитаго корпуса, ретирующагося въ безпорядкѣ къ Духовщинѣ и надѣется истребить его совершенно.

Генералъ-маіоръ Иловайской 12-й съ бригадою казаковъ находясь правѣе генерала Платова также разбилъ непріятеля у города Духовщины взялъ въ плѣнъ генерала Самсона *) начальника Главнаго Штаба при генералѣ Бертье и болѣе 500 человѣкъ.

Армія имѣла растахъ въ городѣ Ельнѣ.

---

*) Очевидно, это ген. гр. Сансонъ, директоръ топографическаго депо при Нач. Шт. ген. Бертье. *Прим. Ред.*

29-го октября. Генералъ-адъютантъ графъ Орловъ-Денисовъ рапортуетъ отъ 27-го числа, что командированные отъ него полки для истребленія Соловьевской переправы, находя оной замѣтили движеніе непріятеля не сравненно въ силахъ превосходнѣйшаго; но желая достигнуть своей цѣли рѣшительно ударилъ на непріятельской отрядъ шедшій въ переди и разсѣявъ отбили въ виду всѣхъ войскъ, 8-мъ палубъ съ пушечными зарядами, одну большую фуру съ солдатскими ранцами, 6-ть партикулярныхъ повозокъ, и 155 человѣкъ взяли въ плѣнъ, такъ же доноситъ, что разными партіями захвачено въ плѣнъ 102 человѣка.

Онъ-же 28-го числа узнавъ, что непріятель въ числѣ 2000 занималъ Смоленскую дорогу, идущую отъ Ельни, будучи раздѣленъ на три части въ с.: Язвинѣ, Ляховѣ и Долгомостье, немедленно присоединился къ партизанамъ, гвардіи капитану Сеславину, артиллеріи капитану Фигнеру и подполковнику Давыдову, которые находились уже въ с. Дубасищахъ, рѣшился атаковать непріятеля находящагося въ с. Ляховѣ; которой усмотревъ сіе движеніе торопился занимать высоту; но будучи сбитъ артиллеріею ретировался въ деревню Ляхово. Отряды партизановъ мгновенно окружили оную и по некоторомъ сопротивленіи принудили непріятеля положить ружье. Между тѣмъ какъ графъ Орловъ-Денисовъ усмотря шедшую изъ с. Долгомостья на подкрепленіе ковалерію, быстро на нее ударилъ и совершенно истребилъ. Въ семъ дѣлѣ взятъ бригадный генералъ Ожеро, 60 штабъ и оберъ-офицеровъ и 2000 человѣкъ рядовыхъ. Генералъ Ожеро въ разговорѣ показалъ, что корпусъ генерала Барагай-Д'иллье*) (въ которомъ онъ находился) имѣлъ секретное повелѣніе открыть и устроить новую военную дорогу отъ города Ельни до города Калуги, что ясно доказываетъ намѣреніе главной французской арміи по выходѣ изъ Москвы слѣдовать на Калугу и далѣе, и чрезъ то овладѣть изобильнѣйшими губерніями въ чемъ они и предупреждены были при Маломъ Ярославцѣ и при Медынѣ.

Генералъ Милорадовичъ донесъ 27-го числа, что непріятель будучи преслѣдуемъ кавалеріею отъ Дорогобужа до рѣки Ужи потерялъ 3 пушки и 40 человѣкъ, а отъ 28-го числа, что генералъ-маіоръ Юрковскій преслѣдовавшій непріятеля легкими войсками до Соловьевой переправы за Днѣпръ, отбилъ 18-ть пушекъ, 60 зарядныхъ ящиковъ и 940 человѣкъ плѣнныхъ.

*) Т.-е. C-te Baraguay d'Hilliers. *Прим. Ред.*

Главная квартира въ с. Балшутинѣ.

Всѣ плѣные французскіе солдаты и офицеры единогласно утверждаютъ, что подвозъ продовольствія къ нимъ, въ армію, такъ пресеченъ былъ и недостатокъ столь былъ великъ, что большая часть изъ нихъ мясо упалыхъ лошадей употребляли въ пищу; а при слѣдованіи многіе наши чиновники были очевидцами, какъ сіи нещастные будучи вынуждены голодомъ, трупы своихъ товарищей жарили и ѣли, многіе таковые случаи въ семъ совершенно удостовѣрили какъ плѣнные сами показываютъ, отъ чего въ сихъ армій болѣзни до того усилились, что вся дорога усѣяна слабыми и умирающими. Въ теченіи кампаніи, считая съ Бородина, взято у непріятеля главною арміею въ разныхъ сраженіяхъ 209, генераломъ Тормасовымъ 8-мъ и генералъ-лейтенантомъ графомъ Витгенштейномъ 29-ть пушекъ, всего 246 пушекъ.

Въ числѣ 209 пушекъ, главною арміею пріобрѣтенныхъ, считаются и тѣ 26-ть, которые непріятель бѣжа изъ Москвы принужденъ былъ оставить. Сверхъ того нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ немалое число оныхъ потопилъ и зарылъ въ землю во время своего бѣгства; сіе утверждаютъ какъ плѣнные, такъ и крестьянѣ. Земскія правительства озаботятся отысканіемъ оныхъ.

30-го октября. Генералъ Милородовичъ отъ 28-го числа доноситъ, что со вверенымъ ему авангардомъ имѣлъ ночлегъ въ с. Алексѣевкѣ; а на другой день прибудетъ въ д. Ляхово.

Генералъ-лейтенантъ Шепелевъ рапортуетъ, что 24-го числа посланный отъ него отрядъ наступая сильно на непріятеля вытѣснилъ его изъ города Ельни, часть донскихъ казаковъ преслѣдуютъ его бѣгущаго по Смоленской дорогѣ.

Главная квартира арміи въ с. Лобково.

31-го октября. Генералъ-адъютантъ графъ Орловъ-Денисовъ узнавъ, что многіе непріятельскіе партіи составляющіе артиллерійскіе и кавалерійское депо, будучи расположены по селеніямъ, занимаются собираніемъ провіанта и фуража и доставленіемъ онаго въ Смоленскъ; нападая на нихъ побилъ болѣе 1500-ть и взялъ въ плѣнъ 1300 человѣкъ. Сверхъ того отбилъ до 400 повозокъ съ провіантомъ и фуражемъ, въ числѣ коихъ находится 50 бочекъ съ виномъ и пивомъ, болѣе 1000 лошадей набранныхъ подъ артиллерію и до 200 штукъ рогатаго скота.

Генералъ Милорадовичъ со 2-мъ пѣхотнымъ корпусомъ прибылъ въ село Свертково.

Главная квартира арміи имѣла растахъ въ с. Любково.

1-го ноября. Лейбъ-гусарскаго полка штабъ ротмистръ Нащокинъ, былъ отряженъ 28-го числа октября отъ генералъ-адъютанта графа Ожеровскаго къ селу Хморѣ, узналъ, что непріятель въ числѣ 900-тъ человѣкъ находится въ ономъ селѣ. На разсвѣтѣ атаковалъ его ротою егерей и малымъ числомъ кавалеріи, бой продолжался 4 часа; но видя неравенство силъ отступилъ одну версту, окруживъ селеніе цѣпью казаковъ. Непріятель въ 12-ть часовъ ночи построилъ каре и пробивъ цѣпь, отступалъ къ с. Михайловкѣ; штабсъ-ротмистръ Нащокинъ немедленно пустился въ слѣдъ за нимъ и нагнавши взялъ въ плѣнъ 2-хъ офицеровъ и 102 человѣкъ рядовыхъ; а сего числа напавъ на непріятеля при Михайловкѣ взялъ въ плѣнъ 53 человѣка.

Полковникъ князь Вадбольскій взялъ разсѣянныхъ по разнымъ деревнямъ около деревни Лаптева 46-ть человѣкъ. Партизанъ капитанъ Сеславинъ напалъ у села Волкова на небольшую колонну изъ аріергарда генерала Заіончика разбилъ и взялъ 6-ть офицеровъ до 70-ти человѣкъ рядовыхъ; посылаемыми отъ генералъ-маіора Карпова 2-ю партіями взято 22 человѣка.

Генералъ Милорадовичъ доноситъ отъ 31-го октября, что генералъ-маіоромъ Юрковскимъ въ с. Червонно взято 50-ть человѣкъ въ плѣнъ.

Генералъ-маіоръ Бороздинъ рапортуетъ, что полковникъ Крыжановскій настигъ непріятельской отрядъ состоящій изъ 700 человѣкъ подъ командою маіора Абержу, и послѣ сильнаго непріятельскаго сопротивленія, частію побилъ, а остальныхъ 370 человѣкъ взялъ въ плѣнъ, въ числѣ сихъ послѣднихъ самъ командующій, 18-ть штабъ и оберъ-офицеровъ и штабъ лѣкарь. При чемъ похваляетъ храбрость полковника Крыжановскаго.

Генералъ Платовъ отъ 29-го октября донесъ, что преслѣдуя разбитый корпусъ вице-короля Евгенія съ теснилъ на переправѣ чрезъ рѣку Вопь при деревни Ярцовѣ и несмотря на упорное его сопротивленіе, атаковалъ съ двухъ сторонъ и разсѣялъ; при чемъ непріятель кромѣ множества убитыхъ и потонувшихъ потерялъ 23 пушки и 200 человѣкъ плѣнныхъ. Еще доноситъ, что въ двудневное пораженіе корпуса вице-короля Евгенія 26-го и 27-го числъ бывшее вмѣсто взятыхъ 62 пушекъ оказалось по щету 64 пушки.

Теперь генералъ Платовъ сильно преслѣдуетъ остатки корпуса вице-короля Евгенія, тесня его съ тылу и съ фланговъ. Между тѣмъ какъ генералъ-маіоръ Иловайской 12-й заскакавъ уже къ Духовщинѣ будетъ поражать его при городѣ.

Генералъ-адъютантъ графъ Орловъ-Денисовъ 31 октября напалъ на непріятеля идущаго къ городу Красному и побивъ болѣе 500, взялъ въ пленъ болѣе 400 человѣкъ. Онъ же доноситъ, что сего числа преслѣдуя непріятеля отрядомъ своимъ взялъ въ плѣнъ до 300 человѣкъ, въ числѣ коихъ несколько офицеровъ.

Генералъ-лейтенантъ графъ Витгенштейнъ 20-го октября всеподданнѣйше донесъ Его Императорскому Величеству, что непріятель отъ Лепеля пошелъ на мѣстечко Чашники, гдѣ . . . . . *) съ корпусомъ маршала Виктора изъ 15-ти тысячъ состоящаго и занялъ позицію предъ онымъ мѣстечкомъ, и что желая самъ расположиться на той позиціи, 19-го октября въ 7 часовъ утра атаковалъ непріятеля, сбилъ съ трехъ позицій имъ занимаемыхъ и занялъ мѣстечко Чашники. Сраженіе продолжалось 10-ть часовъ, непріятель потерялъ множество убитыми, въ плѣнъ взято 12-ть штабъ и оберъ-офицеровъ и болѣе 800 нижнихъ чиновъ. Непріятель потерялъ мѣсто сраженіе, потянулся на Сенно; а кавалерія генералъ-лейтенанта графа Витгенштейна его преслѣдуютъ.

Главная квартира арміи въ с. Щелкановѣ.

2-го ноября. Адмиралъ Чичаговъ донесъ 20-го октября, что онъ не видя изъ преслѣдованія непріятеля къ Вислѣ, существенной для операцій нашихъ пользъ, остановилъ въ княжествѣ Варшавскомъ въ передѣ Бреста 26000 корпусъ подъ командою генералъ-лейтенанта Сакена, самъ-же съ остальными 3000—15-го числа октября выступилъ къ Пружанамъ и будетъ продолжать маршъ чрезъ Слонимъ, Несвижъ къ Минску. Надѣясь къ оному прибыть 7-го числа сего мѣсяца. Между тѣмъ предписалъ онъ корпусамъ генералъ-маіора Лидерса и генералъ-лейтенанта Эртеля слѣдовать къ тому же пункту 1-му изъ Волыни чрезъ Пинскъ, а послѣднему отъ Мозыря чрезъ Глуцкъ. Во время слѣдованію своему къ сему пункту будетъ онъ дѣйствовать легкими партіями къ сторонѣ Вильнѣ, гдѣ съ формированные литовскіе полки разсыпанные въ дѣлѣ при Слонимѣ, истреблять сими партіями и недопускать къ соединенію. Нѣкоторые французскіе артиллеристы взятые въ плѣнъ, обязались показать мѣсто, гдѣ непріятель во время своего бѣгства при Больдинскомъ монастырѣ зарылъ въ землю 27 пушекъ, отъ 5-ти до 6-ти ружей, 500 сабель и до 15 бомбъ и ядеръ.

Главная квартира арміи въ с. Юрова.

3-го ноября. Генералъ Платовъ отъ 30-го октября доноситъ, что

*) Въ подлинникѣ написано неразборчиво. *Ред.*

остатки корпуса вице-короля Евгенія изъ Духовщины обратились на Смоленскъ и что онъ ихъ теснитъ со всѣхъ сторонъ день и ночь препятствуя и фуражировать.

Генералъ-адъютантъ графъ Ожеровскій 2-го ноября на разсвѣтѣ быстро атаковалъ городъ Красное. Егери не взирая на сильныя картечные выстрѣлы, мгновенно опрокинули штыками непріятельскія колонны гвардейскихъ французскихъ егерей и подъ прикрытіемъ артиллеріи и кавалеріи нашей, городъ заняли. Видя же что большія непріятельскія колонны тянулись изъ Смоленска на Красное и не имѣя способовъ удержать городъ неподвергнувъ отрядъ свой опасности, отступилъ и занялъ позицію у деревни Кутково въ 3-хъ верстахъ отъ Краснаго, въ семъ дѣлѣ взять 1-го полковника и 260 нижнихъ чиновъ.

Генералъ-лейтенантъ графъ Остерманъ-Толстой 2-го числа прибывъ съ 11-ю пѣхотною дивизіею въ с. Кобызево, узналъ, что непріятель находится въ полу-верстѣ, по сему командировалъ немедленно эскадронъ Каргопольскаго драгунскаго полка, которой изрубивъ довольное число, взялъ въ плѣнъ 10-ть человѣкъ.

Генералъ Милорадовичъ отъ 2-го числа доноситъ, что онъ находясь въ с. Княгинино послалъ кавалерію на дорогу идущую изъ Смоленска въ Красное, дабы узнать настоящую силу непріятеля при открытіи коего взято въ плѣнъ 19-ть человѣкъ.

Сего числа генералъ-лейтенантъ графъ Остерманъ-Толстой командировалъ Псковской драгунской полкъ для очищенія окружныхъ селеній занятыхъ непріятелемъ, полкъ сей открывъ три эскадрона кавалеріи атаковалъ ихъ и разбилъ совершенно, взявъ въ пленъ 5 офицеровъ и 290 человѣкъ рядовыхъ.

Главная армія имѣла растахъ въ с. Юрова.

Сего числа доставлены отъ генералъ-адъютанта графа Орлова-Денисова два французскіе генерала: дивизіонной генералъ Альперисъ и брегадной кавалеріи генералъ баронъ Бюртъ, сословеснымъ донесеніемъ о взятіи имъ 4-хъ пушекъ подъ г. Краснымъ. Жалкое состояніе, въ которомъ находится непріятель въ разсужденіи терпимаго голода, превосходитъ всѣ тѣ ужасы, которые переносила турецкая армія прошедшаго года почти въ то же время, но къ чести атамановъ съ большимъ терпѣніемъ.

Много остается пріятныхъ произшествій о коихъ за неимѣніемъ подробностей неупоминается.

Непріятель показался изъ лѣсу около деревни Кобызево въ числѣ

болѣе 500 человѣкъ. Польской Уланской полкъ занялъ онаго съ преди, Кексгольмской пѣхотной съ правой, а Полоцкой—съ лѣвой стороны и атаковавъ взяли въ плѣнъ 220 человѣкъ; а остальныхъ побили на мѣстѣ.

Генералъ Милорадовичъ донесъ, что обоими корпусами атаковалъ непріятеля на большой дорогѣ отъ Смоленска къ Красному въ 15000, состоящаго, большею частію изъ гвардейцовъ и одержалъ совершенную побѣду. Пушки взяты на батареи съ канонирами и лошадьми; много плѣнныхъ.

Князь Кудашевъ съ эскадрономъ гусаръ взялъ одну пушку. Сумскіе гусары взяли двѣ, прочіе взяты егерями полковника Гогеля. Одна колонна съ генераломъ сдалась. О подробностяхъ же сего дѣла будетъ отъ него особенное донесеніе.

Армія имѣла растахъ въ с. Юровѣ.

4-го ноября. Генералъ Платовъ отъ 2-го числа доноситъ, что онъ въ продолженіи преслѣдованія непріятеля взялъ въ плѣнъ до 400 человѣкъ, а генералъ-маіоръ Грековъ 1-й при преправѣ у Соловьева 1-го числа отбилъ у непріятеля двѣ пушки.

Императоръ Наполеонъ находясь въ Красномъ съ гвардіею приказалъ гвардейской дивизіи изъ 7000 состоящей подъ командою генерала Роге, въ ночь съ 3-го на 4-е число атаковать отрядъ генерала-адъютанта графа Ожаровскаго въ дер. Кутьковѣ. Быстрое стремленіе столь превосходныхъ силъ и въ ночное время было принято съ войственнымъ россійскимъ войскомъ духомъ. Егери разсыпавшись удерживали нападающаго непріятеля въ 3-хъ колоннахъ. Дѣйствіемъ орудій колонны были смешены, Маріупольской гусарскій полкъ пустился въ атаку, а егери собравшись ударили въ штыки и непріятель былъ отбитъ съ большою для него потерею, при чемъ взятъ подполковникъ гвардіи въ плѣнъ. Послѣ сего графъ Ожаровскій опасаясь на свой малый отрядъ сильнѣйшей атаки отошелъ къ деревнѣ Палкино, а непріятель потянулся въ городъ Красное.

Главная квартира арміи въ с. Шиловѣ.

5-го ноября. Генералъ-адъютантъ графъ Орловъ-Денисовъ 3-го числа напавъ на разныхъ пунктахъ на непріятеля отбилъ 4 пушки и взялъ въ пленъ 3-хъ генераловъ: дивизіоннаго генерала Алмерасъ, бригаднаго—барона Бюрта и генерала Дю-Фура, болѣе 20-ти штабъ и оберъ-офицеровъ и до 400 рядовыхъ; причемъ досталось въ добычу до 50 повозокъ съ экипажемъ.

Генералъ-маіоръ Бороздинъ рапортуетъ, что онъ во время дѣй-

ствій 4-го числа отбилъ у непріятеля 3 пушки и взялъ въ плѣнъ артиллеріи генерала Матушевича, одного офицера и до 100 человѣкъ рядовыхъ.

Генералъ Милорадовичъ донесъ отъ 4-го числа, что корпусъ вице-короля Италіанскаго показался въ три часа пополудни и въ то же время былъ атакованъ генералъ-лейтенантомъ Раевскимъ, между тѣмъ князь Долгорукій со 2-мъ корпусомъ принялъ въ лѣво и сбивъ непріятеля занялъ дорогу идущую къ Красному. Непріятель соединя силы свои противъ корпуса генералъ-лейтенанта Раевскаго покушался опрокинуть правой флангъ онаго; но генералъ-лейтенантъ Уваровъ съ кавалеріею, подкрѣпя флангъ, атаковалъ непріятельское каре Московскимъ и Каргопольскимъ драгунскими полками и совершенно оное истребилъ. Шефъ Московскаго полка полковникъ Давыдовъ самъ взялъ генерала Коръ-Геймпера, (командующаго обеими кареями) и значекъ употребляемый вмѣсто знамя; полковникъ же Толь съ Каргопольскимъ полкомъ отбилъ 4 пушки. Генералъ-лейтенантъ Раевскій съ корпусомъ своимъ взялъ 20 пушекъ и одно знамя. Въ продолженіи сраженія непріятель потерялъ плѣнными болѣе 40 штабъ и оберъ-офицеровъ и 1500 человѣкъ рядовыхъ. Полковникъ князь Кудашевъ посланъ былъ къ непріятелю съ предложеніемъ здаться, но видя медленность отвѣта атака вновь началась. Генералъ-лейтенантъ Раевскій сбилъ ихъ съ дороги и разсѣялъ въ полѣ. Настигшая ночь прекратила дѣйствіи корпуса. Заняли селеніи Мерлино и Микулино.

Генералъ Платовъ рапортуетъ отъ 31-го октября, что аріергардъ корпуса вице-короля Италіанскаго будучи преслѣдуемъ атаманскимъ полкомъ и егерями подъ командою полковника Кейсарова и конною артиллеріею, на разстояніи отъ Духовщины до деревни Звянихи, потерялъ двѣ пушки отбитые полковникомъ Кейсаровымъ, убитыми и въ плѣнъ взятыми до 1000 человѣкъ.

Генералъ-лейтенантъ Шепелевъ доноситъ отъ 4-го числа, что онъ сближаясь къ Мстиславлю освѣдомился, что непріятельской отрядъ въ числѣ 150 человѣкъ, оставляя городъ бѣжитъ по дорогѣ къ Могилеву, почему приказалъ полковнику Андріанову 1-му въ слѣдъ за нимъ отрядить партію казаковъ, которая догнавъ ихъ въ деревни Ширки побила болѣе 100 человѣкъ и взято въ плѣнъ 18-ю человѣкъ.

Генералъ-адъютантъ баронъ Корфъ рапортуетъ, что 4-го числа, что Псковской драгунскій полкъ три раза атаковалъ непріятеля и опрокинувъ взялъ въ плѣнъ 7-мь офицеровъ и 500 человѣкъ рядовыхъ. Казаками также взято множество пленныхъ, всего 7 офицеровъ

и 912 нижнихъ чиновъ; а генералъ-маіоръ Карповъ, когда непріятель переправился чрезъ Днѣпръ, ударилъ на нѣсколько полковъ кавалеріи, разбилъ ихъ совершенно, взялъ въ плѣнъ 300 человѣкъ отбилъ 3 штандарта. Сіе дѣйствіе происходило на большой Красанской дорогѣ.

Генералъ-лейтенантъ графъ Остерманъ доноситъ отъ 4-го числа, что нападая на непріятельскія колонны входящія изъ лѣсовъ около селенія Кобызева взялъ въ плѣнъ 824 человѣка.

Армія слѣдуя кратчайшимъ путемъ въ направленіи къ городу Красному, что бы пресечь путь сильному непріятелю 5-го числа изъ мѣстъ расположенія своего при селеніи Шиловѣ двинулась на пораженіе его. Генералъ Милорадовичъ со 2-мъ и 7-мъ пѣхотными и 1-мъ кавалерійскимъ корпусами, находясь скрытно при большой дорогѣ и деревни Мерлино, допустилъ корпусъ маршала Даву приближится къ Красному, въ то время 3-й корпусъ и 2-я кирасирская дизизія составляющіе центръ всей арміи подъ командою генералъ-лейтенанта князя Голицына подходилъ къ городу Красному. Непріятель видя приближеніе войскъ остановился передъ симъ городомъ и приготовился къ бою, тогда дѣйствіе артиллеріи нашей открылось со всѣхъ сторонъ. Между тѣмъ главная армія состоящая изъ корпусовъ 6-го, 8-го и 5-го и 1-й кирасирской дивизіи, имѣя въ аріергардѣ корпусъ легкихъ войскъ подъ командою генералъ-маіора Бороздина, 1-й кирасирской дивизіи Лейбъ Его и Ея Величества, 3 баталіона гвардейскихъ егерей и 3 баталіона финляндскихъ подъ командою генералъ-маіора барона Розена: всѣ войски съ авангардомъ вмѣстѣ подъ командою генерала-отъ-инфантеріи Тормасова; шли въ обходъ города Краснаго чрезъ деревни Зуньково, Сидоровичи, Кутьково, Сорокино къ деревнѣ Доброй и невзирая на дефилей, достигнувъ большой Оршинской дороги стали позади деревни Доброй, дабы тѣмъ болѣе отрѣзать непріятельской арміи ретраду, которая въ сей день состояла изъ корпусовъ Давуста, вицекороля Италіанскаго и части гвардіи подъ собственнымъ начальствомъ Императора Наполеона.

Генералъ Милорадовичъ теснилъ непріятеля съ тылу, когда генералъ-лейтенантъ князь Голицынъ поражалъ его съ центра, а генералъ-отъ-инфантеріи Тормасовъ отрезавъ дорогу поражалъ его при выходѣ изъ Краснаго. Такое критическое положеніе непріятеля побудило его на отчаянные мѣры и онъ съ формируясь въ густые колонны хотѣлъ прорваться сквозь авангардъ генералъ-маіора барона Розена; но встрѣченный лейбъ гвардіи егерскимъ и финляндскимъ полками въ под-

крѣпленіе коихъ слѣдовали по одному эскадрону лейбъ-кирасирскаго Его и Ея Величества, были совершенно истреблены штыками, сіе самое повстречали колонны хотѣвшіе овладѣть батарейю корпуса генералъ-лейтенанта князя Голицына и были поражены 2-ю кирасирскою дивизіею и Ревельскимъ пѣхотнымъ полкомъ. Въ семъ случаѣ французской гвардіи первой волтижерской полкъ совершенно былъ истребленъ. Генералъ Милорадовичъ тесня непріятеля съ тылу, какъ уже выше упомянуто, поражалъ его наиболѣе 1-ю кирасирскою дивизіею. Непріятель по всюду разбитый обратился въ бѣгство въ самомъ большомъ разстройствѣ по лѣсамъ къ сторонѣ Днепра на 5-ть верстъ простирающимся, думая найти свое спасеніе, но легкіе наши отряды подъ командою генералъ-адъютанта графа Ожаровскаго и генералъ-маіора Бороздина подкрѣпленные егерями довершили совершенное онаго пораженіе. По окончаніи сего сраженія армія расположена была при деревни Доброй на большой Оршинской дорогѣ.

Потеря непріятеля въ сей день кроме убитыхъ и раненыхъ состоитъ, пленными генераловъ 2, штабъ и оберъ-офицеровъ 57 и 6170 нижнихъ чиновъ, отбито 45 орудій разнаго калибра, 2 знамя, штандартовъ и значковъ 4 и одинъ маршальскій жезлъ.

5-го ноября. 5-го числа генералъ-маіоръ Бороздинъ достигъ непріятеля передъ Лядами и нападъ на него съ отрядомъ вытеснилъ изъ мѣстечка Ляды; во время дѣйствія сего въ преслѣдованіи взято 5 пушекъ.

Во время сего сильнаго пораженія императоръ Наполеонъ недождавшись конца сраженія успѣлъ объѣхавъ городъ Красное къ сторонѣ Днепра лѣсами проскакать съ свитою своею къ Лядамъ, гдѣ очевидные свидѣтели между протчимъ освободившись тотъ день изъ плѣну Россійской маіоръ и порутчикъ объявляютъ, что въ сумерки увидѣли они Наполеона съ небольшою свитою прискакавшаго въ Ляды. Тотчасъ часть гвардіи находящаяся уже въ Лядахъ стала подъ ружья и стояла въ строю до полуночи; послѣ того приняла путь къ Дубровнѣ сопровождая Наполеона.

Весьма замечательно въ сей знаменительный день то, что Наполеонъ полководецъ увѣнчанный 20-ю лѣтними успѣхами и маршалъ Давустъ сопутникъ его, неостанавливаясь въ Лядахъ ретировались къ Дубровнѣ забывъ, что сильный корпусъ маршала Нея, которой присоединивъ всѣ остатки и горизоны бывшіе въ Смоленскѣ, состоялъ до 30.000 и имѣлъ въ прикрытіи своемъ паркъ около 150 орудій. Сія столь знатная часть отрезанная Россійскою арміею забыта и оставлена

на жертву. И вообще въ теченіи сихъ послѣднихъ дней, сей побѣдитель оказался человѣкомъ обыкновеннымъ и мненія о его непобѣдимости изчезли какъ изчезаютъ привиденія.

6-го ноября. Около трехъ часовъ по полудни казаки генералъ-маіора Юрковскаго открыли корпусъ маршала Нея, который дѣйствіемъ нашей арміи 5-го числа будучи отдѣленъ отъ главныхъ силъ, шелъ отъ Смоленска къ Красному въ намѣреніи пробиться сквозь армію. Генералъ Милорадовичъ подкрѣпленный 8-мъ корпусомъ ожидалъ приближенія его. Густой туманъ скрывалъ число непріятельскихъ колоннъ которыя приближились на малой картечной выстрѣлъ и не взирая на жестокой огонь съ бешенствомъ бросались на наши батареи; но на разстояніи 250 шаговъ встречены были жесточайшимъ картечнымъ огнемъ со всѣхъ батарей. Между тѣмъ генералъ-маіоръ Паскевичъ съ бригадою, лейбъ-гвардіи уланской съ правой, а Павловской Гренадерской съ лѣвой стороны бросились въ штыки на другой рядъ колоннъ шедшихъ на подкрѣпленіе первымъ, и не смотря на сильный батальной огонь врезались и истребили все имъ встретившееся.

Дежурный генералъ-лейтенантъ Коновницынъ устроивъ войски на лѣвомъ флангѣ, бригаду 1-й кирасирской дивизіи и лейбъ-гвардіи конныя батареи поставилъ въ переди оныхъ конвойной казачій полкъ Чернозубова 4-го приказалъ наблюдать непріятеля отъ города Краснаго къ переправѣ Сырокоренья и при случаѣ ничего не упуститъ къ пораженію. Полковникъ Чернозубовъ исполнилъ оное съ большимъ успѣхомъ, видя приближающагося непріятеля къ переправѣ въ ночное время быстро на него ударилъ и отбивъ 10-ть пушекъ обратилъ несколько изъ оныхъ на него же и наносилъ ему жестокой вредъ; при чемъ побилъ, и потопилъ довольное число и взялъ въ плѣнъ; непріятель потерявъ пушки, знамена и множество пленныхъ, былъ сбитъ съ поля сраженія и разсѣянъ по лѣсамъ. Кавалерія подъ командою генералъ-адъютанта барона Корфа его преслѣдовала и поражала. Въ 5-ть часовъ вторично показались непріятельскія колонны въ твердомъ намѣреніи пробиться; но удачное дѣйствіе 24-хъ батарейныхъ орудій наносило имъ сильное пораженіе и въ то же время кавалерія заскаковъ, принудили прислать парламентера и просить пощады; въ 12 часовъ по полудни непріятельской корпусъ въ числѣ 8500 положа ружье здался военнопленнымъ; въ семъ дѣлѣ непріятель потерялъ пленными штабъ и оберъ-офицеровъ 100, нижнихъ чиновъ 12.000, пушекъ 27-мь, знаменъ 2 штандартовъ и значковъ 2.

А всего непріятель потерялъ считая съ 3-го числа по 7-е плен-

ными генераловъ 7-мь изъ коихъ одинъ умеръ отъ ранъ, штабъ и оберъ-офицеровъ 300 и нижнихъ чиновъ 19.170, пушекъ 209, считая съ тѣми, которыя имъ брошены на Смоленской дорогѣ подходя къ Красному 6 знаменъ 1-нъ маршалской жезлъ и 800 зарядныхъ ящиковъ взорваны казаками на воздухъ.

7-го ноября. Генералъ-маіоръ Бороздинъ выгнавъ непріятеля изъ мѣстечка Лядъ шелъ въ следъ за нимъ съ частію своего отряда до деревни Большія Колотовки, а казаки преслѣдовали бегущихъ до самыхъ Козянъ, гдѣ сменены были казаками отряда генералъ-адъютанта графа Ожаровскаго. Въ семъ преслѣдованіи непріятель потерялъ 7 пушекъ и много обоза.

Генералъ-отъ-кавалеріи графъ Витгенштейнъ 28-го октября всеподданнейше донесъ Его Императорскому Величеству, что командированный отъ него генералъ-маіоръ Гарне съ отрядомъ по обоимъ берегамъ Двины для занятія города Витебска, 26-го числа въ 7 часовъ по утру по сильному сопротивленію непріятеля съ помощію Божію въ городъ вступилъ. Непріятель зажегши мосты защищалъ входъ двумя орудіями поставленными на высотѣ; но бросившіеся изъ полковъ и изъ седьмой дружины охотники потушили оной; по выгнаніи непріятеля изъ города былъ онъ преслѣдованъ по Смоленской дорогѣ болѣе 20 верстъ, въ семъ дѣлѣ захвачены въ пленъ бывшій въ городѣ Витебскѣ губернаторомъ генералъ Пуже и комендантомъ полковникъ Шевардье, 10-ть офицеровъ, 7-мь жандармовъ, 300 нижнихъ чиновъ и два орудія, также отбиты заготовленные въ городѣ магазейны съ большимъ количествомъ провіанта, фуража и пороха.

Генералъ Платовъ рапортомъ отъ 5-го числа донесъ, что онъ съ войсками ему вверенными, 3-го числа подойдя къ городу Смоленску и узнавъ отъ выхотцевъ изъ онаго, что непріятель занимаетъ форштатъ С.-Петербургской, приказалъ немедленно подъ прикрытіемъ Донской артиллеріи его атаковать. Полковникъ Кайсаровъ съ егерями сбивъ непріятельскую цѣпь, быстро преслѣдовалъ его въ форштатъ. Встревоженный непріятель кинулся въ безпорядкѣ къ крѣпостнымъ воротамъ, будучи поражаемъ картечью Донской артиллеріи поставленной на высотахъ. Между тѣмъ какъ казаки и егери наносили пораженіе въ форштатъ, непріятель двумя колоннами выступилъ изъ крѣпости имѣя предъ собою 8-мь пушекъ и одну мортиру, въ намѣреніи въ новь овладѣлъ форштатомъ; но генералъ-маіоръ Кутейниковъ 2-й съ казаками а полковникъ Кайсаровъ съ егерями, бросились на оные и сбивъ пѣхоту овладѣли орудіями; такимъ образомъ форштатъ былъ занятъ,

ночь прекратила дѣйствіе. 4-го числа непріятель засевъ за полисады удерживалъ лѣвой берегъ Днепра, между тѣмъ колонны его поспѣшно оставляли городъ. Генералъ Платовъ въ присутствіи бывшихъ войскъ принесъ благодареніе Богу, дарующему силы на защищеніе Вѣры и Царя, съ пушечною пальбою и съ крикомъ ура! за здравіе Государя Императора, непріятель оставляя городъ взорвалъ мины, подведенные имъ подъ нѣкоторыми частями крѣпости, чемъ и выжегъ часть строенія въ крѣпости противу лежащихъ Петербургскому форштату.

Генералъ-адъютантъ баронъ Меллеръ-Закомельскій донесъ, что полковникъ Гундирсъ посланный отъ него съ тремя эскадронами 7-го числа открылъ непріятельскую колонну въ трехъ верстахъ отъ деревни Винныя Луки, и окруживъ оную, послалъ лейбъ-гусарскаго полка штабсъ-ротмистра Акиндьева предложить имъ положить оружіе, которой возвратился съ успѣхомъ. Число плѣнныхъ 2.500 человѣкъ 6-ть офицеровъ и 2 доктора.

Главная квартира арміи въ деревнѣ Доброй на большой Оршинской дорогѣ.

8-го ноября. Генералъ-адъютантъ графъ Ожаровскій отъ 7-го числа доноситъ, что французская армія въ ночь на 8-е число оставя селеніе Козяны, потянулась къ Дубровнѣ и что при прослѣдованіи непріятеля взято имъ много пленныхъ; но щету онымъ опредѣлить не можетъ ибо безпрестанно число ихъ прибавляется.

Главная квартира арміи въ мѣстечкѣ Романовѣ.

9-го ноября. Генералъ-адъютантъ графъ Ожаровскій донесъ, что отряженный отъ него отрядъ преслѣдовавъ непріятельской аріергардъ ретирующійся изъ с. Козяны. Казаки заскакавъ съ обоихъ сторонъ большой дороги отрѣзали нѣкоторую часть аріергарда отъ Дубровно и не взирая на картечныя выстрелы бросились вмѣстѣ съ егерями на колонну положили болѣе 1000 человѣкъ на мѣстѣ, овладѣли 4-ю пушками съ ящиками наполненными зарядами, отбили много обоза и 600 человѣкъ взяли въ плѣнъ.

Генералъ-маіоръ Бороздинъ донесъ рапортомъ отъ 8-го числа, что онъ съ отрядомъ своимъ вытеснивъ непріятеля изъ мѣстечка Дубровны преслѣдовалъ къ Оршѣ, при чемъ непріятель потерялъ плѣнными болѣе 400 человѣкъ и 8 офицеровъ; въ мѣстечкѣ найденъ небольшой магазейнъ съ мукою, овсомъ и сеномъ.

Генералъ Милорадовичъ при рапортѣ сего числа доставилъ три Россійскія знамя и одинъ значекъ, отбитые 4-го числа у непріятеля казачьяго Грекова 21-го полка хорунжимъ Михаиломъ Носовымъ, вѣ-

роятно что знамя сіи найдены непріятелемъ въ какомъ нибудь арсеналѣ и что по недостатку трофѣевъ хотѣлъ онъ выдать за взятые въ сраженіи.

Генералъ графъ Платовъ донесъ отъ 7-го числа, что онъ во время слѣдованія отъ Смоленска къ Дубровкѣ истребляя непріятельскіе партіи, которыя послѣ пораженія французской арміи при Красномъ, спасаясь бѣгствомъ перебрались на правой берегъ Днѣпра и слѣдовали къ соединенію, взялъ въ плѣнъ болѣе 3000 человѣкъ, въ томъ числѣ и бывшій въ Смоленскѣ Commissaire Ordonateur général de Puibusque.

Онъ же доноситъ вторымъ рапортомъ, что 7-го числа продолжая маршъ къ Дубровнѣ освѣдомился, что маршалъ Ней съ остаткомъ своего корпуса слѣдуя къ Любовичамъ послѣ полудня показался около Гусимово занимая его казаками съ лѣвой стороны приказалъ между тѣмъ устроить скрытыя батареи на дорогѣ и допустивъ его открылъ сильный картечный огонь, изумленный симъ дѣйствіемъ непріятель видя не возможность слѣдовать къ Любавичамъ склонился въ лѣсъ около самаго Днепра находящійся и прикрывая себя стрелками пробирался по берегу до глубокой ночи затопивъ 4 орудія съ нимъ бывшія, 8-го числа въ 6 часовъ утра авангардъ настигъ его недоходя Дубровки; непріятель выходя изъ лѣсу на большую дорогу вновь встреченъ былъ картечнымъ огнемъ пользуясь разстройствомъ удачными выстрелами произведеннымъ, казаки ударили въ дротики, много положили на мѣстѣ а до 800 взяли въ плѣнъ, въ томъ числѣ одинъ провіантской генералъ и до 10 офицеровъ. Маршалъ Ней видя конечное пораженіе бросился въ лѣсъ и собравши разсѣянныхъ ударилъ ихъ казаковъ, занялъ деревню Якубово и держался съ упорствомъ до самой ночи, которая прекратила дѣйствіе.

Главная квартира въ деревнѣ Лапенки.

10-го ноября. Генералъ графъ Платовъ рапортомъ отъ 9-го числа донесъ, что во время преслѣдованія непріятеля до Орши взято до 400 человѣкъ въ плѣнъ, непріятель артиллеріею защищаетъ переходъ чрезъ мостъ, а между тѣмъ весь городъ предаетъ пламени.

Партизанъ подполковникъ Давыдовъ 9-го числа атаковалъ непріятеля въ городѣ Копысѣ и побивъ несколько на мѣстѣ взялъ въ плѣнъ 285. При чемъ въ добычу досталось много обоза; послѣ чего переправясь чрезъ Днепръ въ плавь, послалъ партіи по дорогамъ къ Шилову, Староселье и Орше.

Генералъ графъ Платовъ доноситъ отъ 9-го числа, что по нѣкоторомъ сопротивленіи непріятель вытесненъ изъ Орши и въ часъ по

полудни городъ занятъ, въ коемъ найдено 26-ть орудій оставленныхъ непріятелемъ, некоторые запасы, лазареты, въ которыхъ однихъ офицеровъ 50 человѣкъ.

Главная армія имѣла растахъ въ деревнѣ Лапенкѣ.

11-го ноября. Генералъ графъ Витгенштейнъ рапортомъ отъ 8-го числа донесъ, что непріятельскіе корпуса маршала Виктора и Сен-Сира 2-го числа атаковали его съ большою стремительностію стараясь сбить съ позиціи при мызѣ Смольнѣ; но не взирая на всѣ ихъ усилія были отбиты; и что посланнымъ отъ его отрядомъ Сенно занято, отъ коего имѣетъ онъ коммуникацію съ генералъ-адъютантомъ Кутузовымъ, которой находится уже въ Бабиновичахъ.

Главная квартира арміи въ деревнѣ Морозовѣ.

12-го ноября. Генералъ-адъютантъ графъ Ожаровскій рапортуетъ отъ 11-го числа, что прибывъ въ мѣстечко Горки 8-го числа, отправилъ маіора Ржевскаго съ донскимъ казачьимъ Шамшева полкомъ и 150 гусарами для преслѣдованія непріятеля вышедшаго изъ сказаннаго мѣстечка. Маіоръ Ржевскій достигнувъ непріятеля истребилъ большое количество и взялъ въ плѣнъ 4-хъ офицеровъ, 250 нижнихъ и много обоза досталось въ добычу.

Главная квартира арміи въ городѣ Копысѣ.

Московскаго пѣхотнаго полка 1-й гренадерской роты стрѣлокъ Степанъ Еременко, за полученными ранами въ дѣлѣ при городѣ Смоленскѣ находился для излеченія оныхъ на попеченіи Смоленской губерніи у помѣщика, отставного подпоручика Кречетова; гдѣ по выздоровленіи своемъ, когда при ратирадѣ французскихъ войскъ команда ихъ изъ 47-ми человѣкъ состоящая проходила село Мелекино и Ползино, онъ Степанъ Еременко собравши крестьянъ тѣхъ селеній и ободрихъ ихъ примѣромъ личной храбрости, 7-мь человѣкъ французовъ истребилъ, а остальныхъ 40 превязавъ отправили жители на передовые казачьи посты. За таковой храброй поступокъ, обнаруживающей истинное усердіе къ службѣ и духъ русскимъ только солдатамъ свойственнный, оный стрѣлокъ Еременко произведенъ въ унтеръ-офицеры и награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена.

Сей журналъ оканчивается по 13-е число въ ключительно. Между тѣмъ уже извѣстно, что городъ Могилевъ отрядомъ генералъ-адъютанта графа Ожеровскаго, выгнавъ изъ онаго непріятеля, занятъ; въ немъ найдено между протчимъ приготовленнаго фуража столько что стать можетъ на главную армію дней на 10-ть, подробности о семъ дѣйствій будутъ въ будущемъ журналѣ.

13-го ноября. Генералъ-адъютантъ графъ Ожаровскій 12-го числа слѣдуя съ частію отряда изъ Шклова къ Могилеву, узналъ отъ вышедшихъ изъ онаго жителей, что часть непріятельскихъ войскъ оставшихся въ городѣ грозитъ все предать огню; почему генералъ-адъютантъ графъ Ожаровскій спѣшивъ Полтавскихъ казаковъ, посадилъ на кони егерей и вмѣстѣ съ кавалеріею и артиллеріею прискакалъ въ городъ прежде вечера, разсѣялъ непріятеля тамъ бывшаго и тѣмъ спасъ городъ и магазины съ большими запасами отъ неминуемаго огня.

Другая часть отряда подъ командою лейбъ-гусарскаго полка штабъ-ротмистра Нащокина, посланная чрезъ Княжицы настигла тамъ отступающаго непріятеля, ударили на него, взяла въ плѣнъ офицера и 100 нижнихъ чиновъ и обративъ остальныхъ въ бѣгство преслѣдовала 6-ть верстъ за Княжицы; послѣ чего присоединилась къ отряду.

По занятію города найдено въ магазейнахъ провіанта и фуража до 34 тысячъ кулей.

Генералъ Милорадовичъ доноситъ что онъ съ частію ввѣреннаго ему авангарда 12-го числа будетъ въ Толочинѣ.

Генералъ-адъютантъ Голенищевъ-Кутузовъ рапортомъ отъ 9-го числа донесъ, что посланными отъ него партіями къ Толочину между протчимъ: взяты два французскіе генерала баронъ Готренъ и баронъ Корсенъ, польской полковникъ графъ Михаловскій, нѣсколько офицеровъ и много нижнихъ чиновъ, коихъ число неопредѣляетъ; а лейбъ-гусарскаго полка полковникъ Ельмурзинъ съ партіею взялъ 7 офицеровъ и 400 рядовыхъ, которыя показали, что послѣ пораженія подъ Краснымъ искали они себѣ убѣжища и хотѣли защищаться по селеніямъ; но бывъ въ незапно атакованы, по нѣкоторомъ сопротивленіи принуждены были покориться.

Генералъ отъ кавалеріи графъ Витгенштейнъ представляя рапортъ Его Величества флигель-адъютанта полковника Чернышева донесъ отъ 6-го числа, что онъ полковникъ Чернышевъ былъ посланъ отъ адмирала Чичагова съ казачьимъ полкомъ Пантелеева для узнанія дѣйствій ввѣреннаго мнѣ корпуса; преодолѣвъ всѣ затрудненіи и опасности исполнилъ въ точности важное сіе препорученіе съ отличнымъ успѣхомъ, проходя денно и ночно сквозь непріятельскіе войски, переѣхалъ въ плавь четыре рѣки и на пути истребя множество обозовъ, разнаго рода запасовъ заготовленныхъ непріятелемъ; доставилъ извѣстіе о дѣйствіяхъ арміи адмирала Чичагова; при томъ захватилъ трехъ кабинетъ-курьеровъ съ важными бумагами, выручилъ взятаго въ

плѣнъ генералъ-лейтенанта барона Винцингероде и съ нимъ въ мѣстѣ генералъ-маіора Свѣчина, 3-го Сумскаго гусарскаго полка ротмистра Нарышкина, эсаула Князева и коммисіонера Полутова.

Генералъ графъ Витгенштейнъ рапортуетъ того же числа, что генералъ-маіоръ Властовъ командующій отрядомъ въ Друѣ, донесъ тремя рапортами: *Первымъ* отъ 30-го октября, что посланный отъ него Финляндскаго драгунскаго полка полковникъ Древичъ, 19-го числа того-же мѣсяца въ три часа пополудни прибылъ къ городу Видзы, прокинулъ непріятельскую кавалерію и выбивъ изъ города преслѣдовалъ нѣсколько верстъ, при чемъ въ плѣнъ взято 3 офицера и 35 человѣкъ рядовыхъ. Послѣ чего возвратясь въ Видзы сжегъ заготовленные непріятелемъ магазейны съ провіантомъ и фуражемъ, также аммуницію и ружья на 600 человѣкъ.

Вторымъ отъ того жъ числа октября, что казачьяго генералъ-маіора Родіонова 2-го полка сотникъ Денисовъ съ 50-ю казаками 24-го числа подошедъ къ мѣстечку Глубокому и извѣстясь, что ненепріятельскихъ войскъ находилось тамъ до 200 человѣкъ кавалеріи внезапно напалъ на нихъ разсѣялъ, взялъ 5-ть человѣкъ въ плѣнъ и оставленные непріятелемъ 280 ружей.

Третьимъ: что артиллеріи подполковникъ Антроповъ съ двумя эскадронами Финляндскаго драгунскаго полка и частію казаковъ Лощилина полка 2-го числа ноября подошедъ къ мѣстечку Глубокое, атаковалъ французовъ 8-й уланскій полкъ и выгналъ изъ онаго мѣстечка; при чемъ взято 13 человѣкъ въ плѣнъ послѣ чего вытащилъ затопленные въ прудѣ Кармелитейскаго монастыря 4 орудія и вложилъ на лафеты. Отбито такъ же до 150 четвертей хлѣба и до 70 человѣкъ больныхъ.

Главная армія имѣла растахъ въ г. Копысѣ.

14-го ноября. Генералъ графъ Платовъ отъ 12-го числа доноситъ, что часть непріятельскихъ войскъ отдѣлившись отъ корпуса маршала Нея и имѣвшая направленіе къ Любавичамъ въ числѣ 800 человѣкъ и съ офицерами здались военнопленнымъ. Сверхъ того непріятель столько имѣетъ плѣнными потери, что графъ Платовъ не щитаетъ за нужное утруждать донесеніями, ибо каждый день не менѣе 1000 человѣкъ.

Полковникъ Потемкинъ отъ авангарда генерала Милорадовича доноситъ 13-го числа, что въ мѣстечкѣ Толочинѣ собрано генералъ-маіоромъ Карповымъ 600 человѣкъ плѣнныхъ и найдено въ костелѣ до 100 четвертей ржи.

Генералъ графъ Витгенштейнъ отъ 11-го числа доноситъ, что онъ преслѣдуетъ непріятеля и находится съ корпусомъ въ Череѣ. Сверхъ того увѣдомляетъ, что генералъ графъ Ланжеронъ извѣстилъ его, что 9-го числа Борисовъ занятъ генералъ-маіоромъ Деламбертомъ, гдѣ имъ разбитъ весь корпусъ Домбровскаго и взято 6-ть пушекъ, 2 знамя и 3000 плѣнныхъ; онъ-же графъ Ламбертъ въ Кайдановѣ взялъ 2 пушки и до 3000 плѣнныхъ. Всего съ больными находящимися въ Минскихъ госпиталяхъ въ теченіи 8-ми дней взято около 11000 плѣнныхъ и 24 пушки. Генералъ Ланжеронъ съ корпусомъ 9-го числа прибылъ въ Борисовъ. Адмиралъ Чичаговъ со всею арміею долженъ быть тамъ же 10-го числа. Генералъ графъ Платовъ подтверждая увѣдомленія графа Витгенштейна отъ 13-го числа доноситъ, что генералъ-лейтенантъ Мартыновъ ударилъ съ бригадою генералъ-маіора Кутейникова на непріятеля шедшаго по большой дорогѣ, положилъ болѣе 500 на мѣстѣ, взялъ 400 человѣкъ въ плѣнъ, и тѣмъ очистилъ переходъ чрезъ большую дорогу на лѣвую ея сторону. При чемъ взятъ генералъ Дзевановскій.

Главная квартира въ м. Староселье.

15-го ноября. Генералъ графъ Витгенштейнъ увѣдомляетъ слѣдуя непріятельской аріергардъ 12-го числа имѣлъ дѣло у селенія Батуры и въ продолженіи двухъ сутокъ отбилъ значущее количество обоза и болѣе 2000 человѣкъ взялъ въ плѣнъ въ числѣ коихъ 30 офицеровъ.

Главная квартира арміи въ мѣстечкѣ Кругломъ.

Генералъ-лейтенантъ Шепелевъ ноября отъ 10-го доноситъ, что Рославской голова Полозовъ и мѣщане онаго города движимые любовію къ отечеству, избрали 100 человѣкъ конныхъ, вооружили ихъ пиками, саблями и ружьями, и въ продолженіи дѣйствій въ Смоленской губерніи дѣлали разъѣзды и имѣли дѣла успѣшные съ непріятелемъ, не взирая на то, что изъ нихъ многіе были ранены и тѣмъ самымъ спасли городъ отъ раззоренія.

11-го ноября. Генералъ-адъютантъ графъ Ожеровскій доноситъ, что лейбъ-гусарскаго полка штабсъ-ротмистръ Нащокинъ посланный съ казачьимъ Шамшева полкомъ изъ Козлова берега въ м. Березину нашелъ тамъ отрядъ подъ командою генералъ-маіора Орурка, принадлежащій къ арміи адмирала Чичагова, и тѣмъ открылъ коммуникацію главной арміи съ арміею адмирала Чичагова.

Генералъ графъ Платовъ представляя рапортъ графа Витгенштейна доноситъ отъ 15-го числа, что онъ находится между . . . . . *)

*) Пропускъ въ подлинникѣ. *Прим. Ред.*

ночью и истребляетъ непріятельскіе войски тянувшіяся частями по большой дорогѣ для соединенія къ главнымъ своимъ силамъ.

А генералъ графъ Витгенштейнъ извѣщаетъ его своимъ рапортомъ отъ 14-го числа, что 15-го съввереннымъ ему корпусомъ будетъ къ Костромѣ, откуда откроетъ сообщеніе съ войсками генералъ-адъютанта Кутузова.

Партизанъ подполковникъ Давыдовъ доноситъ отъ 15-го числа, что онъ 14-го атаковалъ отрядъ польскихъ войскъ прикрывавшій гошпиталь свой въ мѣстечкѣ Бѣлынычахъ. Лѣсистые мѣста и буграки способствовали много непріятелю удерживаться на каждомъ шагу; но 26-го Егерьскаго полка прапорщикъ Давыдовъ съ сотнею казаковъ ударивъ разсѣялъ ихъ и взялъ 96 человѣкъ въ плѣнъ, между тѣмъ Волынскаго уланскаго полка подполковникъ Храповицкой съ отдѣленіемъ своимъ занялъ мѣстечко и гошпиталь. Непріятель пользуясь лѣсистыми мѣстами при рѣкѣ Осминѣ собравшись хотѣлъ было держаться, но раздраженные казаки спѣшившись ударили въ дротики и гнали его до мѣстечка Есмоновъ, у котораго зажегши мостъ отступалъ къ Березинѣ, гдѣ вѣроятно встрѣтитъ новые препятствія. Въ сей день весь гошпиталь состоящій въ 290 человѣкъ съ лекарями достался въ руки. А на мѣстѣ сраженія взятъ одинъ подполковникъ, 4 капитана и 192 человѣка рядовыхъ, весь обозъ 180 ружей и бывшіе въ мѣстечкѣ магазейны съ провіантомъ.

Главная квартира арміи въ деревнѣ Сомры.

17-го ноября. Генералъ-адъютантъ Васильчиковъ съ отрядомъ ему ввѣреннымъ сего числа находился въ селеніи Вышнее Городно; а полковникъ Юзефовичъ съ Харьковскимъ драгунскимъ и казачьимъ Данилова полками въ Велятичахъ.

Главная квартира арміи въ деревнѣ Михѣевичи.

18-го ноября. Генералъ Милорадовичъ доноситъ, что пѣхота ввѣреннаго ему авангарда 15-го числа расположена была около мѣстечка Крупки а кавалерія въ деревнѣ Ночи.

Генералъ графъ Витгенштейнъ рапортуетъ отъ 13-го ноября, что того же дня прибылъ онъ въ селеніе Баранъ, дабы отрезать непріятелю Лепельскую дорогу и имѣть способъ дѣйствовать на Веселово, равно и по большой дорогѣ ведущей къ Борисову, при томъ доноситъ, что подойдя въ Кострицы, 15-го числа намеренъ онъ атаковать непріятеля вмѣстѣ съ графомъ Платовымъ или въ Немонищахъ или въ Веселовѣ.

Генералъ графъ Платовъ отъ 16-го числа доноситъ, что онъ преслѣдуя непріятеля съ тѣснилъ его при городѣ Борисовѣ и отбилъ

два орудія; посожженіи мостовъ чрезъ рѣку Березину, непріятель неимѣя средствъ перейти оную и будучи окруженъ со всѣхъ сторонъ, предъ войсками корпуса графа Витгенштейна положа ружье здался военно-плѣннымъ въ числѣ 5 тысячъ съ 3-мя орудіями.

О подробностяхъ сего дѣла будетъ отъ генерала графа Витгенштейна особое донесеніе.

Адмиралъ Чичаговъ доноситъ отъ 7-го числа, что по разбитіи части отряда генерала Косецкаго при Новосверженѣ, авангардъ его слѣдовалъ далѣе по дорогѣ къ Минску. 3-го числа настигъ непріятеля при мѣстечкѣ Кайдановѣ гдѣ генералъ-адъютантъ графъ Ламбертъ быстрымъ движеніемъ не допустилъ его пользоваться соединеніемъ съ корпусомъ генерала Домбровскаго; но отрѣзавъ всѣ дороги по упорномъ сопротивленіи принудилъ положить оружіе. Генералъ Косецкой, командовавшій симъ отрядомъ, спасса бѣгствомъ съ малымъ числомъ людей. Трофеи сего дня 2 знамя, 2 пушки, плѣнныхъ штабъ-офицеровъ 1, оберъ офицеровъ 63, рядовыхъ до 4 тысячъ. Поуспѣшномъ пораженіи авангардъ его 4-го числа занялъ г. Минскъ, съ коемъ непріятель оставилъ въ добычу значительные съ провіантомъ магазейны, нѣкоторое количество пороха и свинца и большой гошпиталь, въ которомъ больныхъ и раненыхъ оберъ-офицеровъ 45-ть нижнихъ чиновъ 2224. Нашихъ плѣнныхъ раненыхъ оберъ-офицеровъ 1, рядовыхъ 109-ть.

Генералъ Милорадовичъ препровождая копію съ рапорта генералъ-маіора Ермолова доноситъ отъ 15-го числа, что въ селеніе Глинкахъ захваченъ польской службы генералъ Базилевскій, а генералъ-маіоръ Ермоловъ въ рапортѣ своемъ увѣдомляетъ его, что съ отрядомъ авангарда 14-го числа находился въ Крупкахъ.

Адмиралъ Чичаговъ рапортомъ отъ 15-го числа доноситъ, что по вступленіи въ городъ Минскъ, поспѣшилъ ускорить занятіемъ Борисова, для сего усиля авангардъ генералъ-адъютанта графа Ламберта немедленно отправилъ его къ оному. 9-го числа графъ Ламбертъ открылъ непріятеля при Борисовѣ, мгновенно его атаковалъ не смотря на упорное сопротивленіе засѣвшаго въ тетъ-де-понтъ взялъ оной приступомъ. Непріятель остававшійся на лѣвой сторонѣ рѣки не успѣвъ истребить моста обратился въ бѣгство, при чемъ взято штабъ-офицеровъ 2, оберъ офицеровъ 38, нижнихъ чиновъ болѣе 2000, 7 пушекъ и одно знамя. Между тѣмъ полковникъ Луковкинъ, съ казачьимъ полкомъ соединясь съ отрядомъ полковника Палагейки въ Игуменѣ, долженъ былъ итти къ Березину для наблюденія за движеніями кор-

пуса генерала Домбровскаго; но узнавъ что корпусъ сей поспѣшалъ къ Борисову и что Березинъ занятъ уже нашими войсками обратился къ селенію Ужи, гдѣ окруживъ часть непріятельскаго аріергарда подъ командою подполковника Симановича принудилъ здаться. Число плѣнныхъ: одинъ штабъ офицеръ, 12 оберъ офицеровъ, 284 нижнихъ чиновъ.

А генералъ-маіоръ Чаплицъ съ вверенным ему отрядомъ шелъ на Зембинъ. Мосты и переправы существовавшіе по рѣкѣ Березинѣ всѣ истреблены. По занятіи Борисова, авангардъ подъ командою генералъ-маіора графа Палена шелъ къ Лошницамъ; но въ 10 верстахъ отъ города былъ встреченъ корпусомъ генерала Удино. Графъ Паленъ видя превосходство непріятельскихъ силъ уступилъ городъ и взялъ позицію на правомъ берегу рѣки занявъ тетъ-де-понтъ. При томъ увѣдомляетъ, что генералъ-лейтенантъ Сакенъ разбилъ корпусъ князя Шварценберга взялъ одно знамя и болѣе 1000 человѣкъ и что о подробностяхъ сего дѣла будетъ отъ него особенное донесеніе.

Генералъ графъ Витгенштейнъ рапортуетъ отъ 16-го числа, что онъ со всѣмъ корпусомъ прибывъ къ старому Борисову отрѣзалъ непріятельской аріергардъ состоящій изъ части корпуса маршала Виктора, пригласивъ при томъ и графа Платова для содѣйствія поспѣшить прибытіемъ къ Борисову. 15-го числа атаковалъ онъ непріятеля передъ вечеромъ и послѣ сильной перестрѣлки продолжавшейся 4 часа искуснымъ и удачнымъ дѣйствіемъ нашей артиллеріи непріятель обращенъ въ бѣгство. При чемъ взято 1 пушка, 30 штабъ и оберъ офицеровъ и до 1000 нижнихъ чиновъ. Послѣ чего посланъ былъ отъ него парлемантеръ, объявить имъ, что они совсѣхъ сторонъ окружены и предложить безъ кровопролитія положить ружье и сдаться военнопленными. Долго колебался непріятель. Прибытіе графа Платова къ городу Борисову и мужество войскъ наконецъ принудило согласиться на предложеніе. Въ числѣ плѣнныхъ дивизіонный генералъ Партекъ. Бригадный генералъ Бильеръ и начальникъ штаба Де-Летръ, 2 полковника, 40 штабъ и оберъ-офицеровъ и 800 нижнихъ чиновъ. А 16-го числа поутру въ 7-мь часовъ положили ружье и послѣдніе генералы Каелюсь и Блямонъ, 3 полковника, 199 штабъ и оберъ-офицеровъ и до 7-ми тысячъ нижнихъ чиновъ. 3 пушки, 2 штандарта и много обоза. Въ числѣ плѣнныхъ два новые кавалерійскіе полка Саксонской и Бергской на весьма хорошихъ лошадяхъ.

Адмиралъ Чичаговъ отъ 17-го числа донесъ, что отъ 16-го числа съ разсвѣтомъ дня атаковалъ непріятеля перешедшаго рѣку Березину

при селеніи Бриловѣ. Въ то же самое время генералъ графъ Витгенштейнъ съ своей стороны дѣйствовалъ на непріятельскіе силы прикрывавшія преправу. Корпусъ генерала Удино занималъ густой лѣсъ по дорогѣ ведущей отъ селенія Стахова къ Брилову, дѣйствіе атаки, при упорномъ сопротивленіи непріятеля продолжалось до глубокой ночи; но не взирая на то былъ онъ сбитъ и теснимъ болѣе 4-хъ верстъ. При чемъ кромѣ значительнаго числа убитыми и ранеными потерялъ одну пушку, 7-мь штабъ и оберъ-офицеровъ и 130 человѣкъ нижнихъ чиновъ.

Главная квартира арміи въ деревнѣ Шеверничи.

19-го ноября. Партизанъ артиллеріи капитанъ Сеславинъ доноситъ, что онъ съ вверенным ему отрядомъ 16-го числа занялъ городъ Борисовъ.

Генералъ графъ Витгенштейнъ рапортуетъ отъ 17-го числа что онъ атаковалъ непріятеля отъ переправы при селеніи Струденцы которой защищался съ величайшимъ упорствомъ желая спасти свои обозы и тяжести; не смотря однакоже на оное былъ сбитъ съ позиціи и преслѣдованъ три версты. Въ семъ сраженіи продолжавшемся цѣлый день непріятель потерялъ 13 пушекъ и до 1500 плѣнныхъ много штабъ и оберъ-офицеровъ, которыхъ и до сихъ поръ приводятъ. Обозовъ же какъ казенныхъ такъ и партикулярныхъ такое множество, что болѣе полуторы версты квадратной дистанціи оными заставлено такъ, что ни проѣхать ни протти не возможно.

Адмиралъ Чичаговъ отъ 18-го числа рапортуетъ, что послѣ сраженія бывшаго 16-го числа при с. Стаховѣ непріятель преслѣдованъ былъ до селенія Бриля, въ коемъ бросилъ онъ 7-мь пушекъ и 10 ящиковъ, потеря его убитыми чрезвычайно велика ибо берега рѣки Березины покрыты трупами въ плѣнъ взято до 3-хъ тысячъ.

Главная квартира арміи въ деревнѣ Ушы.

Непріятель потерялъ во всѣ дни считая по донесеніямъ съ 16-го по 20-е число ноября пленными генераловъ 5-ть, штабъ и оберъ-офицеровъ 427 нижнихъ чиновъ 23500 пушекъ 22 и 4 знамя.

20-го ноября. Генералъ-лейтенантъ Шепелевъ отъ 18-го ноября доноситъ, что графъ Гудовичъ отношеніемъ своимъ извѣстилъ его, что онъ съ вверенным ему ополченіемъ числомъ до 70 т. слѣдуетъ къ городу Могилеву.

Адмиралъ Чичаговъ рапортуетъ отъ 19-го ноября, что онъ преслѣдуетъ непріятеля по дорогѣ. Отъ Зембина на Камень къ Плещеницамъ, отряды посланные въ передъ еще прежде вступленія его для

истребленія мостовъ, безпокоятъ въ тоже время его фланги. Непріятель 18-го числа потерялъ 7 пушекъ, а 19-го 2-е пушки и много плѣнныхъ, число которыхъ ежечастно увеличивается.

Главная квартира арміи въ селеніи Равенища.

21-го ноября. Генералъ-маіоръ Тучковъ 2-й доноситъ отъ 15-го числа, что онъ съ ввѣреннымъ ему корпусомъ 14-го числа прибылъ въ Бобруйскъ.

Генералъ графъ Платовъ отъ 19-го числа донесъ, что преслѣдуя непріятеля взялъ одну пушку и до 300 плѣнныхъ съ офицерами.

Генералъ-адъютантъ графъ Ожаровскій 20-го числа съ отрядомъ находился въ мѣстечкѣ Логойскѣ.

Генералъ Милорадовичъ сего числа съ авангардомъ прибылъ въ селеніе Косинъ.

Адмиралъ Чичаговъ рапортомъ отъ 20-го числа донесъ, что генералъ-маіоръ Ланской, посланный отъ него съ отрядомъ чрезъ селеніе Юрьево къ мѣстечку Плещеницы, 17-го числа напалъ тамъ на непріятельской отрядъ занимавшій квартиры для Императора Наполеона и взялъ въ плѣнъ генерала Калпинскаго, 50-ть штабъ и оберъ-офицеровъ и 217 нижнихъ чиновъ. Приближеніе непріятельскихъ колоннъ понудило его оставить сіе мѣстечко и принять въ лѣво; дабы опередить непріятеля и дѣлать ему на пути всевозможное препятствіе. 19-го числа адмиралъ Чичаговъ тесня непріятеля вмѣстѣ съ нимъ вошелъ въ мѣстечко Хотиничи и отбилъ 5-ть пушекъ, 7 штабъ и оберъ-офицеровъ и болѣе 500 рядовыхъ. Вся дорога по коей непріятель ретируется покрыта мертвыми тѣлами и лошадьми, до 30 зарядныхъ ящиковъ и много обоза.

Главная армія имѣла растахъ въ селеніи Равеницы.

22-го ноября. Генералъ-маіоръ Тучковъ 2-й рапортуетъ отъ 20-го числа, что онъ съ ввѣреннымъ ему корпусомъ слѣдуя изъ Бобруйска, того жъ числа прибылъ въ селеніе Голынки.

Генералъ-фельдмаршалъ князь Голенищевъ-Кутузовъ желая сблизиться къ арміи адмирала Чичагова съ главною своею квартирою переѣхалъ сего числа въ селеніе Косино.

23-го ноября. Генералъ графъ Платовъ доноситъ отъ 19-го числа, что онъ присоединясь къ авангарду арміи адмирала Чичагова находится въ селеніи Хотиничахъ. Того жъ числа при преслѣдованіи взято имъ одна пушка и до 1000 человѣкъ плѣнныхъ. Плѣнные французскіе офицеры подтверждаютъ, что 18-го числа тяжело ранены генералы Удино, Домбровскій, Заіончикъ и другіе бригадные генералы.

Главная квартира въ селеніи Бѣлоручье.

24-го ноября. Главная квартира слѣдовала къ мѣстечку Родашкевичамъ; а потому и свѣдѣнія сего числа не получено.

25-го ноября. Адмиралъ Чичаговъ отъ 22-го числа доноситъ, что авангардъ его преслѣдуя непріятеля до селенія Латигаль, отбилъ отрядомъ генералъ-маіора графа О'Рурка, два эстандарта гвардейскихъ, одну пушку и взялъ въ плѣнъ, кромѣ больныхъ и раненыхъ, 1500 человѣкъ, въ числѣ коихъ много штабъ и оберъ-офицеровъ и одинъ генералъ Прейссингъ. Въ семъ дѣлѣ содѣйствовалъ генералъ графъ Платовъ съ казачьими полками.

Партизанъ гвардіи Капитанъ Сеславинъ сего числа донесъ, что послѣ удачнаго нападенія на Забрезье взялъ въ плѣнъ генерала Доржанса и 11-ть штабъ и оберъ офицеровъ, и что слѣдуетъ прямо на Вильну, чтобы предупредить непріятеля.

Генералъ графъ Платовъ рапортуетъ отъ 23-го числа, что при преслѣдованіи непріятеля и выбитіи его изъ Молодечны взято 6-ть пушекъ и до 500 человѣкъ разныхъ чиновъ; а полковникъ Кайсаровъ отряженный отъ него съ большою партіею казаковъ, атаковалъ непріятельскую гвардейскую кавалерію прикрывающую обозъ Наполеона, положилъ на мѣстѣ до 500 и взялъ одинъ эстандартъ и часть обоза съ важными бумагами.

Главная квартира находится съ авангардомъ генерала Милорадовича въ мѣстечкѣ Родашковичи, дабы сблизится къ центру военныхъ дѣйствій.

Сей часъ получено извѣстіе отъ полковника Кнорринга, что по занятіи города Минска нашими войсками найдено, кромѣ значительнаго запаса хлѣба, до 3-хъ тысячъ весьма хорошихъ новыхъ французскихъ ружей фабрики города Ліежа.

26-го ноября. Адмиралъ Чичаговъ тремя рапортами доноситъ: *первымъ* отъ 23-го числа, что генералъ-маіоръ графъ Оруркъ преслѣдуя непріятеля до мѣстечка Молодечно взялъ 6-ть пушекъ и 500 человѣкъ плѣнныхъ, а въ самомъ мѣстечкѣ еще два орудія.

Вторымъ: отъ 25-го числа, что авангардъ его подъ командою генералъ-маіора Чаплица столь сильно теснилъ непріятельской аріергардъ, что схватя пикеты уничтожилъ его совершенно при Сморгони и непріятель ожидавшій въ семъ мѣстечкѣ аріергардъ свой, съ удивленіемъ увидѣлъ приближеніе казаковъ и тотчасъ обратился въ бѣгство, не успѣвъ даже истребить магазейна, которой достался въ нашу пользу въ продолженіи сего преслѣдованія непріятель потерялъ 25 пушекъ, въ плѣнъ взято около 3-хъ тысячъ человѣкъ.

Главная квартира въ мѣстечкѣ Молодечно.

27-го ноября. *Третьимъ:* отъ 25-го числа въ дополненіе прежняго своего рапорта, что непріятель будучи преслѣдуемъ отрядомъ генералъ-маіора графа Орурка отъ Молодечны до мѣстечка Бѣлицы, потерялъ 9-ть пушекъ и болѣе 1000 человѣкъ плѣнныхъ, большое число зарядныхъ ящиковъ и другихъ тягостей. Отъ наступательныхъ морозовъ и неимѣнія продовольствія число умирающихъ по дорогѣ чувствительно умножается, между коими замѣчено много Наполеоновой гвардіи.

Генералъ-адъютантъ Ожаровскій рапортуетъ отъ 26-го числа, что онъ того же дня прибылъ въ мѣстечко Воложинъ, откуда слѣдовать будетъ параллельно 1-й арміи стараясь обезпечивать лѣвой флангъ оной и развѣдывать движеніе корпуса князя Шварценберга.

Адмиралъ Чичаговъ доноситъ отъ 26-го числа, что авангардъ подъ командою генералъ-маіора Чаплица продолжая преслѣдованіе непріятеля, неимѣвшаго уже аріергарда и бѣжавшаго въ крайнемъ разстройствѣ, сильнымъ натискомъ принудилъ его бросить 61 пушку и взялъ въ плѣнъ генералъ-адъютанта начальника Главнаго Штаба полковника Росиніоли и адъютанта маршала Даву де-Кастри; а нижнихъ чиновъ до 2-хъ тысячъ человѣкъ.

Вся дорога отъ Сморгони до Ошмянъ такъ завалена ящиками, пушками, обозами, трупами погибшихъ и лошадьми, что съ трудомъ проѣхать возможно.

Негодованіе въ войскахъ Наполеона до того увеличивалось, что единогласно лично его укоряютъ, называя его виновникомъ всѣхъ бѣдствій ими нынѣ претерпѣваемыхъ.

Главная квартира въ мѣстечкѣ Сморгонѣ.

28-го ноября. Полковникъ Кнорингъ доноситъ отъ 26-го числа, что онъ отправилъ нѣсколько эскадроновъ въ мѣстечко Узду, для наблюденія непріятельскихъ движеній со стороны Новосверженія и Столбцевъ.

Генералъ графъ Витгенштейнъ рапортомъ отъ 27-го числа доноситъ, что онъ съ вверенымъ ему корпусомъ слѣдуя въ право параллельно арміи адмирала Чичагова находится въ Неставишкахъ, авангардъ его въ Свиранкѣ, а кавалерія подъ командою генералъ-адъютанта Голенищева-Кутузова и генералъ-маіора Бороздина въ Неменчинѣ.

Партизанъ гвардіи полковникъ Сеславинъ донесъ отъ 27-го числа, что онъ настигъ непріятельскую кавалерію, атаковалъ ее мгновенно и

опрокинувъ на плечахъ ворвался въ городъ Вильну въ сей отбито 6-ть пушекъ и одинъ орелъ. Послѣ чего просоединясь къ отряду генералъ-маіора Ланскаго, покушались занять Вильну; но будучи слишкомъ слабы противъ засѣвшей въ домахъ непріятельской пѣхоты, принуждены были выжидать прибытія авангарда арміи адмирала Чичагова.

Адмиралъ Чичаговъ доноситъ отъ 28-го числа, что генералъ-маіоръ Чаплицъ на всѣ затрудненіи и пользуясь разстройствомъ бѣгущаго непріятеля, продолжалъ преслѣдованіе до самаго города Вильны и взялъ на семъ переходѣ 31 пушку. По приближеніи къ городу отрядами авангарда съ одной стороны подъ командою генералъ-маіора графа Орурка а съ другой генералъ-маіора Ласкина занятъ форштатъ и пикеты поставлены подъ самымъ городомъ.

Главная квартира въ городѣ Ошмянахъ.

29-го ноября. Генералъ-маіоръ Игнатьевъ рапортуетъ отъ 24-го числа, что онъ изъ Бобруйской крѣпости отрядилъ 8-мь баталіоновъ въ городъ Минскъ.

Адмиралъ Чичаговъ донесъ, что генералъ-маіоръ Чаплицъ съ авангардомъ 28-го числа занялъ городъ Вильну и что непріятель бѣжавъ изъ онаго оставилъ много пушекъ и большіе магазейны; но за скоростію о подробностяхъ увѣдомить не можетъ.

Главная квартира въ городѣ Вильнѣ.

30-го ноября. Генералъ графъ Витгенштейнъ отъ 28-го числа доноситъ, что посланные отъ него по разнымъ трактамъ съ кавалерійскими отрядами генералъ-адъютантъ Голенищевъ-Кутузовъ въ преслѣдованіи Баварскихъ войскъ взялъ въ плѣнъ 126-ть штабъ и оберъ-офицеровъ и 2024 человѣка рядовыхъ въ томъ числѣ цѣлый баталіонъ окруженъ будучи благоразумными распоряженіями подполковника Теттенборна безъ сопротивленія принужденъ былъ положить ружье вся реквизиція собранная непріятелемъ забрана, и тѣмъ пресечены ему способы къ продовольствію войскъ его и что отрядъ подполковника Теттенборна 27-го числа вошелъ въ форштатъ города Вильны, хотя непріятель находился еще въ самомъ городѣ. А генералъ-маіоръ Бороздинъ съ отрядомъ въ Неменчинѣ отбилъ у непріятеля довольное число обозовъ и нѣсколько плѣнныхъ.

Генералъ графъ Платовъ рапортомъ отъ 29-го числа донесъ, что онъ слѣдуя мимо города Вильны прямо на Ковенскую дорогу 28-го числа нашелъ непріятеля въ пяти-верстахъ отъ города тянувшагося колоннами чрезъ Погулянку и что пропустя первую колонну, съ которою генералъ адъютантъ графъ Орловъ-Денисовъ имѣлъ уже пере-

стрѣлку приказалъ не медленно генералъ-маіору Рахманову и графу Орлову-Денисову съ праваго нашего фланга, генералъ-маіору Дехтереву съ Ольвіопольскимъ гусарскимъ и двумя драгунскими полками съ центра, а генералъ-маіорамъ Иловайскому 5-му, Кутейникову 2-му и Атаманскому полку подъ командою князя Косаткина-Ростовскаго съ лѣваго, стремительно ударить, чемъ колонна разорвана была на двое и совершенно истреблена, въ плѣнъ взятъ одинъ генералъ Серанъ, до 50 штабъ и оберъ-офицеровъ и болѣе 1000 человѣкъ нижнихъ чиновъ, два знамя и два эстандарта. Послѣ чего непріятель былъ теснимъ и поражаемъ артиллеріею подъ командою полковника князя Кудашева до самой Понарской горы, не доходя коей отхвачена была еще колонна и вся почти поколота и изрублена; а при самой горѣ отбито 28-мъ пушекъ и столько-же ящиковъ весь обозъ состоявшій во множествѣ екипажей достался въ руки побѣдителей.

Главная квартира фельдмаршала въ городѣ Вильнѣ.

Партизанъ полковникъ Сеславинъ 23-го числа въ сумерки ворвался въ городъ Ошмяны, гдѣ непріятель состоявшій изъ 9-ти баталіоновъ пѣхоты и 1000 человѣкъ конницы, располагался было на ночлегъ и пѣхота становила ружья въ козлы, какъ Ахтырскіе гусары въ рубились со всѣхъ сторонъ, весь караулъ у коменданта былъ изрубленъ, самъ же онъ пользуясь темнотою скрылся; въ то самое время бранскугелями*) зазженъ былъ магазейнъ. Непріятель въ страхѣ и смятеніи бросился изъ города къ устроенной за онымъ пѣхотѣ преслѣдуемъ будучи кавалеріею поспѣшно отступалъ къ Табаришкамъ.

Жители сего города единогласно утверждаютъ, что Наполеонъ въ сіе время самъ находился; но предувѣдомленъ будучи ему приверженными переодѣвшись ускакалъ къ Вильнѣ.

Непріятель въ продолженіи 5 дней считая съ 26-го ноября по 1-е число декабря потерялъ плѣнными: 1 генерала, 156 штабъ и оберъ-офицеровъ, 9574 нижнихъ чиновъ, кромѣ больныхъ и усталыхъ, которыхъ весьма большое число въ деревняхъ по дорогѣ лежащихъ, 168 пушекъ, два знамя, 2 эстандарта и одинъ орелъ.

По занятіи города Вильны въ первоначальномъ осмотрѣ комендантъ главной квартиры Ставраковъ обще съ генералъ-маіоромъ Бороздинымъ собрали въ разныхъ магазейнахъ ржи 14 т. четвертей, сухарей и муки 5 т. четвертей, весьма значущіе запасы мундировъ, ружей, сабель, суммъ, сѣделъ, шинелей, киверовъ и прочихъ коммиса-

*) Бранскугель (нѣм.)—каленое ядро, зажигательное ядро. *Прим. Ред.*

ріатскихъ вещей. Въ арсенале-же найдено 41 пушка, множество постановъ и шанцовыхъ новыхъ и весьма хорошихъ инструментовъ. Плѣнныхъ взято 7 генераловъ: Вивье, Гуссейтъ, Норманъ, Поліомъ, Лефевръ, Ивановскій и Заіончикъ, 18 штабъ-офицеровъ, 224 оберъ-офицера, 9517 нижнихъ чиновъ и 5139 больныхъ въ гошпиталяхъ находящихся. Сверхъ того въ окрестностяхъ города собираются множество плѣнныхъ, а также и нѣкоторые магазейны еще не успѣли освидѣтельствовать.

1-го декабря. Генералъ-Тормасовъ рапортомъ отъ 29-го ноября доноситъ, что посланныя отъ генералъ-адъютанта Васильчикова партіи открыли 3-хъ т. корпусъ австрійцевъ въ мѣстечкѣ Бѣлицѣ, отъ коего кавалерійскіе посты занимаютъ Новогрудокъ и Гавію, но казаками генералъ-адъютанта графа Ожаровскаго непріятельская партія шедшая къ Ивіи, прогнана.

2-го декабря. Генералъ-маіоръ Тучковъ 2-й съ вверенымъ ему корпусомъ 28-го ноября прибылъ въ городъ Минскъ и немедленно послалъ два казачьи полка подъ командою полковника Грекова 9-го къ сторонѣ Новосверженья, для поиска надъ непріятелемъ и сношенія съ отрядомъ генералъ-адъютанта графа Ожаровскаго.

3-го декабря. Генералъ-адъютантъ графъ Ожаровскій донесъ отъ 2-го числа, что онъ перваго сего мѣсяца съ вверенымъ ему отрядомъ вступилъ въ городъ Лиду, расположивъ аванпосты свои подъ самою Бѣлицею; но освѣдомясь, что австрійскіе войски оставивъ мѣстечко пошли по тракту къ Гродно, приказалъ немедленно двумъ казачьимъ полкамъ подъ командою полковника Андреанова занять оное и послать партіи по Гродненской и Слонимской дорогамъ.

4-го декабря. Онъ же рапортомъ отъ 3-го числа между прочимъ доноситъ, что 2-го сего месяца австрійской генералъ-маіоръ съ отрядомъ находился въ Ружанкѣ и что продолжаетъ слѣдовать по трактату къ Гродно, будучи наблюдаемъ нашими казаками.

5-го декабря. Генералъ графъ Платовъ отъ 3-го числа донесъ, что онъ продолжая теснить непріятеля 2-го сего мѣсяца въ 10-ть часовъ пополудни прибылъ къ городу Ковно. Непріятель соединясь съ войсками находившимися въ городѣ, обведенномъ ретраншаментомъ съ редутами на высотахъ, упорно держался открывъ сильный огонь. Кононада продолжалась съ обѣихъ сторонъ до самаго вечера. Между тѣмъ графъ Платовъ приказалъ донскимъ полкамъ перейдя Неманъ по льду угрожать непріятелю съ лѣвой стороны рѣки и тѣмъ принудить его къ скорѣйшему составленію города или къ здачѣ. Передъ

вечеромъ двѣ колонны пѣхоты одна за другою выступили изъ города, но лишь успѣли перейти рѣку, какъ казаки стремительно на нихъ ударили въ дротики и разсѣяли положивъ довольное число на мѣстѣ; одна часть оныхъ бросилась въ низъ по рѣкѣ къ Тильзиту, а другая по дорогѣ на Вилковійскъ, будучи преслѣдуемы доброконными казаками. Между убитыми былъ одинъ изъ знатныхъ генераловъ, что доказываетъ первоклассный орденъ почетнаго легіона, нѣкоторые показываютъ, что это былъ маршалъ Ней, командовавшій всѣми сими войсками. Въ семъ ударѣ взятъ одинъ знакъ маіоромъ Карачковымъ и два баталіонные знамя. По занятіи города Ковно взято въ плѣнъ 80 штабъ и оберъ-офицеровъ и болѣе 500 человѣкъ разныхъ, кроме больныхъ въ гошпиталяхъ находящихся. Всего же во время трехъ-дневнаго преслѣдованія непріятеля отъ города Вильны до Ковно и при пораженіи его за Неманомъ взято въ плѣнъ до 5 т. человѣкъ, въ томъ числѣ два полковника и болѣе 160-ть штабъ и оберъ-офицеровъ. Пушекъ 4, въ городѣ же взято артиллерійскихъ ящиковъ съ зарядами во всей цѣлости 779, а въ магазейнахъ до 5-ти т. четвертей ржи и овса.

Генералъ-маіоръ Тучковъ 2-й донесъ, что онъ присоединивъ отрядъ полковника Кнорринга ко вверенному командованію его корпусу, 1-го сего мѣсяца выступитъ изъ города Минска къ мѣстечку Новосверженю.

Генералъ Тормасовъ рапортуетъ отъ 1-го числа, что 4, 6 и 8-й корпуса и авангардъ генералъ-адъютанта Васильчикова располагаются на тесныхъ кантониръ-квартирахъ въ уѣздахъ: виленскомъ, лидскомъ, ожмянскомъ и вилькомирскомъ, имѣя отъ авангарда кавалерійскіе посты въ деревнѣ Бокшты при рѣкѣ Березинѣ и въ мѣстечкѣ Дубы, а также сильный казачій пикетъ при мѣстечкѣ Николаевѣ, что при рѣкѣ Неманѣ.

Сего числа лейбъ-гвардіи конной и кавалергардской и всѣ пѣшіе полки вступили въ городъ Вильну. Его Высочество Великій Князь Константинъ Павловичъ самъ командовалъ ими, проходя мимо фельдмаршала князя Смоленскаго трижды ура! возвѣстило радость каждаго воина. Всѣ войска лейбъ-гвардіи расположились въ городѣ, на форштатахъ и въ окрестностяхъ онаго на кантониръ-квартирахъ.

6-го декабря свѣдѣній не получено.

Главная квартира фельдмаршала въ сіи дни оставалась въ городѣ Вильнѣ.

7-го декабря. Генералъ-адъютантъ Васильчиковъ съ отрядомъ сего числа прибылъ въ мѣстечко Мосты

8-го декабря. Генералъ-лейтенантъ Шепелевъ доноситъ отъ 29-го ноября, что онъ изъ Калужскаго ополченія командировалъ 1000 человѣкъ въ Бобруйскую крѣпость.

Генералъ-адъютантъ графъ Ожаровскій рапортомъ отъ 7-го декабря доноситъ, что посланный отъ него къ мѣстечку Лупна маіоръ Шамшевъ съ казачьимъ полкомъ узнавъ, что партія нашихъ плѣнныхъ сопровождаема нѣкоторымъ числомъ австрійцовъ, шла по Гродненскому тракту, отрядилъ немедленно съ частію казаковъ есаула Маркова, которой достигши непріятеля за 10-ть верстъ отъ мѣстечка напалъ на онаго и выручилъ нашихъ плѣнныхъ: 4-хъ офицеровъ, 5 унтеръ-офицеровъ и 42 рядовыхъ. Сверхъ сего взялъ одного офицера жандармовъ и 100 человѣкъ нижнихъ чиновъ. При томъ увѣдомляетъ, что находившимся въ его отрядѣ 19-му егерьскому, Маріупольскому гусарскому полкамъ и полуротѣ конной артиллеріи, что бы дать отдохнуть и отправиться отъ долговременныхъ и быстрыхъ маршей, приказалъ слѣдовать въ Гродно; а самъ съ казаками пойдетъ къ Бѣлостоку.

9-го декабря. Генералъ-маіоръ Тучковъ 2-й съ войсками ему вверенными съ присоединеніемъ отряда полковника Кнорринга 2-го числа прибылъ въ мѣстечко Кайдановъ. Полковникъ Грековъ 2-й находившійся съ двумя казачьими полками въ мѣстечкѣ Столбцахъ, посланною партіею захватилъ изъ непріятельскаго патруля 4-хъ гусаръ Кинмейера полка.

10-го декабря. Генералъ-лейтенантъ баронъ Сакенъ донесъ отъ 30-го ноября, что онъ съ ввѣреннымъ ему корпусомъ 1-го числа декабря выступитъ къ городу Пинску, откуда будетъ слѣдовать на Слонимъ, и что послѣ сраженія бывшаго подъ Горностайцами и Волковискомъ 1-го, 2-го, 3-го и 4-го ноября корпусъ войскъ расположенъ, правой флангъ въ Ковлѣ и Колкахъ, а лѣвой въ Любошлѣ.

Адмиралъ Чичаговъ отъ 6-го числа доноситъ, что съ арміею прибылъ въ Гезно, и что генералъ-маіоръ Ланской посланный съ легкимъ отрядомъ черезъ Гезно на Прени, найдя непріятеля въ семъ послѣднемъ мѣстечкѣ, атаковалъ его съ двухъ сторонъ и вытеснилъ изъ онаго взявъ 5-ть оберъ-офицеровъ и 180 нижнихъ чиновъ. Партія же подъ командою подполковника Данилова отряженная по правому берегу Немана имѣла съ непріятелемъ стычку при мѣстечкѣ Пуни, гдѣ захвачены въ плѣнъ 217 человѣкъ сія партія перейдя рѣку Неманъ заняла мѣстечко Балберимка. Между тѣмъ генералъ-маіоръ Ланской открылъ дороги: къ мѣстечку Вилковійску, для соединенія съ войсками

генерала графа Платова, къ мѣстечку Кольварѣ и отъ онаго къ Вилковійску, очистя отъ непріятеля все пространство отъ границы до означенной линіи. Во время сего движенія взято въ плѣнъ 14-ть офицеровъ и 600 рядовыхъ.

Онъ же доноситъ отъ 7-го числа, что для содержанія карауловъ командированъ отъ него одинъ баталіонъ въ городъ Ковно.

Партизанъ полковникъ Давыдовъ рапортуетъ отъ 9-го декабря, что онъ послѣ переговоровъ съ австрійскимъ генераломъ барономъ Фреликомъ 8-го числа взялъ городъ Гродно съ магазейнами и лазаретами о коихъ въ подробности будетъ отъ него особое донесеніе, и что въ мѣстечкѣ Маречѣ взятъ также магазейнъ и зданъ подъ сохраненіе пришедшему туда Московскому Драгунскому полку.

Генералъ графъ Витгенштейнъ рапортомъ отъ 9-го числа доноситъ, что генералъ-адъютантъ Голенищевъ-Кутузовъ при преслѣдованіи непріятеля отъ города Вильны до Ковно и нѣсколько миль далѣе взялъ въ плѣнъ 169 штабъ и оберъ-офицеровъ 1970 рядовыхъ и отбилъ одно знамя, а 5-го числа партія отъ его отряда, слѣдовавшая къ Юрбургу, настигла небольшую непріятельскую колонну и разбила ее совершенно взявъ въ плѣнъ 1 штабъ-офицера, 7-мь оберъ-офицеровъ и 200 рядовыхъ. Симъ же отрядомъ занятъ городъ Юрбургъ.

Гвардіи полковникъ Сухозанетъ бывъ отряженъ отъ авангарда генералъ-маіора Дибича взялъ въ Кайданахъ и Датковѣ небольшія магазейны, нѣсколько плѣнныхъ и гошпиталь съ 80 человѣками больныхъ.

Партія же подъ командою артиллеріи подпорутчика Костомарова 4-го числа открыла непріятеля въ Гринкишкахъ и напавъ ввечеру на онаго взяла въ плѣнъ 2-хъ офицеровъ и 30 рядовыхъ, при чемъ до 200 новыхъ ружей достались въ добычу.

Его Императорское Величество Государь Императоръ сего числа изволилъ прибыть къ арміи въ городъ Вильно благополучно.

11-го декабря. Генералъ графъ Платовъ рапортуетъ отъ 9-го числа, что послѣ донесенія о занятіи города Ковно, открыты въ ономъ еще магазейны и найдено горячаго вина до 170 бочекъ; въ одномъ же изъ костеловъ сложено до 30 тысячъ новыхъ ружей со штыками, а въ цейхаузѣ таковое же число ружей обгорѣлыхъ, отъ которыхъ осталось одно только желѣзо.

12-го декабря. Онъ же доноситъ отъ 11-го числа, что въ мѣстечкѣ Колварѣ, найдено муки 200 бочекъ, ржи 150 пудовъ, овса 500 пудовъ и сѣна 50 центнеровъ, а въ мѣстечкѣ Вилковійскѣ, муки

500 шефелей и овса до 200 шефелей; да сверхъ сего жители окрестныхъ мѣстъ, обязались доставить трехъ суточное продовольствіе хлѣбомъ и крупами примѣрно на 56 тысячъ человѣкъ, а овса и сѣна на 15600 лошадей. Сіе доставленіе приказано имъ было до сего съ непріятельской стороны; но они добровольно исполняютъ теперь и для нашихъ войскъ.

Во время преслѣдованія съ перехода за Неманъ и до Вилковійска непріятель потерялъ, кромѣ нижнихъ чиновъ, которыхъ почти каждый день приводятъ по 1000, штабъ и оберъ-офицеровъ болѣе 200, 4-е пушки, два гвардейскихъ эстандарта и 5-ть значковъ.

Генералъ графъ Витгенштейнъ препровожая эстандартъ французской гвардіи, найденный въ мѣстечкѣ Кайданахъ у одного плѣннаго рапортуетъ отъ 11-го числа, что отрядъ подполковника Теттенборна, посланный отъ генералъ-адъютанта Голенищева-Кутузова, предъ городомъ Тильзитомъ встрѣтилъ два эскадрона прусскихъ гусаръ, немедленно ихъ опрокинулъ и гналъ черезъ городъ и за оный цѣлую милю. Непріятель потерялъ плѣнными 40 человѣкъ, а въ деревнѣ Добровскѣ отбита одна пушка. Въ Тильзитѣ и въ Рагнитѣ по занятіи найдены изобильные магазейны.

Генералъ-лейтенантъ баронъ Сакенъ отъ 9-го декабря доноситъ, что онъ съ вверенным ему корпусомъ слѣдуя на Хомскъ и Пяски 12-го числа находится быть въ Ружанахъ.

Главная квартира фельдмаршала въ сіи дни оставалась въ городѣ Вильнѣ.

13-го декабря. Генералъ графъ Витгенштейнъ доноситъ отъ 12-го числа, что партіями отряда полковника Гернгроса непріятель открытъ между Шавля и Кельмъ шедшій поспѣшно къ Немокштамъ.

Генералъ-маіоръ Тучковъ 2-й рапортомъ отъ 10-го числа доноситъ, что онъ съ ввѣреннымъ ему корпусомъ 14 сего мѣсяца будетъ въ городѣ Слонимѣ. Непріятель при поспѣшномъ отступленіи оставилъ въ городѣ провіантской транспортъ.

Генералъ-адъютантъ Васильчиковъ съ авангардомъ 10-го числа находился въ мѣстечкѣ Малой Брестовицѣ.

14-го декабря. Адмиралъ Чичаговъ отъ 12-го числа доноситъ, что генералъ-маіоръ Ланской преслѣдуя непріятеля въ княжествѣ Варшавскомъ по 6-е число декабря взялъ въ плѣнъ 2-хъ генераловъ, 61 штабъ и оберъ-офицеровъ, 2176 рядовыхъ и лѣкарей 12-ть. Да сверхъ сего разными партіями отъ авангарда взято 60 штабъ и оберъ-офицеровъ и 700 рядовыхъ. А генералъ-лейтенантъ Сакенъ увѣдомляетъ его, что

генералъ-лейтенантъ Мусинъ-Пушкинъ съ вверенным ему отрядомъ слѣдуя къ мѣстечку Рубешову 21 прошедшаго ноября въ ночи стремительно напалъ на непріятеля и разбивъ его взялъ въ плѣнъ одного полковника, 3-хъ офицеровъ и 200 рядовыхъ.

Генералъ графъ Витгенштейнъ рапортомъ отъ 12-го числа доноситъ, что по занятіи города Тильзита отрядомъ генералъ-адъютанта Голенищева-Кутузова найдено въ гошпиталяхъ больныхъ офицеровъ 3, рядовыхъ 37-мь.

Въ магазейнахъ: ржи и пшеницы 2 тысячи шофелей, овса отъ 8 до 10 тысячъ шефелей, сена до 500 центнеровъ, муки 200 бочекъ, быковъ 58 штукъ, вина 80 бочекъ, пороху 200 центнеровъ, 13-ть судовъ съ ядрами и шанцовыми инструментами. Партіею же изъ того жъ отряда посыланного взяты 2 офицера 100 рядовыхъ и 35-ть повозокъ съ порохомъ.

Генералъ-адъютантъ маркизъ Паулуччи доноситъ, что 9-го числа вверенными командованію его войсками городъ Митаву занялъ.

Генералъ-лейтенантъ Ротъ 12-го числа съ 8-ю баталіонами изъ города Минска выступилъ къ Новосверженю.

15-го декабря. Генералъ-маіоръ Тучковъ 2-й, съ корпусомъ для соединенія къ арміи адмирала Чичагова 23-го ноября выступилъ изъ Свислога къ селенію Якшицы.

Адмиралъ Чичаговъ рапортомъ отъ 14-го декабря доноситъ, что когда генералъ-маіоръ Ласкинъ съ отрядомъ шелъ по дорогѣ въ обходъ Вильны и ударилъ на непріятельскую кавалерію, въ то время Маріупольскаго гусарскаго полка унтеръ-офицеръ Паламаренко схватилъ почетный эстандартъ 9-го Кирасирскаго полка.

Генералъ-адъютантъ Васильчиковъ рапортуетъ отъ 13-го декабря, что онъ тогожъ числа командировалъ три полка казаковъ съ полковникомъ Андреяновымъ въ мѣстечко Тикочинъ.

Онъ же доноситъ отъ 13-го декабря, что австрійскій корпусъ князя Шварценберга того жъ числа послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ оставилъ Бѣлостокскую область, и что 15-го числа область сія занята будетъ нашими войсками.

16-го декабря. Партизанъ полковникъ Давыдовъ рапортомъ отъ 14-го числа доноситъ, что по занятіи города Гродно освобождено Россійскихъ раненыхъ бывшихъ въ плѣну 14-ть офицеровъ и 467 рядовыхъ; а соединенныхъ непріятельскихъ взято плѣнныхъ 661 человѣкъ. Сверхъ того взяты весьма обширныя магазейны всѣ полные съ хлѣбомъ разнаго рода и виномъ, которые и зданы имъ пришедшему туда съ отрядомъ генералъ-адъютанту Корфу.

Генералъ графъ Платовъ рапортуетъ отъ 15-го числа, что съ полками при немъ находящимися слѣдуетъ на Инстербургъ, отправя сильныя партіи чрезъ Алленбургъ, Крейцбургъ къ Браунсбургу; дабы тѣмъ пресѣчь непріятелю коммуникацію отъ Эльбинга къ Кенигсбергу.

17-го декабря. Генералъ графъ Витгенштейнъ отъ 15-го числа доноситъ, что партіями отъ отряда генералъ-адъютанта Голенищева-Кутузова 14-го числа заняты города Инстербургъ и Гумбиненъ. Въ перьвомъ изъ оныхъ освобождено нашихъ плѣнныхъ 42 человѣка рядовыхъ и взято въ плѣнъ 42 человѣка рядовыхъ и взято въ плѣнъ 220 человѣкъ и 4 значка. Сверхъ сего въ гошпиталѣ 1 полковникъ, 20 офицеровъ и до 1200 рядовыхъ; а въ магазейнахъ найдено овса 1200 шефелей, муки 2 т. шефелей, сарачинскаго пшена 30 центнеровъ, ячменныхъ крупъ 30 шефелей, жита 2 т. шефелей, пшеницы 200 шефелей, соли 15-ть бочекъ, водки 30 омъ и 450 ружей.

Во второмъ взятъ французской комендантъ военный комисаръ, 1 полковникъ, 42 офицера и до 1500 нижнихъ чиновъ. Пѣхота сего отряда съ артиллеріею расположена въ Раудиренѣ, а кавалерія наблюдаетъ непріятельскія движеніи со стороны Таурогена.

Генералъ-адъютантъ Васильчиковъ доноситъ, что 15-го числа вся Бѣлостокская область занята нашими войсками.

Такимъ образомъ предѣлы Россійской Имперіи отчищены совершенно отъ непріятельскихъ войскъ, исключая малыхъ остатковъ корпуса Макдональдо бѣгущихъ за границу.

Главная квартира фельдмаршала въ сіи дни оставалась въ городѣ Вильно.

Дополненіе къ 17-му декабря. Генералъ-маіоръ князь Урусовъ съ 5-ю комплектными полками въ командѣ его находящимися 15-го числа прибылъ къ арміи для укомплектованія оной.

18-го декабря. Генералъ-маіоръ Игнатьевъ 13-го числа отправилъ изъ Бобруйской крѣпости баталіонъ Куринскаго пѣхотнаго и команду уланскаго Литовскаго полка въ городѣ Вильну.

19-го декабря. Генералъ графъ Витгенштейнъ рапортомъ отъ 17-го числа доноситъ, что полковникъ Теттенборнъ находясь съ отрядомъ въ городѣ Рагнитѣ освѣдомился, что непріятельская кавалерія показывалась по дорогѣ отъ Тильзита, для чего и пошелъ онъ на встрѣчу оной. 4-е эскадрона прусскихъ гусаръ бывшіе на сей дорогѣ, немедленно атакованы были казаками и опрокинуты; при чемъ непріятель потерялъ плѣнными 3-хъ офицеровъ и до 50 рядовыхъ. Подполковникъ Теттенборгъ замѣтивъ, что непріятель усиленъ былъ дра-

гунами и пѣхотою съ орудіями, отступилъ съ отрядомъ къ Ленкену расположивъ форпосты свои въ Оберъ-Эйзельнѣ.

По занятіи Гумбинена и Инстербурга во время преслѣдованія непріятеля до Велау взято въ плѣнъ 81 человѣкъ.

Генералъ-адъютантъ Васильчиковъ доноситъ, что 4-е полка Донскихъ казаковъ 10-го числа присоединились къ его отряду.

Онъ же рапортуетъ отъ 15-го числа, что непріятель состоящій изъ австрійскихъ войскъ, подъ командою князя Шварценберга, отъ Тикочина раздѣлился на двѣ дороги, лѣвой флангъ его слѣдуетъ чрезъ Визну, Ломзу на Остроленку и что онъ будетъ преслѣдовать его сколь можно поспѣшнее.

Между тѣмъ отрядилъ полковника Юзефовича съ двумя казачьими и Харьковскимъ драгунскимъ полками по дорогѣ къ Высокомазовецку въ слѣдъ за непріятелемъ, приказавъ ему имѣть связь съ отрядомъ.

20-го декабря. Генералъ-лейтенантъ баронъ Сакенъ рапортомъ отъ 17-го числа доноситъ, что генералъ-маіоръ графъ Ливенъ слѣдуя къ Высоколитовскому, отрядилъ подполковника Миницкаго къ Бресту-Литовскому, которой 13-го сего мѣсяца сей городъ занялъ при чемъ взялъ въ плѣнъ болѣе 100 человѣкъ.

Разъѣзды отъ него посылаются къ Бялому, Янову и Дрогичину.

А генералъ-маіоръ Булатовъ имѣя направленіе чрезъ Пружаны, Шерешевъ до Каменца-Литовскаго, во время слѣдованія взялъ въ плѣнъ до 500 человѣкъ, разъѣзды отъ него посылаются къ Брянску и Бѣльску.

Генералъ-адъютантъ Васильчиковъ доноситъ отъ 18-го числа, что съ отрядомъ ему вверенным 17-го сего мѣсяца вступилъ въ мѣстечко Тикочинъ. Жители и духовенство, поднося хлѣбъ и соль, съ живѣйшимъ восторгомъ встрѣтили полки Русскіе при самомъ въѣздѣ. Женщины съ дѣтьми выходили изъ домовъ своихъ, повсемѣстное ура! и имя Государя Императора провозглашало радость каждаго. Теперь генералъ-адъютантъ Васильчиковъ идетъ по дорогѣ къ Варшавѣ въ слѣдъ за непріятелемъ.

21-го декабря. Генералъ графъ Платовъ 17-го числи отдѣлилъ Нѣжинской драгунской полкъ, предписавъ ему слѣдовать чрезъ Гродно къ Бѣлостоку подъ команду генералъ-адъютанта барона Корфа.

Генералъ Дохтуровъ доноситъ, что онъ съ ввѣренными ему войсками слѣдуя къ Бѣлостоку 19-го сего мѣсяца прибылъ въ городъ Волковискъ.

22-го декабря. Генералъ-лейтенантъ маркизъ Паулуччи рапорттомъ отъ 18-го числа доноситъ, что по занятіи города Митавы коман-

дираванъ былъ Польскаго уланскаго полка подполковникъ Куницкій съ 200 человѣками кавалеріи для преслѣдованія разсѣяннаго по лѣсамъ непріятеля. Слѣдуя чрезъ Гренцгофъ, Жегары, Мартынишки и Окмяны на пути взялъ въ плѣнъ 2-хъ офицеровъ и до 80 рядовыхъ. Между тѣмъ самъ съ колонною 9-го числа выступилъ изъ Митавы до Фауенбурга, гдѣ авангардъ его подъ командою артиллеріи подполковника Зандена 11-го числа настигъ непріятеля и разбивъ взялъ въ плѣнъ до 60-тъ человѣкъ; при чемъ отбиты непріятельскія подводы, нѣсколько фуръ съ сухарями, мукою и овсомъ и до 40 лошадей. 12-го числа прибылъ въ Шрунденъ, гдѣ непріятель оставилъ магазейны съ довольно значущимъ запасомъ. 13-го числа въ Обербартау, здѣсь отправилъ авангардъ свой впередъ, которой 14-го числа настигъ непріятеля между Руцау и Полангеномъ при деревнѣ Будердиксъ-гофъ и разбивъ взялъ въ плѣнъ 2-хъ оберъ-офицеровъ и до 80 рядовыхъ.

14-го числа колонна перешла въ Палангенъ, гдѣ присоединился къ оной подполковникъ Куницкій. 15-го прибылъ къ городу Мемелю. Непріятель находившійся въ ономъ по нѣкоторомъ сопротивленіи здался военно-плѣннымъ въ числѣ двухъ штабъ-офицеровъ, 20 оберъ-офицеровъ и болѣе 700 нижнихъ чиновъ.

Такимъ образомъ 15-го числа войска наши вступили въ городъ Мемель, въ коемъ найдено до 200 больныхъ непріятельскихъ и до 100 нашихъ бывшихъ въ плѣну нижнихъ чиновъ. Въ гавани взято: 3 лодки французской флотиліи съ одною пушкою, 6-ть лодокъ прусской флотиліи съ 20-ю пушками, 31 корабль разныхъ націй и довольное количество колоніяльныхъ контробандою привезенныхъ товаровъ. Въ городѣ найдено: 5 пушекъ, 900 ружей, 19 карабиновъ, 19 паръ пистолетовъ, 900 патронныхъ сумъ, при нихъ 26000 патроновъ, 60 тесаковъ и 19 сѣделъ гусарскихъ.

Военно походная пекарня при коей: 5-ть оберъ-офицеровъ, 84 нижнихъ чиновъ, 16 фуръ, одна повозка, 85-ть лошадей и 4-е чугунныя пѣчи. А въ магазейнахъ большія запасы разнаго рода хлѣба и вина.

Главная квартира Государя Императора и фельдмаршала въ сіи дни оставалась въ городѣ Вильнѣ.

Заключаю тѣмъ, что нѣтъ уже въ границахъ россійскихъ непріятеля и что всѣ провинціи прежде бывшіе польскіе и подъ скипетромъ Россійскимъ находящіеся отъ иноплеменныхъ очищены; священный помазанникъ безъ сомненія вдохновенный прежде еще пророкъ:

„Дотолѣ не положу оружія моего, до колѣ не сотру съ лица земли Русской врага, дерзнувшаго войти въ ея предѣлы“. Збывается

сіе прорицаніе! Слѣды непріятеля остались видимыми только по костямъ его усѣяннымъ по полямъ, начавъ отъ Москвы и до границы.

23-го декабря. Генералъ графъ Витгенштейнъ отъ 19-го числа доноситъ, что онъ имѣя направленіе въ Пруссію, дабы дѣйствовать на корпусъ маршала Макдональда, преодолѣвъ на пути всѣ затрудненія, встречавшіеся по проселочнымъ дорогамъ (и) настигъ непріятеля еще въ Тильзитѣ. Немедленно окружилъ передовые войски Макдональда своею кавалеріею и отрядомъ генералъ-маіора Дибича 2-го, раздѣлилъ его отъ прусскихъ войскъ подъ командою генерала Іорка находившихся; препоручивъ ему въ тоже время вступить въ переговоры съ симъ генераломъ. 18-то сего мѣсяца генералъ-лейтенантъ Іоркъ подписалъ условіе быть неутральнымъ съ войсками изъ 30 баталіоновъ пѣхоты, 6-ти эскадроновъ кавалеріи и 30 орудій состоящими.

Генералъ-адъютантъ Голенищевъ-Кутузовъ 19-го числа увѣдомилъ генерала графа Витгенштейна, что слѣдствіемъ таковыхъ же переговоровъ и остальные прусскіе войски отдѣлились отъ Макдональда.

Такимъ образомъ у Макдональда всѣхъ войскъ осталось не болѣе т. 5 и 20 орудій; противъ которыхъ взяты такіе мѣры, что ежели не здадутся, то будутъ при отступленіи его истреблены.

Генералъ-адъютантъ Васильчиковъ отъ 19-го числа доноситъ, что австрійскіе войски прододжаютъ свое отступленіе, раздѣлясь тремя колоннами и имѣя направленіе къ Варшавѣ; и что онъ съ отрядомъ находится въ Менженинѣ.

Генералъ графъ Платовъ съ Донскими полками слѣдуетъ на Инстербургъ.

Адмиралъ Чичаговъ тремя рапортами отъ 20-го числа доноситъ. *Первымъ*, что онъ изъ авангарда командировалъ генералъ-маіора Ланского съ полками: Александрійскимъ и Бѣлорусскимъ гусарскимъ и третьимъ Уральскимъ, предписавъ ему слѣдовать до Аугустова. *Вторымъ*, что 21-го числа прибылъ въ мѣстечко Вербалинъ, откуда пойдетъ въ три перехода до Инстербурга, и что генералъ графъ Платовъ съ полками идетъ передъ арміею.

Третьимъ, что всѣ жители Пруссіи весьма довольны приближеніемъ Россійскихъ войскъ и принимаютъ ихъ вездѣ съ радостію.

Генералъ-лейтенантъ баронъ Сакенъ отъ 21-го числа доноситъ, что преслѣдовалъ корпусъ генерала Рейнье-до-Буеа, во время котораго непріятель потерялъ плѣнными болѣе 1000 человѣкъ и таковое же число больныхъ, оставленныхъ въ разныхъ мѣстахъ.

Теперь генералъ-лейтенантъ Сакенъ расположенъ между Граннымъ и Турномъ, имѣя лѣвое крыло въ семъ послѣднемъ.

24-го декабря. Генералъ графъ Витгенштейнъ доноситъ отъ 22-го числа, когда прусскіе войски въ числѣ 18 т. съ 60-ю орудіями принуждены были заключить условіе быть неутральными; тогда Макдональдъ видя себя отдѣленнымъ отъ прусаковъ, съ остаткомъ своихъ войскъ предпринялъ поспѣшную ретираду. Кавалерія сильно его преслѣдуетъ и въ первый день взято у него въ плѣнъ нѣсколько офицеровъ и до 800 нижнихъ чиновъ. Между тѣмъ графъ Витгенштейнъ узнавъ, что непріятельскіе войски бывшіе въ Данцигѣ слѣдуютъ на Таплакенъ и Велау, уповательно для подкрѣпленія Макдональда или прикрытія его ретирады, обратился съ корпусами на нихъ и генералъ-лейтенантъ графъ Штейнгель 22-го числа уже въ Таплакенѣ и Велау. А что бы отнять способы къ собиранію продовольствія послалъ онъ сильную партію кавалеріи на Нидерунгъ за Кенисбергъ и къ Ельбингу, гдѣ по извѣстіямъ непріятель собираетъ разнаго рода хлѣбъ.

Адмиралъ Чичаговъ доноситъ, что передовые его войски 22-го числа въ Инстербургѣ, авангардъ же генералъ-лейтенанта Чаплица въ Гумбиненѣ, а генералъ-маіора графа Воронцова въ Немерсдорфѣ.

Генералъ-лейтенантъ Чаплицъ увѣдомляетъ, что когда генералъ-маіоръ графъ Оруркъ вступалъ въ мѣстечко Сталупененъ, жители онаго съ нелицемѣрною радостію и восхищеніемъ принимали его. Всѣ единогласно кричали: да будетъ невинно терпящему народу защитникомъ Императоръ Александръ, и тотчасъ приступили къ заготовленію провіанта и фуража для нашихъ войскъ.

25-го декабря. Генералъ-адъютантъ Васильчиковъ рапортуетъ отъ 21-го числа, что Австрійскіе войски расположены въ Остроленкѣ, Островѣ и Бронахъ, а посты ихъ простираются до Нира.

26-го декабря. Адмиралъ Чичаговъ доноситъ отъ 24-го числа, что по достовѣрнымъ свѣденіямъ собраннымъ отъ жителей, вся французская армія при отступленіи своемъ проходила чрезъ Инстербургъ, въ то время во всей французской гвардіи не было и 1500 человѣкъ.

27-го декабря. Генералъ графъ Витгенштейнъ рапортуетъ отъ 25-го числа, что авангардъ его подъ командою генералъ-маіора Шепелева, 23-го числа настигъ непріятеля при Лабіау гдѣ онъ выбравъ выгодную позицію упорно защищался. Сраженіе продолжалось до полудня и непріятель бывъ збитъ съ позиціи ретировался къ Кенигсбергу, куда на плечахъ своихъ привелъ авангардъ генералъ-маіора Шепелева. Въ сраженіи непріятель потерялъ три пушки, плѣнными

нѣсколько офицеровъ и 300 нижнихъ чиновъ. А на 24-е число въ ночь генералъ-маіоръ Шепелевъ съ авангардомъ занялъ городъ Кенигсбергъ.

Генералъ графъ Витгенштейнъ доставилъ оригинальные рапорты о состояніи и числѣ людей нѣкоторыхъ полковъ Наполеоновой гвардіи, съ коихъ копіи при семъ журналѣ прилагаются *).

Главная квартира Государя Императора и фельдмаршала находилась въ мѣстечкѣ Оранахъ.

28-го декабря. Генералъ графъ Витгенштейнъ рапортуетъ отъ 26-го числа въ дополненіе прежнихъ донесеній о занятіи города Кенигсберга, что непріятель изъ сего города вытесненъ 4-го казачьими полками, генералъ-маіора Родіонова 2-го, подполковниковъ: Чернозубова 8-го, Лащилина и маіора Селиванова, всѣ подъ командою полковника Ридигера, которыя съ самаго вечера наблюдали движенія непріятельскія и при малейшемъ его отступленіи, не взирая на темноту ночи воспользовались онымъ. 23-го числа сего мѣсяца во 2-мъ часу по полуночи полковникъ Ридигеръ упомянутыми казаками сдѣлалъ сильный натискъ и по упорной перестрелкѣ вошли въ городъ на плечахъ непріятеля, гдѣ взято въ плѣнъ около 1300 человѣкъ. Быстрота съ каковою войски наши ворвались въ городъ принудило непріятеля оставить сверхъ того до 8 т. усталыхъ и затопить до 30 орудій съ зарядными ящиками, изъ числа тѣхъ осадныхъ, которыя находились въ Курляндіи, и которыя теперь вытаскиваются обывателями. При томъ освобождены всѣ штабъ и оберъ офицеры и рядовые 23-го егерскаго полка и С.-Петербургской дружины, которые, взяты были у Тильзита. А въ магазейнахъ найдено значительное число провіанта и фуража.

По занятіи города полковникъ Ридигеръ съ вышеозначенною кавалеріею ни мало не медля отправился въ слѣдъ за непріятелемъ.

Всего же во время преслѣдованія непріятеля отъ Тильзита до Кенигсберга и по занятіи онаго непріятель потерялъ 51-у пушку.

Генералъ-адъютантъ Васильчиковъ доноситъ отъ 24-го числа, что Австрійскіе войски усиливъ свои аванпосты, потянулись къ Варшавѣ.

Главная квартира Государя Императора и фельдмаршала сего числа прибыла въ мѣстечко Меречь.

29-го декабря. Сего числа особеннаго движенія не было.

*) См. приложеніе.

30-го декабря. Полковникъ князь Оболенскій доноситъ, что онъ съ баталіономъ Ея Императорскаго Высочества 27-го числа изъ Твери выступилъ къ дѣйствующей арміи.

Генералъ-маіоръ Паскевичъ съ 7-мъ пѣхотнымъ корпусомъ сего числа выступилъ изъ мѣстечка Лейпунъ къ Гоніондзамъ, на соединеніе къ авангарду генерала Милорадовича.

Генералъ Милорадовичъ рапортуетъ, что онъ съ ввѣренными ему войсками сего числа выступитъ къ мѣстечку Гоніондзъ и что 2-й пѣхотной корпусъ, коему предписано также слѣдовать къ Гоніондзу для соединенія съ корпусомъ генерала Доктурова 27-го числа выступилъ къ оному.

При томъ доноситъ, что сводный гренадерской баталіонъ 26-ой пѣхотной дивизіи, составлявшій конвой главной квартиры 2-й западной арміи и съ нимъ 100 казаковъ 29-го числа прибыли въ городъ Гродно перьвому предписалъ онъ остаться въ городѣ, а послѣднихъ присоединилъ къ войскамъ ему ввѣреннымъ.

Генералъ Дохтуровъ съ корпусомъ 24-го числа прибылъ въ мѣстечко Гоніондзы.

Генералъ графъ Платовъ рапортуетъ отъ 25-го числа, что онъ съ корпусомъ 24-го сего мѣсяца прибылъ въ Велау вмѣстѣ съ корпусомъ графа Витгенштейна, а какъ непріятель тянется къ Вислѣ, то дабы ускорить и отрѣзать ему переправу, составилъ онъ отрядъ изъ 1500 лучшихъ доброконныхъ казаковъ съ 11-ю орудіями Донской конной артиллеріи, препоручивъ командованію генералъ-адъютанту Чернышеву, который долженъ слѣдовать форсированно до Мельзема, а оттуда далѣе сообразуясь съ движеніемъ непріятеля въ подкрѣпленіе ему слѣдуетъ подполковникъ Власовъ съ двумя Донскими полками; а сими и генералъ графъ Платовъ съ остальными войсками 25-го числа выступилъ и будетъ находится въ одинъ переходъ отъ генералъ-адъютанта Чернышевы. Увѣдомляетъ также, что жители Пруссіи дружественно и безпритворно принимаютъ наши войски, снабжая людей охотно пищею а для лошадей доставляютъ фуражъ подъ квитанціи, за что и съ нашей стороны соотвѣтствѣнно соблюдается порядокъ такъ, что жители вездѣ отзываются весьма довольными.

31-го декабря. Генералъ-лейтенантъ Васильчиковъ доноситъ отъ 28-го числа, что генералъ Ренье съ Саксонскими войсками находится на лѣвой сторонѣ Буга и составляетъ правой флангъ Австрійскаго корпуса, а въ направленіи къ Остроленкѣ слѣдуетъ дивизія Австрійскихъ войскъ подъ командою генерала Фрелиха.

Генералъ-лейтенантъ Ротъ съ войсками подъ его командою находящимися 30-го числа прибылъ въ г. Бѣлостокъ.

Главная квартира Государя Императора и фельдмаршала въ сіи дни оставалась въ мѣстѣчкѣ Меречѣ.

Описаніе

сраженія при городѣ Смоленскѣ 4-го и 5-го чиселъ августа 1812 года.

ОПИСАНІЕ

сраженія при городѣ Смоленскѣ 4-го и 5-го чиселъ августа 1812 года между Россійскими войсками подъ командою генерала отъ инфантеріи Барклая де-Толли и французскою арміею подъ предводительствомъ Императора Наполеона, и движенія, предшествовавшія оному сраженію *).

Внезапное вторженіе непріятеля въ предѣлы Россіи безъ всякаго объявленія войны и расположенія войскъ нашихъ на большомъ пространствѣ западной границы Имперіи, побудили главнокомандующихъ 1-ю и 2-ю западныхъ армій съ общаго совѣта на кратчайшихъ линіяхъ отступными движеніями соединить напередъ корпуса ввѣренныхъ имъ армій и потомъ уже стремиться къ обоюдному ихъ соединенію.

Главнокомандующій первою арміею генералъ отъ инфантеріи Барклай де-Толли находя для сего предмета удобнѣйшимъ пунктомъ укрѣпленный лагерь при гор. Дриссѣ, предписалъ въ тоже время генералу отъ инфантеріи князю Багратіону соединивъ корпуса 2-й арміи поспѣшить къ Двинѣ на соединеніе съ нимъ. Движеніе главныхъ непріятельскихъ силъ на городъ Вильну и далѣе на города Минскъ, Глубокое и Дриссу сдѣлало соединеніе сіе по Двинѣ невозможнымъ. Почему и положено было 2-го іюля 1-ой арміи избѣгая генеральнаго боя съ непріятелемъ, оставить укрѣпленный лагерь при Дриссѣ и слѣдовать въ верхъ по правому берегу Двины до гор. Витебска, а оттуда на соединеніе со 2-ою арміею; которая въ тоже время и въ томъ же

---

*) См. Военно-Ученый Архивъ Главн. Управл. Генер. Штаба 2-ой Отд. № 1853. № 6-ой Стран. 54

предметѣ склонялась къ Днѣпру въ направленіи къ гор. Могилеву *). А какъ центральное положеніе непріятельской арміи дѣйствовавшей на кратчайшей операціонной линіи, дѣлало соединеніе первой и второй западныхъ армій весьма сомнительнымъ, то и разсудилъ главнокомандующій 1-ой арміи генералъ Барклай де-Толли, не только приостановиться нѣкоторое время при городѣ Витебскѣ на лѣвомъ берегу Двины гдѣ ожидать извѣстій отъ 2-ой арміи; но и приказать 4-му корпусу ген.-лейт. графа Остермана 13-го числа іюля выступить по дорогѣ къ мѣст. Островно и атаковать непріятеля наступающаго по сей дорогѣ.

Въ слѣдъ за симъ корпусомъ послано было оному въ резервъ 3-я пѣхотная дивизія подъ командой ген.-лейт. Коновницына. Сраженіе продолжалось 13-го и 14-го числъ съ наивеличайшею жестокостью съ обѣихъ сторонъ.

Потеря съ нашей стороны состояла въ шести орудіяхъ конной артиллеріи и до 2500 чел. какъ убитыхъ такъ и раненыхъ. Въ числѣ первыхъ былъ ген.-маіоръ Акуловъ. Потеря непріятельская кромѣ убитыхъ и раненыхъ состояла: плѣнными 1-го полковника, 30-ти офицеровъ и до 300 нижнихъ чиновъ. Упорство оказанное Россійскими войсками въ двухъ дневномъ семъ сраженіи побудили Императора Наполеона соединить корпуса: вице-короля Италіанскаго, всю кавалерію короля Неаполитанскаго, Нея, молодую и старую гвардію между Биненковичами и Островно, въ чаяніи атаковать Россійскую армію, занявшую позицію на лѣвомъ берегу Двины неподалеку города Витебска при дер. Белевой.

15-го числа авангардъ арміи подъ командою ген.-маіора графа Палена 2-го, прикрывъ отступленіе 3-й дивизіи и 4-го корпуса былъ атакованъ всею кавалеріею короля Неаполитанскаго подкрѣпленная корпусомъ вице-короля Италіанскаго. Искусные распоряженія ген.-маіора гр. Палена замѣняли въ сей день слабость его малаго авангарда и только что къ 4-мъ часамъ пополудни непріятель заставилъ его отступить на правой берегъ рѣки Лучесы, гдѣ удержалъ онъ

*) Для прикрытія Витебской и Псковской губерній оставленъ былъ на рѣкѣ Двинѣ около Дриссы генер.-лейт. графъ Витгенштейнъ съ 1-мъ корпусомъ и резервнымъ ген.-адъют. барона Меллера-Закомельскаго имѣвшіе подъ ружьемъ до 25,000 чел. Противъ оныхъ находился 2-ой французскій корпусъ генерала Удино. 3-ья западная армія подъ командою генерала отъ инфантеріи Тормасова должна была прикрывать Волынь и дѣйствовать противу австрійскаго корпуса соединеннаго съ 7-мъ французскимъ корпусомъ подъ командою генерала князя Шварценберха. *Прим. подлинника.*

позицію до самой ночи. Въ сей день непріятель изъ далека рекогносировалъ позиціи 1-ой арміи устроивая войска свои такъ чтобы они удобнѣе могли двинуться 16-го числа къ атакѣ.

Въ самое то время получилъ генералъ Барклай де-Толли отъ генерала князя Багратіона „что не взирая на занятіе непріятелемъ города Могилева 6,000 корпусомъ полагалъ", онъ вытѣснивъ его изъ сего мѣста, „продолжать маршъ свой на соединеніе съ 1-ю арміею. Почему усиля 7-ой корпусъ ген.-лейт. Раевскаго до 15,000 чел. приказалъ оному составя авангардъ его арміи слѣдовать отъ Ст. Быхова къ гор. Могилеву.

10-го іюля ген.-лейт. Раевскій подходя къ мѣст. Дашковкѣ встрѣтилъ первые непріятельскія войска, которыхъ по маловажномъ сраженіи заставилъ отступить. Потомъ пройдя семъ верстъ далѣе открылъ сильный непріятельской корпусъ въ весьма выгодной позиціи при дер. Салтановкѣ, имѣвшей передъ собою ручеекъ и лѣсъ который проходимъ былъ по одной большой дорогѣ, обороняемой сильною непріятельскою батареею. Такія обстоятельства побудили ген.-лейт. Раевскаго приостановить дальнѣйшій маршъ войскъ и донести немедленно о положеніи непріятеля господину главнокомандующему который тѣмъ временемъ съ прочими войсками слѣдовалъ къ мѣст. Дашковкѣ. Вторичное повелѣніе отъ кн. Багратіона къ генералу Раевскому дабы атаковать непріятеля было немедленно исполнено. Сраженіе продолжавшееся болѣе четырехъ часовъ съ ряду; гдѣ всѣ усилія войскъ нашихъ ободряемыхъ личнымъ примѣромъ господъ генераловъ Раевскаго и Васильчикова и Паскевича сдѣлались тщетными, имѣло послѣдствіемъ потерю съ нашей стороны до 3000 чел. убитыми и ранеными *). По распросамъ отъ плѣнныхъ сдѣлалось извѣстно, что весь корпусъ маршала Даву до 40,000 чел. простиравшійся сражался съ корпусомъ ген.-лейт. Раевскаго. Сіе обстоятельство побудило главнокомандующаго 2-ой арміею переправясь чрезъ Днѣпръ при гор. Новомъ Быховѣ слѣдовать чрезъ гор. Мстиславль на Смоленскъ; главнокомандующаго 1-ой арміею ген. Барклая де-Толли не теряя времени отступать съ арміей къ Смоленску. Благоразумные распоряженіи господъ главнокомандующихъ 1-ой и 2-ю западныхъ армій во время отступленія ихъ къ Смоленску привели непріятеля въ большое недоумѣніе.

Аріергардъ 1-ой арміи подъ командою ген.-маіора графа Палена 2-го, отступившій 16-го числа по Порѣченской дорогѣ заставилъ

*) Подробности сего сраженія видѣть можно на особомъ планѣ. *Прим. подлинника.*

мыслить Наполеона что вся армія Россійская отступила въ семъ же направленіи; почему и обратилъ онъ главныя силы свои на сію дорогу; тогда когда направи бы знатнѣйшую часть оныхъ чрезъ Ліозну и Рудню на Смоленскъ могъ бы онъ предупредить 1-ю армію при семъ городѣ.

Генералъ отъ инфантеріи князь Багратіонъ съ своей стороны подкрѣпя аріергардъ свой подъ командою войсковаго атамана Платова регулярными войсками заставилъ тѣмъ маршала Даву укрѣпляться въ своей позиціи при Султановкѣ въ ожиданіи быть атакованными нашими войсками; и присоединить къ себѣ всѣ отдѣльные части войскъ къ его корпусу принадлежащіе.

Непріятель обманутый на всѣхъ пунктахъ далъ свободно соединится 1-ой и 2-ой арміямъ 22-го іюля при гор. Смоленскѣ; гдѣ послѣ долговременныхъ и трудныхъ маршей всѣмъ войскамъ на нѣсколько дней данъ былъ отдыхъ.

Обѣ арміи подъ Смоленскомъ въ числѣ 110,000 чел. расположены были слѣдующимъ образомъ (смотри планъ №). Авангарды ихъ находились, а именно: ген.-маіора графа Палена при дер. Мощинкахъ на пореченской дорогѣ; ген.-маіора Шевича при дер. Бурой на Рудненской или Витебской дорогѣ; ген.-маіора Неверовскаго при гор. Красномъ, занявъ постомъ и мѣс. Ляды на Оршенской дорогѣ.

Самое передовое войско состояло изъ всѣхъ казачьихъ полковъ подъ командою войсковаго атамана генерала-отъ-кавалеріи Платова; который занялъ постами своими все пространство отъ дер. Дубровны что на правомъ берегу Днѣпра чрезъ дер. Иньково до гор. Порѣчья. Главная квартира арміи была въ Смоленскѣ. Въ семъ положеніи была армія до 25-го числа.

При семъ городѣ поступили на укомплектованіе арміи прибывшіе изъ Рославля и Дорогобужа, восемь запасныхъ баталіоновъ, восемь запасныхъ эскадроновъ и нѣсколькъ ротъ артиллеріи. Генералъ-адъютантъ баронъ Винцингероде здавъ оные въ полки; получилъ команду надъ легкимъ кавалерійскимъ отрядомъ состоящимъ изъ 4-хъ казачьихъ и одного драгунскаго полковъ и долженъ былъ дѣйствовать въ лѣвый флангъ непріятеля, дѣлая поиски не только что по правому берегу Двины но даже и до самаго города Витебска; стараясь прикрыть отъ набѣговъ непріятельскихъ дорогу изъ Витебска на великіе Луки идущіе.

Непріятельскія силы 25-го числа Іюня расположены были нижеслѣдующимъ образомъ: (смотри генеральную карту Россіи).

Главная квартира Императора Наполеона со всею гвардіею въ гор. Витебскѣ и его окрестностяхъ.

4-ый корпусъ Вице-короля Италіанскаго въ гор. Суражѣ занимая отрядами города: Усвятъ, Велижъ и Порѣчье.

Король Неаполитанской съ первыми двумя кавалерійскими корпусами Монбренъ и Груши въ мѣс. Руднѣ и окрѣстностяхъ.

3-й корпусъ маршала Нея при м. Ліознѣ.

1-ый корпусъ маршала Даву и кавалерійской Нансути при гор. Оршѣ и Шкловѣ.

8-ой корпусъ маршала Жюно при г. Оршѣ.

5-ый корпусъ князя Поніатовскаго въ г. Могилевѣ.

4-ый кавалер. корпусъ и одна польская пѣхотная дивизія, всѣ подъ командою Латуръ-Мобурга передъ Бобруйскомъ и Мозыремъ.

Главнокомандующій генералъ Барклай де Толли удостовѣрясь въ семъ пространномъ расположеніи непріятельскихъ войскъ рѣшился соединенными силами идти въ направленіи къ Руднѣ, дабы разбить порознь непріятельскія корпуса. Въ слѣдствіе сего 26-го числа соединенныя наши арміи выступили тремя колоннами слѣдующимъ порядкомъ: 2-ой, 3-й и 4-й пѣхотные и 1-й и 2-й кавалерійскіе корпуса пошли чрезъ деревни Жукова, Тепенина, Лущо, Щеголева къ селу Ковалевскому. 6-ой и 5-й пѣхотные и 3-й кавалерійской корпусъ чрезъ деревню Шоламецъ къ дер. Приказъ-Выдрѣ. Вся 2-я армія перейдя на правый берегъ Днѣпра слѣдовало на село Катань отдѣля сильной отрядъ для сообщенія съ 1-ю арміею на деревню Чобуры. Генералъ-маіоръ Неверовскій оставался съ отрядомъ своимъ при городѣ Красномъ занимая и мѣстечко Ляды. Ген.-м. Тучковъ 4-й съ отрядомъ изъ пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи остановился при селѣ Касплѣ.

Все передовое войско подъ командою войсковаго атамана Платова въ сей день не сдѣлало никакого движенія, дабы не открыть непріятелю наступленіе нашихъ армій.

27-го Войсковой атаманъ Платовъ долженъ былъ податься со всемъ передовымъ войскомъ впередъ; будучи подкрѣпленъ регулярною кавалеріею подъ командою ген.-м. гр. Палена 2-го, напавъ при дер. Молевомъ-болотѣ на авангардъ Короля Неаполитанскаго подъ командою генерала Себастіани изъ 6000 чел. кавалеріи и нѣкоторой части пѣхоты, разбилъ его совершенно и взялъ въ плѣнъ одного полковника, многихъ другихъ штабъ и оберъ-офицеровъ и до 800 нижнихъ чиновъ. Въ сіе время главнокомандующій генералъ Барклай де Толли, получа неосновательные извѣстіи о нахожденіи сильняго непріятеля въ городѣ По-

рѣчьѣ приказалъ арміямъ сдѣлать отступное движеніе слѣдующимъ образомъ: 2-й и 4-й пѣхотные и 1-й кавалерійскій корпуса выступили обратно къ дер. Лаврова, 5-й корпусъ на Пореченскую дорогу къ селу Стабно; а 7-й и 8-й корпуса арміи князя Багратіона составляющіе къ селу Надвѣ. 3-й и 6-й пѣхотные и 2-й и 3-й кавалерійскіе къ Приказу Выдрѣ, гдѣ и главная квартира генерала Барклая въ сей день оставалась. Авангардъ генерала Платова остался при деревнѣ Молевомъ-болотѣ.

28-го пополудни 3-й и 6-й пѣхотные и 2-й и 3-й кавалерійскіе корпуса продолжали отступать чрезъ деревню Шаломецъ къ деревнѣ Мощинкѣ, куда перешла и главная квартира арміи, 7-й и 8-й корпуса смѣнивъ отступившихъ отъ Приказа Выдры расположились лагеремъ при семъ мѣстѣ. Авангардъ же генерала Платова отступилъ къ дер. Гаврики; имѣя на лѣвомъ своемъ флангѣ при деревнѣ Волоковой отрядъ ген.-маіора Васильчикова 1-го.

29-го, 30-го и 31-го дня всѣ корпуса имѣли растахъ исключая 7-го и 8-го которыя отступили къ стѣнамъ Смоленска.

Августа 1-го числа главнокомандующій генералъ Барклай де Толли предпринялъ вторичное наступательное движеніе на непріятеля въ направленіи къ деревнямъ Гаврики и Волоковой, гдѣ имѣли всѣ войски 3-го числа растахъ, кромѣ 7-го и 8-го корпусовъ, которые въ сей день дойдя до дер. Надвы расположились при оной лагеремъ.

Въ продолженіе сихъ маршей и контръ-маршей и четырехъ дневнаго бездѣйствія Императоръ Наполеонъ приказалъ соединить всѣ корпуса своей арміи на Днѣпрѣ при мѣст. Расаснѣ и Дубровнѣ, въ томъ предположеніи, чтобы быстрымъ движеніемъ вверхъ по лѣвому берегу сей рѣки подойти къ гор. Смоленску и овладѣвъ онымъ въ тылу нашей арміи отбросить оную къ Порѣчью или Витебску и потому:

29-го числа 3-му корпусу Нея и кавалерійскимъ корпусамъ короля Неаполитанскаго назначено было слѣдовать къ устью рѣчьки Березыни и построить на Днѣпрѣ мосты. 4-му корпусу вице-короля Италіянскаго чрезъ Яновичи, Ліозну и Любавичи къ мѣст. Расаснѣ.

1-му корпусу маршала Даву сосредоточиться при мѣст. Дубровнѣ на лѣвомъ берегу Днѣпра. Кавалерійской корпусъ генерала Груши пошелъ къ мѣст. Расаснѣ, куда вся гвардія Наполеона и главная его квартира также направилась.

30-го и 31-го числа всѣ непріятельскіе корпуса продолжали движеніе къ своему назначенію. Кавалерійской корпусъ генерала Груши

прибылъ къ Расаснѣ. Между тѣмъ подъ управленіемъ генерала Эблѣ непріятелемъ построены были на Днѣпрѣ три моста при Расаснѣ и два противъ деревни Хомино.

1-го числа всѣ непріятельскіе корпуса прибыли къ Днѣпру; а именно 3-й пѣхотный и кавалерія короля Неаполитанскаго противъ дер. Хомино. Вся гвардія и главная квартира Императора Наполеона въ мѣст. Расаснѣ. 1-й и 8-й корпуса сосредоточили всѣ свои силы на лѣвомъ берегу сей рѣки при мѣст. Дубровнѣ. 5-й корпусъ кн. Понiятовскаго выступя 30-го числа изъ Могилева прибылъ 1-го числа въ мѣст. Романово.

Въ ночь съ 1-го на 2-е число кавалерійской корпусъ генерала Груши переправясь чрезъ Днѣпръ и присоединясь къ кавалерійскому корпусу генерала Нансути отъ стороны Дубровны прибывшаго двинулся къ м. Лядамъ откуда заставили отступить два казачьихъ полка. Въ слѣдъ за симъ слѣдовалъ 1-й и 8-й корпуса, вся гвардія Наполеона съ его главною квартирою и пройдя мѣст. Ляды къ ночи прибылъ къ гор. Красному. 2-го числа на разсвѣтѣ король Неаполитанскій подкрѣпленный корпусомъ маршала Нея двинулся къ гор. Красному; передъ коимъ стоялъ въ позицію Россійской корпусъ ген.-маіора Неверовскаго, составленный изъ 27-й пѣхотной дивизіи, весьма малой части Смоленскаго ополченія, двухъ казачьихъ полковъ и 12-ти орудій артиллеріи. Всего подъ ружьемъ было въ семъ маломъ корпусѣ до 6000 человѣкъ. Превосходный въ силахъ непріятельской авангардъ полагалъ сей малый корпусъ въ скоромъ времени уничтожить и потому многочисленными колоннами пѣхоты подкрѣпленными артиллеріею повелъ атаку. Кавалерія же его въ то же время боковыми дорогами намѣревалась отрѣзать ген.-маіора Неверовскаго отъ гор. Смоленска. Твердость сего генерала и мужество ввѣренныхъ ему войскъ, не только что спасли ихъ отъ совершеннаго истребленія, но удивило даже самихъ непріятелей. 36 часовъ времени держался онъ на пространствѣ 45-ти верстъ; и будучи неоднократно окруженъ непріятелемъ; всякой разъ открывалъ себѣ путь штыками. Такое безпримѣрное дѣйствіе было не безъ значющей потери. Ген.-маіоръ Неверовской потерявъ до 1500 человѣкъ и пять орудій артиллеріи, 4-го числа къ вечеру отступилъ къ гор. Смоленску, гдѣ присоединился къ нему 7-ой корпусъ ген.-лейт. Раевскаго, выступившій 3-го числа форсированнымъ маршемъ къ гор. Смоленску. Маршъ сего корпуса былъ послѣдствіемъ полученныхъ 3-го числа извѣстій о главномъ движеніи всѣхъ непріятельскихъ корпусовъ вверхъ по лѣвому берегу

Днѣпра. 4-го числа на разсвѣтѣ двинулись обратно къ Смоленску и прочіе корпуса Россійской арміи.

Въ сей день 7-ой корпусъ г.-л. Раевскаго соединенный съ отрядомъ г.-м. Неверовскаго занявъ Смоленскъ приготовились къ оборонѣ. Четыре казачьи полка подъ командою полковника Сысоева командированы были на Ельненскую и Рославльскую дороги, чтобы наблюдать движенія непріятеля съ сихъ сторонъ.

Прежде нежели описывать сраженіе при стѣнахъ Смоленска, нужно представить читателю въ какомъ состояніи былъ сей городъ.

Смоленскъ построенъ и укрѣпленъ по древнему роду; лежитъ большею частью на косогорѣ лѣваго берега Днѣпра. Огражденъ каменною стѣною вышиною въ 25-ть, а толщиною въ 10-ть футъ, въ окружности не съ большимъ 7-мъ верстъ имѣющею. Небольшіе каменные бастіоны изъ древнихъ башенъ построенные, и бывшіе вооружены артиллеріею представляли всю перекрестную оборону. Ровъ, который въ отношеніи высокихъ стѣнъ не такъ глубокъ, вообще никакой неимѣлъ обороны. Покрытый путь и гласисъ затрудняли нѣкоторымъ образомъ приближеніе къ крѣпости; но какъ сіи части весьма дурное имѣли сообщеніе съ оною, то и не были почти нами защищаемы. Королевскій бастіонъ возобновленъ въ новѣйшіе времена и выше всѣхъ прочихъ крѣпостныхъ частей. На правомъ берегѣ Днѣпра довольно регулярный земляной кронвернъ командуемый окрестными высотами праваго берега сей рѣки и который въ сообщеніи съ городомъ посредствомъ деревяннаго моста. Предмѣстія города Смоленска велики и весьма въ близскомъ разстояніи отъ крѣпостныхъ линій. Не взирая на всѣ сіи недостатки гор. Смоленскъ подкрепляемый всею Россійскою арміею на правомъ берегѣ Днѣпра расположенной могъ представить тоже сопротивленіе упорству Наполеона; каковое испытывалъ онъ въ Египтѣ при осадѣ и штурмахъ крѣпости С-тъ Жанд'Акрѣ.

4-го числа, около 8-ми часовъ по полуночи непріятельскія корпуса Нея и короля Неаполитанскаго подойдя къ Смоленску остановились внѣ пушечнаго выстрѣла по Краснинской дорогѣ. Въ 9-ть часовъ прибылъ Императоръ Наполеонъ и приказалъ корпусу Нея немедлено штурмовать Королевской баталіонъ. Атака непріятеля съ чувствительною для него потерею была отбита. Послѣ сего въ продолженіи цѣлаго дня продолжалась съ обѣихъ сторонъ изърѣдка пушечная стрѣльба. Между тѣмъ обѣ арміи; какъ Россійская такъ и непріятельская спѣшили къ гор. Смоленску, первая на спасеніе онаго, а другая въ чаяніи

занять сей городъ прежде прибытія прочихъ корпусовъ Россійской арміи. Къ вечеру послѣ многихъ возобновленныхъ неудачныхъ атакъ со стороны непріятеля прекратился огонь съ обѣихъ сторонъ и обѣ арміи подошли къ Смоленску.

Непріятельская армія обложила сей городъ полукругомъ по лѣвому берегу Днѣпра, имѣя на правомъ флангѣ 5-ый корпусъ князя Поніатовскаго, въ центрѣ 1-ой маршала Даву и на лѣвомъ флангѣ 3-ій маршала Нея. 4-й корпусъ вице-короля Италіанскаго назначенный составить резервъ праваго фланга прибылъ 4-го числа только что къ вечеру до почтовой станціи Корытни. Вся гвардія стала въ центрѣ въ резервѣ, а 8-й корпусъ маршала Жюпо въ резервѣ за лѣвымъ флангомъ. Король Неаполитанской съ 3-мя кавалерійскими корпусами остановился на правомъ флангѣ князя Поніатовскаго.

Генералъ-отъ-инфантеріи Барклай-де-Толи опасаясь потерять большую Московскую дорогу приказалъ генералу Кн. Багратіону съ 7-мъ и 8-мъ корпусами выступить 5-го числа въ 4-ре часа по полуночи и слѣдовать на Дорогобужскую дорогу (или Московская), 6-му же корпусу ген. Дохтурова и 3-й пѣхотной дивизіи Г. Л. Коновницына смѣнить войски Г. Л. Раевскаго защищавшіе Смоленскъ. Корпуса Кн. Багратіона пройдя 8-мь верстъ остановился при „ “ (смотри планъ №). Аріергардъ его при „ “ *). Генералъ Барклай-де-Толли имѣя для обороны Смоленска какъ вышесказано 6-й корпусъ и 3-ю пѣхотную дивизію расположилъ прочіе корпуса на высотахъ праваго берега Днѣпра по Переченской дорогѣ при „ “ имѣя впереди 2-й и 4-й корпуса, за ними 1-я гренадерская дивизія; а въ резервѣ 5-й корпусъ. Кавалерійскія корпуса 1-й и 2-й стали за правымъ флангомъ 2-го корпуса, а 3-й и нѣсколько казачихъ полковъ въ открытыхъ мѣстахъ при дворѣ Пезовенкѣ для содержанія комуникаціи съ арміею князя Багратіона.

Войсковой атаманъ Платовъ съ большею частью казачьихъ полковъ находился на правомъ и лѣвомъ флангахъ арміи, имѣя сильные посты вдоль праваго берега Днѣпра. На сей рѣкѣ были устроены три моста для свободнаго сообщенія съ городомъ.

5-го числа въ 8-мь часовъ по полуночи 6-й корпусъ ген. Дохторова сдѣлалъ вылазку изъ города и збилъ на всѣхъ пунктахъ непріятеля по близости города въ ночь расположившагося. Непріятель усиля передовыя свои войска значущими силами возобновилъ атаку въ на-

*) Пропуски въ подлинникѣ.

мѣреніи овладѣть Мстиславльскимъ и Рославльскимъ предмѣстіями; но будучи встрѣченъ артиллеріею и штыками принужденъ былъ отступить почти на пушечной выстрѣлъ, ограничась одною токмо перестрѣлкою, которая продолжалась до 2-хъ часовъ по полудни. Въ теченіе сего времени главнокомандующій генералъ Барклай-де-Толли устроилъ сильныя батареи „ “ дабы фланговымъ огнемъ воспретить сколько возможно непріятелю штурмъ на крѣпость.

Около 3-хъ часовъ замѣчено было большое движеніе на всѣхъ пунктахъ непріятельской арміи. На правомъ ея флангѣ подъ прикрытіемъ французской кавалеріи генерала Брюера немедленно учреждена была батарея о 60-ти оруд. „ “ которая открыла огонь по комуникаціоннымъ мостамъ на Днѣпрѣ устроеннымъ. Корпусъ ген. Нея въ тоже время поставя сильныя батареи, густыми колонами подвигался впередъ. Главное же стрѣмленіе непріятеля было изъ центра его линіи.

Дивизіи пѣхотные генераловъ; Моранъ, Фріанъ и Гюденъ „ “ не подверженные фланговому огню нашихъ батарей на правомъ берегу устроенныхъ, предшествуемые многочисленною артилеріею густыми колоннами повели атаку на предмѣстія Рославльской и Мстиславльской. Послѣ весьма упорнаго сраженія продолжавшагося около двухъ часовъ непріятель занявъ помянутыи предмѣстіи учредилъ сильные батареи болѣе 150-ти орудій составляющіе на самомъ близкомъ разстояніи отъ городскихъ стѣнъ, въ намѣреніи здѣлать въ оныхъ брешь. Непріятельская батарея о 60-ти орудіяхъ „ “ угрожавшая прервать нашу комуникацію съ городомъ отъ удачнаго дѣйствія противу ее поставленной нашей батареи подполковника Нилуса, потерявъ большое число зарядныхъ ящиковъ и подбитыхъ орудій должна была выдти изъ боя и удалиться внѣ выстрѣла чрезъ что мы сохранили свободное сообщеніе съ городомъ. 6-й корпусъ ген. Дохтурова и 3-я пѣхотная дивизія ген.-лейт. Коновницына отступившіе въ городъ и потерявшіе довольное число людей, получили въ подкрѣпленіе 4-ю пѣхотную дивизію подъ командою ген.-маіоръ принца Евгенія Виртембергскаго.

Около 5-ти часовъ, непріятель усиленный свѣжими войсками подъ прикрытіемъ многочисленной артиллеріи; повелъ рѣшительную атаку на Малаховскіе ворота; которыми было завладѣлъ; но личный примѣръ генераловъ Коновницына и принца Евгенія Виртембергскаго ободрилъ до такой степени солдатъ нашихъ, что они ударя въ штыки, опрокинули и смяли непріятеля и по тѣламъ его продолжали поражать бегущихъ. Отбитый съ чувствительною потерею непріятель возобновилъ стрѣльбу изъ своихъ батарей съ новою жестокостію. Перекресный его

огонь наиболѣе изъ гаубицъ, дѣлалъ великія опустошенія въ городѣ. Около 7-ми часовъ французы еще покушались на нѣсколько атакъ; которые всегда отбиты были нашими войсками. Въ 9-ть часовъ уменшился огонь. Городъ остался за нами и генералъ Дохторовъ внѣ города выставилъ свои передовые посты.

Потери съ нашей стороны убитыми и рененными простиралось до 6.000 чел. Генералъ-маіоръ Скалонъ и Балла были въ числѣ убитыхъ. Непріятельская потеря была гораздо превосходнѣе, ибо всѣ его усилія болѣ семи часовъ продолжавшіяся повсюду для него были пагубны. По извѣстіямъ плѣнныхъ она превышала 15.000 какъ убитыми такъ и ранеными. Въ числѣ первыхъ былъ генералъ Грабовскій, въ числѣ послѣднихъ генералы: Грандо, Дельтотъ и Заенчикъ *).

Въ ночь съ 5-го на 5-го число главнокомандующій генералъ Барклай де Толли приказалъ генералу Дохторову оставить Смоленскъ и перейдя на правый берегъ Днѣпра аріергардомъ занятъ петербургское предмѣстіе; и истребить всѣ мосты на Днѣпрѣ находящіяся.

6-го числа на разсвѣтъ главнокомандующій генералъ-отъ-инфантеріи Барклай де Толли приказалъ всѣмъ корпусамъ отступя немного назадъ по Пореченской дорогѣ — занять военную позицію въ чаяніи дать сраженіе непріятелю на правомъ берегѣ Днѣпра. Едва лишь начали войски трогатся чтобы выступить въ назначенныя имъ мѣста, какъ непріятель перейдя въ бродъ рѣку Днѣпръ и овладѣвши форштатомъ Петербургскимъ началъ подъ прикрытіемъ стрѣлковъ густыми колоннами выходитъ изъ онаго на равнину по Порѣченской дороги. Сей случай могъ повлечь за собою большія замѣшательства; и потому главнокомандующій приказалъ немедленно генералу-лейтенанту Коновницыну остановить движеніе ближайшихъ войскъ и ударить на непріятеля. Во мгновеніе ока французы были збиты и форштатъ опять во власти нашей; и занять сильнымъ аріергардомъ подъ командою генералъ-маіора барона Корфа, имѣвшаго потомъ цѣлый день перестрѣлку съ непріятелемъ на лѣвый берегъ Днѣпра перешедшимъ.

*) Заіончекъ.

Описаніе

сраженія при селѣ Бородинѣ, бывшаго 26-го августа 1812 года.

Военно-Ученый Архивъ Главн. Упр. Ген. Штаба. Отд. 2 № 1853, стр. 76.

ОПИСАНІЕ

сраженія при селѣ Бородинѣ, бывшаго 26-го августа 1812 года между Россійскою Императорскою арміею подъ предводительствомъ генерала отъ инфантеріи князя Голенищева-Кутузова и французскою соединенною арміею, состоявшею изъ войскъ всѣхъ державъ западной Европы, подъ предводительствомъ Императора Наполеона *).

Августа 24-го дня, пополудни въ 4 часа, аріергардъ нашъ подъ командою генералъ-лейтенанта Коновницына атакованъ былъ французами при Колоцкомъ монастырѣ. Превосходныя силы непріятеля принудили оный отступить къ позиціи, близь села Бородина находящейся, гдѣ главная армія была уже построена въ боевой порядокъ. Въ сей день аріергардъ нашъ имѣлъ поверхность надъ непріятелемъ: Изюмскій гусарскій полкъ съ нѣкоторымъ числомъ казаковъ въ одной изъ атакъ истребилъ совершенно три эскадрона непріятельской кавалеріи.

Между тѣмъ непріятель приближался къ позиціи нашей тремя колоннами. Правая, состоявшая изъ 5-го корпуса подъ командою князя Понятовскаго, шла по старой Смоленской дорогѣ къ дер. Ельнѣ. Средняя, при коей находился Императоръ Наполеонъ и состоявшей изъ четырехъ кавалерійскихъ корпусовъ подъ командою короля Неаполитанскаго, 1-го корпуса маршала Даву, 3-го и 8-го маршаловъ Нея и Жюно, всей гвардіи и резервной артиллеріи, слѣдовала по большой дорогѣ къ селу Бородину. Лѣвая, подъ командою вице-короля Италіанскаго, изъ 4-го корпуса, шла по проселочной дорогѣ чрезъ деревню Большіе Сады также къ с. Бородину.

---

*) Къ этому описанію приложено: „Планъ сраженія при селѣ Бородинѣ“, составленный по Высочайшему повелѣнію генералъ-лейтенантомъ барономъ Толемъ въ 1814 г. (См. прилож.). *Прим. Ред.*

Построенный нами 24-го числа редутъ . . . . . *), а также егери засѣвшіе въ рвахъ и кустарникахъ на правомъ берегу рѣки Калочи и занимавшіе деревни: Фомкину, Алексину и Доронину, весьма затрудняли приближеніе непріятеля по большой дорогѣ. Въ слѣдствіе чего Наполеонъ приказалъ 1-го корпуса дивизіи генерала Компанъ, переправясь чрезъ рѣчку Калочу, вытѣснить егерей и овладѣть вышеупомянутымъ редутомъ. Войски, защищавшія оный, находилось подъ командою генералъ-лейтенанта князя Горчакова 2, и состояли изъ полковъ 27-й пѣхотной дивизіи, имѣвшей въ подкрѣпленіе 2-ю кирасирскую дивизію.

Битва противъ сего редута часъ отъ часу дѣлалась упорнѣе, однакожъ всѣ покушенія непріятеля, отражаемаго нѣсколько разъ съ большимъ урономъ сдѣлались тщетными и наконецъ онъ былъ совершенно отбитъ, потерявъ болѣе тысячи человѣкъ убитыми и ранеными. Кирасирскіе полки: Екатеринославской, Орденской, Глуховской и Малороссійской быстрою атакою довершили его пораженіе. При семъ случаѣ взято нами 8 пушекъ, изъ коихъ три, бывъ подбиты, оставлены на мѣстѣ сраженія.

Главный предметъ главнокомандующаго кн. Голенищева-Кутузова при построеніи сего редута состоялъ въ томъ, чтобы открыть настоящее направленіе непріятельскихъ силъ и если возможно главное намѣреніе Императора Наполеона. Изъ донесеній генералъ-квартирмейстера Толя, находившагося на батареѣ съ нѣкоторыми офицерами квартирмейстерской части, главнокомандующій извѣстился, что непріятель съ значущимъ числомъ кавалеріи подъ командою короля Неаполитанскаго и пѣхоты корпуса Даву переправился на правый берегъ Калочи, и что по старой Смоленской дорогѣ видны также большіе силы; но за лѣсами подробно разсмотрѣть ихъ было невозможно. Полученный къ вечеру рапортъ отъ генералъ-маіора Карпова, отступившаго по упомянутой дорогѣ съ 4-ю казачьими полками подтвердилъ, что корпусъ князя Понятовскаго приближался по сей дорогѣ. Въ слѣдствіе сего главнокомандующій приказалъ генералъ-лейтенанту князю Горчакову 2, оставя редутъ въ ночи, отступить со всѣми войсками въ главную позицію и занять свое мѣсто въ линіи.

25-го числа (смотри на планѣ № 1 **) армія французская находилась въ виду нашей и расположилась слѣдующимъ порядкомъ: на правомъ

*) У с. Шевардино. *Прим. Ред.*

**) Эта и слѣдующія ссылки на планѣ упомянуты въ прим. *).

берегу рѣки Калочи 5-й корпусъ состоящій изъ 17-й и 18-й пѣхотныхъ дивизій и двухъ бригадъ кавалеріи скрытно за большимъ лѣсомъ, имѣя за линіями деревню Рыкачеву. 1-го корпуса 5-я, 2-я и 1-я дивизіи пѣхоты между деревнями: Фомкиной, Алексинокъ и Дорониной, а 3-я и 4-я дивизіи тогожъ корпуса на лѣвомъ берегу Калочи передъ деревнею Валуевой, 4-й корпусъ изъ 14-й, 13-й пѣхотныхъ дивизій, италіанской гвардіи и двухъ бригадъ кавалеріи, въ лѣво отъ большой дороги въ виду села Бородина, имѣя кавалерію свою за рѣчкою Войною. Весь резервъ состоявшій иаъ молодой и старой гвардіи съ принадлежащею къ ней кавалеріею между деревнями Валуевой и Ратово, гдѣ и главная квартира Императора Наполеона расположилась. За гвардіею по большой дорогѣ при деревнѣ Головиной остановились 3-й корпусъ изъ 10-й, 11-й и 25-й, и 8-й изъ 23-й и 24-й пѣхотныхъ дивизій съ принадлежащими къ нимъ тремя кавалерійскими бригадами. 1-й, 2-й, 3-й и 4-й кавалерійскіе корпуса съ королемъ Неаполитанскимъ, за густою рощею въ право отъ оставленнаго нами редута. Въ сей день непріятель подъ прикрытіемъ сильной перестрѣлки съ нашими егерями, рекогносцировалъ позицію Россійской арміи. Къ вечеру, на правомъ крылѣ непріятельскомъ замѣчены были разныя движенія, скрытыя отъ насъ лѣсами, изъ чего главнокомандующій заключилъ, что намѣреніе Наполеона состояло въ томъ, чтобы напасть главными силами на лѣвое крыло наше, и потомъ продолжая движеніе по старой Смоленской дорогѣ отрѣзать совершенно насъ отъ города Можайска. Въ слѣдствіе сего главнокомандующій князь Голенищевъ-Кутузовъ приказалъ немедленно генералъ-лейтенанту Тучкову 1-му съ третьимъ пѣхотнымъ корпусомъ идти на лѣвое наше крыло и положеніемъ своимъ прикрыть старую Смоленскую дорогу. Въ подкрѣпленіе сему корпусу отряжено было 7.000 человѣкъ Московскаго ополченія подъ командою генералъ-лейтенанта Маркова и шесть донскихъ полковъ съ генералъ-маіоромъ Карповымъ. (Все что подъ литерою **А**, показываетъ первую позицію Россійской арміи).

Отъ 3-го корпуса, расположеннаго на старой Смоленской дорогѣ при деревнѣ Утицѣ до лѣваго крыла арміи, было разстояніе покрытое лѣсомъ почти на версту. На семъ пространствѣ для общей связи, расположены были егерскіе полки 20-й, 21-й, 11-й и 41-й. Сводные гренадерскіе баталіоны 7-го и 8-го корпусовъ подъ командою генералъ-маіора графа Воронцова, заняли всѣ укрѣпленія, построенныя нами предъ дер. Семеновскою, за коими была 27-я пѣхотная дивизія подъ командою генералъ-маіора Невѣровскаго, а за деревнею Семеновскою

2-я гренадерская дивизія въ резервѣ. Обѣ сіи дивизіи составляли 8-й корпусъ подъ командою генералъ-лейтенанта Бороздина 1-го. Къ деревнѣ Семеновской примыкалъ лѣвый флангъ 7-го корпуса генералъ-лейтенанта Раевскаго простираясь линіею своего въ направленіи близь Кургана, укрѣпленнаго 24-го числа. Оба сіи корпуса составляли лѣвое крыло арміи подъ командою генерала-отъ-инфантеріи князя Багратіона. Отъ 7-го корпуса, въ направленіи къ деревнѣ Горкамъ, расположенъ былъ 6-й корпусъ подъ командою генерала-отъ-инфантеріи Дохторова, составлявшій центръ арміи. Отъ сей деревни уступами назадъ стояли 4-й (генералъ-лейтенанта графа Остермана) и 2-ой (генералъ-лейтенанта Багговута) пѣхотные корпуса, составлявшіе правое крыло арміи подъ командою генерала-отъ-инфантеріи Милорадовича. Сіи послѣдніе три корпуса состояли подъ начальствомъ генерала-отъ-инфантеріи князя Барклая-де-Толли. Всѣ вышеупомянутыя войски, составляли главныя силы наши (Коръ-де-Баталь), бывъ расположены въ двѣ линіи въ баталіонныхъ колоннахъ, съ принадлежащей къ нимъ артиллеріею. За ними находились кавалерійскіе корпуса въ слѣдующемъ порядкѣ: 1-й кавалерійской уступомъ за 2-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, 2-й за 4-мъ, 3-й за 6-мъ и 4-й за 7-мъ, позади расположенъ былъ главный резервъ арміи, состоявшій изъ 5-го корпуса, составленнаго изъ гвардейскихъ полковъ, двухъ кирасирскихъ дивизій и значущей части батарейной и конной артиллеріи. Всѣ егерскіе полки вообще составляли передовую цѣпь съ резервами и занимали лѣса, деревни и всѣ дефилеи, какъ въ позиціи, такъ и передъ оною находившіеся.

Въ сей день Россійская армія имѣла подъ ружьемъ: линейнаго войска съ артиллеріею 95.000, казаковъ 7.000, ополченія, Московскаго 7.000 и Смоленскаго 3.000. Всего подъ ружьемъ 112.000 человѣкъ. При сей арміи находилось 640 орудій артиллеріи.

Непріятельская армія, превосходившая числомъ войскъ армію нашу, въ ночь съ 25-го на 26-е соединивъ въ право отъ редута „ “ 4-ю, 5-ю и 2-ю дивизіи 1-го корпуса, а на лѣвомъ берегу рѣки Калочи 1-ю и 3-ю дивизіи сего жъ корпуса, перешла въ то же время 3-мъ и 8-мъ корпусами и всею гвардіею по устроеннымъ мостамъ при селѣ Фомкинѣ на правой берегъ р. Калочи и заняла позицію въ В. Въ сей день непріятельская армія имѣла войскъ подъ ружьемъ, а именно: пятый корпусъ князя Понятовскаго состоявшій, какъ выше сказано изъ двухъ пѣхотныхъ дивизій и двухъ бригадъ кавалеріи, 15.000 человѣкъ. Первый, маршала Даву изъ пяти дивизій пѣхоты и двухъ бригадъ

кавалеріи 45.000 чел., третій маршала Нея изъ трехъ дивизій пѣхоты и двухъ бригадъ кавалеріи 25.000 чел. Осьмой маршала Жюно изъ двухъ дивизій пѣхоты и одной бригады кавалеріи 10.000; четвертый вице-короля Италіанскаго Евгенія изъ трехъ дивизій пѣхоты и двухъ бригадъ кавалеріи 24.000; резервъ изъ молодой гвардіи 20.000, старой гвардіи съ ея кавалеріею 10.000 чел., четыре кавалерійскіе корпуса, состоявшій каждый изъ трехъ дивизій подъ командою короля Неаполитанскаго Іоахима составляли 30.000 челов. Къ сему принадлежало болѣе 1.000 орудій артиллеріи, что и составляетъ подъ ружьемъ всего войска съ артиллеріею болѣе 185.000 человѣкъ.

Въ такомъ положеніи обѣ арміи ожидали съ нетерпѣніемъ наступленія дня.

26-го числа въ 5 часовъ по полуночи непріятель учинилъ первое стремленіе на с. Бородино, атаковавъ оное 13-ю дивизіею генерала Дельзонъ корпуса вице-короля Италіанскаго вѣроятно съ тѣмъ, дабы обратить главное вниманіе наше на сей пунктъ и овладѣвъ онымъ облегчить дѣйствіе на лѣвое наше крыло, въ то же самое время атакованное С.

Атака непріятеля на село Бородино произведена была съ невѣроятною быстротою, но мужество лейбъ-гвардіи Егерскаго полка подъ командою полковника Бистрома 1-го оживляемое примѣромъ прочихъ своихъ офицеровъ, остановило стремленіе 7000 французовъ. Наикровопролитнѣйшій бой возгорѣлся на семъ мѣстѣ и сіи храбрые егери въ виду цѣлой арміи удерживали болѣе часу непріятеля; наконецъ приспѣвшее къ нему подкрѣпленіе съ артиллеріею, принудило сей полкъ, оставя Бородино, перейти за рѣчку Калочу. Французы ободренные занятіемъ села Бородина, бросились въ слѣдъ за егерями и почти вмѣстѣ съ нами перешли по мосту, но гвардейскія егери, подкрѣпленные полками пришедшими съ полковниками: Вуичемъ и Карпенковымъ вдругъ обратились на непріятеля и соединенно съ ними ударивъ въ штыки, истребили совершенно 106-й непріятельской полкъ перешедшій на нашъ берегъ. Мостъ на р. Калочѣ былъ уничтоженъ, не смотря на сильный непріятельской огонь. Французы, въ теченіи цѣлаго дня не осмѣлились сдѣлать вновь покушенія къ переправѣ на семъ пунктѣ, довольствуясь только перестрѣлкою съ нашими егерями. При семъ случаѣ квартирмейстерской части полковникъ Ровердовскій былъ убитъ, а лейбъ-гвардіи Егерскаго полка полковникъ Макаровъ и многіе другіе офицеры ранены. Съ непріятельской стороны убиты генералъ-Плозоннъ и артиллеріи полковникъ Деме.

Между тѣмъ огонь на лѣвомъ крылѣ нашемъ часъ отъ часу усиливался. Приближеніе къ оному было весьма затруднительно для непріятеля, ибо онъ долженъ былъ проходить съ артиллеріею и кавалеріею густой лѣсъ и кустарникъ, въ которомъ не было даже и тропинки, и наконецъ пройдя оный въ разстояніи почти картечнаго выстрѣла строиться въ колонны къ атакѣ; отъ чего головы первыхъ непріятельскихъ колоннъ подъ командою генерала Компанъ (который въ началѣ дѣйствія былъ раненъ) и генерала Дессе, показывавшіяся неоднократно передъ нашими укрѣпленіями, всегда прогоняемы были убійственнымъ огнемъ артиллеріи нашей и Егерскими полками лѣсъ занимавшими. Около 7-ми часовъ главными силами своими составленными изъ корпусовъ маршаловъ: Даву и Нея и свернутыми въ густыя колонны при жестокомъ огнѣ изъ 130-ти орудій . . . . . подъ командою артиллеріи генераловъ: Сорбье и Пернеттю, началъ выходить изъ лѣсовъ въ направленіи къ флешамъ (смотри на планъ № II). Корпусъ же князя Понятовскаго въ то же время слѣдовалъ на деревню Утицу по старой Смоленской дорогѣ. Въ слѣдъ за сими корпусами (смотри планъ № III) двинулся король Неаполитанской со всею кавалеріею, а именно: корпусъ Нансути въ подкрѣпленіе маршала Даву, корпусъ Монбрена въ направленіи между центромъ и лѣвымъ крыломъ непріятельской арміи. Корпусъ Груши въ подкрѣпленіе вице-короля Италіанскаго, а Латуръ-Мобурга въ подкрѣпленіе корпуса Нея, за коимъ въ резервѣ шелъ корпусъ маршала Жюно. Молодая и старая гвардія остановились при оставленномъ нами 24-го числа редутѣ, имѣя оный между линіями.

Князь Багратіонъ, видя совершенное превосходство силъ непріятеля, приказалъ немедленно слѣдовать къ себѣ отъ 3-го корпуса 3-й пѣхотной дивизіи подъ командою генералъ-лейтенанта Коновницына и сверхъ того сблизилъ изъ резерва 2-ю Кирасирскую дивизію, поставя оную лѣвѣе дер. Семеновской (смотри планъ № 1). По повелѣнію главнокомандующаго князя Голенищева-Кутузова, вскорѣ пришли въ подкрѣпленіе князю Багратіону три полка 1-й Кирасирской дивизіи подъ командою генералъ-маіора Бороздина 2 и восемь орудій гвардейской артиллеріи съ полковникомъ Козеномъ, которыя стали за 2-ю Кирасирскою дивизіею. Въ слѣдъ за кирасирами, главнокомандующій отрядивъ лейбъ-гвардіи Измайловской и Литовской полки съ батарейными ротами Его Высочества и графа Аракчеева, приказалъ генералъ-квартирмейстеру Толю поспѣшно перевести съ праваго на лѣвое крыло арміи весь 2-й пѣхотный корпусъ генералъ-лейтенанта Багговута. Лѣвое наше крыло до прибытія 2 корпуса усилено было изъ

резерва многочисленною артиллеріею. (Всѣ войски, посланныя въ подкрѣпленіе лѣваго крыла арміи означены литерою **В**). Такое соединеніе силъ на одномъ пунктѣ предвѣщало кровопролитнѣйшій бой. Вскорѣ послѣ сего (см. планъ № IV) непріятель вышедъ изъ лѣсу многочисленными пѣхотными колоннами, изъ 4-й, 5-й и 10-й дивизій состоявшими, въ сопровожденіи кавалеріи и артиллеріи, повелъ атаку на наши батареи. Артиллерія и пѣхота наша выждавъ хладнокровно непріятеля на ближайшій картечный выстрѣлъ, открыли по немъ сильный огонь. Пораженіе непріятельскихъ колоннъ не остановилъ ихъ стремленія, они бросились въ интервалы между батарей, въ намѣреніи взять въ тылъ оныя; но сводные гренадерскіе баталіоны, сомкнутыя колонны и подкрѣпленные полками 27-й дивизіи ударивъ въ штыки на непріятеля, почти въ конецъ его истребили . . . . . При семъ случаѣ много содѣйствовали полки 2-й кирасирской дивизіи. Генералъ-маіоръ графъ Воронцовъ, получа жестокую рану, принужденъ былъ оставить мѣсто сраженія.

Между тѣмъ непріятель съ батарей, около села Бородина расположенныхъ, открылъ огонь по всему фронту нашей линіи; но провосходство позиціи нами занимаемой доставляло батареямъ нашимъ удобность неоднократно заставлять молчать непріятельскую артиллерію. Французскія дивизіи Моранъ и Жераръ, прикомандированныя въ сей день къ корпусу вице-короля Италіанскаго, и дивизія генерала Брюссье, перешедшія на правый берегъ рѣки Калочи, вступили въ перестрѣлку съ егерями 26-й и 12-й дивизій, занимавшими кустарникъ передъ позиціею нашею находящійся.

Корпусъ князя Понятовскаго, продолжавшій движеніе свое по старой Смоленской дорогѣ, показавшись наконецъ предъ дер. Утицею, занялъ оную въ непродолжительномъ времени . . . . . Потомъ вышедъ на равнину, не взирая на жестокой огонь нашей артиллеріи, повелъ атаку на 1-ю гренадерскую дивизію, которая однако принудила его къ отступленію. Непріятель, подкрѣпленный новыми силами принудилъ генералъ-лейтенанта Тучкова 1-го отступить по дорогѣ не много назадъ и занять на высотахъ выгодную позицію подъ прикрытіемъ устроенныхъ батарей, наносившихъ чувствительный вредъ непріятелю. Французы, замѣтя важность сихъ высотъ, повелѣвающихъ всею окружностію; овладѣвъ коими легко можно было взять во флангъ лѣвое наше крыло и отнять способы держаться на Смоленской дорогѣ, поставили противъ оныхъ батарею о 40-а орудіяхъ и усилясь новыми войсками повели атаку сомкнутыми колоннами . . . . . Направляясь болѣе на батарею,

поставленную нами на лѣвомъ флангѣ гренадерской дивизіи, имѣвшей въ подкрѣпленіе полки: С.-Петербургской и Екатеринославскій. Жестокой огонь артиллеріи и пѣхоты нашей не могъ остановить стремленія непріятеля, который успѣвъ овладѣть высотою, продолжалъ движеніе свое въ лѣвый флангъ и тылъ гренадерской дивизіи. Генералъ-лейтенантъ Тучковъ 1-й, ставъ въ головѣ Павловскаго гренадерскаго полка . . . . . приказалъ въ то же время подошедшему изъ 2-го корпуса генералъ-лейтенанту Олсуфьеву съ полками: Вильманстрандскимъ и Бѣлозерскимъ ударить въ штыки непріятеля. Полки С.-Петербургской и Екатеринославской, подкрѣпленные полками: Лейбъ-гренадерскимъ и графа Аракчеева, подъ командою генералъ-маіора графа Строганова, опрокинувъ съ своей стороны непріятеля, овладѣли скоро высотою, покрытою непріятельскими трупами, и поспѣшно устроили на оной батарею изъ шести орудій батарейныхъ. Уронъ, понесенный непріятелемъ, заставилъ его отступить на хорошій пушечный выстрѣлъ . . . . . и ограничиться одною стрѣльбою изъ своихъ батарей. При семъ случаѣ, генералъ-лейтенантъ Тучковъ 1-й будучи смертельно раненъ, долженъ былъ сдать команду генералъ-лейтенанту Олсуфьеву.

Въ 9 часовъ, непріятель усилясь 2-ю дивизіею генерала Фріанъ противъ укрѣпленій предъ деревнею Семеновскою расположенныхъ рѣшился вновь атаковать оныя (см. планъ № IV). Многократныя атаки его были съ успѣхомъ отражаемы, при чемъ много содѣйствовалъ генералъ-маіоръ Дороховъ съ гусарскими полками: Сумскимъ и Маріупольскимъ, драгунскими: Курляндскимъ и Оренбургскимъ, посланными генераломъ Барклаемъ-де-Толли въ подкрѣпленіи лѣваго крыла арміи. Наконецъ въ 10 часовъ удалось непріятелю овладѣть не только нашими тремя флешами, съ коихъ мы не успѣли свезти орудій, но и дер. Семеновскою. Сею выгодою не могъ онъ воспользоваться; ибо гренадерскіе полки: Кіевской, Астраханской, Сибирской и Московской, подъ командою генералъ-лейтенанта Бороздина 1-го, бросившись въ штыки, сбили непріятеля на всѣхъ пунктахъ и прогнали до самаго лѣса съ большимъ для него урономъ. При семъ отважномъ дѣйствіи пожертвовали и мы многими храбрыми офицерами и нижними чинами.

Генералъ-маіоръ принцъ Мекленбургскій Карлъ раненъ, Московскаго гренадерскаго полка полковникъ Шатиловъ получилъ смертельную рану, Астраханскаго полковникъ Буксгевденъ не смотря на полученныя имъ три тяжелыя раны, пошелъ еще впередъ и палъ мертвъ на батареѣ со многими другими храбрыми офицерами. Хотя потеря непріятеля была несравненно значительнѣе нашей, одкакожъ сія нимало не оста-

новила его усилій. Новыя колонны пѣхоты, подкрѣпленныя кавалеріею Нансути и Латуръ-Мобурга....., бросившись на батареи наши, овладѣли оными. Генералъ-лейтенантъ Коновницынъ, недавъ непріятелю утвердиться, стремительно атаковалъ его съ 3-ю пѣхотною дивизіею, и мгновенно отбилъ взятыя имъ у насъ батареи. При семъ случаѣ убитъ генералъ-маіоръ Тучковъ 4-й; ранены: полковники, Монахтинъ (который потомъ отъ раны умеръ), Дризенъ и Ушаковъ. Пораженный непріятель долженъ былъ отступить въ безпорядкѣ къ лѣсу, потерявъ убитыми начальника главнаго штаба генерала Ромёфа, находившагося при корпусѣ маршала Даву, который при семъ случаѣ самъ былъ раненъ.

Послѣ сей неудачи, часть корпуса маршала Жюно, принявъ вправо и войдя въ связь съ войсками князя Понятовскаго, рѣшилась обойти наши батареи и между тѣмъ отрѣзать 1-го гренадерскую девизію отъ лѣваго фланга К. Багратіона. Едва лишь показались они изъ лѣса, какъ генералъ-лейтенантъ князь Голицынъ съ кирасирскими полками...., имѣя въ подкрѣпленіе и подошедшую изъ 2-го корпуса съ принцемъ Евгеніемъ Виртембергскимъ 4-ю пѣхотную дивизію, атаковали головы сихъ колоннъ, и разсѣявъ оныя, прогналъ обратно въ лѣсъ, предпринимаемыя послѣ сего непріятелемъ атаки всегда были опрокидываемы нашею конницею и паражаемы конною гвардейскою артиллеріею. Пѣхотные полки: Брестской, Рязанской, Минской и Кременчугской..... въ тоже время истребили сильныя непріятельскія колонны, устремившіяся въ лѣвый флангъ нашимъ кирасирскимъ полкомъ.

Въ тоже время, противу центральной нашей линіи, корпусъ вицекороля Италіанскаго послѣ невѣроятныхъ усилій противъ нашихъ егерей 12- и 26-й дивизій, овладѣвъ наконецъ кустарникомъ, предъ фронтомъ находившимся, подвигался впередъ дивизіями генераловъ Моранъ и Брюссье, имѣя въ резервѣ дивизію Жерара, Италіанскую гвардію и кавалерію генерала Груши; и не взирая на смертоносный картечный огонь нашей кавалеріи (артиллеріи) и стрѣлковъ, атаковалъ батарею. 26-я пѣхотная дивизія сдѣлавъ сильный отпоръ непріятелю, должна была наконецъ уступить превосходству его силъ. Генералъ-маіоры графъ Кутайсовъ и Ермоловъ, не давъ непріятелю на батареѣ утвердиться, взяли баталіонъ Уфимскаго пѣхотнаго полка и устроивъ отступающихъ сколь можно скорѣе въ колонны, подавая личный примѣръ собою ударили въ штыки..... Въ то же время, по распоряженію генералъ-лейтенанта Раевскаго, 18-й егерской полкъ послѣдовалъ за нимъ: полки 19-й и 40-й ударили въ лѣвый флангъ.....; генералъ-адъютантъ Ва-

сильчиковъ съ нѣкоторыми полками 12-й дивизіи въ правый флангъ; а генералъ-маіоръ Паскевичъ, быстрымъ движеніемъ съ остальными полками сей дивизіи, зашелъ въ тылъ непріятелю..... Такимъ образомъ батарея во мгновеніе ока была опять во власти нашей. Подоспѣвшій, по приказанію генерала Барклая-де-Толли, генералъ-адъютантъ баронъ Корфъ съ полками: Сибирскимъ и Иркутскимъ поражалъ сильно бѣгущаго непріятеля, и въ то же время разстроилъ резервъ на помощь къ нему шедшій. При семъ случаѣ вся высота и поле сраженія покрылось тѣлами непріятелей. Французской генералъ Бонами, взятый на батареѣ, былъ одинъ изъ непріятелей, получившій пощаду. Съ нашей стороны, къ общему сожалѣнію всей арміи, убитъ генералъ-маіоръ гр. Кутайсовъ.

Непріятель, удвоивъ потомъ число артиллеріи открылъ жестокой огонь по батареѣ и фронту нашему. Вскорѣ послѣ сего, генералъ-маіоръ Ермоловъ получивъ рану въ шею, долженъ былъ сдать команду генералъ-маіору Лихачеву, назначенному съ 24-ю пѣхотною дивизіею на смѣну ослабѣвшей 26-й дивизіи (смотри планъ № VII).

Около полудня уменшился огонь съ непріятельскихъ батарей находившемуся противъ лѣваго крыла нашей арміи, но сіе было для того, чтобы потомъ усилить его болѣе противу прежняго. Получа въ подкрѣпленіе артиллерію со свѣжими войсками и соединивъ болѣе 400 орудій противъ нашего лѣваго крыла (см. пл. № V), непріятель началъ вновь наступать густыми колоннами на наши флеши и вообще на фронтъ нашей линіи. Съ нашей стороны соединенныя болѣе 300 орудій и сближенный резервъ, приготовились принять непріятеля. Сія минута представляла самую ужаснѣйшую картину—отчаянную борьбу и упорство съ обѣихъ сторонъ! Дабы развлечь силы непріятеля, главнокамандующій князь Голенищевъ-Кутузовъ въ тоже время приказалъ (см. планъ №....) войсковому атаману Платову съ казачьими полками и генералъ-лейтенанту Уварову съ 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ....., переправясь ниже с. Бородина въ бродъ чрезъ рѣчку Калочу, немедленно атаковать лѣвое крыло непріятельской арміи, а генералу Милорадовичу съ 4-мъ пѣхотнымъ корпусомъ генералъ-лейтенанта графа Остермана-Толстого, а 2-мъ кавалерійскимъ корпусомъ сблизиться къ центру арміи.

Непріятель, какъ выше сказано, соединивъ около 400 орудій почти на одномъ мѣстѣ производилъ ужасный огонь по линіямъ и батареямъ нашимъ, на что ровнымъ огнемъ съ нашей стороны отвѣтствовано было, потомъ повелъ атаку на наши флеши и линію многочисленными пѣхотными и кавалерійскими колоннами (см. планъ № VII).

Войски наши, давъ подойти непріятелю, открыли по немъ наижесточайшій картечный и ружейный огонь, не смотря на сіе онъ подвигался впередъ; тогда весь фронтъ нашихъ колоннъ лѣваго крыла двинулся въ штыки, отъ чего произошелъ кровопролитнѣйшій ручной бой. Почти не возможно было различить своихъ: конный, пѣшій, артиллеристъ—всѣ въ жару сраженія смѣшались *); одни только резервы съ обѣихъ сторонъ оставались въ нѣкоторомъ отдаленіи неподвижны, дабы на всякой случай имѣть готовыя войски въ порядкѣ. Въ сію ужасную минуту были тяжело ранены: генералъ отъ инфантеріи князь Багратіонъ, начальникъ штаба его генералъ-маіоръ графъ С-нъ При и многіе другіе генералы, штабъ и оберъ-офинеры. Сей нещастный случай разстроилъ весьма удачное дѣйствіе лѣваго крыла нашего, до того имѣвшаго поверхность надъ непріятелемъ. Отсутствіе князя Багратіона конечно имѣло бы самыя пагубныя слѣдствія, если бы до прибытія генерала отъ инфантеріи Дохтурова, не вступилъ временно въ командованіе генералъ-лейтенантъ Коновницынъ. Не менѣе того, войски наши, въ продолженіи нѣсколька часовъ съ мужествомъ защищавшія флеши, принуждены были уступивъ многочисленному непріятелю, отойти къ дер. Семеновской и занять высоты, на которыхъ генералъ-лейтенантъ Коновницынъ успѣлъ съ невѣроятною скоростію устроить сильныя батареи и тѣмъ остановить дальнѣйшее наступленіе французовъ.

Послѣ сего, непріятель не взирая на жестокой огонь нашей артиллеріи рѣшился кавалерійскими корпусами генераловъ Нангутти и Латуръ-Мобурга (см. планъ № VII) непремѣнно пробиться сквозь лейбъ-гвардіи Измайловской и Литовской полки, примкнувшіе къ лѣвому флангу 3-й пѣхотной дивизіи. Намѣреніе непріятеля въ томъ состояло, чтобы проникнувъ въ тылъ нашей арміи, отрѣзать войски, дѣйствовавшія на старой Смоленской дорогѣ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Багговута,—но всѣ непріятельскія атаки были тщетны. При многократномъ отчаянномъ его нападеніи, полки лейбъ-гвардіи Измайловской и Литовской, построясь въ кареи будучи окружены непріятелемъ не взирая на сильный огонь нашихъ, устремленный и понесенную ими потерю, пробыли въ наилучшемъ устройствѣ, и тѣмъ заслужили себѣ неизвядаемую славу. При атакѣ непріятельскихъ кирасиръ **) подъ командою генераловъ С. Жерменъ и Валансъ, были

*) Извѣстно, что нѣкоторые французскіе кавалеристы захвачены были въ плѣнъ въ нашихъ гвардейскихъ резервахъ. *Прим. подлинника.*

**) По названію Наполеона: les gens de fer (несокрушимое войско).

съ твердостію отражены съ большею для нихъ потерею. При семъ случаѣ были съ нашей стороны ранены: полковники, Храповицкой, Козляниновъ, Мусинъ-Пушкинъ, Удомъ, Подполковникъ Угрюмовъ и многіе другіе офицеры. Генералъ-маіоръ Кретовъ, не смотря на рану свою, съ кирасирскими полками Екатеринославскимъ и Орденскимъ довершилъ пораженіе непріятеля. Генералъ-маіоръ Бороздинъ 2-й съ кирасирскими полками Его и Ея Величества и Астраханскимъ неоднократно истреблялъ непріятельскую кавалерію и пѣхоту, которая наконецъ не посмѣла показаться на семъ пунктѣ.

Наполеонъ, видя неудачныя атаки войскъ своихъ на лѣвый флангъ нашъ и узнавъ, что лѣвое крыло его угрожаемо сильною Россійскою кавалеріею (см. планъ № VI), отрядилъ вице-короля Италіанскаго съ италіанскою гвардіею на подкрѣпленіе онаго и остановилъ между тѣмъ атаки на лѣвое крыло наше, ограничиваясь одною перестрѣлкою и пушечною пальбою; главнымъ же резервомъ, изъ молодой и старой гвардіи состоявшимъ потянулся въ лѣво, къ центральной нашей батареѣ, на курганѣ расположенной. Сіе было около 2-хъ часовъ по полудни. Генералъ отъ инфантеріи Барклай де-Толли, замѣтивъ таковое движеніе непріятеля, приказалъ 4-му пѣхотному корпусу генералъ-лейтенанта графа Толстаго, бывшему въ резервѣ, обще съ Преображенскимъ и Семеновскимъ полками немедленно стать въ 1-й линіи, на мѣсто 7-го корпуса, который въ продолженіе семи часовъ непрестанно сражался противу корпуса Нея и части корпуса Жюно. За Преображенскимъ и Семеновскимъ полками поставлены были 2-й и 3-й кавалерійскіе корпуса; а за оными полки кавалергардской и лейбъ-гвардіи конный. Сближеніе резервовъ къ коръ-де-баталь подвергло оные непріятельскому огню, чего избѣжать было не возможно, ибо непріятель усиливался ежеминутно противу центра нашей линіи. Вся его артиллерія соединивъ огонь свой на центральную нашу батарею, состоявшую изъ 18-ти батарейныхъ орудій и подкрѣпленную всею 24-ю дивизіею подъ командою г.-м. Лихачева производила наижесточайшій огонь, около 3-хъ часовъ по полудни, непріятель соединивъ кавалерійскіе корпуса Монбрёна и Нансути, повелъ атаку на фронтъ нашей пѣхоты въ намѣреніи прорвать оный и взять въ тылъ нашу батарею, но храбрые полки 4-го корпуса, наиболѣе же Кексгольмской, Перновской и 33-й Егерской, подпустивъ непріятеля на самое ближнее разстояніе, открыли столь жестокой огонь, что непріятель не только былъ опрокинутъ, но и въ большомъ разстройствѣ принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ, будучи преслѣдуемъ полками 2-й и 3-ю кавале-

рійскихъ корпусовъ. Псковской драгунской полкъ подъ начальствомъ полковника Засса, подкрѣпленный четырью орудіями гвардейской конной артиллеріи подъ командою полковника князя Кудашева, гналъ непріятельскую кавалерію до самой его пѣхоты, смѣшанной удачнымъ дѣйствіемъ нашей артиллеріи. При семъ случаѣ французскіе генералы Коленкуръ и Монбрёнъ были убиты, послѣ сей неудачи, непріятель началъ было опять тянуться главными силами на лѣвое крыло нашей арміи, но успѣхъ одержанный генералъ-адъютантомъ Уваровымъ опрокинувшимъ лѣвое крыло непріятеля за рѣчку Войну побудилъ Наполеона остановить сіе движеніе и обратить все свое вниманіе какъ на правое наше крыло, такъ и на центръ нашей линіи.

Наполеонъ, хотѣвшій испытать еще свое щастіе, соединилъ кавалерійскіе корпуса Монбрёна, Нансути и Груши, составлявшія болѣе 150 эскадроновъ, и подкрѣпивъ ихъ корпусами Нея, Жюно и частію корпуса вице-короля Италіанскаго, въ сопровожденіи многочисленной артиллеріи, вновь атаковалъ центральную батарею нашу (см. на планъ № 8). Битва сдѣлалась наикровопролитнѣйшею, и нѣсколько колоннъ непріятельскихъ были жертвою столь дерзскаго предпріятія. Не взирая на сіе, Наполеонъ приказалъ молодой гвардіи и Польскому Легіону (Legion de la rustute) двинуться на подкрѣпленіе утомленныхъ своихъ воиновъ и превосходствомъ силъ овладѣлъ наконецъ батареею съ коей однакожъ успѣли мы свезти большую часть артиллеріи и податься немного назадъ на высоты, превышавшіе оставленную нами батарею. Генералъ-маіоръ Лихачевъ, командовавшій на батареѣ, не взирая на полученныя имъ раны, подобно подчиненнымъ своимъ искалъ смерти въ рядахъ непріятельскихъ, но непріятель, замѣтя въ немъ генерала и уваживъ отличное его мужество, предпочелъ полонить его. Кавалерія непріятельская, по взятіи сей батареи, бросилась на пѣхоту 4-го корпуса и 7-й дивизіи, но тутъ была встрѣчена полками лейбъ-гвардіи кавалергардскимъ и коннымъ подъ командою генералъ-маіора Шевича, которые прошедъ сквозь интервалы нашей пѣхоты, противустали превосходной въ числѣ непріятельской кавалеріи остановили ея предпріятія; потомъ, будучи подкрѣплены полками 2-го и 3-го кавалерійскихъ корпусовъ неоднократными атаками опрокинули ея наконецъ совершенно и гнали до самой пѣхоты. При семъ случаѣ, кавалергардскаго полка полковникъ Левенвольде былъ убитъ, а съ непріятельской стороны раненъ генералъ Груши.

Таковое большое соединеніе силъ непріятельскихъ противу центра нашего и значущія пожертвованія его, наиболѣе кавалеріею, не доста-

вили ему ни малѣйшей выгоды; ибо овладѣвъ центральною нашею батарею, не могъ онъ подаваться впередъ, будучи подверженъ сильному огню нашихъ батарей, устроенныхъ генераломъ Милорадовичемъ по высотамъ, на разстояніи картечнаго выстрѣла отъ оставленной нами батареи.

Около 6-ти часовъ пополудни, отъ удачнаго дѣйствія нашей артиллеріи, производившей огонь до самой ночи, умолкли непріятельскія батареи по всей линіи, и главныя силы его отступили въ позицію, которую занималъ онъ до начатія сраженія. Около 9-ти часовъ непріятель овладѣлъ было дер. Семеновскою, но лейбъ-гвардіи Финляндской полкъ, во время сраженія столь успѣшно дѣйствовавшій и тутъ на штыкахъ вытѣснилъ непріятеля и удержалъ оную собою. Село Бородино, деревня Утица и кустарникъ предъ нашимъ фронтомъ находившійся, остались во власти непріятельскихъ передовыхъ войскъ, съ которыми перестрѣлка продолжалась до глубокой ночи.

Послѣ сего кровопролитнаго сраженія, армія наша сохранила почти первую свою позицію. Великая убыль въ людяхъ и лошадяхъ, оказавшаяся въ полкахъ, не позволяла болѣе оставаться въ столь обширной позиціи, комплектными баталіонами прежде занимаемой, что и побудило главнокомандующаго князя Голенищева-Кутузова для соединенія арміи, 27-го числа въ 6 часовъ по полуночи, оттянуть войски семь верстъ назадъ и занять высоты, близь г. Можайска лежащія. Передовые посты и арріергардъ подъ командою генерала-отъ-кавалеріи Платова, остановились въ сей день на позиціи въ виду непріятельской арміи и наконецъ къ вечеру отступили къ Можайску, удержавъ городъ за собою.

По вѣрнѣйшимъ извѣстіямъ къ намъ дошедшимъ, чрезъ показаніе плѣнныхъ и по перехваченнымъ письмамъ нѣсколько дней послѣ сего сраженія, непріятель потерялъ убитыми 9, а ранеными 30 генераловъ*), болѣе 1500 штабъ- и оберъ-офицеровъ и до 50000 рядовыхъ. Въ числѣ убитыхъ были генералы: Монбрёнъ, Коленкуръ (братъ бывшаго при Россійскомъ дворѣ посла) Колтеръ, Плозоннъ, Ланаберъ, Маріонъ, Гюаръ, Ромёфъ и графъ Лекель; въ числѣ раненыхъ, корпусные генералы: маршалы: Даву, Груши, Нансути, Латуръ-Мобургъ; дивизіонные: Фріонъ, Раппъ, Компанъ, Дессе, Лагуссе и многіе другіе; бригадный генералъ Бонами и 10 пушекъ достались намъ въ

*) Многіе французы называли баталіи при Бородинѣ: la bataille du Généraux. *Примѣчаніе подлинника.*

руки. Потеря съ нашей стороны убитыми и ранеными состоитъ изъ 25000 человѣкъ, около 800 штабъ и оберъ-офицеровъ и 13-ть генераловъ; а именно, убиты: генералъ-маіоръ графъ Кутайсовъ и Тучковъ 3-й, ранены: генералъ-отъ-инфантеріи князь Багратіонъ, генералъ-лейтенантъ Тучковъ 1-й (кои отъ ранъ и умерли), генералъ-лейтенанты: князь Голицынъ 1-й, кн. Горчаковъ 2-й, генералъ-маіоры: принцъ Мекленбургскій Карлъ, графъ Воронцовъ, графъ С-нъ При, Кретовъ, Бахметевъ 2-й, Ермоловъ и Лихачевъ, захваченный въ плѣнъ непріятелемъ, коему достались 13 орудій нашей артиллеріи.

Сей день пребудетъ вѣчнымъ памятникомъ мужества и отличной храбрости Россійскихъ войскъ, соревновавшихъ въ усердіи одни передъ другими. Всѣ единодушно желали лучше погибнуть на мѣстѣ сраженія, нежели уступить оное непріятелю. Французская армія подъ предводительствомъ Императора Наполеона и съ превосходнѣйшими силами, не могло поколебать твердость духа несравненныхъ Россійскихъ воиновъ, жертвовавшихъ охотно жизнію за Государя и Отечество.

Прочитавъ описаніе Бородинскаго сраженія, невольно представляется вопросъ: почему Россійская армія дала сраженіе при Бородинѣ, гдѣ сдѣлавъ отпоръ непріятелю и удержавъ 26-го числа мѣсто сраженія, предприняла отступательное движеніе, послѣдствіемъ коего было уступленіе г. Москвы непріятелю? Вопросъ сей можно разрѣшить слѣдующимъ образомъ: во-первыхъ, хотя отступное движеніе Россійской арміи, съ начала войны предположено было въ общемъ планѣ нашихъ дѣйствій, не менѣе того, войски наши, примѣрнымъ образомъ начали терять воинской духъ Россіянамъ свойственный, который необходимо нужно было поддержать. Во-вторыхъ прибытіе генерала-отъ-инфантеріи князя Голенищева-Кутузова къ арміи при Царевомъ Займищѣ, оживило войски наши до такой степени, что всѣ единодушно желали сразиться съ непріятелемъ. Мысль отдать столицу непріятелю безъ сраженія, была бы вѣчною укорою каждому русскому, и потому главнокомандующій опредѣлилъ, остановясь на первой крѣпкой позиціи, дать сраженіе непріятелю. Третья и важнѣйшая причина была слѣдующая: по елику способы укомплектованія непріятельской арміи слѣдовали изъ Франціи и Германіи, а потому и выигранное или потерянное нами сраженіе было бы въ обоихъ случаяхъ пагубно Наполеону; ибо потери, понесенныя въ его войскахъ въ Бородинскомъ сраженіи, наиболѣе въ кавалеріи и артиллеріи не могли быть замѣнены

въ скоромъ времени, тогда какъ потери въ Россійскихъ войскахъ оказавшіяся легко можно было пополнить стремящимися къ Москвѣ свѣжими войсками. А какъ новыя подкрѣпленія наши недостигли еще тогда столицы, то главнокомандующій князь Голенищевъ-Кутузовъ, избѣгая вторичнаго генеральнаго сраженія, желалъ сближась прежде къ подкрѣпленіямъ, чрезъ то сберечь Россійскую армію, хотя-бъ сопряжено сіе было и съ пожертвованіемъ столицы, надѣясь продержать непріятеля въ оной подъ видомъ переговоровъ, и тѣмъ приготовить ему неизбѣжную гибель.

Garde Impériale. 1-er Division. 6-me Régiment de Tirailleurs.

Situation à l'époque du 15 Décembre 1812.

Compagnies	Présents sous les armes au depart de Smolensk.		Pertes depuis depart de Smolensk								Resté présents sous les armes.		Observations
			Restés sur le champ de bataille.		Blessés qui n'ont pas suivre et qui sont restés au pouvoir de l'ennemi.		Morts de froid ou de misère.		Restés en arrière gélés ou pour cause de maladie ou de fatigue que l'on dispose être au pouvoir de l'ennemi.		Total des pertes.				
	Officiers	Sous-officiers et soldats	Officiers.	Sous-officiers et soldats.	Officiers.	Sous-officiers et soldats.	Officiers.	Sous-officiers et soldats.	Officiers.	Sous-officiers et soldats.	Officiers.	Sous-officiers et soldats.	Officiers.	Sous-officiers et soldats.	
6 Rég.	31	300	„	13	4	52	„	24	13	201	17	290	14	10	

Signé: le Colonel Comendant le Régiment Ch. Falté.

Съ подлиннымъ вѣрно: генералъ-квартирмейстеръ Толь.

Garde Impériale 4-me Régiment de Voltigeurs.

Situation du Régiment au 16 Décembre 1812.

Compagnies	Présents sous les armes de depart de Smolensk.		Pertes depuis le depart de Smolensk								Resté présents sous les armes.		Observations
			Tués sur le champ de bataille.		Blessés qui n'ont pas suivre et qui sont restés au pouvoir de l'ennemi.		Morts de froid ou de misère.		Restés en arrière gélés ou pour cause de maladie ou de fatigue, qu'on dispose être au pouvoir de l'ennemi.		Total des pertes.				
	Officiers.	Troupes.	Officiers.	Troupes.	Officiers.	Troupes.	Officiers.	Troupes.	Officiers.	Troupes.	Officiers.	Troupes.	Officiers.	Troupes.	
4 Rég.	32	427	3	26	2	65	„	103	1	204	6	398	10	29	On observe à la colone M-rs les officiers présents qu'il existe une difference du 16 officiers qui sont en avant.

Signé: le Colonel Comendant Régiment Cary.

Съ подлиннымъ вѣрно: генералъ-квартирмейстеръ Толь.

Garde Impériale. 1-er Division. 5-me Régiment de Tirailleurs.

Situation à l'époque du 15 Octombre 1812.

Compagnies.	Présents sous les armes au depart de Smolensk.		Pertes depuis le depart de Smolensk								Resté présents sous les armes.		Observations.
			Tués sur le champ de bataille.		Blessés qui n'ont pas suivre et qui sont restés au pouvoir de l'ennemi.		Morts de froid et de misère.		Restés en arrière gélés ou pour cause de maladie ou de fatigue, qu'on supposé être au pouvoir de l'ennemi.		Total des pertes.			
	Officiers.	Troupes.	Officiers.	Troupes.	Officiers.	Troupes.	Officiers.	Troupes.	Officiers.	Troupes.	Officiers.	Troupes.	Officiers.	Troupes.	
	27	470	„	5	„	12	„	1	10	428	10	446	9	5	On observe que s'il n'y a que 446 de perte il devroit rester 24-me. S'y il n'y a que 10 officiers perdus il devroit rester 17.

Signé: le Colonel-Major 15-me Siennequin.

Съ подлиннымъ вѣрно: генералъ-квартирмейстеръ Толь.

Garde Impériale. 1-er Division. 4-me Régiment de Tirailleurs.

Situation à l'époque de 15 Décembre 1812.

Compagnies.	Présents sous les armes au depart de Smolensk.		Pertes depuis le depart de Smolensk								Resté présents sous les armes.		Observations.
			Tués sur le champ de bataille.		Blessés qui n'ont pas suivre et qui sont restés au pouvoir de l'ennemi.		Morts de froid ou de misère.		Restés en arrière gélés ou pour cause de maladie ou de fatigue qu'on suppose être au pouvoir de l'ennemi.		Total des pertes.			
	Officiers.	Troupes.	Officiers.	Troupes.	Officiers.	Troupes.	Officiers.	Troupes.	Officiers.	Troupes.	Officiers.	Troupes.	Officiers.	Troupes.	
4 Rég.	29	252	„	6	„	4	„	58	17	174	17	232	12	20	

Le Colonel-Major baron de l'Empi.... Signé: Robert.

Съ подлиннымъ вѣрно: генералъ-квартирмейстеръ Толь.

Краткій военный журналъ

движеніямъ 2-ой западной арміи въ 1812 году.

Военно-Ученый Архивъ Главнаго Управленія Генер. Штаба Отд. 2 № 1853, стр. 48—53.
№ 4 страница 28.

Краткій военный журналъ

движеніямъ 2-ой западной арміи въ 1812 году *).

Когда въ главной квартирѣ 1-ой Западной арміи удостовѣрились въ соединеніи главныхъ непріятельскихъ силъ между Варшавою и Кенигсбергомъ, тогда предписано было главнокомандующему 2-ой Западной арміи генералу-отъ-инфантеріи Кн. Багратіону оставить кантониръ квартиры свой около Луцка и сблизиться сколь можно ближе къ Неману въ окрестности мѣст. Пружаны; когда же непріятель сталъ сближаться къ Неману и соединять силы свои между Гродною и Ковною, тогда послѣдовало вторичное къ нему повѣленіе сблизиться сколь можно болѣе къ 1-ой арміи переведя 6-ой пѣхотный корпусъ на правый берегъ Немана. Главный предмѣтъ сближенія 2-ой арміи состоялъ въ томъ, что буде непріятель станетъ наступать на 1-ую армію долженствующей отступать чрезъ Свенціаны къ Дриссѣ; то чтобы 2-ая армія быстро дѣйствовала во флангъ; а казачій корпусъ генерала Платова въ тылъ наступающей непріятельской арміи. Но на сіе движеніе долженъ былъ Кн. Багратіонъ ожидать повѣленія изъ 1-ой арміи.

8-го іюня. Главная квартира 2-ой арміи прибыла въ м. Волковыскъ 7 и 8-й пѣхотныя корпуса, 2-ой кирасирская и 4-ой кавалерійская дивизіи оную армію составляющіе расположились въ окрестностяхъ м. Волковиска. 6-ой же корпусъ перешедшій рѣку Неманъ при м. Мостахъ; получилъ прямо повѣленіе отъ главнокомандующаго 1-ю армію слѣдовать въ мѣс. Ольшаны.

12-го іюня. Когда непріятель вторгнулся въ край насъ и быстрымъ движеніемъ главными силами направился на гор. Вильно; тогда князь Багратіонъ потерявъ кратчайшее сообщеніе съ 1-ю арміею, не могъ такъ скоро получить свѣдѣнія о зачатіи военныхъ дѣйствій и оставался

*) Написано собственной рукой полковника Толь. *Прим. Ред.*

въ позиціи своей до 16-го числа безъ всякихъ извѣстій отъ 1-ой арміи. Сіи обстоятельства побудили князя Багратіона приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Полагая непріятеля уже въ Вильнѣ; мыслилъ онъ что если замѣдлить еще нѣкоторое время; тогда непріятель предупредитъ его при гор. Минскѣ и чрезъ то воспретитъ всякому соединенію второй арміи съ первою. Въ слѣдствіе чего сдѣланы были распоряженіи чтобы вторая армія отступала чрезъ Слонимъ, Миръ на Минскъ, куда должны были прибыть: авангардъ 23-го, главная квартира съ прочими корпусами арміи 25-го, а аріергардъ 26-го числа.

17-го іюня. Войсковой атаманъ Платовъ съ казачимъ корпусомъ оставилъ Гродно и направился къ Лидѣ также чтобы сблизиться къ 1-ой арміи.

19-го іюня. Флигель-адъютантъ полковникъ Бенкендорфъ прибылъ курьеромъ изъ 1-ой арміи къ Кн. Багратіону въ мѣс. Зельву съ повеленіемъ чтобы онъ для соединенія съ 1-ю арміею направился бы чрезъ Новогрудекъ, Делетичи, Воложунъ и Вилейку. Князь Багратіонъ прибывъ того же дня къ вечеру въ Слонимъ сдѣлалъ распоряженіе чтобы согласно полученныхъ повѣленій двинуться формированнымъ маршемъ съ арміею въ назначенномъ направленіи и для того.

20-го іюня. Всѣ корпуса 2-ой арміи разными колоннами расположились около мѣс. Дворецъ.

21-го іюня. При гор. Новогрудкѣ.

22-го іюня. Соединились всѣ корпуса 2-ой арміи въ лагерѣ на Неманѣ противъ мѣс. Николаева. За неимѣніемъ при арміи понтонныхъ мостовъ устроенъ былъ въ скорости летучій мостъ и при немъ еще паромъ. Того же вечера переправились на правой берегъ Немана, весь авангардъ, 8-й корпусъ и 2-ая кирасирская дивизія. Прочіе войска должны были переправиться 23-го по утру въ слѣдъ за первыми.

Между тѣмъ Кн. Багратіонъ получилъ извѣстіе изъ Воложинъ отъ генерала Дорохова составлявшаго авангардъ 6-го корпуса что будучи отрѣзанъ отъ своего корпуса принужденнымъ находится испрашивать отъ него повѣленія для дальнѣйшихъ его движеній. Вскорѣ послѣ сего получено было изъ дер. Бакисты отъ войскового атамана Платова также извѣстіе что сильный корпусъ подъ командою маршала Даву занялъ м. Вишневъ. А какъ дорога ведущая изъ Николаева къ Воложину проходитъ разными затруднительными дэфилеями и непріятель могъ предупредить при оныхъ 2-ю арміи; то и рѣшился Кн. Багратіонъ обратится по первому своему предположенію на городъ Минскъ и потерянное время въ пустыхъ маршахъ къ Николаеву старатся наверстать форсированными

маршами къ Минску. А какъ прямѣйшая дорога изъ Николаева чрезъ Кайдановъ на Минскъ совершенно не проходима была для артиллеріи; то и принуждена была 2-ая армія склонится на Кореличи и Миръ; а оттоль чрезъ Сверженъ и Кайдановъ продолжать свой маршъ къ Минску.

23-го іюня. Къ вечеру вся 2-ая армія расположилась при Кореличахъ.

24-го іюня. Прибыла къ мѣс. Миру. Въ сей день получено было извѣстіе отъ ген.-маіора Дорохова; коимъ онъ доносилъ что непріятель его сильно преслѣдуетъ и находится уже не далеко отъ Минска. Такое важное извѣстіе побудило главнокомандующаго 2-ю арміею перемѣнить дирекцію своего марша и направиться чрезъ Несвижъ и Слуцкъ на Бобруйскъ.

25-го іюня. 8-ой корпусъ прибылъ въ Несвижъ. Князь Багратіонъ съ остальною частію арміи направился къ Новому Сверженю чтобы присоединить отрядъ г.-м. Дорохова къ себѣ и буде сей генералъ сильно преслѣдуемъ будетъ непріятелемъ то подкрѣпить его по обстоятельствамъ. Къ вечеру г.-м. Дороховъ прибылъ съ отрядомъ своимъ къ м. Столбцамъ что противъ г. Новаго Сержена.

26-го іюня. Всѣ корпуса 2-ой арміи соединились ири гор. Несвижѣ. При семъ городѣ самая большая необходимость требовала дать отдохновеніе всѣмъ войскамъ которые отъ безпрерывныхъ маршей весьма утомлены были къ тому же необходимо нужно было дать времени выиграть нѣсколько маршей надъ арміею артиллерійскимъ паркамъ и другимъ обозамъ долженствовавшимъ слѣдовать чрезъ Слуцкъ къ Можерю.

Войсковой атаманъ Платовъ съ казачьимъ корпусомъ переправясь также въ слѣдъ за арміею р. Неманъ при м. Николаевѣ, прибылъ сего числа въ м. Миръ; донеся, что непріятель въ окрестностяхъ Новогрудка показывается. А какъ Кн. Багратіонъ располагалъ оставаться при Несвижѣ нѣсколько дней, то и повелѣлъ генералу Платову держать въ Мирѣ, буде непріятель наступать станетъ.

27-го іюня. Авангардъ короля Вестфальскаго составленный большею частію изъ польской кавалеріи подъ командою генераловъ Турно и Рознецкаго атаковалъ казачій корпусъ генерала Платова который ожидалъ его по сю сторону мѣс. Мира, но былъ разбитъ и прогнанъ за мѣс. Миръ. 2-я армія имѣла растахъ.

Въ ночь съ 27-го на 28-го Кн. Багратіонъ командировалъ генералъ-маіора Васильчикова съ 16-ю эскадронами кавалеріи на соединеніе генерала Платова. Непріятель тѣмъ временемъ также получилъ подкрѣпленіе.

28-го іюня. Возобновилось сраженіе съ большимъ упорствомъ и было весьма кровопролитное. Невзирая на всѣ усилія непріятеля онъ вторично былъ разбитъ. При семъ случаѣ девять непріятельскихъ уланскихъ полковъ совершенно были истреблены.

Вся 2-я армія имѣла растахъ; исключая 8-го корпуса выступившаго ввечеру въ походъ.

29-го іюня. Послѣдовала и вся армія за нимъ. Аріергардъ генерала Платова остановился при Несвижѣ.

1-го іюля. Вся 2-ая армія расположилась при Слуцкѣ. Въ семъ мѣстѣ главнокамандующій получилъ извѣстіе что непріятель показывается неподалеку м. Свислочь при устьѣ Березины. Сіе побудило Кн. Багратіона ускорить маршъ къ Бобруйску. А какъ дорога отъ Слуцка до Бобруйска идетъ лѣсами и почти непроходимыми болотами то чтобы облегчить маршъ арміи, приказано было генералу-лейтенанту Раевскому съ 7-мъ корпусомъ и 27-й дивизіей поспѣшить по дорогѣ къ Бобруйску и итти однимъ маршемъ передъ арміею; въ слѣдствіе сего и выступилъ онъ 2-го числа поутру и прибылъ къ дер. Верхутинѣ.

2-го іюля. Аріергардъ генерала Платова былъ вторично атакованъ при мѣс. Романовѣ, авангардомъ короля Вестфальскаго состоявшаго изъ семи полковъ кавалеріи; но и тутъ казаки разбивъ непріятеля гнали его за мѣс. Романово до самой его пѣхоты въ пяти верстахъ отъ Романова находившійся. Непріятель сильно подкрѣпленный сталъ вновь наступать на ген. Платова, который отступая за рѣку Морочь; удачнымъ дѣйствіемъ своей артиллеріи остановилъ наступавшаго непріятеля. Въ сей день потеря непріятельская кромѣ убитыхъ состояла въ 300 пѣхотныхъ и 16-ти офицерахъ.

2-ая армія имѣла растахъ при Слуцкѣ.

3-го іюля. Корпусъ ген. Раевскаго продолжалъ маршъ свой и расположился при мѣс. Глускѣ на рѣкѣ Птичѣ.

Въ сей день главнокамандующій Кн. Багратіонъ выступилъ изъ лагеря при Слуцкѣ съ остальными войсками своей арміи прибылъ къ м. Урѣчью.

4-го іюля. Главная часть арміи съ главною квартирою остановилась при Глускѣ.

5-го іюля—при Горбачевичахъ.

6-го іюля. Всѣ войска 2-ой арміи соединенно расположились при крѣпости Бобруйскъ.

Аріергардъ подъ командою генерала Платова слѣдовалъ за арміею всегда въ большемъ маршѣ.

Послѣ сраженія при Романовѣ король Вестфальской со ввѣренными ему корпусами направился на городъ Минскъ и въ послѣдствіи времени соединился съ маршаломъ Даву на рѣкѣ Днѣ

7-го іюля. 2-ая армія—растахъ. Получено было повеленіе изъ 1-ой арміи чтобы вторая направлялась бы на Могилевъ и потомъ продолжать движеніе свое вверхъ по Днѣпру старалась бы присоединится къ 1-ой арміи между Оршей и Витебскомъ.

8-го іюля. 2-ая армія выступила отъ Бобруйска и прибыла къ вечеру къ гор. Старому Быхову что на рѣкѣ Днѣпрѣ. Тутъ получено было извѣстіе, что городъ Могилевъ занятъ уже непріятелемъ. Генер. князь Багратіонъ желалъ продолжать движеніе свое согласно полученному повелѣнію и полагая непріятеля не такъ въ силахъ чтобы могъ воспретить ему маршъ на Могилевъ приказалъ генерал.-лейт. Раевскому съ 7-мъ корпусомъ и нѣкоторой части кавалеріи составлявшіе всего до 15.000 человѣкъ выступить и слѣдовать къ Могилеву дабы вытѣснить находившагося тамъ непріятеля.

10-го іюля. Генералъ Раевскій подходя къ мѣс. Дашковкѣ, встрѣтилъ первыя непріятельскія войска; которыхъ по маловажномъ сраженіи заставилъ отступить.

11-го іюля. Генералъ Раевскій выступилъ далѣе къ Могилеву и прійдя семъ верстъ нашолъ корпусъ Даву въ 40000 въ весьма выгодной позиціи при д. Султановкѣ имѣвшей впредъ собою ручеекъ и лѣсъ который проходимъ былъ только по одной большой дорогѣ обороняемой сильною непріятельскою батареіею. Такія обстоятельства побудили, г. Раевскаго приостановить дальнѣйшій маршъ войскъ и донести немедленно о положеніи непріятеля господину главнокомандующему который тѣмъ временемъ съ прочими войсками слѣдовалъ къ мѣс. Дашковкѣ. Князь Багратіонъ пренебрегая непріятелемъ приказалъ г. Раевскому его атаковать, тогда сформированные къ атакѣ колонны не взирая на картечный огонь непріятельской двинулись впередъ съ безпримѣрнымъ порядкомъ и твердостію; но дэфилея раздѣляющая насъ отъ непріятеля не могла быть занята. Генералы Раевскій и Васильчиковъ спѣшившись и ставъ во главѣ колоннъ употребили всѣ средства чтобы завладѣть оною. Превосходство непріятельскихъ войскъ и его артиллеріи содѣлали всѣ наши усилія тщетными. Къ сему времени прибылъ кн. Багратіонъ въ мѣс. Дашковку и узнавъ подробности всего дѣла приказалъ ген. Раевскому остановить атаки и мало по малу отступать. Едва лишь замѣтилъ непріятель движеніе войскъ нашихъ назадъ; какъ сталъ сильно наступать; но будучи съ потерею опрокинутъ долженъ былъ остановится.

Тогда отступленіе корпуса генер.-лейт. Раевскаго продолжалось безъ всякаго со стороны непріятеля преслѣдованія въ самомъ большомъ порядкѣ до самой позиціи при м. Дашковкѣ гдѣ вся 2-ая армія стояла лагеремъ. Потеря съ нашей стороны простиралась убитыми и ранеными до 3000 человѣкъ. Послѣ сего неудачнаго дѣла кн. Багратіонъ рѣшился итти къ Смоленску и хотя непріятель могъ его предупредить при семъ городѣ; онъ полагалъ его обмануть скрытымъ движеніемъ своимъ, въ чемъ ему совершенно удалось.

12-го іюля. Вся 2-ая армія выступила обратно къ городу Старому Быхову; оставя авангардъ свой при мѣс. Дашковкѣ подъ командою войсковаго атамана Платова изъ казачихъ парковъ и отряда г.-м. Дорохова состоявшаго. Передовые посты въ сей день никакого не здѣлали движенія, что и побудило маршала Даву мыслить, что его станутъ атаковать въ занимаемой имъ позиціи, которую онъ ежедневно укрѣплялъ; присоединяя къ себѣ всѣ отдѣльныя свои отряды.

13-го іюля. Армія продолжала маршъ свой къ мѣс. Новому Быхову гдѣ уже устроенъ былъ мостъ чрезъ Днѣпръ.—Авангардъ оставался на своемъ мѣстѣ.

14-го іюля. Армія переправилась черезъ рѣку Днѣпръ при Новомъ Быховѣ и прибыла въ лагерь при Пропойскѣ. Авангардъ ген. Платова переправился частью при м. Дашковкѣ и частью при Варкалабовскомъ монастырѣ и расположился при селѣ Кутнѣ.

15-го іюля. Армія прибыла къ Черикову.—Авангардъ въ Чаусы.

16-го іюля. Армія продолжала маршъ къ Кричеву гдѣ остановилась лагеремъ.—Авангардъ ея прибылъ въ Дрибино и отрѣзалъ сильные партіи на Шкловъ, Копысъ и Оршу которые атаковавъ въ сихъ мѣстахъ непріятеля повсюду имѣли успѣхъ надъ онымъ.

17-го іюля. Армія здѣлавъ форсированный маршъ прибыла къ гор. Мстиславлю.—Авангардъ ее въ мѣс. Горки.

18-го іюля. Всѣ войски имѣли растахъ.

19-го іюля. Выступила армія и прибыла къ Кешловнирамъ.

20-го іюля. Заняла лагерь при дер. Гершиково.—Авангардъ ея прибылъ въ м. Дубровну что на Днѣпрѣ.

21-го іюля. Корпусъ Платова, прибывъ въ м. Дубровну, оставя въ семъ мѣстѣ одинъ полкъ, растянулся прочими войсками отъ Дубровны чрезъ Любавичи Рудни къ Порѣчью.

Армія расположилась лагеремъ при Сойѣ.

22-го іюля. 2-ая армія присоединилась къ 1-ой при Смоленскѣ расположась лагеремъ на лѣвомъ берегу Днѣпра.

23-го іюля. Ген.-отъ-инфантеріи князь Багратіонъ составивъ отдѣльный корпусъ изъ 27-ой дивизіи и Харьковскаго драгунскаго полка и поручивъ оный генералу маіору Неверовскому, командировалъ его къ городу Красному; гдѣ присоединилось къ нему еще малая часть Смоленскаго ополченія подъ командою генерала-маіора Оленина.

Сей корпусъ вообще не превышалъ 6000 человѣкъ.

Ген.-маіоръ Неверовскій прибывъ къ Красному отрядилъ немедленно часть кавалеріи занять мѣс. Ляды.

КРИТИКА СОЧИНЕНІЯ:

Описаніе Отечественной войны

по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію,

соч. Генералъ-Лейтенантомъ МИХАЙЛОВСКИМЪ-ДАНИЛЕВСКИМЪ.

Критика сочиненія:

Описаніе Отечественной войны по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію,

соч. генералъ-лейтенантомъ МИХАЙЛОВСКИМЪ-ДАНИЛЕВСКИМЪ.

Не многіе авторы благопріятствуемы были столь счастливыми обстоятельствами, какъ ген. Данилевскій: онъ нашелъ предварительныя работы законченными и прекрасные, въ изобиліи заготовленные, матеріалы. Среди столькихъ трудовъ по войнѣ 1812 года имѣются многія весьма замѣчательныя сочиненія, напечатанныя до того, когда ген. Данилевскій предпринялъ описаніе исторіи этого похода, и **которыми** онъ **могъ воспользоваться**, значеніе которыхъ нельзя оспаривать; другія описанія, переданныя хотя и съ меньшимъ талантомъ и методомъ, все же достойны обратить вниманіе историка этой великой и достопамятной эпохи, такъ какъ онъ можетъ найти множество свѣдѣній и драгоцѣнныхъ подробностей почти на всѣ періоды этой героической борьбы. Такимъ образомъ даже сочиненіе генерала **Водонкура** можетъ облегчить его поиски, несмотря на сильную партійность автора, такъ часто заблуждающагося въ своихъ страстяхъ. **Баронъ Фенъ** одинаково несправедливый и страстный, все же разъяснилъ въ своемъ сочиненіи много существенныхъ деталей; исторія великой арміи **Сегюра**, несмотря на то, что это болѣе пріятное, нежели историческое, сочиненіе, содержитъ, тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя сообщенія довольно важныя; также критическія замѣчанія генерала **Гурго**, вызванныя воспоминаніями генерала **Матіе Дюма**, мемуарами генерала **Раппа** и сочиненіемъ **Солтыка**, относительно предпріятій,

въ которыхъ Польскія войска принимали участіе весьма замѣчательное. Ген. **Рёдеръ** хорошо освѣдомленъ относительно всего того, что имѣетъ отношеніе къ Саксонскому контингенту. Наконецъ, мы назовемъ еще сочиненіе г. **Шамбрэ**, ставшее по справедливости знаменитымъ, и къ которому дѣйствительно нельзя ничего добавить относительно исторіи великой арміи, бывшей подъ непосредственнымъ начальствомъ Наполеона.

Что касается событій, происшедшихъ на второстепенныхъ театрахъ войны, на берегахъ Стыря и Буга съ одной стороны и Двины съ другой, то мы располагаемъ описаніями, еще даже болѣе подробными и которыя отчасти можно назвать классическими; къ нимъ относятся: описаніе о походахъ Саксонской арміи въ 1812 и въ 1813 гг., біографія князя **Шварценберга Прокеша**; мемуары **Зейдлица**, касающіеся похода ген. **Іорка** въ Курляндію; также о дѣйствіяхъ шестого корпуса французской арміи (баварскій контингентъ) **Вевендорфа** и въ особенности мемуары **Гувіона Сенъ-Сира** этого маршала Франціи, показавшаго себя храбрымъ солдатомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ столь же правдивымъ и благородно безпристрастнымъ историкомъ.

Другіе труды, изданные русскими авторами, не менѣе достойны быть названными. Между ними сочиненіе генер. Бутурлина было признано весьма замѣчательнымъ, хотя сожалѣешь, не находя подробностей, которыя были бы нужны. **Гофманъ**, сперва занимавшій видный постъ на русской службѣ, впослѣдствіи генералъ Прусской арміи, оставилъ достойное похвалы сочиненіе, изображающее всѣ дѣйствія 2-го корпуса (Баговутъ); наконецъ мемуары генерала **Клаузевитца** должны быть причислены къ числу наиболѣе интересныхъ сочиненій эпохи даже тѣми, которые не по всѣмъ вопросамъ раздѣляютъ мнѣніе этого ученаго.

Къ этой обширной литературѣ нужно еще причислить весьма значительное число описаній и мемуаровъ частныхъ лицъ, отчасти очень занимательныхъ, находящихся въ нѣмецкихъ и французскихъ военныхъ журналахъ,—и все же, какъ бы

цѣнны ни были эти литературныя богатства, они составляли лишь часть наименѣе важныхъ матеріаловъ, бывшихъ въ распоряженіи ген. Данилевскаго. Всѣ архивы Имперіи безъ исключенія,—полная переписка генераловъ, которые въ 1812 году находились во главѣ Русскихъ армій, а также корреспонденція Его Императорскаго Величества Императора Александра,—однимъ словомъ всѣ оффиціальные документы, существующіе въ Россіи,—вотъ источники, изъ которыхъ ему было дозволено черпать свѣдѣнія.

Эти обстоятельства даютъ намъ право ожидать отъ ген. Данилевскаго классической работы, полной исторіи этой войны—эпохи столь великой и прекрасной въ лѣтописяхъ Россіи. Если авторъ, настолько благопріятствуемый судьбою, ограничивался бы лишь доставленіемъ нѣкоторыхъ матеріаловъ будущему историку, нельзя было бы сказать про него, что онъ хорошо исполнилъ свою работу; напротивъ того, слѣдовало бы, чтобы сочиненіе ген. Данилевскаго было настолько совершеннымъ, что послѣ напечатанія этой исторіи нельзя было бы ничего дополнить о походѣ 1812 года: представлялся случай теперь или никогда обогатить нашу литературу сочиненіемъ дѣйствительно классическимъ.

Между тѣмъ, исполнилъ-ли авторъ предложенную ему задачу? Удовлетворяетъ-ли его работа тѣмъ надеждамъ, которыя мы имѣли право ожидать, благодаря обстоятельствамъ?—нѣтъ, навѣрное.

Нельзя сказать, чтобы четыре тома генерала Данилевскаго не содержали нѣкоторыхъ интересныхъ подробностей и до той поры неизвѣстныхъ относительно многихъ событій этой войны; будущій историкъ найдетъ даже матеріалы, изъ которыхъ можно будетъ извлечь значительную пользу,—но исторію 1812 г. придется еще разъ составлять.

Разсматривая сочиненіе сначала въ его цѣломъ, нельзя одобрить способъ разсужденія и толкованія предмета. Если допустить, что генералъ задался цѣлью составить книгу бле-

стящую по уму и краснорѣчію, пріятную и увлекательную,— между тѣмъ, какъ надлежало написать исторію, а именно **военную исторію этого похода**,—тогда бы онъ навѣрное пропустилъ бы въ своемъ сочиненіи, по крайней мѣрѣ, часть своихъ риторическихъ порывовъ, украшать которыми такъ любитъ, и возстановилъ бы нѣкоторыя изъ тѣхъ техническихъ выраженій, необходимыхъ въ работѣ такого рода и въ которыхъ дѣйствительно онъ показалъ себя нѣсколько слишкомъ скупымъ.

Мы не считаемъ возможнымъ обойти молчаніемъ недостатокъ въ планѣ сочиненія, который несомнѣнно имѣлъ весьма вредное вліяніе, отразившееся на всѣхъ его отдѣлахъ. На войнѣ физическія и моральныя силы обѣихъ сторонъ, оспаривающихъ побѣду, рѣдко одинаковы и въ полномъ равновѣсіи; обыкновенно одна подчиняетъ другую благодаря физическому или моральному превосходству, происшедшему отъ стратегическаго положенія или благодаря обстоятельствамъ. Эта сторона обыкновенно и беретъ иниціативу въ свои руки, что̀ ей, до извѣстной степени, предоставляетъ право проявить свою волю противнику, тогда какъ другая несомнѣнно вынуждена защищаться и дѣйствовать согласно движеніямъ врага. Чтобы намъ дать ясное и точное представленіе о событіяхъ, историкъ долженъ всегда начинать съ деталей проектовъ и маневровъ той стороны, которая въ описываемый моментъ имѣетъ иниціативу; только послѣ того, какъ онъ ихъ намъ передалъ,—онъ перейдетъ къ мѣрамъ, принятымъ болѣе слабою арміей, для отраженія ударовъ, которые ей будутъ нанесены: къ операціямъ, опредѣленными болѣе или менѣе заранѣе дѣйствіями противника.

Въ періодъ войны продолжительной, когда побѣда горячо оспаривается, иниціатива можетъ переходить даже нѣсколько разъ отъ одной стороны къ другой, наблюдательность историка должна доходить до опредѣленія этихъ малѣйшихъ колебаній. Онъ долженъ во всякій періодъ похода мысленно переноситься въ главную квартиру арміи, господствующую на

театрѣ войны,—словомъ, всегда предпочитать описаніе атаки изображенію обороны. Не такъ поступаетъ генералъ Данилевскій, за исключеніемъ эпохи, когда Москва была занята французами: онъ постоянно остается, особенно въ первой части работы, при главной квартирѣ Русской арміи, которой, какъ извѣстно, не принадлежала иниціатива въ началѣ кампаніи; чаще всего онъ намъ лишь даетъ относительно непріятельской арміи свѣдѣнія неопредѣленныя, отчасти ложныя, иногда противорѣчащія; наконецъ, такія, какія можно было имѣть при главной квартирѣ Русской арміи во время самаго развитія событій, въ разгаръ войны. Его трудъ, изложенный такимъ образомъ, могъ стать лишь исторіей Русской арміи, вмѣсто того, чтобы быть полной исторіей 1812 года.

Но есть еще бо̀льшее. Авторъ переносится мысленно во времена и мѣстности не какъ историкъ, но какъ очевидецъ; его воспоминанія становятся для него дѣйствительностью. Двадцать восемь лѣтъ, которыя насъ отдѣляютъ отъ этой великой исторической эпохи, исчезаютъ передъ его глазами; ему кажется, что онъ снова живетъ волненіями, возбуждавшими тогда его душу, и получаетъ тѣ же впечатлѣнія,— словомъ, онъ снова переживаетъ страсти и даже предразсудки той эпохи. Его разсказъ отъ вышесказаннаго, можетъ быть, сдѣлался болѣе живымъ и привлекательнымъ, но съ другой стороны получилось, что вмѣсто того, чтобы уничтожить ошибки, возникшія вслѣдствіе этихъ предразсудковъ, ген. Данилевскій старается, напротивъ, ихъ распространить; и нельзя отрицать: многія событія, многіе отдѣлы похода были переданы въ совершенно ложномъ свѣтѣ, какъ мы это докажемъ по мѣрѣ продолженія мемуара.

Описаніе сраженій и битвъ, безспорно, составляетъ наименѣе удовлетворительную часть сочиненія. Да разрѣшатъ намъ указать нѣкоторыя подробности по этому предмету. Сраженіе бываетъ иногда рѣшено счастливымъ и неожиданнымъ маневромъ, какъ во времена Фридриха Великаго при Прагѣ,

Розбахѣ и Лейтенѣ или какъ при Риволи, Аустерлицѣ, Саламанкѣ, достопамятныхъ дней эпохи болѣе близкой. Но случай выиграть такимъ образомъ сраженіе черезъ внезапное движеніе, или благодаря удачному вдохновенію генія, представляется лишь очень рѣдко. Обыкновенно сраженіе походитъ въ своемъ однообразномъ ходѣ на продолжительную и упорную борьбу, въ которой преимущества кажутся сперва одинаковыми, но въ продолженіе которой одна изъ двухъ сторонъ пріобрѣтаетъ понемногу превосходство, едва замѣтное вначалѣ, но постепенно возрастающее, въ пропорціи геометрической, если можно такъ выразиться; часто она ведетъ къ погибели и дѣлаетъ возможнымъ пораженіе противника. Эти битвы бываютъ рѣшены въ концѣ-концовъ лишь истощеніемъ одной изъ двухъ сторонъ, и тотъ, кто сохранитъ послѣднимъ еще нетронутый резервъ,—выходитъ несомнѣнно побѣдителемъ.

Сраженія, выигранныя маневрами, стали даже въ наше время болѣе рѣдкими, чѣмъ они были прежде, и причина въ этомъ очень проста. Во времена Фридриха Великаго, арміи обыкновенно строились лишь въ двѣ линіи, пѣхота въ центрѣ, кавалерія на флангахъ. Цѣлая армія, построенная въ такомъ порядкѣ, составляла, такъ сказать, органическое цѣлое, которое могло дѣйствовать только въ своемъ полномъ составѣ. Какъ только линія была гдѣ-либо прорвана; какъ только части, ее составляющія, не были болѣе взаимно соединены,—съ того момента пораженіе становилось очевиднымъ, ибо разъединенныя части этого органическаго корпуса не могли однѣ самостоятельно дѣйствовать и защищаться. Но это измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ арміи раздѣлены на дивизіи, изъ которыхъ каждая, дабы содѣйствовать одной и той же цѣли, сама по себѣ составляетъ органическій корпусъ, сильный своими собственными средствами и способный дѣйствовать самостоятельно, когда было рѣшено дать въ принципѣ ордеръ де батайль (боевой порядокъ) не столь широкій, но болѣе глубокій, когда многочисленные резервы, расположенные въ

боевомъ порядкѣ на различныхъ разстояніяхъ, даютъ всегда возможность противодѣйствовать всякой случайности. Также кампанія 1812 года почти совсѣмъ не даетъ примѣровъ сраженій, рѣшенныхъ маневрами, если не считать дѣла подъ Полоцкомъ 6/18 августа. Сраженія имѣли все же безъ исключенія тотъ упорный характеръ борьбы до истощенія силъ включительно, о которомъ мы говорили выше, и какъ только сраженіе принимаетъ столь несложный оборотъ, для насъ дѣйствительно представляетъ интересъ и особенное значеніе та часть распоряженій, а именно, имѣющая отношеніе къ **экономіи послѣдовательнаго расходованія** силъ *). Необходимо, чтобы историкъ намъ далъ возможность вычислить, сколько каждая изъ двухъ сторонъ имѣла, въ каждомъ періодѣ сраженія, активныхъ войскъ, участвующихъ въ бою, и сколько въ резервѣ. Только послѣ результатовъ такого исчисленія мы можемъ судить, на сколько преимущества и успѣхи въ каждой фазѣ сраженія увеличились съ одной и уменьшились съ другой стороны. Къ сожалѣнію, этою частью ген. Данилевскій занимается меньше всего: его описанія вдохновенно краснорѣчивы, но техническія подробности и цифры особливо избѣгаются; наконецъ, какая бы ни была прелесть этихъ картинъ, которыхъ колоритъ такъ блестящъ, историкъ и военный едва ли останутся ими удовлетворенными. Новые факты, съ которыми авторъ знакомитъ публику, не такъ уже многочисленны, какъ можно бы было предположить, и часто сожалѣешь, не видя его утвержденія подкрѣпленными доказательствами. Случается, что авторъ ограничивается упоминаніемъ, что такая-то подробность извѣстна изъ такого-то документа, заброшеннаго въ архивахъ; иногда онъ намъ даетъ переводъ выписки изъ документовъ, имъ цитируемыхъ, что недостаточно, потому что описанія бываютъ искажены. Такимъ образомъ, никакой досто-

*) Считаемъ все же не лишнимъ разъяснить, что мы беремъ слово **экономія** въ томъ смыслѣ, въ какомъ его понимаютъ въ поэмѣ или спорѣ.

вѣрности не имѣютъ: слѣдовало бы всегда сообщать оправдательные отрывки на языкѣ подлинника и въ отрывкахъ (in extenso), какъ авторъ это нѣсколько разъ и дѣлаетъ. Его работа представила бы лишь больше интереса. Наконецъ, если онъ съ одной стороны насъ познакомилъ съ подробностями, до того времени неизвѣстными и болѣе или менѣе хорошо доказанными, то съ другой стороны онъ сдѣлалъ многочисленныя ошибки, отчасти непонятныя, если вспомнить, всколь благопріятныхъ условіяхъ онъ находился. Вотъ это мы и постараемся доказать при анализѣ частей сочиненія, имѣющихъ наибольшее значеніе, которыми мы теперь и займемся.

Критика первыхъ главъ, содержащихъ введеніе и часть политическую, могла бы все же завести слишкомъ далеко; не задерживаясь на этомъ, мы прежде всего обратимся къ военному отдѣлу, который вмѣстѣ съ тѣмъ и самый существенный.

Первая обязанность автора, который предпринимаетъ описаніе похода, заключается въ ознакомленіи насъ съ силами обѣихъ воюющихъ сторонъ, бывшими въ ихъ распоряженіи; потомъ онъ намъ покажетъ, какимъ образомъ они были использованы на дѣлѣ; какая часть этихъ силъ была въ дѣйствительности ими израсходована и въ какомъ порядкѣ были расположены войска на театрѣ военныхъ дѣйствій. Послѣ того, какъ онъ намъ передастъ, сколько было съ каждой стороны войскъ въ первой линіи, сколько во второй и въ резервѣ—онъ не забудетъ также указать намъ тѣ средства, заготовленныя обѣими сторонами для возстановленія потерь, которыя армія несомнѣнно понесетъ.

Такимъ же образомъ необходимо до начала описанія событій, которыя дѣйствительно происходили, разъяснить намъ проекты, возникшіе съ обѣихъ сторонъ. Необходимо сказать, съ какой точки зрѣнія смотрѣли съ каждой стороны на положеніе двухъ армій; какіе планы возникали въ двухъ главныхъ квартирахъ; какая цѣль предполагалась какъ со стороны аттакующей, такъ и со стороны обороняющейся армій и

какими маневрами надѣялись ее достигнуть. Невозможно что-нибудь понять въ операціяхъ обѣихъ армій, если насъ не извѣщаютъ, съ какимъ намѣреніемъ онѣ были исполнены; наконецъ, онъ намъ дастъ возможность сравнить результаты дѣйствительно достигнутые съ тѣми, на которые лишь расчитывали; только такимъ образомъ работа этого рода можетъ дѣйствительно сдѣлаться полезною и поучительною.

Генералъ Данилевскій, правда, старается намъ дать вѣрное представленіе о числѣ сражающихся, которое обѣ стороны полагали **возможнымъ** назначить для похода; при этомъ онъ сперва говоритъ о Французской арміи, но такимъ образомъ, что не представляется возможнымъ признать это вполнѣ удовлетворительнымъ. Мы находимъ въ его работѣ общее число силъ, которое Франція могла мобилизовать, считая контигентъ ея союзниковъ, ордеръ де батайль арміи, дѣйствующей противъ Россіи, и, наконецъ, приблизительную цифру непріятельскихъ войскъ, вошедшихъ въ предѣлы Россіи, считая отъ начала войны до Ноября мѣсяца. Этотъ ордеръ де батайль—копія съ того, который былъ опубликованъ Плото въ 1817 г. Изъ имѣющихся—это самый подробный, но далеко не лишенный отъ ошибокъ: напримѣръ, Польскіе пѣхотные полки расчитаны по 4 баталіона въ каждомъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они никогда не насчитывали и трехъ, какъ это Бутурлинъ вполнѣ вѣрно замѣчаетъ (Бутурл. I, 65 *). Впрочемъ, Наполеонъ это ясно говоритъ въ письмахъ, адресованныхъ маршалу Бертье (Шамбрэй, оправдательные документы №№ 32 и 34). Благодаря этой одной ошибкѣ получается въ общей суммѣ 14 лишнихъ баталіоновъ. Съ другой стороны, нѣсколько полковъ словно позабыты: такъ, кавалерійская бригада 8-го корпуса (Вестфальскаго), бывшая, согласно этому описанію, силою до двухъ полковъ или восьми эскадроновъ, на самомъ дѣлѣ состояла изъ

*) Это переводъ Хатова (2-е изданіе), про который мы всегда упоминаемъ въ этомъ мемуарѣ.

трехъ полковъ или 12 эскадроновъ (смотри: „Die Westfalischen Truppen im Jahre 1812“ und „Militärisches Tachenbuch 1821“ и біографію ген. Охса.

Многіе полки фигурируютъ среди армейскихъ корпусовъ, часть которыхъ, возможно, они и составляли до начала похода, но не во время самой войны; между прочимъ, Польскіе кирасиры числятся по этому описанію среди войскъ 5-го корпуса (Понятовскій), тогда какъ они вмѣстѣ съ двумя полками Саксонскихъ кирасиръ составляли бригаду Тильмана корпуса Латура-Мобура (4-я бригада резервной кавалеріи, смотри: «**Mitwirkung der Sächsischen Kürassier brigade in der Schlacht unter Moskau**» auch: «**Oesterreichiches Militärjournal**» **1824 und «Biographie des Generals Tilmans»**. Наконецъ, включили въ строй 8 полковъ драгунъ, какъ входящіе въ составъ 11-го корпуса, бывшіе въ то время еще въ Испаніи. Итакъ, слѣдовало бы, до напечатанія, исправить этотъ ордеръ де батайлъ. Кромѣ того, ген. Данилевскій намъ нигдѣ не говоритъ, какой силы были во Французской арміи **тактическія единицы**, то-есть баталіонъ и эскадронъ, что̀ все же существенно; онъ намъ также не указываетъ на наличное число людей каждаго корпуса въ отдѣльности, что̀ для насъ не безразлично, лишая насъ такимъ образомъ всякой возможности заключать сравненія или прослѣдить въ описаніяхъ битвъ послѣдовательное расходованіе резервовъ: какая часть арміи была въ первой линіи, сколько было во второй и въ резервѣ. Наконецъ, какова была сила Французской арміи, собранной въ началѣ войны подъ начальствомъ Наполеона на границахъ Россіи, съ которою Русскіе предполагали тогда вступить въ бой и операціи которой должны были рѣшить судьбу народовъ; какова была отвлекательная сила резервовъ, слѣдовавшихъ за нею позднѣе, тогда какъ резервы, расположенные на берегахъ Эльбы, наблюдали за сохраненіемъ спокойствія въ Германіи. Авторъ въ этой главѣ ничего про это не говоритъ; лишь впослѣдствіи, начавъ описаніе военныхъ дѣйствій, онъ насъ предупреждаетъ (I, 162), пропуская и снова

пренебрегая самыми существенными подробностями, что весь наличный составъ арміи Наполеона достигалъ 477.000 человѣкъ. Это не значитъ—заниматься своимъ предметомъ послѣдовательно. Но, по крайней мѣрѣ, должно было бы ожидать найти въ сочиненіи генер. Данилевскаго самыя подробныя и точныя свѣдѣнія относительно Русской арміи. И **дѣйствительно**, видно, что это не благодаря отсутствію матеріаловъ, если намъ остается что-либо желать въ этомъ отношеніи. Жаль, что столь цѣнныя свѣдѣнія не были расположены въ нѣсколько бо̀льшемъ порядкѣ; приходишь къ заключенію, основательно прочитавъ и разсудивъ все то, что авторъ намъ говоритъ относительно перемѣнъ, происшедшихъ въ организаціи Русской арміи и новыхъ формированій, о невозможности сдѣлать себѣ точнаго представленія ни относительно наличности имѣющихся силъ, которыя Россія могла выставить въ походъ въ началѣ войны, ни какимъ образомъ онѣ были расположены на театрѣ военныхъ дѣйствій. Безспорно, находишь въ этомъ сочиненіи, (I, 122) описаніе Русской арміи; но приходится сдѣлать на счетъ этого нѣкоторыя замѣчанія. Прежде всего это описаніе относится лишь къ состоянію Русской арміи въ мартѣ мѣсяцѣ 1812 года; между тѣмъ, какъ многія новыя формированія произошли позднѣе; авторъ про это намъ говоритъ на слѣдующихъ страницахъ, не говоря до какой цифры онѣ увеличили армію. Впрочемъ, цифры этого описанія не соотвѣтствуютъ наличному составу во время самаго похода, но тому числу людей, которому различные корпуса должны бы были соотвѣтствовать, на основаніи штатовъ, что собственно совершенно другое; уже не говоря, что войска, предназначенныя для похода, резервныя и гарнизонныя, все, кончая инвалидами, перепутано совершенно, и безусловно изъ-за этого произошли весьма существенныя ошибки. Между прочимъ находимъ слѣдующія цифры:

„96 полковъ пѣхоты, въ каждомъ 2.357 человѣкъ = 226.272 чел.

„50 полковъ егерскихъ, въ каждомъ 1.511 чел.=75,550 чел.

Какъ же это случилось, что наличность егерскихъ полковъ достигала лишь 1.511 человѣкъ. Можетъ быть они имѣли лишь по 2 баталіона? Но, какъ извѣстно, ихъ было три. Впрочемъ, авторъ и самъ это говоритъ (I, 111): баталіоны были лишь въ 500 человѣкъ. Нѣтъ, ген. Бутурлинъ намъ говоритъ (Бут. I, 78), что егерскіе баталіоны были, какъ и пѣхотные полки, силою въ 738 человѣкъ, и генер. Данилевскій ихъ самъ исчисляетъ въ 700 чел. (страница 181 въ счетѣ). Какъ же оно выходитъ, что изъ 3 баталіоновъ въ 738 человѣкъ получилось цѣлое въ 1.511 солдатъ? Это ариѳметическая задача, разрѣшить которую мы не беремся.

Въ концѣ-концовъ все же узнаемъ приблизительную цифру войскъ передовой линіи, когда затѣмъ читаемъ (I, 128) ордеръ де батайль армій Барклая, Багратіона и Тормасова. Но авторъ намъ нигдѣ не говоритъ, сколько было во второй линіи и на какихъ пунктахъ. Кажется, словно онъ забываетъ всѣ другія войска на театрѣ войны. Такъ, гарнизонъ въ Ригѣ, расположенные въ Дрисскомъ лагерѣ резервы, формирующіеся въ Смоленскѣ баталіоны, гарнизоны въ Борисовѣ и Бобруйскѣ, и корпусъ генерала Эртеля на Мозырѣ. Между тѣмъ, по мѣрѣ движенія противника по Русской территоріи, всѣ эти силы, безспорно, должны бы выступить на сцену, даже не передвигаясь съ пунктовъ, первоначальнаго расположенія. Мы прибавимъ, что авторъ насъ оставляетъ, даже въ продолженіе всего сочиненія, въ полномъ невѣдѣніи относительно силъ и состава этихъ различныхъ корпусовъ; онъ намъ о нихъ не говоритъ подробно даже тогда, когда дѣло касается разбора ихъ операцій.

Относительно же трехъ главныхъ армій авторъ дѣйствительно сообщаетъ намъ, изъ сколькихъ баталіоновъ и эскадроновъ каждая изъ нихъ составлялась; но не указываетъ цифру, которой достигала наличность каждой дивизіи, взятой отдѣльно, и мы уже отмѣчали, насколько эти подробности

существенны *). Напрасно искать въ его работѣ нѣкоторыхъ данныхъ, касающихся пропорціи, въ которой входили въ составъ этихъ армій различные рода оружія: сколько было пѣхоты, кавалеріи, артиллеріи и казаковъ; наконецъ, авторъ довольствуется указаніемъ наличности каждой арміи въ отдѣльности: первой (1-ой) силою въ 127.000 чел., 2-ой въ 48.000 и Тормасова въ 43.000 чел. Но эти цифры, взятыя изъ сочиненія Бутурлина, были большею частью признаны преувеличенными. Почти всѣ очевидцы согласны, что наличность первой арміи не превосходила болѣе 100.000 чел., тогда какъ вторая могла имѣть подъ ружьемъ до 35.000 чел., и впослѣдствіи мы найдемъ случай доказать, что цифры Бутурлина были дѣйствительно нѣсколько преувеличенными.

Глава, въ которой авторъ говоритъ объ операціонномъ планѣ обѣихъ армій (глава V), или скорѣе глава, въ которой онъ долженъ былъ про это говорить, еще менѣе удовлетворительна: далеко не передавая необходимыхъ подробностей новаго плана, онъ, напротивъ, словно старается, дабы мы не отнеслись къ этому существенному отдѣлу исторіи возможно поверхностнѣе; словно онъ боится видѣть читателя въ недоумѣніи и спрашивающимъ у него отчета. Особенно относительно Русской арміи онъ по возможности старается не сообщать намъ необходимое и удовлетворяется передачею въ нѣсколькихъ словахъ приказовъ Багратіону, Тормасову и атаману казаковъ—дѣйствовать на фланги противника, какъ только тотъ двинется впередъ; что армія Барклая должна была соединиться въ Свенцянахъ, чтобы имѣть возможность принять сраженіе, но что на самомъ дѣлѣ ничего не было предвидѣно, а лишь расчитано согласоваться съ движеніями противника, какъ въ оборонительной войнѣ иначе и быть не можетъ (I, 146).

*) Въ январѣ Императоръ Александръ мнѣ сказалъ, что три его арміи всѣхъ родовъ оружія достигали 185.000 чел. Это именно то число, которое Наполеонъ указываетъ въ своемъ бюлетенѣ, когда онъ былъ въ окрестностяхъ Дриссы. Императоръ Александръ полагалъ активныя силы Наполеона въ 400.000 человѣкъ, согласно свѣдѣніямъ, имъ самимъ отъ Бернадота пріобрѣтеннымъ.

Какъ-то не рѣшаешься съ нимъ согласиться; и дѣйствительно, возможно-ли допустить, что въ обстоятельствахъ столь важныхъ, когда судьба цивилизованнаго міра зависѣла отъ ихъ рѣшенія, генералы, настолько опытные, какъ наши, не подумали наканунѣ, что̀ они должны были дѣлать на слѣдующій день. Безспорно, бываютъ случаи въ оборонительной войнѣ, когда бываетъ необходимо согласоваться, до извѣстной степени, съ движеніемъ противника, но стараются, по крайней мѣрѣ, предвидѣть ихъ заранѣе, предугадать, на какіе пункты будутъ направлены его атаки, какую операціонную линію онъ выберетъ, а также заготовить средства для обороны этой линіи. Неужели же вѣрно, что въ 1812 г. ограничились ожиданіемъ противника съ безучастностью, которая собственно не могла бы послужить доказательствомъ предусмотрительности?

Это едва-ли возможно, и еще менѣе должно согласиться съ такою гипотезой, разъ другіе авторы насъ познакомили довольно подробно съ проектами, которыми въ то время заняты были въ главной квартирѣ Русской арміи. Имя генерала Пфуля генералъ Данилевскій упомянулъ всего лишь одинъ разъ; между тѣмъ, нельзя притти къ заключенію, что съ его мнѣніемъ тогда очень считались. Генералъ Пфуль въ продолженіе всего перваго періода похода пользовался вліятельнымъ голосомъ въ военномъ совѣтѣ. Иноземецъ по рожденію, ему предшествовала въ Россіи солидная репутація и еще всѣ помнятъ, какъ Императоръ Александръ избралъ его своимъ наставникомъ (въ полномъ значеніи этого слова) въ искусствѣ управленія арміею.

Это былъ дѣйствительно человѣкъ большой учености, но, къ несчастью, принадлежавшій къ школѣ теоретиковъ, которые, благодаря отвлеченнымъ понятіямъ, составили себѣ совершенно неправильное представленіе о войнѣ и ея свойствахъ; они совсѣмъ забыли, что на войнѣ приходится сражаться и побѣждать; поражать вооруженное сопротивленіе противника и лишать врага возможности продолжать борьбу; что война—это сраженіе, приготовленіе къ нему и его послѣдствія; эти ученые

стратеги придавали слишкомъ важное значеніе своимъ сложнымъ предположеніямъ обойти противника, каковы бы ни были положеніе и сила обѣихъ армій, что являлось по ихъ мнѣнію, единственнымъ средствомъ получить перевѣсъ надъ противникомъ. Причисленный къ главной квартирѣ Императора Александра, генералъ Пфуль составилъ операціонный планъ, который и былъ утвержденъ.

По этому плану 80.000 человѣкъ лучшихъ войскъ должны были быть отдѣлены отъ главнаго театра военныхъ дѣйствій, чтобы произвести на сѣверѣ и на югѣ отдаленныя диверсіи, которыя нисколько не были бы направлены на центръ осложненій могущества противника, если можно такъ выразиться, и безусловно не нанося ему непосредственнаго удара, едва-ли бы вообще оказали какое-либо на него вліяніе и дѣйствія которыхъ могли лишь проявиться гораздо позднѣе, когда судьба цивилизованнаго міра уже давно была бы рѣшена на берегахъ Двины и Днѣпра. Такимъ образомъ одна часть этихъ 80.000, а именно Дунайская армія, была предназначена для атаки Штирійскихъ провинцій, и ей пришлось бы идти черезъ Сербію. Что касается остальныхъ войскъ, расположенныхъ въ Петербургѣ и Финляндіи, подъ начальствомъ графа Штейнгеля, то предполагалось ихъ высадить въ Помераніи. Въ то время армія Барклая должна была медленно отходить отъ Наполеоновской и удаляться такимъ образомъ до укрѣпленнаго Дрисскаго лагеря, на берегахъ Двины, который рѣшили сдѣлать непобѣдимымъ, какъ укрѣпленія Фора-Бедрасъ. Арміямъ Багратіона и Тормасова приказано было стать въ оборонительномъ порядкѣ относительно правой стороны и тыла нападающей арміи, задержанной въ своихъ успѣхахъ редутами и засѣками Дрисскаго лагеря.

Такимъ образомъ даже 200.000 человѣкъ, имѣвшіеся на театрѣ военныхъ дѣйствій, откуда должны были быть направлены рѣшительные удары, дабы противодѣйствовать 480.000 человѣкъ Наполеона, были, согласно этому плану, рас-

предѣлены въ три арміи, для того, чтобы со всѣхъ сторонъ охватить противника вдвое сильнѣйшаго и дѣйствовать на его фланги и пути сообщенія, при этомъ не переставая противодѣйствовать его операціямъ съ фронта. (Бутурлинъ I, 95, 120, 124, 126; Клаузевицъ, I-ая глава; Данилевскій I, 145). Все же не всѣ, какъ видно, раздѣляли намѣренія генерала Пфуля, а именно генералъ Барклай, по всей вѣроятности плохо освѣдомленный, полагая превосходство силъ Наполеона значительно менѣе подавляющимъ, чѣмъ оно было въ дѣйствительности, находилъ нужнымъ принять сраженіе въ окрестностяхъ Вильны, и во всѣхъ имъ данныхъ приказахъ это предположеніе выражено имъ вполнѣ опредѣленно (см. Данилевскій I, 200). Генералъ Беннигсенъ, никакой должности не занимавшій при главной квартирѣ, раздѣлялъ это мнѣніе, провести которое все же имъ окончательно такъ и не удалось. (Клаузевицъ 21). Еще другія мысли, высказанныя въ то время, весьма замѣчательны и тѣмъ болѣе не должны бы были быть обойдены молчаніемъ. Князь Ливенъ полагалъ, что необходимо теперь же маневрировать такимъ образомъ, дабы воспользоваться громаднымъ пространствомъ Россіи, а именно отходить къ центру Имперіи (Клаузевицъ 28). Неужели были невѣрны всѣ эти свѣдѣнія, касающіяся первоначальныхъ предположеній нашихъ генераловъ и причинъ ихъ возникновенія, уже давно имѣвшихся въ нашемъ распоряженіи? Неужели никогда не существовалъ операціонный планъ, авторомъ котораго былъ ген. Пфуль, или, по крайней мѣрѣ, никогда не предполагалось его привести въ исполненіе? Въ такомъ случаѣ необходимо было высказать это вполнѣ опредѣленно, въ особенности, подкрѣпить это утвержденіе доказательствами. Этотъ операціонный планъ слишкомъ извѣстенъ; о немъ слишкомъ часто въ Европѣ говорилось; онъ былъ слишкомъ часто оспариваемъ, дабы можно было прикрыться его незнаніемъ. Но, далеко не опровергая мнѣнія историковъ, ему предшествовавшихъ, генералъ Данилевскій, напротивъ того, какъ мы вскорѣ увидимъ, приводитъ

косвеннымъ образомъ доказательства наиболѣе убѣдительныя, подтверждающія вѣрность этихъ описаній. Замалчивая всѣ эти проекты, отношенія генерала Данилевскаго къ генералу Барклаю становятся дѣйствительно несправедливыми; положеніе этого генерала, являвшагося исполнителемъ операціоннаго плана, имъ совершенно не одобрявшагося, и который онъ постоянно старался измѣнить, было весьма затруднительнымъ.

Система, усвоенная авторомъ, представляетъ въ концѣ-концовъ значительныя неудобства, какъ это и легко было предвидѣть; приходимъ къ заключенію, что должно быть очень трудно разъяснить всѣ операціи арміи, не зная настоящихъ побудительныхъ причинъ или придавая отвлеченный смыслъ этимъ причинамъ, дабы ихъ замѣнить другими. Въ этомъ отношеніи генералу Данилевскому особенно не посчастливилось: онъ положительно заблудился въ лабиринтѣ предположеній и гипотезъ, нужно замѣтить, неубѣдительныхъ и отчасти противорѣчивыхъ. Стратегическія комбинаціи, которыя онъ такимъ образомъ навязываетъ нашимъ генераламъ, безспорно не удостоились бы одобренія военныхъ.

Онъ съ трудомъ разбирается въ первоначальныхъ мѣрахъ, принятыхъ русскими. Разъ, во чтобы то ни стало, желали принять сраженіе въ окрестностяхъ Вильны, если всѣ были по этому вопросу одного и того же мнѣнія, то почему же всѣ имѣвшіяся въ распоряженіи силы были распредѣлены на три арміи и расположены на столь обширномъ пространствѣ, считая отъ Дриссы до Волыни? Авторъ намъ говоритъ, что это стратегическое положеніе было принято, такъ какъ невозможно было предвидѣть, какое направленіе дастъ Наполеонъ своему наступленію (I, 143). Все же легко было предвидѣть, что Наполеонъ не могъ бы, напримѣръ, направиться ни на Одессу, ни на Кіевъ: почему же тогда армія Тормасова была такъ сильна? Между тѣмъ, весь смыслъ военныхъ дѣйствій, въ продолженіе всей первой части кампаніи, заключался ни въ чемъ иномъ, какъ въ привлеченіи на себя или на второстепенный театръ

войны силы приблизительно равной себѣ, что̀ далеко не было выгодно для Россіи, такъ какъ скорѣе Наполеонъ могъ бы, благодаря своему громадному превосходству, обойтись на рѣшительныхъ пунктахъ безъ 40.000 человѣкъ, чѣмъ это могла сдѣлать русская армія.

Если же имѣлось въ виду дать лишь генеральное сраженіе, то почему же выбрана была позиція при Дриссѣ, какъ общій соединительный пунктъ, куда первой арміи было приказано идти на соединеніе со второю, на случай приближенія противника,—во многихъ отношеніяхъ представлявшій довольно существенныя неудобства. Именно было легко предвидѣть, что генер. Дохтуровъ, уже и безъ того бывшій въ опасномъ положеніи на позиціи при Лидѣ, съ трудомъ бы могъ присоединиться къ арміи, и онъ рисковалъ быть атакованнымъ и, по всей вѣроятности, уничтоженнымъ въ дорогѣ.

Почему же, наконецъ, въ такомъ случаѣ укрѣпляютъ Дрисскій лагерь, начиная съ апрѣля мѣсяца, что̀ генер. Данилевскій самъ подтверждаетъ? (I, 148).

Зачѣмъ собраны были резервы значительной силы, которыя, совершенно не приближаясь къ арміи для участія въ генеральномъ сраженіи въ окрестностяхъ Вильны, не двигались, а ждали въ ретраншементахъ на берегахъ Двины? Авторъ самъ боится проговориться хотя однимъ словомъ относительно мотивовъ, вызвавшихъ эти диспозиціи. Самыя замѣчательныя событія первыхъ дней войны—это маневры генераловъ Дохтурова и Дорохова, дабы достигнуть арміи, съ которою оказались разъединенными быстрыми движеніями противника. Интересъ, который они представляютъ, заставляетъ насъ сожалѣть, что генер. Данилевскій задался мыслью—дать намъ скорѣе живописное описаніе, пренебрегая техническими подробностями; онъ постарался имъ дать романическій колоритъ, вмѣсто того, чтобы передать эти событія съ военной точки зрѣнія. Разъ дѣло касается большихъ приготовительныхъ движеній, этихъ маршей

въ дорогѣ, исполняемыхъ далеко отъ противника съ цѣлью привести различныя корпуса арміи къ пунктамъ, отъ которыхъ должны начаться военныя операціи,—тогда вполнѣ достаточно опредѣлить общее направленіе и день отправленія. Но оно не такъ, когда дѣло касается движеній, произведенныхъ въ присутствіи противника, то-есть маневровъ стратегическихъ. Какъ мы выше видѣли въ описаніяхъ сраженій, существеннымъ элементомъ является число сражающихся и совмѣстное вычисленіе, согласованное съ послѣдовательнымъ расходованіемъ резервовъ; въ стратегическихъ же маневрахъ рѣшающіе элементы—время и пространство.

Такимъ образомъ, лишь точное опредѣленіе времени и пространства даетъ намъ возможность вѣрно опредѣлить причины, приведшія къ достигнутымъ результатамъ. Вслѣдствіе этого намъ нужно говорить подробно о диспозиціяхъ, которыя были составлены, дабы разъяснить движенія противника и направленіе, данное движенію; намъ необходимо указать не только въ какой день были достигнуты извѣстные пункты, черезъ которые было совершено движеніе, но и по возможности въ которомъ часу; очень часто успѣхъ находится въ зависимости отъ опозданія всего-на-всего на одинъ часъ; часто необходимо знать, напримѣръ, въ которомъ часу корпусъ арміи прошелъ такое-то дефиле, дабы имѣть возможность судить, какія преимущества имѣлъ противникъ предупредить его, и поскольку можно обвинить его въ неумѣніи пользоваться случаемъ. Генер. Дохтурову удалось достигнуть первой арміи въ Свенцянахъ, несмотря на то, что для этого ему пришлось описать полукругъ около французской арміи, постоянно открывая фланги, при чемъ нѣсколько корпусовъ арміи противника, отдѣленные Наполеономъ, были въ движеніи вдоль радіусовъ этого круга, съ цѣлью пересѣчь его.

Дорохову, уже отрѣзанному, обхваченному со всѣхъ сторонъ непріятельскими колоннами, все же удается отъ нихъ уйти и присоединиться ко 2-ой арміи.

Невозможно угадать, какими средствами были достигнуты такіе результаты, развѣ лишь зная всѣ подробности, — и все же генер. Данилевскій оставляетъ насъ въ невѣдѣніи даже относительно той дороги, по которой эти генералы слѣдовали; словно онъ считаетъ лишнимъ передать намъ, въ какой день они двинулись и когда они присоединились къ арміи (188—199); наконецъ, его сочиненіе содержитъ относительно этого періода похода, который могъ бы быть дѣйствительно поучителенъ, меньше подробностей, чѣмъ находишь въ газетахъ той эпохи. Прибавимъ, что, къ сожалѣнію, онъ неоднократно такъ поступаетъ, когда дѣло касается стратегическихъ маневровъ; такъ, напримѣръ, говоря про отступленіе князя Багратіона отъ Волковышекъ до Днѣпра (Глава V) онъ такъ исправно забываетъ самыя существенныя подробности, что не называетъ намъ даже день, когда маршалъ Даву вошелъ въ Минскъ; между тѣмъ, это фактъ большого значенія: могъ-ли бы князь Багратіонъ предупредить французовъ на этомъ пунктѣ? могъ-ли бы онъ совершить такимъ образомъ отступленіе по другой дорогѣ, менѣе отдаленной по сравненію съ избранною имъ въ дѣйствительности, или это было невозможно?—вотъ что необходимо было знать навѣрное и указать способъ, какъ сдѣлать по этому вопросу наше заключеніе.

Даже до обнародованія сочиненія генер. Данилевскаго извѣстно было, что въ Свенцянахъ первоначальный операціонный планъ русской арміи былъ нѣсколько измѣненъ. Генералъ Пфуль, вліяніе котораго еще давало себя чувствовать, все еще полагалъ привести армію къ Дрисскому лагерю для исполненія цѣлаго ряда стратегическихъ маневровъ, которые онъ уже заранѣе себѣ намѣтилъ. Генер. Барклай и его штабъ, лучше освѣдомленные относительно громаднаго превосходства Наполеона, не настаивали больше на необходимости дать немедленно сраженіе, но зато они начали говорить о необходимости приближенія къ кн. Багратіону. Самъ кн. Багратіонъ на приказъ—занять оборонительное положеніе на сообщеніяхъ про-

тивника—отвѣчаетъ вопросомъ, вызваннымъ чувствомъ своей слабости передъ противникомъ, представлявшимъ превосходство внѣ всякой пропорціи: онъ спросилъ, нужно-ли ему было со своею арміей направляться на Минскъ и Борисовъ (I, 202), и онъ даже двинулся по этому направленію, то-есть, вмѣсто того, чтобы стать въ оборонительное положеніе, разумно началъ отступленіе, которое одно могло его спасти.

Послѣ этого рѣшено было въ Свенцянахъ—не покидать операціонный планъ, составленный генер. Пфулемъ, привести армію въ Дрисскій лагерь для исполненія тѣхъ маневровъ, отъ которыхъ этотъ генералъ ожидалъ такое поразительное дѣйствіе; но вмѣстѣ съ тѣмъ приказать князю Багратіону взять направленіе черезъ Вилейку, которое, приближая его къ арміи Барклая, съ другой стороны выдвинуло бы его на флангъ французской арміи. На этой позиціи онъ имѣлъ бы, какъ надѣялись, базой Великороссію, легкое и безпрепятственное сообщеніе съ 1-ою арміей, при чемъ предполагалась возможность присоединенія къ ней въ ближайшемъ будущемъ, но когда именно—точно не предвидѣли. Генералъ Данилевскій также говоритъ намъ, что въ Свенцянахъ первоначальный операціонный планъ подвергся нѣкоторымъ измѣненіямъ; но онъ передаетъ событія въ совершенно другомъ освѣщеніи. Согласно его описанія, военный совѣтъ пришелъ къ заключенію о необходимости соединенія прежде всего обѣихъ армій и что съ этою цѣлью нужно было отступить до Дриссы (I, 192). Какъ, неужели въ Свенцянахъ впервые зашелъ разговоръ объ отступленіи къ Дрисскому лагерю, все еще укрѣплявшемуся въ продолженіе мѣсяцевъ, гдѣ заранѣе сосредоточены были значительной силы резервы, гдѣ въ продолженіе мѣсяцевъ накоплялись громадные запасы фуража и съѣстныхъ припасовъ и куда неоднократно посылались адъютанты Императора и генерала Пфуля наблюдать за работами? Трудно этому вѣрить, особенно разъ такое утвержденіе не подкрѣплено никакимъ доказательствомъ.

Съ какою цѣлью предпринято было движеніе къ Дриссѣ? Если вѣрить генералу Данилевскому, то лишь исключительно, чтобы соединиться съ кн. Багратіономъ. Какъ? Это для соединенія съ Багратіономъ, который находился въ то время въ Слонимѣ, въ 240 верстахъ къ югу отъ Свенцянъ, направились къ Дриссѣ,—къ пункту, расположенному въ 120 верстахъ къ сѣверу отъ этого города? И со мною согласятся, если скажу, что, маневрируя такимъ образомъ, наши генералы могли не остерегаться Наполеона: онъ не разгадалъ бы ихъ намѣренія. Вотъ какимъ образомъ авторъ объясняетъ эти удивительные маневры:

„Вслѣдствіе сего предписано было изъ Свенцянъ князю „Багратіону и Платову идти черезъ Вилейку для соединенія съ „1-ю арміей, которая, между тѣмъ, должна была воспрепят„ствовать непріятелю предупредить ее на Двинѣ. Вотъ при„чина, почему 1-я армія не обратилась изъ Свенцянъ влѣво на „Минскую дорогу, чтобы сблизиться со 2-ю арміею“ (I, 192). Не легко понять что-либо въ этомъ разсужденіи. Но если Дрисскій лагерь не былъ полемъ сраженія, заранѣе выбраннымъ и приготовленнымъ, гдѣ предполагалось ждать наступленія противника, если желательно было во что бы то ни стало присоединиться къ кн. Багратіону, то спрашивается: нанесъли бы намъ, дѣйствительно, противникъ столь чувствительный ударъ, достигнувъ береговъ Двины и опередивъ правый флангъ нашей арміи? Но если бы, напротивъ, онъ дошелъ до этихъ береговъ, опередивъ лѣвый флангъ Русской арміи, тогда, безъ сомнѣнія, соединеніе съ княземъ Багратіономъ становилось невозможнымъ въ полномъ значеніи этого слова; а направляясь къ Дриссѣ—на самомъ дѣлѣ лишь облегчались операціи противника на правомъ флангѣ Русской арміи.

Если бы лишь желательно было соединиться съ княземъ Багратіономъ, слѣдовало бы, собственно, отойти по направленію къ Минску, полагая это возможнымъ, или, по крайней мѣрѣ, къ Глубокому и Витебску; это съ перваго же взгляда ясно.

Такимъ образомъ были же другія причины, заставлявшія двигаться къ Дриссѣ, и если генер. Данилевскій хочетъ насъ убѣдить, что все до сихъ поръ сказанное относительно операціоннаго плана невѣрно, тогда, по крайней мѣрѣ, нужно намъ указать болѣе положительныя соображенія, чѣмъ выше приведенныя разсужденія. Тѣмъ болѣе, что генер. Данилевскій самъ ихъ старается опровергнуть на слѣдующей страницѣ, гдѣ онъ говоритъ (I, 193), что Наполеонъ совершенно не преслѣдовалъ Русскую армію, потому:

„Онъ довольствовался тѣмъ, что 1-ая армія добровольно „отходила назадъ по направленію, отдаляющему ее отъ князя „Багратіона".

Кромѣ свидѣтельствъ, переданныхъ нами, имѣется еще одно, непосредственно противоположное всѣмъ тѣмъ гипотезамъ, которыми генералъ Данилевскій желалъ бы замѣнить свѣдѣнія дѣйствительно историческія, имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи относительно разбираемаго нами періода похода. Этотъ свидѣтель—Императоръ Александръ. Въ своемъ приказѣ по арміи, напечатанномъ въ Дрисскомъ лагерѣ (I, 197), онъ не говоритъ солдатамъ, что они вскорѣ будутъ усилены арміей князя Багратіона,—извѣстіе, которое все же могло сильно поднять ихъ духъ. Но вмѣсто того имъ говорятъ самымъ положительнымъ образомъ, что они пришли къ концу отступленія, къ полю сраженія, заранѣе выбранному и давно подготовленному.

Въ приказѣ, адресованномъ Императоромъ Александромъ кн. Багратіону и данномъ въ Дрисскомъ лагерѣ, Императоръ говоритъ: „Мы ожидаемъ черезъ нѣсколько дней рѣшительнаго сраженія" (I, 215).

Но онъ не прибавляетъ, что въ виду этого сраженія ожидается князь, потому что его вовсе не ждали и дѣйствительно невозможно было на него расчитывать, зная, что онъ находится въ Несвижѣ, въ 340 верстахъ отъ Дриссы. Наконецъ, въ письмѣ, написанномъ собственноручно Его Величествомъ, также адресованномъ кн. Багратіону, Государь ему

говоритъ (I, 223), что направленіе на Вилейку и Минскъ было ему дано „не столько для того, чтобы совершенно соединиться съ „1-ою арміею, какъ для поставленія 2-ой арміи на направленіе, „имѣющее въ тылу центръ Россіи, чѣмъ дѣйствія обѣихъ „армій сдѣлались бы удобнѣе и дѣятельнѣе".

Ясно, что это показаніе рѣшающее и уничтожаетъ всѣ гипотезы автора. Какая же причина могла заставить генер. Данилевскаго сдѣлать изъ всей первой части этой кампаніи хаосъ, въ которомъ невозможно было бы что-либо понять, если бы не было другихъ источниковъ и если бы не появилось для нашего руководства болѣе цѣнныхъ сочиненій?

Впрочемъ, удивительно, что, говоря про Дрисскій лагерь, авторъ не говоритъ о подкрѣпленіяхъ, полученныхъ арміей; онѣ все же были значительны, образуя 19 баталіоновъ и 20 эскадроновъ резерва. (Бутурлинъ I, 124, Клаузевицъ 16). Рѣшеніе оставить лагерь—составляетъ въ исторіи этого похода эпоху, значеніе которой слѣдовало бы подчеркнуть; но всегда вѣрный своей системѣ, постоянно придавая операціоннымъ планамъ, до того времени исполненныхъ, характеръ отвлеченный, онъ словно избѣгаетъ сообщить намъ, что этотъ день обозначаетъ начало новой эры.

Напротивъ того, онъ говоритъ, будто это одно изъ событій второстепеннаго значенія, возникающее во всякое время, въ силу обстоятельствъ, въ продолженіе похода. Между тѣмъ, оно не такъ: это рѣшеніе являлось доказательствомъ того, что проекты генерала Пфуля были оставлены и съ тѣхъ поръ соединеніе обѣихъ армій становится главною цѣлью операцій, и Императоръ, которому непродолжительный военный опытъ открылъ многое, съ тѣхъ поръ угадалъ, что иллюзіи въ теоріи, придающей отвлеченное понятіе вычисленіямъ успѣха на войнѣ и мелочныя комбинаціи, основанныя на ученыхъ заблужденіяхъ, не созданы для устраненія грозы. Императоръ Александръ пришелъ къ заключенію, что нужно было искать средства побѣдить въ идеяхъ и соображеніяхъ значительно

высшаго порядка; что нужно было вести эту войну въ гораздо большомъ масштабѣ,—какъ относительно силъ противника, такъ и пространства. Съ того времени Императоръ словно даже предвидѣлъ, что Наполеонъ свободно могъ бы дойти до воротъ Москвы; но эта мысль его не устрашила: оставивъ напрасную надежду остановить этого грознаго полководца силами безспорно недостаточными на основаніи ненужныхъ и сложныхъ стратегическихъ соображеній, онъ приказываетъ укрѣплять позиціи въ центрѣ Имперіи и поголовно вооружать народонаселеніе.

Ген. Данилевскій говоритъ намъ, что собственно полковникъ Мишо указалъ въ правильномъ освѣщеніи всѣ тѣ неудобства, какія представляетъ лагерь при Дриссѣ, какъ поле сраженія, и всѣ авторы съ нимъ согласятся, что этотъ выдающійся офицеръ дѣйствительно заслужилъ это мнѣніе. Но почему же ген. Данилевскій не прибавляетъ, что ген. Барклай, еще въ началѣ войны особенно настойчиво указывалъ на тѣ неудобства, какія этотъ лагерь представлялъ въ стратегическомъ отношеніи, и защищалъ необходимость, какъ можно скорѣе выйти изъ этого ложнаго положенія, принятаго на основаніи ученыхъ заблужденій. Чтобы быть ко всѣмъ одинаково справедливымъ, не слѣдовало бы забывать и этого обстоятельства. (Клаузевицъ 35).

Разборъ остального въ этомъ первомъ томѣ могъ бы насъ завести слишкомъ далеко; достаточно будетъ сказать, что описаніе всѣхъ сраженій перваго періода войны носитъ тотъ неопредѣленный характеръ, на который мы уже неоднократно жаловались. Говорится-ли о кровопролитныхъ дѣлахъ арріергарда, возобновляемыхъ 3 дня подъ рядъ въ окрестностяхъ Островны, или о сраженіяхъ на берегахъ Низы, или о бояхъ при Могилевѣ и при Городечнѣ,—авторъ никогда намъ не говоритъ, сколько было сражающихся съ каждой стороны, какимъ образомъ эти силы были распредѣлены. Что касается мѣстности, то онъ большею частью не считаетъ нужнымъ дать

о ней какія-либо свѣдѣнія, и если онъ ихъ намъ передаетъ, то отъ его разсказа получается впечатлѣніе мало обдуманнаго труда. Въ передачѣ о боѣ при Городечнѣ авторъ, повидимому, самъ увлеченный пыломъ своего блестящаго краснорѣчія, доводитъ пренебреженіе этими подробностями до того, что рѣки у него поднимаются къ своимъ источникамъ. На стр. 374-ой онъ говоритъ: „Передъ нею (русская армія при Тормасовѣ) протекалъ болотистый ручей, терявшійся въ лѣсу на лѣвомъ крылѣ".

Достаточно одного взгляда на карту, дабы его убѣдить, что тотъ ручеекъ, при которомъ русская армія избрала позицію, не только не **теряется** въ лѣсу на лѣвой сторонѣ, а именно течетъ оттуда.

Иногда даже ген. Данилевскій оставляетъ насъ въ невѣдѣніи, гдѣ, на какомъ пунктѣ состоялось сраженіе? И дѣйствительно, такой случай у насъ на-лицо при описаніи третьяго боя около Островны (I, 306). Однимъ словомъ, эти сраженія лишь послужили генералу предметомъ риторическаго упражненія, но нельзя сказать, что онъ ихъ описалъ.

Двѣ первыя главы второго тома посвящены исторіи организаціи ополченій, приготовленіямъ къ національной войнѣ. Возвращаясь еще нѣсколько разъ къ этому предмету, авторъ дѣйствительно даетъ намъ относительно этого періода колоссальной борьбы болѣе полныя и подробныя свѣдѣнія, чѣмъ историки, его предшествовавшіе. Развѣ только можно ему поставить въ вину слишкомъ частыя повторенія и затѣмъ, неужели вѣрно, что русскій народъ сжигалъ французскихъ плѣнниковъ? что онъ заживо ихъ хоронилъ (111, 122), убивалъ изъ мести, безъ милосердія и безъ жалости даже больныхъ и раненыхъ, какъ намъ это передаетъ Данилевскій съ какою-то особенною дикою радостью? Подобныя жестокости, пожалуй, и неизбѣжны въ національной войнѣ, когда самъ народъ беретъ такое непосредственное живое участіе; когда самыя необузданныя страсти не знаютъ границъ; но намъ кажется, что про-

свѣщенный патріотизмъ долженъ былъ бы заставить ген. Данилевскаго прославлять преданность Русской націи, ея доблесть при неудачахъ, достоинства, проявленныя въ сраженіяхъ ополченцами, не настаивая до такой степени на томъ, что̀ можетъ быть явилось наизбѣжнымъ послѣдствіемъ, хотя, конечно, и менѣе славнымъ, въ общемъ увлеченіи. Имя Энгельгардта заслуживаетъ, конечно, быть переданнымъ потомству, но если ген. Данилевскій считаетъ нужнымъ говорить объ этомъ сельскомъ **старостѣ**, который просилъ одного русскаго офицера указать ему какую-нибудь новую пытку для французскихъ плѣнниковъ, такъ какъ все, что онъ самъ могъ придумать въ этомъ отношеніи, имъ было исчерпано, то если ген. Данилевскій находитъ нужнымъ намъ про это передавать (111, 123) въ виду характерности анекдота, то, по крайней мѣрѣ, онъ не долженъ былъ бы представить этого человѣка грядущимъ вѣкамъ, какъ героя, достойнаго подражанія. Онъ долженъ былъ бы помнить, что въ Вильнѣ первая забота Императора Александра состояла въ томъ, чтобы помочь больнымъ французамъ въ лазаретахъ, а также, что въ Европѣ имѣется, къ сожалѣнію, слишкомъ многочисленная партія, которая только и ищетъ случая, какъ бы оклеветать Россію, и потому эти, можетъ быть, слишкомъ вѣрные разсказы могли бы оказать неблагопріятное вліяніе на общественное мнѣніе. Въ третьей главѣ мы опять находимъ обѣ русскія арміи, Барклая и Багратіона, собранныя подъ стѣнами Смоленска и составляющія въ общей сложности, по словамъ ген. Данилевскаго, 120.000 чел., по мнѣнію Бутурлина составляли не болѣе 116.900 сражающихся (Бутурлинъ, стр. № VIII). Есть основаніе полагать, что и на самомъ дѣлѣ количество войскъ, собранныхъ на этомъ пунктѣ, не превышало вышеупомянутаго числа, и мы находимъ въ этой подробности доказательство того, что̀ уже сообщали въ первой части этихъ записокъ, а именно, что численность русскихъ войскъ въ началѣ войны была г. Данилевскимъ слишкомъ преувеличена.

По словамъ этого автора, общее число войскъ при открытіи кампаніи было слѣдующее:

1-ая армія	127.000 ч.
2-ая „	48.000 ч.
Итого . .	175.000 ч.

Онѣ получили затѣмъ подкрѣпленія:

Въ лагерѣ при Дриссѣ 19 батальон. и 20 эскадр. (Бутурлинъ I, 124) . . .	10.200 ч.
Въ Смоленскѣ:	
17 бат. резервн., 4 артиллер. роты, 8 эскадр. (Бутурл., табл. VIII, Данилев. I, 212). .	10.000 ч.
Въ Бобруйскѣ:	
6 резервн. батальон. (Данилев. I, 322) . .	2.100 ч.
Въ Могилевѣ:	
Бригада ген. Грессера 3 бат. (Данилев. I, 326) .	1.000 ч.
Итого . .	198.300 ч.

Вычесть:

Корпусъ ген. Витгенштейна (Бутурл. XII) .	25.000 ч.
Потери въ бояхъ при Островнѣ и при Могилевѣ по Данилевскому . . .	7.000 т.
вычесть .	32.000 ч.
остается .	166.300 ч.
Армія при Смоленскѣ была силою въ	120.000 ч.
остается .	46.300 ч.

Вотъ то число людей, которое русская армія потеряла бы по этому расчету болѣзнями, бродяжничествомъ, мародерствомъ и пр. съ 12/24 Іюня по 4/16 Августа. Т.-е. ея убыль людьми, такимъ образомъ, съ самаго начала непріязненныхъ дѣйствій достигала 6 челов. на 1000 ежедневно, т.-е. была

почти такая же, какъ и во французской арміи, которая каждый день теряла приблизительно 8 чел. на 1000. Между тѣмъ, извѣстно, что непріятельская армія была опустошаема ужасною эпидеміею; что она терпѣла недостатокъ во всемъ; за нуждой слѣдовалъ безпорядокъ; дисциплина была подорвана; случаи мародерства стали столь частыми, что пришлось прибѣгнуть къ строжайшимъ мѣрамъ, дабы ихъ прекратить; однимъ словомъ, потери арміи были огромны. Самъ ген. Данилевскій даетъ намъ въ послѣднихъ главахъ перваго тома очень вѣрную картину бѣдственнаго состоянія, въ которомъ тогда находилась эта армія, и тѣхъ ужасающихъ потерь, какъ послѣдствія этого состоянія арміи. Русская армія, напротивъ, не чувствовала недостатка ни въ чемъ и порядокъ былъ образцовый; никакая болѣзнь не опустошала войскъ и даже противникъ восторгался ея выносливостью и хорошимъ поведеніемъ. Ген. Барклай самъ подтверждаетъ, что никого въ плѣнъ не бралъ. При такихъ обстоятельствахъ возможно-ли было, чтобы потери русскихъ равнялись таковымъ противника, и поэтому остается лишь одно разрѣшеніе задачи: свѣдѣнія, обнародованныя ген. Данилевскимъ относительно силъ русскихъ армій въ началѣ войны являются неточными и ошибки такого рода въ произведеніи автора, который имѣлъ въ своемъ распоряженіи всѣ государственные архивы и всѣ офиціальные документы, должны въ особенности насъ удивлять. Говоря о наступательныхъ операціяхъ, проектъ которыхъ былъ составленъ послѣ соединенія двухъ русскихъ армій въ окрестностяхъ Смоленска, ген. Данилевскій не долженъ былъ бы забывать, что авторомъ ихъ былъ гр. Толь. Вся армія это знаетъ. Ген. Данилевскій былъ бы развѣ единственный между нашими ветеранами, не знавшій о томъ участіи, которое гр. Толь принималъ въ 1812 г. въ опредѣленіи военныхъ операцій.

Разборъ сраженій, данныхъ подъ стѣнами Смоленска и въ его окрестностяхъ, заставилъ бы насъ сдѣлать не мало замѣчаній, въ особенности что касается перваго дня боя (4/16

Августа), которому всѣ авторы, какъ русскіе, такъ и иностранные, не придаютъ особеннаго значенія, генераломъ же Данилевскимъ отводится первенствующее мѣсто въ своемъ описаніи. Не имѣя возможности сдѣлать разборъ всѣхъ главъ, а также разборъ подробностей всѣхъ операцій, мы ограничимся слѣдующимъ замѣчаніемъ, а именно: почему авторъ не разъясняетъ намъ причины, на основаніи которой мы не дождались непріятеля на позиціи при Ужѣ (II, 169)? Это та дань справедливости, которую авторъ словно забываетъ вернуть ген. Барклаю. Если бы онъ захотѣлъ воспользоваться сочиненіемъ **Бутурлина** (Бутурл. I, 236) и **Клаузевица** (Клаузевицъ 128), то убѣдился бы, что это именно былъ Барклай, рѣшившійся принять сраженіе на этой позиціи, и это былъ кн. Багратіонъ, который этому воспротивился даже съ нѣкоторою горячностью. Всякій съ нимъ согласится, что пріѣздъ фельдмаршала Кутузова въ главный штабъ арміи является эпохой, весьма замѣчательною въ исторіи этой кампаніи и ген. Данилевскій объ этомъ извѣщаетъ дѣйствительно драматическимъ образомъ, такъ что получается безусловно большое впечатлѣніе. Слѣдовало бы нѣсколько обождать передачею событій, дабы дать намъ краткій общій обзоръ къ этому времени достигнутыхъ результатовъ по операціямъ воюющихъ армій, расположенія обѣихъ сторонъ и тѣхъ средствъ, оставшихся еще въ ихъ распоряженіи, а также тѣхъ данныхъ на успѣхъ, на которые могли расчитывать какъ Русскіе, такъ и Французы. Это явилось тѣмъ болѣе необходимымъ, разъ авторъ, не входя въ такого рода подробности, не разсматриваетъ вопроса съ должнымъ вниманіемъ, высказывая, тѣмъ не менѣе ошибочныя мнѣнія и старается непосредственно распространить ихъ. Даже во время войны обыкновенно предполагали, что до момента, о которомъ здѣсь говорится, военныя дѣйствія были очень плохо ведены Русскими, по собственной винѣ была потеряна мѣстность; что все шло хуже и хуже; наконецъ, будто Русская армія находилась въ это время въ очень критическомъ состояніи. Гене-

ралъ Данилевскій, разсматривая событія далеко не въ правильномъ освѣщеніи, напротивъ того, принадлежитъ скорѣй къ очень ограниченному кругу лицъ, еще не признавшихъ своихъ заблужденій.

Я говорю (II, 201), что ген. Кутузовъ пріѣхалъ въ главный штабъ „во время самаго неблагопріятнаго положенія дѣлъ". Если это, дѣйствительно такъ было, то слѣдовало бы доказать, что положеніе арміи стало на самомъ дѣлѣ менѣе благопріятнымъ, чѣмъ оно было въ началѣ войны.

Это была бы довольно трудная задача. Если бы ген. Данилевскій пожелалъ сдѣлать осмысленное показаніе, онъ принужденъ былъ бы согласиться съ тѣмъ, что въ то время, какъ армія находилась въ Царево-Займищѣ, Россія имѣла гораздо болѣе данныхъ на успѣхъ, чѣмъ когда главная квартира была при Вильнѣ.

Вѣрно, что это продолжительное отступленіе, доведенное до центра Россіи, не было обдумано заранѣе; что къ этому привели обстоятельства не въ зависимости отъ начальниковъ, безусловно признававшихъ необходимость отступленія за бѣдствіе; что оно было совершено безъ предварительнаго расчета движеніемъ, развѣ лишь за день впередъ; и, тѣмъ не менѣе, лишь это отступленіе спасло Россію и Европу.

Убыль въ войскахъ, которой подверглась Русская армія, была немедленно возстановлена, но не могли быть замѣнены потери Французовъ, и съ тѣхъ поръ борьба должна была становиться съ каждымъ днемъ менѣе равною: будучи тѣмъ болѣе вынужденная охранять сильными отрядами и наблюдательными постами операціонную линію, громадную по протяженію и пространству, которую приходилось измѣрять сотнями милей, эта наступающая армія съ каждымъ днемъ слабѣла въ постоянно возрастающей прогрессіи, и уже тѣ послѣдствія, которыя неизбѣжно должны были возникнуть благодаря создавшейся обстановкѣ, становились очевидными. Если бы сраженіе было принято въ Литвѣ, то на каждаго нашего солдата

приходилось бы **двое** и мы навѣрное были бы раздавлены. При желаніи дать генеральное сраженіе на берегахъ Днѣпра на двухъ приходилось бы по три,—пропорція, при которой безусловно никакихъ данныхъ на успѣхъ не имѣлось. Благодаря подкрѣпленіямъ, съ тѣхъ поръ полученнымъ, и потерямъ, понесеннымъ снова французами, соотношеніе нашихъ силъ при Бородинѣ было какъ **пять противъ шести**, и невольно приходишь къ заключенію, что эта пропорція для насъ благопріятнѣе. Съ тѣхъ поръ легко было даже предвидѣть возможность, продолжая отступленіе, дойти до того момента, когда при столкновеніи съ противникомъ, будемъ имѣть съ нимъ равныя силы. Что касается потери пространства, то большого значенія оно не могло имѣть: рѣдко рѣшающее, оно въ 1812 году имѣло еще меньшее значеніе, чѣмъ когда-либо. Правда, наши генералы оставили противнику громадный по размѣрамъ край, но нигдѣ не представлявшій удобныхъ позицій, которыми могли бы воспользоваться французы, ни сильной оборонительной линіи, и въ особенности, будучи опустошеннымъ, онъ не давалъ достаточныхъ средствъ пропитанія и фуража столь многочисленной арміи, какова была Наполеоновская.

Можно было предвидѣть, что будетъ достаточно нанести одинъ удачный ударъ противнику, чтобы вернуть все потерянное, и въ этомъ случаѣ отступленіе непріятеля становилось для него гибелью, принимая въ соображеніе то пространство, которое ему бы пришлось пройти обратно. Итакъ, видно, что до сихъ поръ это отступленіе не влекло за собой послѣдствій, которыя по справедливости можно было назвать пагубными; напротивъ того, что̀ было бы съ арміей и Россіей, если бы наши генералы ошибочно приняли генеральное сраженіе, напримѣръ у Витебска, или до Смоленска?.

Оно, безъ сомнѣнія, было бы потеряно,—этого нельзя отрицать. Было бы гораздо опаснѣе дать себя разбить въ Литвѣ, чѣмъ потерять сраженіе при Бородинѣ. Не трудно понять, что наступательное движеніе французской арміи могло

продолжаться лишь до Москвы, куда сила удара, направленная Наполеономъ, безусловно должна была имѣть свой **максимумъ** момента, объясняя, съ разрѣшенія читателя, такой терминъ механически; но тамъ же и вся энергія этого удара должна была бы истощиться. Наступленіе Наполеона за Москву становилось безцѣльно. Потерявъ сраженіе подъ стѣнами Москвы, можно было быть увѣреннымъ, что преслѣдованіе лишь ограничится полемъ сраженія. Съ тѣхъ поръ было очевидно, что даже потерянное сраженіе, никогда не станетъ разгромомъ: можно было надѣяться сохранить армію, моральное состояніе которой едва-ли значительно пострадало бы подъ вліяніемъ такой частичной неудачи.

Но если бы было потеряно сраженіе на берегахъ Двины или Днѣпра и послѣ этого пришлось бы отступать за семьсотъ верстъ съ разбитою арміей, преслѣдуемой побѣдоноснымъ врагомъ, то, спрашивается, какимъ образомъ можно бы было избѣгнуть полнаго разгрома? И если бы къ тому времени Наполеону удалось бы завладѣть древней столицею имперіи, то Русская армія потеряла бы всякое значеніе, разъ она была бы не въ состояніи продолжать борьбу. Даже непоколебимость характера императора Александра подверглась бы испытанію при такомъ несчастіи.

Если въ Царево-Займищѣ позиція Русской арміи казалась въ дѣйствительности менѣе благопріятною, чѣмъ она могла бы быть, то это произошло преимущественно изъ-за непониманія, какъ въ арміи, такъ и въ странѣ, тѣхъ благопріятныхъ данныхъ на успѣхъ, которыя она представляла: воображали, что все шло скверно, больше не было довѣрія къ главнокомандующему, а также къ офицерамъ, его окружавшимъ.

Общественное мнѣніе настойчиво требовало сраженія; нужно было сразиться, чтобы удовлетворить армію и страну. Въ особенности невозможно было оставить столицу, не обнаживъ меча. Это сраженіе, столь давно ожидаемое, стало, такимъ образомъ, необходимымъ зломъ; но оно, тѣмъ не менѣе, не

было и безусловно необходимымъ. Генералъ Данилевскій старается насъ убѣдить въ противномъ: будто отступали, не давая себѣ никакого отчета, для чего именно? что это отступленіе привело государство на край гибели и только рѣшеніе дать сраженіе его спасло.

Но, описывая столь великую и достопамятную эпоху, будемъ правдивы и безпристрастны ко всѣмъ; постараемся передать событія въ правильномъ освѣщеніи, и въ особенности будемъ избѣгать распространять заблужденіе, представляющее въ то же время вопіющую несправедливость по отношенію къ болѣе, чѣмъ благородному начальнику. Многія другія утвержденія ген. Данилевскаго, какъ относительно времени, такъ и фельдмаршала Кутузова, безусловно спорны. Авторъ, между прочимъ, говоритъ намъ, что этотъ генералъ никогда не спрашивалъ и не исполнялъ ни чьихъ совѣтовъ, дѣйствовалъ всегда по своему собственному усмотрѣнію, и прибавляетъ (II, 201). „Послѣдуемъ за каждымъ его шагомъ, ибо всѣ распоряженія происходили отъ него одного. Онъ былъ врагъ совѣтовъ и не требовалъ мнѣній постороннихъ".

Между тѣмъ, военныя совѣщанія собирались довольно часто въ Русской арміи, пока она была подъ начальствомъ фельдмаршала, достаточно прочитать, что̀ авторъ намъ самъ передаетъ относительно военнаго совѣта, собраннаго передъ Московскими заставами, и совѣщаній, возникшихъ, какъ только новый планъ военныхъ дѣйствій былъ переданъ на усмотрѣніе фельдмаршала, и тѣ споры на совѣщаніи, предшествовавшіе атакѣ на Винково (II, 223, III, 37, III, 245).

Имѣется еще въ той же главѣ (II, глава VIII, 207) другой пассажъ, ставшій предметомъ многихъ споровъ, но который самъ по себѣ ничего особеннаго не представлялъ: графъ Толь, генералъ-квартирмейстеръ генерала Барклая, конечно, исполнялъ обязанности генералъ-квартирмейстера главнокомандующаго съ тѣхъ поръ, какъ 1-ая и 2-ая арміи были объединены подъ общимъ начальствомъ Барклая.

До сихъ поръ полагали, что фельдмаршалъ Кутузовъ по прибытіи назначилъ начальникомъ своего штаба генерала Беннигсена, но не генералъ квартирмейстера, и что графъ Толь постоянно продолжалъ исполнять эту службу, пока не былъ утвержденъ въ этой должности. Генералъ Данилевскій насъ учитъ, что это было заблужденіе: своимъ-генералъ квартирмейстеромъ фельдмаршалъ назначилъ генер. Вистицкаго. Ни съ чѣмъ нельзя сравнить того удивленія, которое это открытіе произвело на нашихъ ветерановъ; многіе изъ нашихъ прежнихъ офицеровъ спрашивали другъ друга: дѣйствительно-ли видѣли когда-либо въ рядахъ Русской арміи генерала съ такимъ именемъ.

Нельзя было бы сомнѣваться въ существованіи Вистицкаго, разъ генер. Данилевскій отдалъ ему ту дань справедливости, которую потомство должно великимъ людямъ, извлекая ихъ изъ преждевременнаго забвенія, въ которое они впали; но какого числа послѣдовало его назначеніе? Есть-ли приказъ, диспозиція, какой-либо документъ, написанный или имъ подписанный и до какого дня оставался онъ при исполненіи своихъ обязанностей?

Приходится ограничиться подсчетомъ, конечно, дней такъ какъ едва-ли можно предполагать, что онъ долго блисталъ на этомъ выдающемся, имъ достигнутомъ, посту, и кромѣ того получается впечатлѣніе, что, благодаря чрезмѣрной скромности, онъ покрылъ непроницаемою завѣсой его чины для безсмертія.

Никто не вспоминаетъ его; никто именно не помнитъ, чтобы его видѣли въ день Бородина, тогда какъ ни одинъ изъ нашихъ ветерановъ не забылъ, какіе въ этотъ день были заслуги графа Толя.

Наконецъ, мы приближаемся къ этому великому событію, къ этому сраженію, съ обѣихъ сторонъ съ одинаковымъ нетерпѣніемъ ожидаемому. Судьба Россіи, Европы, всего цивилизованнаго міра, казалось зависѣла отъ исхода этого дня. Конечно, ожидаешь, что генер. Данилевскій, до начала передачи

событій этого достопамятнаго дня, дастъ возможность читателямъ уяснить себѣ данныя на успѣхъ, представляющіяся съ каждой стороны; что описанію сраженія будетъ предшествовать точная и подробная картина моральнаго и физическаго состоянія, въ которомъ находились обѣ арміи и, главное, что авторъ намъ укажетъ то число сражающихся, которое удалось съ обѣихъ сторонъ соединить подъ знамена. Не нужно добавлять, что именно это указаніе является существеннымъ. И дѣйствительно, ген. Данилевскій счелъ нужнымъ объ этомъ извѣстить; но, къ сожалѣнію, все, что онъ говоритъ, очень неопредѣленно и вотъ что особенно досадно: его утвержденія нигдѣ не подтверждаются доказательствами. Имѣя богатые матеріалы въ своемъ распоряженіи, онъ, какъ видно, недостаточно внимательно отнесся къ провѣркѣ цифръ, и въ результатѣ получилось, что въ его вычисленіяхъ не исключены погрѣшности.

Встрѣчаются даже такія ошибки, что едва можно себѣ представить, какимъ образомъ они могли у него получится? Авторъ начинаетъ съ того, что говоритъ намъ сперва объ арміи Наполеона (II, глава IX), что французское правительство не обнародовало никакихъ офиціальныхъ свѣдѣній относительно наличности этой арміи въ эпоху Бородинскаго сраженія. Это вѣрно, само правительство ничего не публиковало; правительства рѣдко берутся за литературные труды, но ген. Данилевскій не долженъ былъ изъ этого заключать, что мы не имѣемъ подлинныхъ свѣдѣній относительно числа сражающихся, бывшихъ тогда во французской арміи; они есть, и всѣ это знаютъ. Одинъ списокъ, приложенный послѣ этихъ общихъ замѣчаній (II, 226), заставилъ насъ снова сожалѣть, что ген. Данилевскій недостаточно воспользовался всѣмъ, въ изобиліи имѣющимся въ его распоряженіи матеріаломъ и ему врученнымъ. „У насъ есть только клочки, или отрывки строевыхъ рапортовъ, перехваченныхъ во время бѣгства непріятеля“.

Почему же онъ не напечаталъ эти цѣнные документы

въ видѣ приложеній къ своему труду? При всей ихъ неполнотѣ, они все же могли послужить для сравненія цифръ, переданныхъ иностранными авторами; и если хотите, эти документы, дѣйствительно, по нашему мнѣнію, историческіе, имѣли бы бо̀льшее значеніе, чѣмъ довольно неопредѣленныя вычисленія, въ которыхъ ген. Данилевскій словно теряется на слѣдующей страницѣ. Добавивъ, что французскіе авторы, описывающіе этотъ походъ, не сходились относительно свѣдѣній, касающихся силъ Наполеоновской арміи, онъ заключаетъ, что нужно постараться опредѣлить дѣйствительное число войскъ, которыми этотъ начальникъ могъ располагать подъ Бородинымъ, по особому вычисленію. Вотъ какія для этого онъ приводитъ данныя, по нашему мнѣнію довольно неосновательныя (II, 227).

„Выступая къ Смоленску, онъ (Наполеонъ) писалъ къ одному изъ маршаловъ, что въ главной арміи подъ ружьемъ имѣется 200.000; но французскіе писатели утверждаютъ, что тогда было только 185.000 человѣкъ". Число маршаловъ Франціи достигало къ этому времени двадцати двухъ. Генералъ Данилевскій не счелъ нужнымъ предупредить насъ, которому изъ этихъ лицъ Наполеонъ сдѣлалъ такого рода увѣдомленіе. Не имѣя никакого представленія относительно этого письма, несмотря на то, что литература этого похода была для насъ предметомъ самыхъ настоятельныхъ изученій, мы снова сличили, чтобы провѣрить фактъ, всѣ сообщенія подлинныхъ замѣтокъ, относящихся къ этой войнѣ, но напрасно. Какъ видно,— найти этотъ документъ довольно трудно и, передавая его, генералу Данилевскому слѣдовало бы указать его намъ, хотя бы по крайней мѣрѣ, съ нѣсколько большею точностью. А пока это анонимное письмо Наполеона къ маршалу Франціи будетъ найдено, намъ постоянно нужно будетъ руководствоваться не тѣмъ, что̀ обыкновенно говорятъ французскіе авторы, но цифрами, напечатанными самымъ безпартійнымъ, правдивымъ изъ этихъ автровъ, **г. Шамбреемъ**, и мы можемъ это сдѣлать съ тѣмъ бо̀льшимъ довѣріемъ, что **эти цифры подлинныя**; что

онѣ извлечены изъ **официальныхъ документовъ**, изображающихъ положеніе французской арміи, переданныхъ Бертье, начальникомъ штаба арміи самому Наполеону,—обстоятельство, которое, какъ видно, ген. Данилевскому, неизвѣстно. Нельзя же предполагать, что Бертье былъ по этому поводу плохо освѣдомленъ, и еще менѣе, чтобы онъ рѣшился ввести въ заблужденіе своего начальника. Поэтому описаніе силы французской арміи достигали 23 іюля 3 августа 193.608 человѣкъ, выключая изъ этого числа дивизію Домбровскаго около Бобруйска (6.000) и 4-ый резервный кавалерійскій корпусъ, тоже выдѣленный (Латуръ-Мобуръ—5.000); получится, что соединенная подъ стѣнами Смоленска армія достигала 182.608 человѣкъ. Шамбрей все же предполагаетъ, что 15 августа армія была на нѣсколько тысячъ человѣкъ сильнѣе, потому что число отсталыхъ, дошедшихъ въ продолженіе этихъ дней отдыха, до своихъ частей, вознаградило все то, что армія снова потеряла въ больныхъ, мародерахъ и т. д., и это число, такимъ образомъ, представляло все же значительный контингентъ. Вслѣдствіе этого онъ исчисляетъ наличность французской арміи ко времени сраженія подъ Смоленскомъ (Шамбрей стр. 14) въ 185.000 человѣкъ. Генералъ Данилевскій продолжаетъ такимъ образомъ:

„Положимъ, что по своему обыкновенію Наполеонъ преувеличилъ число войскъ, а сочинители уменьшили оное, и что при переходѣ черезъ Днѣпръ состояло на-лицо 190.000 человѣкъ. Убавя изъ сего числа 15.000 убитыхъ и раненыхъ въ сраженіяхъ въ окрестностяхъ Смоленска, заболѣвшихъ, оставленныхъ на этапахъ и разбредшихся отъ полковъ, выходитъ, что у Наполеона было подъ Бородинымъ болѣе 170.000 человѣкъ“.

Какъ?! Потери, которыя французская армія имѣла въ людяхъ въ четырехъ кровопролитныхъ сраженіяхъ, бывшихъ въ окрестностяхъ Смоленска, въ продолженіе трехъ недѣль, а также благодаря ужаснымъ эпидеміямъ, въ ней свирѣпствовавшимъ, достигали, благодаря мародерству и заблудившимся людямъ въ

общемъ всего-на-всего 15.000 человѣкъ? И это въ арміи, въ которой приходилось оставлять отряды на этапахъ для охраны болѣе, чѣмъ 300-верстной операціонной линіи, считая гарнизонъ Смоленска, и въ которой дисциплина становилась столь слабою.

Правда, нельзя обвинить генер. Данилевскаго, что онъ въ этомъ случаѣ преувеличилъ потери противника. И онъ самъ, какъ видно, съ этимъ соглашается, послѣ того, какъ въ послѣднихъ двухъ главахъ перваго тома, истощивъ всѣ источники своего краснорѣчія, дабы обогатить картину самымъ наглядным, подробнымъ, когда-либо представленнымъ, изображеніемъ отчаяннаго и дезорганизованнаго состоянія, въ которомъ французская армія уже тогда находилась. Поговоривъ про нихъ основательно въ первомъ томѣ, онъ возвращается снова къ этой темѣ и во второмъ (II, 176—178). Дѣйствительно, послѣ всѣхъ этихъ потоковъ краснорѣчія совсѣмъ не ожидаешь услышать столь скромную цифру.

Шамбрей, авторъ, прекрасно освѣдомленный и вмѣстѣ съ тѣмъ безпристрастный, оповѣщаетъ насъ, что въ однѣхъ битвахъ въ окрестностяхъ Смоленска потери Наполеона достигали болѣе 19.000 человѣкъ.

Но что еще непонятнѣе,—это то, что Русская армія, если вѣрить словамъ генер. Данилевскаго, понесла въ продолженіе этихъ недѣль потери значительно большія, нежели противникъ. Въ окрестностяхъ Смоленска ея силы достигали 120.000 человѣкъ,—при лагерѣ Царево-Займище въ ней числилось не болѣе какъ 95.734 человѣка (II, 204). Такимъ образомъ она лишилась 25.000 человѣкъ.

Между тѣмъ, болѣе, чѣмъ очевидно, что въ дѣйствительности убыль въ людяхъ въ Русской арміи должна бы была быть значительно меньшая чѣмъ у непріятеля. Она должна была потерять даже въ битвахъ менѣе людей, что̀ легко доказать: въ Смоленскѣ наши войска были защищены домами предмѣстій и городскими стѣнами, ими защищаемыми, которыя штурмовали французы.

Въ Лубино французы потеряли болѣе людей, чѣмъ мы, будучи болѣе многочисленными. Опытъ всѣхъ войнъ доказалъ, что во всякомъ сраженіи, гдѣ наступленіе ведется съ фронта, при огнестрѣльномъ оружіи, сторона, которая расходуетъ больше всего людей, теряетъ ихъ всѣхъ больше, т. е. до тѣхъ поръ, пока сраженіе продолжается, не будучи рѣшительнымъ, при намѣреніи вернуть потерянное съ избыткомъ, даже послѣ побѣды, или, вѣрнѣе, послѣ кризиса въ сраженіи, если можно такъ выразиться, а также во время преслѣдованія. Не нужно математическихъ выкладокъ, чтобы, напримѣръ, доказать, что армія атакующая въ глубокихъ колоннахъ нѣсколько батарей и цѣпь стрѣлковъ, защищающихъ выгодную позицію, поддержанныхъ нѣсколькими баталіонами, находящимися по близости въ резервѣ, защищенныхъ случайно мѣстностью,—необходимо должна терять больше людей, чѣмъ противникъ, ею атакованный, пока побѣда еще не рѣшена. Сраженіе при Лубино отчасти имѣло этотъ характеръ и французамъ было невозможно вернуть потерянное подъ конецъ сраженія. Дефиле передъ Русскою позиціей было форсировано лишь при самомъ наступленіи ночи, когда темнота должна была раздѣлить сражающихся. Благодаря упорной защитѣ, которая всегда останется блестящимъ дѣломъ среди лучшихъ подвиговъ Русской пѣхоты, преслѣдованія поэтому не было.

Кромѣ того, Русская армія направлялась въ свою собственную страну, не нуждалась въ занятіи мѣстечекъ сильными отрядами; теряла отъ болѣзней незначительное число людей, которое, даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, становится жертвою трудовъ похода. Она ничего не лишилась отъ мародерства, а солдатъ, хорошо накормленный и одѣтый, ни въ чемъ не нуждающійся, свыкся съ климатомъ и страной.

Пропорцію, которую генер. Данилевскій во что бы то ни стало желалъ бы установить, сводится къ слѣдующему:

Армія, теряющая больше всего людей въ сраженіяхъ, вынужденная отдѣлять значительные отряды, для занятія мѣсте-

чекъ на протяженіи 300 верстъ, опустошая голодомъ и болѣзнями, теряющая ежедневно безчисленное число солдатъ, жертвою этихъ невзгодъ и почти столько же отъ мародерства,—такая армія въ общемъ лишается, между Смоленскомъ и Бородинымъ, менѣе двѣнадцатой части своего наличнаго состава?!

Напротивъ того, Русская армія, въ которой потери значительно меньшія, нигдѣ не оставляющая отряды, и ни въ чемъ не нуждающаяся, ничего не терпящая отъ болѣзней, неповиновенія и мародерства,—эта армія лишается въ тотъ же промежутокъ времени нѣсколько болѣе пятой части своего наличнаго состава, результатъ, который безусловно долженъ насъ удивить. Тѣмъ не менѣе, нужно согласиться, что эти цифры нисколько не оправдываютъ той картины, которую авторъ намъ далъ относительно состоянія, въ которомъ находились обѣ арміи.

Но это еще не все: Французская армія, сражавшаяся подъ Смоленскомъ, не была даже вся соединена на Бородинскомъ полѣ. Правда, послѣ сраженій, четыре раза возобновляемыхъ въ окрестностяхъ города, считавшагося ключемъ Москвы, эта армія была усилена кавалеріей Латуръ-Мобура, но ее замѣнила дивизія Лаборда (10 баталіоновъ молодой гвардіи), оставленная у Смоленска, и дивизія Пано 4-го корпуса (15 баталіоновъ), отдѣленныхъ по направленію къ Витебску, а также и кавалерія Пажоля (Шамбрей стр. 35, Бутурлинъ I, 236). Эти отдѣленныя войска, равныя по количеству армейскому корпусу, должны бы быть исключены, по крайней мѣрѣ, изъ общаго числа войскъ французской арміи. Ген. Данилевскій вообще ничего про это не сообщаетъ,—это прямо непостижимое упущеніе, въ полномъ значеніи этого слова.

Какъ могъ авторъ запутаться въ этомъ лабиринтѣ предположеній и ошибокъ—это съ трудомъ можно себѣ объяснить, такъ какъ недостатка въ подлинныхъ свѣдѣніяхъ относительно эпохи, о которой мы говоримъ, не имѣлось. Въ работѣ г. **Шамбрея** (стр. 35) имѣется документъ, который едва-ли могъ ускользнуть отъ вниманія ген. Данилевскаго: это

опять числа, извлеченныя изъ официальныхъ донесеній, изъ описанія состоянія французской арміи, переданные Наполеону его начальникомъ штаба, изъ коихъ видно, что въ этой арміи числилось подъ ружьемъ 21 Августа (2 Сентября) до 133.819 человѣкъ.

Вѣрно, что 6.321 человѣкъ были отдѣлены для фуражировокъ и должны были присоединиться къ своимъ частямъ, заключающимся въ этой цифрѣ, въ продолженіе слѣдующихъ пяти дней. Но сраженіе въ дѣйствительности произошло дней на пять позже, и нужно предположить, что большинство этихъ отрядовъ присоединилось послѣ того, когда былъ сдѣланъ вычетъ всего того, что̀ армія могла снова потерять больными, мародерами и т. д. Наличное число войскъ, соединенныхъ подъ начальствомъ Наполеона до Шевардинскаго боя, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть сокращено менѣе, какъ до 132 тысячъ человѣкъ. Почему же цифры, переданныя Шамбреемъ, показались генералу Данилевскому неточными? Онъ долженъ бы это намъ сказать и сослаться на доказательства. Кромѣ того, было бы очень просто провѣрить точность этихъ чиселъ самымъ простымъ вычисленіемъ и вотъ данныя:

Въ Смоленскѣ силы арміи достигали . . .	185.000 ч.
Послѣ того она была усилена кавалеріей Латуръ-Мобура (съ вычетомъ 2-го, 7-го и 16-го Польскихъ Уланскихъ полковъ, оставленныхъ этимъ корпусомъ въ распоряженіе генерала Домбровскаго около Бобруйска)	4.000 ч.
Всего . . .	189.000 ч.

Вычесть:

Потери въ четырехъ сраженіяхъ въ окрестностяхъ Смоленска	19.000 ч.
Къ переносу.	19.000 ч.

Переносъ . .	19.000 ч.
Выдѣленные:	
Дивизія Лаборда 10 батал. (22 батал. молодой гвардіи, согласно **Шамбрею** стр. 13 = 10.000 ч.) .	4.500 ч.
Дивизія Пино 15 баталіоновъ (57 бат. четвертаго корпуса = 26.000 ч.)	6.900 ч.
Кавалеріи	2.000 ч.
Всего вычесть	32.400 ч.
Остается . .	156.600 ч.
Армія состояла изъ	133.819 ч.
Остается . .	22.781 ч.

Вотъ число, которое армія потеряла въ незначительныхъ дѣлахъ, ежедневно возобновлявшихся, изъ которыхъ нѣкоторыя, а именно подъ Гридневымъ, были довольно кровопролитными. Въ это же число вошли потери частью отъ болѣзней, частью же отъ мародерства, а также многочисленные отряды, оставленные на этапахъ вдоль этой огромной операціонной линіи. По этому расчету вторгнувшаяся армія потеряла между Смоленскомъ и Бородинымъ приблизительно **двѣ девятыхъ** своего наличнаго состава, и этотъ подсчетъ безусловно правдоподобенъ, разъ по мнѣнію самого ген. Данилевскаго Русская армія потеряла **пятую** часть своего наличнаго состава, несмотря на всѣ преимущества своего положенія, сравнительно съ арміей Наполеона.

Такимъ образомъ видно, что всѣ обнародованные документы и всѣ вѣроятные расчеты, которые удалось установить, прекрасно между собой согласуются. И все же таки, имѣя эти документы, несмотря на ихъ убѣдительность **и не подкрѣпляя своихъ расчетовъ какимъ бы то ни было доказательствомъ,** ген. Данилевскій желаетъ замѣнить число, сообщенное намъ

ген. Шамбреемъ, цифрою въ 170.000 человѣкъ, исключительно основанное, какъ мы это сейчасъ доказывали, на предположеніяхъ безусловно произвольныхъ, на вычисленіяхъ очевидно невѣрныхъ и, наконецъ, на ошибкахъ и упущеніяхъ дѣйствительно непонятныхъ.

Если авторъ не счелъ нужнымъ дать о французской арміи болѣе подробныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ точныхъ свѣдѣній, то, по крайней мѣрѣ, слѣдовало бы ожидать найти въ сочиненіи всѣ необходимыя свѣдѣнія о русской арміи. Безусловно, ожидаешь найти диспозицію арміи и цифру наличнаго состава, т. е. не только общее число ея, но и каждаго корпуса и дивизіи въ отдѣльности, а разъ авторъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи всѣ документы, всю корреспонденцію нашихъ генераловъ, то могъ бы насъ познакомить съ дѣйствительнымъ числомъ людей каждаго полка въ отдѣльности. Эта деталь, кажущаяся на видъ мелочною, была бы далеко не лишнею. Между тѣмъ, видишь себя разочарованнымъ и въ этомъ отношеніи,—какъ это ни кажется маловѣроятнымъ. Работа ген. Данилевскаго почти ничего не содержитъ относительно состоянія Русской арміи наканунѣ этого ужаснаго Бородинскаго дня. Авторъ лишь удовлетворяется сообщеніемъ, что фельдмаршалъ Кутузовъ соединилъ до 113.000 человѣкъ, не считая 15.000 ополченія.

Прежде всего: вошли-ли казаки въ общую сумму или нѣтъ? Странно: въ первомъ отдѣлѣ сочиненія казаки постоянно берутся въ расчетъ при вычисленіи общаго числа людей въ арміи, во второй части они совершенно игнорируются, а въ главахъ, трактующихъ о Бородинскомъ боѣ, у автора словно является колебаніе,—которой изъ двухъ системъ ему слѣдуетъ придерживаться. Тѣмъ не менѣе, очень трудно угадать, хотѣлъ-ли онъ, или нѣтъ включить ихъ въ общее число наличнаго состава. Съ другой стороны, приходится думать, что онъ предполагалъ это сдѣлать, такъ какъ упоминаетъ лишь о 113.000 чел. и ополченіи, ничего не сообщая о

казакахъ, какъ объ отдѣльномъ корпусѣ. Но другое сообщеніе снова совершенно уничтожаетъ всякую гипотезу, которую можно бы было установить на этой базѣ. Въ ч. II на стр. 375 авторъ говоритъ, что при Тарутинскомъ лагерѣ наличныя силы арміи достигали 52.343 человѣкъ, а имѣя при Бородинѣ до 113.000, она потеряла въ этомъ кровопролитномъ сраженіи, какъ онъ полагаетъ возможнымъ заключить, изъ этого числа до 61.000 человѣкъ. Позже, стр. 96 III тома, мы видимъ, что казаки не приняты въ расчетъ общаго числа людей, бывшихъ подъ Тарутинымъ. Такимъ образомъ получается впечатлѣніе, что были сдѣланы отвлеченности во всѣхъ этихъ вычисленіяхъ. Во что же нужно вѣрить? Какимъ образомъ разобраться въ этомъ лабиринтѣ?

Напрасный трудъ—стараться узнать, сколько въ Русской арміи было пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи,—авторъ ни слова намъ про это не говоритъ. И, однако, всѣ съ тѣмъ согласятся, что это безусловно необходимо было бы знать. И потомъ, разъ генералъ не говоритъ намъ, какая была наличность каждаго армейскаго корпуса въ отдѣльности,—какимъ образомъ мы можемъ дать себѣ отчетъ о распредѣленіи силъ и о постепенности, съ которою онѣ были введены въ дѣло? Какой способъ имѣется у насъ для вычисленія: сколько было въ разныя фазы сраженія войскъ активно дѣйствующихъ съ каждой стороны и сколько въ резервѣ? Между тѣмъ, это именно нужно знать. Наконецъ, является еще даже сомнѣніе, точно-ли общее число людей?!

Въ одной брошюрѣ, напечатанной въ прошломъ году, относящейся къ эпохѣ битвы при Бородинѣ (**Опытъ описанія Бородинскаго сраженія, Нѣлова**), находимъ приказъ по Русской арміи, по которому она составляла 26 Августа (7 Сентября) 1812 года въ общей совокупности 180 баталіоновъ, 163 эскадрона, 53 батареи и т. д. (пѣхоты съ ея артиллеріей 74.800 человѣкъ, кавалеріи съ ея артиллеріей 18.200 ч., артиллеріи въ резервѣ 10.800 ч.) = 103.800 человѣкъ, не считая 7.000 ч. иррегулярной кавалеріи и 10.000 ополченія.

Авторъ брошюры насъ предупреждаетъ, что этотъ приказъ былъ сообщенъ графомъ Толемъ, въ продолженіе Бородинскаго боя исполнявшаго обязанности генералъ-квартирмейстера арміи. Легко провѣрить точность сообщенія: въ Царево-Займищѣ силы арміи достигали 95.738 человѣкъ. На этой позиціи она получила подкрѣпленіе въ 15.589 человѣкъ (II, 204), что составляетъ 111.327 человѣкъ. Вычитая изъ этого числа понесенныя съ тѣхъ поръ потери, въ особенности въ сраженіяхъ при Гриднево и Шевардинѣ, видно, что фельдмаршалъ Кутузовъ ни въ какомъ случаѣ не могъ имѣть подъ ружьемъ 26 Августа (7 Сентября) болѣе 104.000 человѣкъ **послѣ дѣла подъ Шевардинымъ.**

Мы укажемъ еще на небольшой, очень замѣчательный мемуаръ, прошедшій незамѣченнымъ, но вполнѣ достойный вниманія, значущійся подъ заглавіемъ:

„**Fragmente über Moskaus Einäscherung**“ въ „**Militärische Monographien aus der neueren Zeit**“, страница 287—303.

Авторъ—одинъ изъ старшихъ офицеровъ въ арміи Багратіона, очень хорошо, какъ это видно, освѣдомленъ, если сравнить его записки со всѣми имѣющимися у насъ въ распоряженіи официальными документами. Авторъ говоритъ на стр. 303: „Die Stärke der Russen ergiebt sich, wenn ich gewissenhaft berichte, dass die Grosse Armee bis auf 70.000, die Kleine aber bis auf 34.000 Mann zusammen geschmolzen war“.

Это буквально цифры, сообщенныя графомъ Толемъ поручику Нефлову и генералу Хатову (переводъ сочиненія генерала Бутурлина).

Это тѣ самыя цифры, которыя были написаны на памятникѣ, воздвигнутомъ по Высочайшему повелѣнію при Бородинѣ въ память храбрецовъ, проливавшихъ кровь свою за отечество. Такимъ образомъ, въ ихъ точности не можетъ быть сомнѣнія. Зачѣмъ же генералъ Данилевскій захотѣлъ замѣнить ихъ другими, никакихъ другихъ доказательствъ не приводя?

Кромѣ того, напрасно мы искали въ сочиненіи ген. Данилевскаго нѣкоторыхъ свѣдѣній относительно числа артиллерійскихъ орудій, которое каждая изъ армій могла бы ввести въ дѣло. Это странно. Разъ берется въ расчетъ ополченіе, вооруженное пиками, нельзя забывать артиллерію,—оружіе, имѣющее столь вѣское значеніе въ рѣшеніи участи сраженія и которое никогда, можетъ быть, не имѣло бо̀льшаго значенія, чѣмъ при Бородинѣ. Все же, если бы ген. Данилевскій только пожелалъ воспользоваться болѣе доступными источниками, онъ увидалъ бы, что Русская армія имѣла до 640 орудій (Нѣловъ, 100) противъ 587 французскихъ (Шамбрей стр. 35).

Въ дѣйствительности Русская армія имѣла лишь полевыхъ войскъ 104.000 человѣкъ при 640 орудіяхъ противъ 132.000 сражающихся при 587 орудіяхъ Наполеона; но даже принимая въ расчетъ это небольшое превосходство въ артиллеріи, число Русскихъ не совсѣмъ достигало 5 противъ 6. Нужно еще добавить, что въ рядахъ Русскихъ было до 15.000 человѣкъ рекрутовъ, — солдатъ, зачисленныхъ лишь въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, никогда не бывшихъ въ огнѣ, едва умѣвшихъ дѣйствовать оружіемъ; тогда какъ, напротивъ того, французская армія вся цѣликомъ состояла изъ однихъ ветерановъ. Все, что было въ кадрахъ лишняго и людей слабыхъ, давно погибло отъ лишеній войны и отъ болѣзней, какъ ихъ послѣдствій. Всѣ оставшіеся въ строю были солдаты испытанные въ трудахъ, давно привыкшіе не только къ войнѣ и сраженіямъ, но еще и къ побѣдамъ. Если, несмотря на такое чувствительное меньшинство, Русская армія могла столь стойкое противодѣйствовать; если она съумѣла столь блестяще оспаривать у нихъ побѣду, то она, конечно, проявила качества, требовавшіяся обстоятельствами и величіемъ историческаго момента.

Мы не будемъ разбирать всѣхъ подробностей Бородинскаго дня (II, глава IX); механизмъ этого ужаснаго сраженія былъ очень простъ и никогда, можетъ быть, не маневрировали

такъ мало. Это было сраженіе съ фронта; одна изъ тѣхъ упорныхъ битвъ, которыя рѣшаются подъ конецъ лишь истощеніемъ одной изъ сторонъ. Отсюда слѣдуетъ экономія послѣдовательнаго расходованія силъ, что насъ больше всего должно бы интересовать въ диспозиціяхъ. Безусловно, было бы поучительно имѣть возможность вычислить въ каждый періодъ сраженія наличность силъ, постепенно вводимыхъ въ дѣло; но передавъ намъ чрезвычайно неопредѣленныя свѣдѣнія относительно числа сражающихся, изъ которыхъ состояли обѣ арміи, авторъ уже съ самаго начала лишилъ насъ возможности устанавливать подобныя вычисленія и съ тѣхъ поръ его описаніе едва-ли могло представить интересъ, — развѣ лишь относительно риторическихъ пріемовъ. Такимъ образомъ, намъ нѣтъ необходимости останавливаться, и исправлять всѣ незначительныя заблужденія и противорѣчія, которыя мы могли замѣтить, а ограничимся лишь критикой двухъ изъ этихъ ошибокъ, слишкомъ существенныхъ, чтобы ихъ обойти молчаніемъ.

Первая касается способа расположенія французскихъ войскъ. На планѣ, указывающемъ положеніе обѣихъ армій послѣ взятія французами Бородинскихъ флешей (около с. Семеновскаго), пѣхота Наполеона образуетъ безпрерывную линію, начиная отъ Бородина и береговъ Колочи, до старой Смоленской дороги, при чемъ мы видимъ кавалерію, находящуюся въ резервѣ, уступомъ назадъ. И авторъ воображаетъ, что таково дѣйствительно было положеніе французской арміи,— что доказываетъ нѣсколько строкъ текста. Между прочимъ, онъ говоритъ (II, 262), передавая объ атакахъ кавалеріи, направленныхъ на батарею Раевскаго (расположенную въ центрѣ Русской позиціи):

„Конница ихъ (французовъ) опять показалась впереди пѣхоты въ колоннахъ“.

Это собственно ошибка, и ошибка довольно существенная. Въ виду того, что сраженіе около Бородинскихъ флешей и батареи Раевскаго затянулись гораздо дольше, чѣмъ Наполеонъ

это предполагалъ, Даву и Ней, которымъ поручено было атаковать эти флеши, оказались вынужденными все болѣе и болѣе отходить вправо, и въ результатѣ получилось, что французская пѣхота оказалась раздѣленною на двѣ большія массы, изъ которыхъ одна, подъ начальствомъ упомянутыхъ выше двухъ маршаловъ, продолжала аттаки вправо, между Семеновскимъ и старою Смоленскою дорогой, тогда какъ вторая, налѣво, подъ начальствомъ вице-короля Евгенія, направила всѣ свои усилія противъ батарей Раевскаго. Весьма значительный промежутокъ между этими двумя массами былъ заполненъ исключительно кавалеріей Латуръ-Мобура и Монбрена, и такимъ образомъ кавалерія находилась въ первой линіи центра арміи,—случай, почти небывалый *). Вотъ наиболѣе характерная черта этого сраженія. И тѣмъ болѣе кажется страннымъ видѣть ее обойденною молчаніемъ въ разсматриваемомъ нами сочиненіи, когда всѣ безъ исключенія французскіе авторы отмѣчаютъ эту, рѣдко встрѣчающуюся, диспозицію. Если бы генералъ Данилевскій пожелалъ, кромѣ того, справиться въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ источникахъ, такъ-то: „Мемуары одного Вестфальскаго кавалерійскаго офицера“ въ „Militärisches Taschenbuch“. Dritter Jahrgang. 1821; Röder, „Mittheilungen aus dem russischen Feldzuge 1812“, 2-ter Theil, S. 103 u. folgende; „Die Mitwirkung der sächsischen Kürassierbrigade in der Schlacht an der Moskwa“ („Oesterreichische Militär-Zeitschrift“ 1851) и въ біографіи Тильмана, то онъ могъ бы найти много интересныхъ подробностей относительно дѣйствій этой кавалеріи въ то время, когда она занимала, подъ перекрестнымъ огнемъ съ русскихъ батарей, далеко не обычную позицію. Хотя эти дѣйствія не имѣли на ходъ событій рѣшающаго вліянія, тѣмъ не менѣе, они не лишены извѣстнаго интереса, по мнѣнію всякаго, кто не разсматриваетъ сраженіе, какъ шахматную игру, и солдатъ, какъ автоматовъ; а, напротивъ того,

*) Въ войнѣ 1756—63 гг. сраженіе подъ Минденомъ представляетъ примѣръ приблизительно такой же диспозиціи.

старается прослѣдить въ исторіи битвъ дѣйствіе моральныхъ впечатлѣній. Мы видимъ эту кавалерію, производящую множество частичныхъ нападеній, не получивъ на это приказа отъ главныхъ начальниковъ, и атакующую, не имѣя точно опредѣленной цѣли. Интересно было видѣть ее, неоднократно надвигающуюся сквозь дымъ, скрывавшій ея противника, и неувѣренную въ томъ, на кого она нападетъ, но увлекаемую впередъ исключительно подъ вліяніемъ необходимости дѣйствовать, хоть что-нибудь дѣлать,—такъ какъ играть совершенно пассивную роль становилось для нея все болѣе и болѣе невыносимымъ въ томъ тяжкомъ положеніи, въ которомъ она находилась.

Другое заблужденіе ген. Данилевскаго, еще болѣе существенное, касается диверсіи, исполненной на лѣвомъ флангѣ французской арміи ген. Уваровымъ. Эта экспедиція передана ген. Данилевскимъ въ совершенно неправильномъ освѣщеніи какъ относительно причинъ ея возникновенія, такъ и произведеннаго ею дѣйствія.

Авторъ намъ говоритъ, что, поднявшись на вершину небольшого холма (II, 255), ознакомившись съ этого мѣста съ положеніемъ обѣихъ армій и взвѣсивъ возможныя данныя на успѣхъ сраженія, фельдмаршалъ Кутузовъ, ни съ кѣмъ не посовѣтовавшись, приказалъ генераламъ Платову и Уварову перейти Колочу съ казаками и первымъ кавалерійскимъ корпусомъ, дабы ударить съ ними во флангъ лѣваго крыла французской арміи. Но, мы знаемъ, и въ этомъ нельзя сомнѣваться, что ген. Платовъ перешелъ на противоположный берегъ рѣки Колочи еще съ утра, ни отъ кого не получивъ приказанія (Нефловъ, Клаузевицъ, 151), и свидѣтель-очевидецъ ген. Клаузевицъ, бывшій тогда начальникомъ штаба ген. Уварова, передаетъ намъ, что все это произошло совершенно иначе: казачій атаманъ, замѣтивъ лишь небольшое число непріятельскихъ войскъ съ этой стороны, полагалъ возможнымъ произвести нападеніе на лѣвый флангъ французской арміи и сейчасъ же отправилъ принца Гессенскаго-Филипсталь-

скаго сдѣлать соотвѣтствующее предложеніе фельдмаршалу. Принцъ обратился сперва къ графу Толю, а послѣднему удалось склонить фельдмаршала произвести этотъ маневръ съ помощью корпуса генерала Уварова.

Сравнивая этотъ, нѣсколько преувеличенный, разсказъ ген. Данилевскаго съ тѣмъ, который передаетъ намъ начальникъ штаба генерала Уварова относительно атакъ, произведенныхъ впослѣдствіи первымъ кавалерійскимъ корпусомъ на лѣвый берегъ рѣки Колочи, приходишь къ убѣжденію, что это смѣлое предпріятіе не имѣло, собственно, значенія, приписываемаго ему ген. Данилевскимъ (Клаузевицъ 154—159; см. также Неѣловъ 68 и Бутурлинъ I, 281). Но въ особенности авторъ ошибается при передачѣ намъ тѣхъ послѣдствій, которыя имѣла эта диверсія. Нельзя сказать, чтобы она не имѣла нѣкотораго вліянія: вице-король Евгеній, предупрежденный относительно нападенія на лѣвомъ флангѣ, отложилъ рѣшительную атаку на батарею Раевскаго на полъ-часа; онъ даже самъ лично поскакалъ навстрѣчу Уварову, на лѣвый берегъ Колочи, увлекая за собой пять баталіоновъ Итальянской гвардіи, и эта получасовая отсрочка, конечно, что-нибудь да значила для Русской арміи, вынужденной защищаться при своей малочисленности. Но это не было уже такъ существенно, особенно если принять во вниманіе время, когда эта атака происходила, а именно—между одиннадцатью и двѣнадцатью часами пополудни; вѣдь, Наполеонъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи, для окончанія сраженія, болѣе шести часовъ времени! Вице-король, убѣдившись вскорѣ, что на лѣвомъ флангѣ былъ лишь слабый отрядъ легкой кавалеріи, нѣсколько задержанный вдобавокъ ущельемъ, чрезъ которое онъ не могъ пройти, немедленно вернулся на правый берегъ Колочи, и съ этого момента диверсія ген. Уварова перестала оказывать какое-либо вліяніе на ходъ событій: ея дѣйствіе сводилось къ нулю. Если ген. Данилевскій утверждаетъ, что многочисленныя колонны разныхъ родовъ оружія были направлены противъ Уварова,

то это явное заблужденіе. Ни одинъ изъ французскихъ авторовъ не упоминаетъ объ этомъ, и Клаузевицъ, которому представлялась полная возможность знать, что происходитъ, такъ какъ съ мѣста, гдѣ онъ находился, можно было обозрѣть бо̀льшую часть поля сраженія, да и дымъ съ этой стороны не мѣшалъ наблюденію, — онъ также не видѣлъ этихъ колоннъ. Съ того момента, какъ вице-король Евгеній вернулся, новыя ожесточенныя атаки на батарею Раевскаго возобновились, битва въ окрестностяхъ Семеновскаго продолжалась съ тѣмъ же ожесточеніемъ и резервы Наполеона оставались неподвижными на высотѣ Шевардина, при чемъ французская армія будто и не замѣчала присутствія генерала Уварова и его слабаго отряда на лѣвомъ берегу Колочи.

Такимъ образомъ нельзя отрицать, что много преувеличеннаго въ заключеніяхъ ген. Данилевскаго, который говоритъ намъ (II, 257):

„Дѣйствія Платова и Уварова имѣли на участь сраженія вліяніе чрезвычайно важное, вполнѣ оправдавшее ожиданіе князя Кутузова“, и продолжаетъ на слѣдующей страницѣ:

„Вотъ одна изъ главныхъ причинъ, лишившихъ Наполеона возможности воспользоваться побѣдою, уже склонившеюся на его сторону. Столь счастливый оборотъ былъ непосредственнымъ слѣдствіемъ превосходнаго маневра князя Кутузова,— маневра, до сихъ поръ неоцѣненнаго достойнымъ образомъ“.

Но что еще больше должно насъ удивить, такъ это тѣ соображенія, которыми генералъ Данилевскій мотивируетъ отступленіе ген. Уварова (II, 256):

„Князь Кутузовъ смотрѣлъ на дѣйствія Уварова съ Горскихъ батарей и приказалъ ему отступить, замѣтивъ, что цѣль, для которой послана была кавалерія, достигнута, то-есть, что войска непріятельскія стали подаваться на лѣвое крыло ихъ“.

Какъ?! Генералъ Уваровъ былъ отозванъ **потому, что** его дѣйствія достигли предположенной цѣли? и въ тотъ самый

моментъ, когда противникъ **началъ** дѣлать то, чего желали, т. е. направлять сильныя колонны противъ него?! Такимъ образомъ, повидимому, **боялись** ослабленія противника на рѣшительныхъ пунктахъ и этотъ отрядъ былъ отозванъ, дабы противникъ не былъ введенъ въ заблужденіе относительно его дѣйствительнаго назначенія?! Наконецъ, чтобы избавить французскихъ генераловъ отъ всякаго въ этомъ случаѣ ненужнаго безпокойства?! Но, въ такомъ случаѣ, это былъ бы добродѣтельный поступокъ или, если хотите, рыцарская любезность, столь трогательная и столь рѣдкая въ такой эгоистическій и положительный вѣкъ, какъ нашъ!..

Если бы атаки ген. Уварова дѣйствительно имѣли столь выгодное дѣйствіе, то, напротивъ, возникала бы крайняя необходимость настаивать на продолженіи ихъ возможно дольше и на возможно бо̀льшемъ пространствѣ!..

Къ счастью, мы лучше освѣдомлены, благодаря другимъ авторамъ, относительно этого періода сраженія, не то эти фатальныя строки, по всей вѣроятности необдуманно написанныя ген. Данилевскимъ, передали бы потомству очень странное понятіе о талантахъ и способностяхъ ген. Кутузова. Стоитъ только обратить вниманіе на описаніе Неѣлова, Бутурлина и въ особенности Клаузевица,—и станетъ ясно, что генералу Уварову, не бывшему въ силахъ форсировать р. Войну, оставалось ограничиться малозначущею ролью празднаго наблюдателя.

Графъ Толь, ген. Ожаровскій и много другихъ офицеровъ генеральнаго штаба пріѣзжали поочередно осматривать эту часть поля сраженія и старались найти способъ, чтобы диверсія, или, скорѣе, демонстрація, выполненная этимъ отрядомъ, имѣла болѣе чувствительное вліяніе на судьбу этого дня. Но всѣ должны были съ тѣмъ согласиться, что это было невозможно, и въ концѣ-концовъ было рѣшено отозвать ген. Уварова, такъ какъ убѣдились, что его присутствіе на лѣвомъ берегу Колочи уже давно потеряло всякое значеніе.

Позднѣе говоря о результатѣ сраженія, авторъ ошибается, желая доказать, будто Русская армія имѣла въ концѣ сраженія болѣе артиллеріи въ резервѣ, нежели противникъ.

Онъ говоритъ, что даже французская гвардейская артиллерія была введена въ дѣло, за исключеніемъ тридцати орудій, оставленныхъ въ резервѣ. Эти свѣдѣнія онъ, по всей вѣроятности, нашелъ у Шамбрея и въ мемуарахъ генерала Раппа; но, къ сожалѣнію онъ понялъ этихъ авторовъ въ совершенно обратномъ смыслѣ. Шамбрей и Раппъ,—какъ одинъ, такъ и другой,—говорятъ, что гвардейская артиллерія силою въ 109 орудій была вся полностью въ резервѣ, за исключеніемъ 30 орудій, участвовавшихъ въ сраженіи.

Подобнаго рода ошибки слишкомъ многочисленны въ сочиненіи генерала Данилевскаго, чтобы мы стали ихъ исправлять.

Не будучи въ состояніи останавливаться на слѣдующихъ главахъ, мы только можемъ засвидѣтельствовать генералу Данилевскому наше полное удовлетвореніе относительно сообщенныхъ подробностей о военномъ совѣтѣ подъ Москвою. Что же касается столь знаменитаго пожара и разрушенія древней столицы, то авторъ въ дѣйствительности ничего новаго не передаетъ намъ. Все существенное, что онъ говоритъ относительно этого, было напечатано еще въ 1818 году авторомъ „Fragmente über Moskaus Einäscherung“, о чемъ уже упоминалось выше. Все же мы находимъ одну подробность, которую ген. Данилевскому слѣдовало бы разъяснить: какимъ это образомъ наше ополченіе было вооружено при Бородинѣ отчасти лишь однѣми пиками, тогда какъ въ Московскихъ арсеналахъ еще имѣлось до 80.000 ружей, доставшихся впослѣдствіи противнику.

Въ первыхъ главахъ III тома авторъ передаетъ намъ, что произошло съ великою арміей сейчасъ же послѣ погрома Москвы, и въ этой части сочиненія мы снова находимъ утвержденія, обоснованныя недостаточно убѣдительными, по нашему мнѣнію, доказательствами.

Многія мѣста въ этомъ разсказѣ безусловно являются спорными. Генералъ Данилевскій старается, напримѣръ, внушить намъ, что фельдмаршалъ Кутузовъ еще до оставленія Москвы согласился съ проектомъ перехода на старую Калужскую дорогу, и если онъ сперва двинулся по направленію къ Рязани, то исключительно съ цѣлью обмануть Наполеона относительно своихъ дѣйствительныхъ намѣреній. Но среди военныхъ всегда найдутся такіе, которые пожелаютъ имѣть доказательства и станутъ утверждать, что разъ это было намѣреніе фельдмаршала, то не проще-ли было бы исполнить этотъ стратегическій маневръ въ самой Москвѣ, гдѣ дороги скрещиваются, чѣмъ отступать сперва къ Рязани, подвергаясь опасности быть предупрежденными французскою арміей на Калужской дорогѣ?! И получается впечатлѣніе, будто это было и мнѣніе Императора Александра (II, 40).

Оставивъ въ сторонѣ вопросъ, когда фельдмаршалъ Кутузовъ согласился съ идеей перехода противъ праваго фланга французской арміи, имѣются два обстоятельства, которыя, тѣмъ не менѣе, не должны были бы, казалось бы ускользнуть отъ вниманія генерала Данилевскаго, разъ они могли содѣйствовать нѣкоторымъ авторамъ къ разъясненію вопроса: какимъ образомъ возникъ этотъ маневръ, столь знаменитый въ исторіи? Клаузевицъ сообщаетъ намъ, что немедленно послѣ Бородинскаго сраженія и раньше, чѣмъ Москва была оставлена, графъ Толь неоднократно говорилъ ему, что, по его мнѣнію, отступленіе за Москву, по направленію къ Владиміру, не могло болѣе продолжаться; что слѣдовало бы сдѣлать въ Москвѣ частичную стратегическую конверсію, дабы базироваться на богатыя южныя провинціи и взять во флангъ операціонную линію противника. Но онъ безусловно опасался, что его мнѣніе не будетъ одобрено, такъ какъ высшее начальство отнеслось очень враждебно къ этому плану дѣйствій (Клаузевицъ 175—176). Затѣмъ генералъ Данилевскій (часть II, 327) самъ вынужденъ сознаться, что это графъ Толь на военномъ

совѣтѣ передъ Москвою предложилъ избрать позицію, опирающуюся правымъ флангомъ на городъ, а лѣвымъ на новую Калужскую дорогу, **дабы имѣть возможность отступить, въ случаѣ неудачи, на старую Калужскую дорогу,—**

„и потомъ, если обстоятельства потребуютъ, отступить къ старой Калужской дорогѣ".

Но авторъ словно испытываетъ какое-то отвращеніе называть гр. Толя; онъ точно старается возможно рѣже называть этого офицера.

А вотъ еще доказательство: когда графъ Чернышевъ, пріѣхавъ въ лагерь подъ Красной Пахрой, познакомилъ фельдмаршала Кутузова съ новымъ операціоннымъ планомъ, имъ привезеннымъ, фельдмаршалъ объявилъ, что не можетъ въ окончательной фо́рмѣ высказать свое сужденіе относительно предположенной диспозиціи, не посовѣтовавшись предварительно съ генераломъ Бенигсеномъ (III, 39). Дѣйствительно военный совѣтъ состоялся на слѣдующій день, но единственные генералы, которые были допущены для принятія въ немъ участія—были Беннигсенъ и Коновницынъ.

Неужели вѣрно, что графъ Толь не присутствовалъ? Неужели возможно было, что въ такой моментъ, когда требовалась резолюція, отъ которой зависѣла, какъ, по крайней мѣрѣ, полагали, успѣхъ кампаніи, что тогда никто не счелъ нужнымъ узнать мнѣніе **генералъ-квартирмейстера арміи**,—офицера, пользовавшагося, какъ это знала вся армія, наибольшимъ довѣріемъ фельдмаршала? Трудно въ этомъ убѣдить армію, Россію и всю Европу.

Такимъ же образомъ генералу Данилевскому снова представляется возможность не упоминать о графѣ Толѣ, когда онъ говоритъ о Тарутинскомъ дѣлѣ, и все же сто́итъ только обратить вниманіе на сочиненіе генерала Бутурлина, чтобы убѣдиться, дѣйствительно-ли такая малозначащая роль пришлась на долю графа Толя? Почему именно генералъ Данилевскій, говоря о рекогносцировкѣ праваго фланга французской арміи,

послѣдствіемъ которой явилась увѣренность въ возможности захватить врасплохъ Мюрата, не сказалъ, что эта рекогносцировка была исполнена графомъ Орловымъ-Денисовымъ и графомъ Толемъ. На основаніи, собственно, чего онъ назвалъ только одного графа Орлова? *)

Другой вопросъ—относительно стратегическихъ дѣйствій фельдмаршала сейчасъ же послѣ взятія Москвы—имѣетъ столь важное значеніе, что не можетъ быть обойденъ молчаніемъ. Авторъ передаетъ намъ довольно пространно и, видимо, очень подробно планы, одобренные въ то время фельдмаршаломъ. Почему же приказанія генераламъ Тормасову и Чичагову, отправленныя тогда же, обойдены молчаніемъ? Вѣдь, фельдмаршалъ отправилъ Чичагову приказъ присоединиться къ нему въ окрестностяхъ Москвы еще до паденія послѣдней!..

Когда древняя столица Россіи была потеряна, фельдмаршалъ приказалъ Тормасову передать Чичагову защиту Волыни и Подоліи противъ князя Шварценберга и возможно скорѣе пройти пространство болѣе, чѣмъ въ тысячу верстъ, чтобы усилить главную армію подъ Тарутинскимъ лагеремъ. Наконецъ, черезъ день позднѣе эта диспозиція была измѣнена третьимъ приказомъ, сообщающимъ, что армія адмирала должна была, напротивъ того, приблизиться къ главной квартирѣ, направляясь черезъ Могилевъ, тогда какъ Тормасову поручалась защита Волыни.

Эти маневры не были исполнены и операціонный планъ былъ въ дѣйствительности выполненъ иначе. Однако, каковы

*) Дабы имѣть возможность лично убѣдиться въ томъ участіи, которое грфъ Толь принималъ въ дѣлѣ подъ Тарутинымъ, достаточно прочитать рескриптъ императора Александра при пожалованіи ему ордена Св. Анны первой степени, въ которомъ говорится: «Въ ознаменованіе отличныхъ подвиговъ, оказанныхъ Вами 6-го Октября 1812 года въ сраженіи противъ французскихъ войскъ и при аттакѣ на непріятельскій авангардъ, гдѣ Вы, рекогносцировавъ непріятельскій лагерь, составили проектъ къ нападенію и, несмотря на темноту ночи, подвели подъ непріятельскіе пикеты сто тысячъ войска нашего, а во время аттаки направляли колонны наши, и вездѣ находились тамъ, гдѣ успѣхъ побѣды зависѣлъ отъ аттакующей части, Всемилостивѣйше жалуемъ Васъ Кавалеромъ Св. Анны 1 степени».

были стратегическія соображенія, къ которымъ относились эти приказанія? Безусловно ген. Данилевскому было бы легко разъяснить этотъ вопросъ, потому что невозможно допустить, чтобы фельдмаршалъ, отдавая приказанія къ исполненію столь многозначащихъ маневровъ, не объяснилъ въ своихъ донесеніяхъ Государю Императору, на какомъ основаніи онъ предполагалъ произвести ихъ и какихъ результатовъ онъ ожидалъ. Эти соображенія интересуютъ насъ; это, по всей вѣроятности, были тѣ планы военныхъ операцій, которые фельдмаршалъ самъ составилъ до полученія диспозиціи, привезенной графомъ Чернышевымъ, и мы не можемъ составить вѣрнаго представленія о талантахъ Кутузова, не зная его личныхъ взглядовъ и плановъ.

Какъ было бы интересно, кромѣ того, узнать, въ какомъ освѣщеніи главнокомандующему Русскихъ армій представлялось положеніе обѣихъ воюющихъ сторонъ и какія, по его мнѣнію, предполагалось принять мѣры, вызванныя обстоятельствами, уже не говоря о томъ, насколько стратегическія комбинаціи столь крупнаго военачальника, уже сами по себѣ, должны быть чрезвычайно поучительны и цѣнны. Мы скажемъ даже болѣе: обнародованіе этихъ проектовъ явилось бы лишь тѣмъ фактомъ справедливости, въ которомъ авторы ни въ какомъ случаѣ не имѣли права отказать фельдмаршалу. Справедливо, что неизвѣстна та совокупность плана дѣйствій, приказанія по которому были отправлены генераламъ Тормасову и Чичагову, безусловно имѣвшихъ отношеніе къ общей диспозиціи. Эти частныя предположенія были почти всѣми осуждены съ большою строгостью. Многимъ знаменитымъ военачальникамъ они показались столь необыкновенными, что они даже стали сомнѣваться въ ихъ существованіи (Шамбрей стр. 59).

Въ виду этого, по крайней мѣрѣ, интересно узнать, что эти приказы были дѣйствительно отправлены, хотя авторъ словно старается ихъ скрыть отъ нашего вниманія, лишь мимолетно про нихъ упоминая (III, 37 № 208).

Не меньшій, по сравненію съ тремя первыми, представлялъ бы интересъ разбора четвертаго тома: пришлось бы сдѣлать не одно замѣчаніе относительно вѣрности передачи событій, бывшихъ въ окрестностяхъ Краснаго и на берегахъ Березины. Но этотъ мемуаръ уже самъ по себѣ является, можетъ быть, слишкомъ длиннымъ, и притомъ не будетъ-ли достаточно и того, что мы сказали, дабы имѣть вѣрное представленіе о сочиненіи. Планы, приложенные къ послѣднему, очень многочисленны, но во многихъ случаяхъ они совершенно лишены всякаго значенія. Такъ, напримѣръ, спрашивается, для чего намъ могутъ понадобиться кроки взятія Вереи? Было бы безусловно цѣлесообразнѣе приложить поменьше плановъ, но больше такихъ, на которыхъ мѣстность была бы изображена болѣе характерно, а расположеніе войскъ болѣе точно.

Что касается стиля, то критики, болѣе насъ компетентные, обвиняютъ генерала Данилевскаго въ томъ, что онъ грѣшитъ многочисленными галицизмами, тогда какъ мы въ этомъ отношеніи обязаны предъявить, быть можетъ, болѣе вѣское обвиненіе.

Восхищаясь патріотизмомъ автора, мы вмѣстѣ съ тѣмъ желали бы, чтобы столь возвышенныя чувства были всегда выражены языкомъ, достойнымъ величія предмета, достойнымъ эпохи, столь великой и прекрасной въ лѣтописяхъ Россіи; но, къ нашему великому огорченію, должны согласиться, что стиль генерала Данилевскаго иногда достигаетъ силы непринятой и даже нетерпимой въ хорошемъ обществѣ.

CRITIQUE DE L'OUVRAGE:

Описаніе Отечественной войны

по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію,

соч. Генералъ-Лейтенантомъ МИХАЙЛОВСКИМЪ-ДАНИЛЕВСКИМЪ.

Critique de l'ouvrage:

Описаніе Отечественной войны по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію,

соч. генералъ-лейтенантомъ МИХАЙЛОВСКИМЪ-ДАНИЛЕВСКИМЪ.

Peu d'auteurs ont été favorisés par d'aussi heureuses circonstances que le g-l Danilefsky; il a trouvé la route frayée et d'excellents matériaux préparés en très grande abondance. Parmi tant d'ouvrages sur la guerre de l'année 1812, publiés avant que le g-l Danilevsky eût entrepris d'écrire l'histoire de cette campagne, et dont il pouvait tirer parti, se trouvent plusieurs compositions très remarquables, dont le mérite ne saurait être contesté; d'autres rélations, bien qu'écrites avec moins de talent et de méthode, sont dignes cepedant de fixer l'attention de l'historien de cette grande et mémorable époque, parce qu'il peut y trouver une foule de renseignements et de précieux détails sur presque toutes les parties de cette lutte héroïque. C'est ainsi que même l'ouvrage du général **Vaudoncourt** peut faciliter ses recherches, malgré l'extrême partialité de l'auteur, si souvent égaré par ses passions. Le baron **Fain,** également injuste et passioné, a cependant éclairci dans son ouvrage plusieurs points essentiels; l'histoire de la grande armée par M-r **de Ségur,** bien que ce soit plutôt un ouvrage agréable qu'un ouvrage historique, n'en contient pas moins quelques notices assez importantes; il en est de même des remarques critiques du général **Gourgaud** qu'il a **provoquées**, des souvenirs du général **Matieu Dumas**, des mémoires du g-l **Rapp** et de l'ouvrage de **Soltyk** sur les opérations auxquelles les troupes polonaises ont pris part. M-r **de Röder** est bien informé sur tout ce qui a rapport au contingent Saxon. Enfin nous citerons encore l'ouvrage de M-r **de Chambray,** dévenu célèbre à juste titre, et qui effectivement ne laisse presque rien à désirer par rapport à l'histoire de cette grande armée du centre, placée sous les ordres immédiants de Napoléon.

Quant aux événements qui ont lieu sur les théâtres de guerre secondaires, sur les rives du Styr et du Boug d'un coté, sur celles de la Dvina de l'autre, nous en possédons des rélations qui sont même plus détaillées encore, et que l'on peut en partie appéler classiques; de ce nombre sont la rélation des campagnes de l'armée Saxone en 1812 et 1813; la biographie du prince de **Schvarzenberg** par **Prokesch**; le mémoire de **Seidlitz** sur la campagne du g-l **York** en Courlande; celui de **Völderndorff** sur les opérations du sixième corps de l'armée française (contingent bavarois) et surtout les mémoires de **Gouvion St-Cyr**, de ce maréchal de France qui s'est montré à la fois soldat si brave et historien, si véridique, si noblement impartial.

D'autres ouvrages publiés du coté des Russes ne méritent guère moins d'être cités; celui du g-l **Boutourline** entre autres, a été jugé très remarquable, bien qu'on regrette de ne pa y trouver tous les détails dont on aurait besoin; **Hoffmann**, d'abord officier supérieur au service de la Russie, ensuite général dans l'armée prussiene, nous a donné sur les opérations du 2-me corps (Bagovout) un ouvrage qui mérite des éloges — et enfin le mémoire du général **Clausewitz** doit être compté au nombre des ouvrages les plus intéressant, de l'époque, même par ceux qui ne partagent pas sur tous les points l'opinion de ce savant stratègue.

A cette littérature immence il faut encore ajouter un nombre très considérable de relations et de mémoires particuliers, en partie très importants, qui se trouvent dans les journaux militaires allemands et français et cependant quelque précieuses que soient ces richesses littéraires, elles ne formaient encore que la partie la moins importante des matériaux, mis à la disposition du g-l Danilefsky. Tous les archives de l'empire sans exception — la correspondance entière des généraux qui en 1812 étaient placés à la tête des armées russes — celle même de S. M. l'Empereur Alexandre — en un mot tous les documents officiels qui existent en Russie: — voilà les sources auxquelles il lui était de plus permis de puiser.

Ces circonstances nous autorisaient pour ainsi dire à attendre de la part du g-l Danilefsky un ouvrage classique, une histoire complète de cette guèrre — époque si grande et si belle dans les annales de la Russie. Si un auteur, favorisé ainsi par le sort, se bornait à fournir seulement quelques matériaux de plus à l'historien futur, on ne pourrait pas dire de lui qu'il ait bien rempli sa tâche; il fallait ou contraire que l'ouvrage du g-l Danilefsky ne laissât rien à désirer, et qu'après la publication de cette histoire il n'y eût plus rien à dire sur la campagne de l'année 1812;

c'était le cas, ou jamais, d'enrichir notre littérature d'un ouvrage vraiment classique.

Et l'auteur, a-t'il rempli la tâche qui lui avait été imposée? — Son ouvrage repond-t-'il aux espérances que les circonstances nous avaient donné le droit d'en former? — Non, assurément.

Ce n'est pas que les quatre volumes du g-l Danilefsky ne contiennent sur plusieurs événements de cette guerre des détails intéressants et jusqu'à cette époque ignorés; l'historien futur y trouvera même des matériaux dont il pourra tirer un grand parti: mais l'histoire de l'année 1812 reste encore à faire.

Lorsqu'on examine l'ouvrage du g-l Danilefsky d'abord dans sa totalité, on ne saurait approuver la manière dont il a envisagé et traité son sujet. Si le général s'était dit, qu'il ne s'agissait pas seulement de composer un livre brillant d'esprit et d'éloquence, — agréable et entraînant: qu'il s'agissait au contraire d'écrire une **histoire**, et nommément une **histoire militaire** de cette campagne, alors certainement il aurai rétranché de son ouvrage une partie du moins de ces élans de rhitorique, dont il aime à l'embellir, et il y aurait substitué quelques uns de ces détails téchniques, indispensables dans un ouvrage de cette nature, et dont en vérité, il s'est montré un peu trop avare.

Nous ne saurions non plus passer sous silence un défaut dans la disposition de l'ouvrage qui n'a pu manquer d'exercer une influence très nuisible sur toutes ses parties. Dans la guerre les forces physiques et morales des deux partis qui se disputent la victoire, sont rarement égales et dans un équilibre parfait; l'un des deux l'emporte d'ordinaire, soit par une supériorité physique ou morale, soit par une supériorité dérivée de sa position stratégique et dûe aux circonstances. Ce parti est maître alors de prendre l'initiative; c'est à lui, jusqu'à un certain point, de dicter la loi à son adversaire, tandis que le parti opposé se voit nécessairement reduit à se défendre et à régler ses mouvement sur ceux de l'ennemi. Pour nous donner une idée claire et précise des événements, l'historien doit toujours commencer par le détail des projets et des manœuvres du parti qui a pour le moment l'initiative; ce n'est qu'après nous en avoir fait l'exposé qu'il passera aux mesures prises par l'armée la plus faible pour parer les coups qui vont lui être portés: opérations qui sont en quelque sorte determinées d'avence par celles de l'ennemi.

Dans le cours d'une guerre prolongée, où la victoire est disputée avec acharnement, l'initiative peut passer, même plusieures fois, d'un parti à l'autre: l'historien doit observer jusqu'aux moindres oscilations de

la balance; il doit à chaque époque de la campagne se transporter en idée au quartier-général de l'armée qui domine sur le théâtre de guerre, enfin de nous montrer toujours l'attaque avant de nous raconter la défence. Ce n'est pas ainsi qu'en agit le g-l Danilefsky; à l'exception de l'époque où Moscou était occupé par les français, il reste constamment, surtout dans la prémière partie de l'ouvrage, au quartier-général de l'armée russe qui, certes, n'avait pas l'initiative au commencement de la campagne; le plus souvent il ne nous donne sur les opérations de l'armée d'invasion que des renseignements vagues, en partie erronnés, quelquefois contradictoires: tels enfin qu'on pouvait les avoir au quartier-général de l'armée russe à l'époque même des événements, au fort de la guerre. Traité ainsi, son ouvrage ne pouvait jamais devenir qu'une histoire de l'armée russe, au lieu d'être une histoire complète de l'année 1812.

Mais il y a plus. L'auteur se transporte en idée dans les temps et sur les lieux — non pas comme historien: — mais comme individu; ses souvenirs redeviennent pour lui des réalités; les vingt huit ans qui nous séparent de cette grande époque historique, disparaissent à ses yeux; il parait de nouveau éprouver les émotions qui ont alors agité son âme et recevoir les mêmes impressions: — il retrouve en un mot les passions et jusqu'aux préjugés de l'époque. Son récit en est peut-être dévenu plus animé et plus séduisant—mais d'un autre coté il en est résulté qu'au lieu de détruire les erreurs que ces préjugés ont fait naître, le g-l Danilefsky tâche au contraire de les propager — et on ne saurait le nier: plusieurs événements, plusieurs parties de la campagne, ont été placés par lui dans un jour tout à fait faux, comme nous le prouverons dans le cours de ce mémoire.

Les rélations des batailles et des cambats forment sans contredit la partie, la moins satisfaisante de l'ouvrage. Qu'il nous soit permis d'entrer dans quelques détailes à ce sujet. Une bataille est quelque fois décidée par une manœuvre heureuse et innatendue, comme à Prague, à Rossbach, à Leuthen du temps de Frédéric le Grand; ou bien comme à Rivoli, à Austerlitz, à Salamanco, journées mémorables d'une époque plus récente. Mais l'occasion de s'emparer ainsi de la victoire par un mouvement subit, par une heureuse inspiration du génie, ne se présente que bien rarement. Le plus souvent le combat ressemble dans sa marche monotone à une lutte opiniâtre et prolongée, dont les chances paraissent d'abord égales, mais pendant laquelle l'un des deux partis acquiert peu à peu une supériorité qui, peu sensible dans les comencements, augmente bientôt, s'il est permis de s'exprimer ainsi, dans une proportion géométrique; souvent elle finit par devenir écrasante et permet alors de terrasser l'ennemi. Ces combats

ne sont décidés à la fin que par l'épuisement de l'un des deux partis, et celui qui conserve le dernier une reserve encore intacte en sort invariablement vainqueur.

Les batailles gagnées par des manœuvres sont même devenues de nos jours plus rares qu'elles ne l'avaient été autrefois, et la raison en est très simple. Du temps de Frédéric le Grand, les armées étaient d'ordinaire rangées sur deux lignes seulement, l'infanterie au centre, la cavalerie sur les ailes. L'armée entière deployée dans cet ordre formait, pour ainsi direr un tout organique qui ne pouvait agir que dans sa totalité. Dés que la ligne était rompue quelque part, dès que les parties qui la composaient n'étaient plus liées les unes aux autres: dès lors la défaite était décidée, parceque les parties désunies de ce corps organique n'étaient pas en état d'agir et de se défendre isolément. Mais il n'en est plus de même depuis qu'on a rangé les armées en divisions dont chacune, pour nous servir de la même métaphore, forme à elle seule un corps organique, fort de ses propres ressources et capable d'agir isolément. Il n'en est plus de même surtout depuis qu'on a adopté le princípe de donner à l'ordre de bataille peu d'étendue et beaucoup de profondeur, puisque les nombreuses reserves échélonées à différentes distances du front de baudière offrent presque toujours les moyens de redresser chaque accident, chaque desordre partiel.

Aussi la campagne de l'année 1812 n'offre telle guère d'exemple d'une bataille décidée par des manœuvres, si ce n'est l'affaire de Polotsk le 6/18 Août. Les batailles avaients donc presque sans exeption ce caractère d'une lutte corps à corps, prolongée jusqu'à l'épuisement des forces, dont nous avons parlé plus haut: et dès qu'il s'agit d'un combat réduit à une forme aussi simple, la partie des despositions le plus essentiellement intéressante, celle qu'il nous importe surtout de connaitre, c'est celle qui a rapport à **l'économie de l'emploi successif des forces** *). Il faut que l'historien vous mette en état de calculer combien chacun des deux partis, a eu, à chaque époque de la bataille, d'hommes effectivement engagés dans la lutte et combien en reserve; ce n'est que d'après les résultats de ce calcul que nous pouvons juger, de combien les chances de succès ont dans chacune des phases de la bataille augementé d'un côté et diminué de l'autre. Malheureusement c'est précisement la partie dont le général Danilefsky s'occupe le moins; ses rélations sont animées, éloquentes: mais les détails téchniques et les chiffres y sont singulièrement négligés enfin que

*) Il est presque inutile de dire que nous prenons ici le mot **d'économie** dans le sens dans lequel il est pris lorsqu, on parle de l'économie d'un poéme ou d'un discours.

que soit le charme de ces tableaux dont le coloris est si brillant, l'historien et le militaire n'en seront guère satisfaits.

Les faits nouveaux portés par l'auteur à la connaissance du public, ne sont pas aussi nombreux qu'on aurait pu le croire, et souvent on regrette de ne pas voir ses assertions appuyées de preuves. D'autre fois l'auteur s'est borné à nous dire que tel détail est tiré de tel document enfoui dans les archives; quelque-fois il nous donne la traduction d'un extrait des documents qu'il cite, ce qui ne suffit pas, puisque des pièces mutilées ainsi n'ont aucune authenticité; il aurait fallu toujours nous comuniquer les pièces justificatives dans la langue originale et **in extenso,** comme l'auteur le fait quelquefois; son ouvrage n'en aurait offert que plus d'intérêt.

Du reste, si d'un coté il nous a fait connaître quelques détails ignorés jusqu'à ce jour et plus ou moins bien prouvés,—il est de l'autre tombé dans de nombreuses erreurs, et dans des erreures qui sont en partie inconcevables lorsqu'on se rappelle combien il a été favorisé par les circonstances.

C'est ce que nous tâcherons de démontrer dans l'analyse des parties les plus importantes de l'ouvrage dont nous allons désormais nous occuper.

La critique des premiers chapitres de l'ouvrage, contenants l'introduction et la partie politique, pourrait cependant mener trop loin; sans nous y arrêter nous passerons d'abord à la partie militaire, qui est en même temps la plus essentielle.

Le premier devoir d'un auteur qui se charge d'écrire l'histoire d'une campagne est de nous faire connaître les forces que les deux puissances belligérantes avaient à leur disposition; il nous fera voir ensuite quel parti elles en ont effectivement tiré, quelle fraction de ces forces elles ont effectivement mise en action, et dans quel ordre elles ont échelonné leus troupes sur le théâtre de guerre. Après nous avoir dit combien il y avait de chaque coté de troupes en prémière ligne, combien en seconde ligne et en reserve il n'oubliera pas non plus les moyens qu'on avait préparés des deux cotés pour réparer les pertes que les armées devaient nécessairement essuyer.

De même il est indispensable de nous faire, avant de commencer le récit des événements qui ont effectivement eu lieu, l'exposé des projets qu'on avait formé des deux cotés. Il faut nous dire dans quel jour on voyait de chaque coté la position des deux armées, quelle idée on s'en était formé dans les deux quartiers généraux; quel but on se proposait tant du coté des agresseurs que du coté opposé, et par quelles manœvres on se flattait de l'atteindre. Il est impossible de rien comprendre aux

opérations des deux armées si on nous laisse ignorer dans quelle intention elles ont été executées: enfin il nous mettre en état de comparer les résultats effectivement obtenus, avec ceux que l'on comptait obtenir; ce n'est qu'ainsi qu'un ouvrage de ce genre peut dévenir réellement utile et instructif.

Le g-l Danilefsky tâche en effet de nous donner une idée du nombre des combattants que les deux partis se voyaient en état de mettre en campagne, et comme de raison, il parle d'abord de l'armée française, mais d'une manière qu'on ne trouvera peut-être pas tout-à-fait satisfaisante. Nons trouvons dans son ouvrage le total des forces que la France pouvait mettre sur pied, en y comprenant les contingents de ses alliés; un ordre de bataille de la grande armée mise en mouvement contre la Russie; et enfin le chiffre approximatif des troupes ennemies, qui sont entrées en Russie depuis le commencement de la guerre jusqu'au mois de Novembre.

L'ordre de bataille est une copie de celui qui avait été publié par **Plotho** en 1817. C'est le plus détaillé que nous ayons, mais il est loin d'être exempt d'erreurs. Les régiments d'infanterie polonaise par exemple y sont comptés pour 4 bataillons chacun, tandis qu'ils n'en ont jamais eu que trois, comme **Boutourline** le remarque tiès bien (Bout. I, 65 *). D'ailleurs Napoléon le dit expressément dans deux lettres adressées au maréchal Berthier (**Chambray** pièces justificatives №№ 32 et 34). Cette seule erreur fait qu'il y a dans le chiffre total 14 bataillons de trop. D'un autre coté quelques régiments paraissent avoir été oubliés, c'est ainsi que la brigade de cavalerie du 8-me corps (Westphalien) forte d'après ce tableau de 2 régiments ou 8 escadrons, se composait dans le fait de 3 régiments ou 12 escadrons (voyez: „Die Westphalischen Truppen im Jahre 1812“ dans: „Militärisches Taschenbuch 1821“ et la biographie du g-l Ochs).

Plusieurs régiments y figurent parmi les troupes des corps d'armée dont ils ont fait partie peut-être avant l'ouverture de la campagne, mais non pas pendant la guerre même; les cuirassiers polonais entre autres, sont comptés dans ce tableau au nombre des troupes du 5-me corps (Poniatovsky), tandis qu'ils ont formée avec les 2 régiments de cuirassiers Saxons la brigade Thieleman du corps de Latour-Maubourg (4-me de cavalerie de reserve, voyez: **Die Mitwirkung der Sächsischen Cürasier-Brigade in der Schlacht an der Moskwa**“ dans: **„Oesterreichische Militärische Zeitschrift 1824“** et la biographie du g-l **Thieleman**).

*) C'est la traduction de **Khatoff**, 2-me édition que nous citons toujours dans cette mémoire.

Enfin on y a fait entrer en ligne de compte, comme faisant partie du 11-me corps, 8 régiments de dragons qui à cette époque se trouvaient encore en Espagne. Il aurait donc fallu corriger cet ordre de bataille avant de le transcrire.

D'ailleurs le g-l Danilefsky ne nous dit nulle part, quelle était dans l'armée française la force des **unités tactiques**, c'est à dire du bataillon et de l'escadron, ce qui est cependant essentiel; il ne nous donne pas non plus le chiffre de l'effectif de chaque corps individuellement, ce qui est bien plus essentiel encore, et il nous prive ainsi de tout moyen d'établir des comparaisons, ou de suivre dans la relation des combats l'emploi successif des reserves. Quelle partie de l'armée se trouvait rangé en première ligne?—Combien y avait-il de troupes en seconde ligne et en reserve?—Enfin quelle était la force de l'armée française réunie au commencement de la guerre sous les ordres de Napoléon sur les frontières de la Russie? — de cette armée que les Russes avaient immédiatement à combattre et dont les opérations devaient décider du sort des nations? — Quelle en était la force abstraction faite des reserves qui l'ont suivi plus tard, ou qui, établis sur les bords de l'Elbe veillaient au maintien de la tranquillité en Allemagne?— L'auteur ne nous en dit rien dans ce chapître; plus tard seulement, après avoir commencé le récit des opérations, il nous prévient (I, 162) en passant et en négligeant de nouveau les détails même les plus essantiels, que l'effectif de l'armée de Napoléon s'élévait au total à 477.000 hommes. Ce n'est pas traiter son sujet avec méthode.

Mais du moins devrait-on s'attendre à trouver dans l'ouvrage du g-l Danilefsky, sur l'armée Russe les renseignements les plus détaillés et les plus précis, et en effet on voit bien que ce n'est pas faute de matériaux s'il nous reste sous ce rapport quelque chose à désirer. C'est vraiment dommage que des matériaux aussi précieux n'aient pas été disposés avec un peu plus d'ordre et de méthode; mais il faut en convenir, après avoir bien lu et bien médité tout ce que l'auteur nous dit sur les changements qui ont eu lieu dans l'organisation de l'armée Russe et les nouvelles formations, on ne parvient cependant pas à se faire une idée précise, ni de l'effectif auquel s'élevaient au commencement de la guerre les forces que la Russie avait à mettre en campagne, ni de la manière dont elles étaient disposées sur le théâtre de guerre. L'on trouve bien dans cet ouvrage (1,122) un tableau de l'armée Russe, mais il y a pluisieurs remarques à faire à ce sujet. D'abord ce tableau n'a rapport qu'à l'état de l'armée Russe au mois de Mars de l'année 1812, or plusieurs nouvelles formations ont eu lieu encore après cette époque, l'auteur nous en parle

sur les pages suivantes, sans nous dire à quel chiffre elles ont porté l'armée. Les chiffres de ce tableau ne sont d'ailleurs pas ceux de l'effectif mais ceux du nombre d'hommes dont les différents corps auraient du se composer d'après les réglements, ce qui est tout-à-fait autre chose; sans compter que les troupes destinées à entrer en campagne, les troupes de reserve, et de garnison, tout enfin jusqu'aux invalides s'y trouve mélé, sans distinction, et que des erreurs assez graves s'y sont évidement glissées. — On y trouve entre autres les chiffres suivants:

„96 полковъ пѣхоты, въ каждомъ 2.357 чел. = 226.272 чел.,
50 полковъ егерскихъ, въ каждомъ 1.511 чел. = 75.550 чел."

Comment se fait-il que l'effectif des régiments de chasseurs ne s'élévait qu'à 1.511 hommes? Il n'avaient peut-être que 2 bataillons? Mais tout le monde sait qu'ils en avaient trois et d'ailleurs l'auteur le dit lui-même (I, 111) — les bataillons n'étaient donc que de 500 hommes? — Non! M-r de Boutourlin nous apprend — (Bout. I, 78) — que les bataillons de chasseurs étaient comme ceux des régiments de ligne, forts de 738 hommes et le g-l Danilefsky les évalue lui-même à 700 h. (page 181 dans la note). — Comment ce fait-il donc que 3 bataillons de 738 hommes ne forment qu'un total de 1.511 hommes? C'est un problème d'arithmétique, que nous n'essayerons pas de résoudre.

On finit bien par savoir, on à peu près, combien il y avait de troupes en première ligne, puisqu'on trouve plus loin (I, 128) un ordre de bataille des armées de Barclay, de Bagration et de Tormassoff, mais l'auteur ne nous dit nulle part combien il y en avaient en seconde ligne, ni sur quels points. Il parait oublier toutes les autres troupes qui se trouvaient encore sur le théâtre de guerre, telles que la garnison de Riga, les reserves établies au camp de Drissa, les bataillons qui se formaient à Smolensk, les garnisons de Borissoff et de Bobruïsk, et le corps du g-l Ertel à Mosyr. Cependant, à mesure que l'ennemi avançait sur le territoire russe, toutes ces forces devaient nécessairement entrer en action, si même elles restaient immobiles sur les points où on les avaient d'abord réunies. Nous ajouterons que l'auteur nous laisse même, dans tout le cours de l'ouvrage, dans l'incertitude la plus complète sur la force et la composition de ces différents corps; il ne nous en parle pas avec détail, même au moment où il s'agit de nous raconter leurs opérations.

Quant au trois armées principales, l'auteur nous dit, il est vrai, de combien de bataillons et d'escadrons chacune d'elle se composait: mais non pas à quel chiffre s'élevait l'effectif de chaque division individuellement — et nous avons déjà fait observer combien ces détails sont

essentiels*). On cherche envain dans son ouvrage quelques renseignements sur la proportion dans laquelle les différentes armes entraient dans la composition de ces armées, combien il y avait d'infanterie, de cavalerie, d'artillerie et de cosaques: enfin l'auteur se borne à reproduire le chiffre du total de chaque armée, portant la 1-re à 127.000 hommes, la 2-me à 40.000 h. et celle de Tormassoff à 43,000 h. — Mais ces chiffres, tirés de l'ouvrage de M-r de Boutourline, ont été assez généralement jugés trop élevés. Presque tous les témoins oculaires sont d'accord, que l'effectif de la prémière armée n'excédait guère 100.000 h., tandis que la seconde pouvait eu avoir jusqu'à 35.000 h. présent sous les armes, et plus tard nous trouverous l'occasion de prouver, que les chiffres de M-r de Boutourline pourraient en effet être un peu trop élevés.

Le chapitre dans lequel l'auteur parle du plan d'opération des deux armées (Глава V) ou plutôt le chapître dans lequel il aurait dû en parler, est bien moins satisfaisant encore. Loin de nous en faire l'exposé, il tâche au contraire de nous faire passer le plus légèrement possible sur cette partie importante de l'histoire; on dirait qu'il craint de voir le lecteur s'y arrêter et lui en demander compte. C'est surtout par rapport à l'armée Russe qu'il évite d'entrer dans les détails; il se contente de raconter en peu de mots que Bagration, Tormassoff et l'ataman des cosaques avaient ordre d'agir sur les flancs de l'ennemi dès qu'il avancerait, que l'armée de Barclay devait se réunir à Swentziany pour y accepter peut-être une bataille, mais que du reste on n'avait rien prévu, et que l'on comptait se régler sur les mouvements de l'ennemi: какъ въ оборонительной войнѣ иначе и быть не можетъ (I, 146).

Involontairement on hésite à lui ajouter foi, en effet peut-on croire que dans des circonstances aussi graves, lorsque le sort du monde civilisé dépendait de leur décisions, des généraux aussi expérimentés que les nôtres, n'ont pas songé la veille à ce qu'ils dévaient faire le lendemain! Sans doute on est obligé, dans la guerre défensive; de se régler, jusqu'à un certain point sur les mouvements de l'ennemi: mais on tâche du moins de les calculer d'avance; on tâche de déviner sur quels points porteront ses attaques, quelle ligne d'opérations il choisira et on a soin de pré-

*) En Janvier l'Empereur Alexandre m'a dit que ses trois armées se montaient à 185.000 hommes de toutes armes. C'est aussi le nombre que Napoléon nomme dans son bulletin lorsqu'il était dans les environs de Drissa. L'Empereur Alexandre estimant les forces actives de Napoléon d'après les indices qu'il s'était procuré lui-même et ceux de Bernadoth à 400.000 hommes (Remarque de manuscr.).

parer des moyens de défense sur cette ligne: serait-il bien vrai qu'en 1812 on se soit borné à attendre l'ennemi dans une apathie qui ne serait pas précisement une preuve de prévoyance?

Cela n'est guère probable, et on peut d'autant moins s'arrêter à une pareille hypothèse que d'autres auteurs nous ont informé assez en détail des pojets dont s'occupait à cette époque le quartier général de l'armée russe. Le g-l Pfuhl, dont le g-l Danilefsky n'a cité le nom qu'une seule fois, pour convenir cependant qu'on faisait alors grand cas de son opinion: le g-l Pfuhl avait pendant cette première periode de la campagne une voix importante au conseil de guerre. Etranger de naissance, une grande réputation l'avait précédé en Russie, et tout le monde se souvient encore que l'Empereur Alexandre l'avait dans le sens le plus littéral choisi pour maître dans l'art de conduire des armées.

C'était effectivement un homme d'une vaste érudition, mais par malheur il appartenait à une école de théoriciens, trop nombreuse au commencement de ce siècle, qui à force d'abstractions eu étaient venus à se faire une idée tout-à-fait fausse de la guerre et de sa nature; ils avaient entièrement oublié qu'il s'agit dans la guerre de combattre et de vaincre, de briser l'épée de l'adversaire et de mettre l'ennemi hors d'état de continuer la lutte, loin de comprendre que dans la guerre il n'y a que le combat, les préparatifs du combat, et les suites du combat, ces savants guerriers attachaient une trop grande importance à leurs combinaisons compliquées, et tourner l'ennemi, quelle que fût la position ou la force des deux armées, c'était à leur avis le seul moyen de l'emporter sur lui. Attaché au quartier-général de l'Empereur Alexandre le g-l Pfuhl avait rédigé un plan d'opération qui avait eté sanctionné.

D'après ce plan 80.000 h. de bonnes troupes dévaient être détachés du principal théâtre de guerre pour faire au nord et au midi des diversions lointaines, qui n'auraient guère porté sur le centre de gravitation de la puissance ennemie, s'il est permis de s'exprimer ainsi; qui, loin de la frapper au cœur l'aurait à peine affectée, et dont les effets n'auraient pu commencer à se faire sentir qu' à une époque éloignée, où le sort du monde civilisé devait être depuis longtemps décidé sur les rives de la Dvina et du Borysthéne. C'est ainsi qu'une partie de ces 80.000 h., l'armée du Danube, était destinée à attaquer les provinces Illyriennes en passant par la Serbie. Quant au reste de ces troupes, cantonnées à St-Pétersbourg et en Finlande, sous les ordres du C-te Steinheil, on avait l'intention de les débarquer sur les côtes de la Poméranie. Pendant ce temps l'armée de Barclay devait réculer lentement devant celle de Napoléon, et

se rétirer ainsi jusqu'au camp rétranché de Drissa sur les bords de la Dvina, qu'on se flattait de rendre inexpugnable comme les lignes de Torres-Vedras. Les armées de Bagration et de Tormassoff avaient ordre de prendre l'offensive sur la droite et sur les derrières de l'armée d'invasion, arrêtée dans ses progrés par les redoutes et les abatis du camp de Drissa.

Ainsi même les 200.000 h. qu'on avait sur le théâtre de guerre où devaient être portés les coups décisifs à opposer au 480.000 h. de Napoléon, étaient d'après ce plan divisés en trois armées afin d'envelopper de tout coté un ennemi deux fois plus fort, et pour agir sur ses flancs et ses communications, tout en s'opposant de front à ses opérations. (**Boutourline** I, 95, 120, 124, 126, **Clausewitz** 1-re Chap. **Danilefsky** I, 145).

Tout le monde ne partageait pourtant pas à ce qu'il paraît, les opinions du g-l Pfuhl; le g-l Barclay nommément, mal informé sans doute et jugeant la supériorité de Napoléon beaucoup moins écrasante qu'elle ne l'était en effet, soutenait qu'il fallait accepter une bataille dans les environs de Wilna, et dans tous les ordres qui émanaient de lui, cette intention est même exprimée avec une certaine énegrie (voy. **Danilefsky** I, 200). Le g-l Beningsen qui se trouvait sans emploi au quartier-général, portageait son avis, que cependant ils ne parvinrent pas à faire adopter définitivement. (**Clausewitz** 21). D'autres idées encore, énoncées dès cette époque, auraient dû d'autant moins être passées sous silence qu'elles sont très remarquables: le P-ce Liewen était d'avis dès-lors, qu'il fallait manœuvrer de sorte à faire entrer en action l'immense étendue de la Russie: qu'il fallait se rétirer jusque dans l'intérieur de l'empire (**Clausewitz** 28).

Toutes ces notices que nous avions depuis longtemps sur les premières dispositions de nos généraux et leurs motifs, seraient-elles fausses? Ce plan d'opérations dont le g-l Pfuhl était l'auteur, n'aurait-il jamais existé?—ou du moins n'aurait-on jamais songé à le mettre à exécution? En ce cas il fallait nous le dire en termes formels, **et surtout appuyer sette assertion depreuves**; ce plan d'opération est trop connu, il en a été trop souvent question dans toute l'Europe, il a été trop souvent discuté pour qu'on puisse faire semblant de n'en avoir jamais entendu parler. Mais loin de rètfuter les auteurs qui l'ont précedé, le g-l Danilefsky fournit au contraire, comme nous le verrons bientôt, indirectement les preuves les plus positives de l'exactitude de leurs récits. En passant sous silence tous cesqrojets, le g-l Danilefsky devient même nécessairement injuste envers le g-l Barclay dont la position était extremement difficile, quisqu'il se voyait chargé de mettre à exécution un plan

d'opérations qu'il était loin d'approuver et qu'il s'efforçait sans cesse de faire modifier.

Le système adopté par l'auteur présente du reste, comme il était aisé de le prévoir, de très graves inconvénients; l'on conçoit qu'ildoit être difficile d'expliquer toutes les opérations d'une armée, lorsqu'on, ignore les véritables motifs, ou qu'on fait abstraction de ces motifs pour leur en substituer d'autres. Sous ce rapport surtout le g-l Danilefsky n'est pas heureux; il s'est égaré dans un vrai dédale de suppositions et d'hypothèses, incohérentes s'il faut le dire, et en partie contradictaires; les combinaisons stratégiques, qu'il prête ainsi à nos généraux ne réuniront guère les suffrages des militaires.

Il ne lui est pas même facile d'expliquer les premières mesures prises du coté des Russes. Si on ne voulait absolument qu'accepter une bataille dans les environs de Wilna, si tout le monde était d'accord sur ce point pourquoi avait-on alors divisé les forces disponibles en trois armées, et pourquoi les avait-on disposées sur une ligne, aussi longue depuis la Dwina jusqu'en Volhynie? L'auteur nous dit qu'on a pris cette position stratégique; parcequ'on ne pouvait prévoir quelle direction Napoléon donnerait à ses attaques (I,143). Cependant on aurait pu prévoir que Napoléon ne pouvait pas se diriger sur Odessa par exemple, ni sur Kieff: pourquoi donc l'armée de Tormassoff était-elle si forte? Ses opérations n'ont eu d'autre effet pendant la première partie de la campagne, que d'attirer sur elle et sur: un théatre de guerre secondaire une force à peu-près égale à la sienne, ce qui était loin d'être un avantage pour la Russie, puisque Napoléon pouvait bien plutôt à l'aide de son immense supériorité se passer de 40.000 h. sur les point décisifs que ne le pouvait l'armée Russe.

Et si on ne songeait qu'à livrer une bataille générale, pourquoi avait-on choisi pour point de réunion où la 1-re armée avait ordre de se rallier à l'approche de l'ennemi, cette position de **Swentziany sur la route de Drissa:** point qui, sous d'autres rapports présentait d'assez graves inconvénients; nommément il était aisé de prévoir que le g-l Dokhtouroff, déja fort exposé dans sa position à Lida, aurait bien de la peine à y rejoindre l'armée, et qu'il courrait risque d'être attaqué et probablement écrasé en route.

Porquoi enfin avait-on dans ce cas fortifié le camp de Drissa, **depuis le mois d'Avril,** comme le g-l Danilefsky le convient lui-même? (I, 148). Pourquoi y avait-on réuni des reserves assez considérables, qui loin de venir au devant de l'armée pour prendre part à cette bataille générale dans les environs de Wilna, l'attendaient sans bouger dans les rétranche-

ments sur les bords de la Dwina? L'auteur n'a garde de nous dire un seul mot sur les motifs de ces dispositions.

Les événements les plus remarquables des premiers jours de la guerre, ce sont les manœuvres des généraux Dokhtouroff et Dorokhoff pour réjoindre l'armée dont ils avaient été séparés par les rapides mouvements de l'ennemi; l'intérêt qu'elles présentent nous fait regretter que le g-l Danilefsky se soit attaché plutôt à nous en donner une description pittoresque, en négligeant les détails techniques; qu'il ait tâché de leur donner un coloris romantique au lieu de nous en parler en militaire.

Lorsqu'il s'agit de ces grands mouvements préparatoires, de ces **marches de voyage** éxécutées loin de l'ennemi dans le but d'amener les différents corps d'armée aux points sur lesquels doivent commencer leurs opérations militaires: alors il suffit d'indiquer en général la direction qu'on a prise, le jour du départ, et l'époque à laquelle on est arrivé au terme de la marche. Mais il n'en est pas de même lorsqu'il s'agit de mouvements éxécutés en présence de l'ennemi, de manœuvres stratégiques proprement dits. Nous avons vu plus haut que dans les rélations des combats c'est le chiffre des combattants et le calcul suivi de l'emploi successif des réserves qui forment l'élément essentiel: dans les manœuvres stratégiques les éléments décisifs sont **le temps** et l'espace.

Le plus grand détail relativement au temps et à l'espace peut donc seul nous mettre en état de juger quelles causes ont amené les résultats qui ont été obtenus. Il faut par conséquent nous parler dans le plus grand détail des dispositions qui ont été faites pour éclairer les mouvements de l'ennemi et de la direction qu'on a donné à la marche; il faut nous dire, non-seulement quel jour on a atteint les différents points par où on a passé, mais encore, autant que cela se peut, à quelle heure; bien des fois le succés dépend d'un retard d'une heure; souvent il est nécessaire de savoir par exemple, à quelle heure un corps d'armée a passé tel défilé, pour pouvoir juger quelles chances l'ennemi avait de le prévenir et jusqu'à quel point on peut l'accuser de ne pas avoir su en profiter.

Le générale Dokhtouroff est parvenue à rejoindre la 1-re armée à Swentziany, bien qu'il lui fallût à cet effet décrire la moitié d'un cercle autour de l'armée française, en lui prêtant constamment le flanc et bien que plusieurs corps d'armée détachés par Napoléon fussent en mouvement sur les rayons de ce cercle, dans le but de le couper.

Dorokhoff, déjà coupé, enveloppé de tout côté par les colonnes ennemies, réussit cependant à leur échapper et à se réunir à la 2-me armée.

Il est impossible de deviner par quels moyens de pareils résultats

ont été aménés, à moins de connaître tous les détails: et cependant le générale Danilefsky nous laisse ignorer jusqu'à la route que ces généraux ont suivi; c'est à peine s'il nous dit quel jour ils se sont mis en mouvement, et à quelle époque ils ont rejoint l'armée (I, 188—192), enfin son ouvrage contient sur une partie de la campagne qui aurait pu être si instructive, moins de détail qu'on n'en trouve dans les journaux du temps. Ajoutons que malheureusement il en agit de même presque toutes les fois qu'il est question de manœuvres stratégiques; en parlant par exemple, de la retraite du prince Bagration, depuis Wolkowisk jusqu'au Dniepr (Глава V) il oublie si bien les détails les plus essentiels qu'il ne nous dit pas même quel jour le maréchal Davoust est entré à Minsk; c'est cependant un point de la plus haute importance: le prince Bagration aurait-il pu prévenir les français sur ce point, aurait-il pu effectuer ainsi sa retraite par une route moins detournée que celle qu'il a effectivement suivi?—Ou bien, était-ce impossible?—Voilà ce qu'il s'agissait précisement de savoir, et quel moyen nous reste-t'il d'en juger?

Même avant la publication de l'ouvrage du g-l Danilefsky, on savait qu'à Swentziany le premier plan d'opérations de l'armée Russe a été modifié en quelque sorte.

Le g-l Pfuhl, dont l'influence se faisait encore sentir, tenait toujours à conduire l'armée au camp de Drissa pour y exécuter une série de manœuvres stratégiques qu'il avait d'avance arrangé en idée; le g-l Barclay et son état-major, mieux informés sur l'immence supériorité de Napoléon, n'insistaient plus sur la nécessité de livrer immédiatement une bataille, mais en revanche ils commençaient à parler de la nécessité de se rapprocher du p-ce Bagration. De son coté le p-ce Bagration avait répondu à l'ordre de prendre l'offensive sur les communications de l'ennemi, par une question que lui avait inspirée le sentiment de sa faiblesse en présence d'un adversaire qui déployait une supériorité hors de toute proportion: il avait demandé s'il fallait avec son armée se diriger sur Minsk et Boryssoff? (I, 202) et il s'était même déja mis en mouvement dans cette direction, c'est-à-dire qu'au lieu de prendre l'offensive il avait sagement commencé une retraite qui seule pouvait le sauver.

Là dessus on résolut à Swentziany de ne pas abandonner le plan d'opération redigé par le g-l Pfuhl; de conduire l'armée au camp de Drissa pour y exécuter ces manœuvres dont ce général attendait un si prodigieux effet; mais de donner en même temps au p-ce Bagration l'ordre de prendre une direction (par Vileika) qui, en le rapprochant de l'armée de Barclay, le placerait sur le flanc de l'armée française. Dans cette posi-

tion il aurait eu, à ce qu'on espérait, l'ancienne Russie pour base, des communications faciles et non interrompues avec la 1-re armée, et la possibilité de se réunir à elle, à une époque future, que l'on n'entrevoyait peut-être pas avec une parfaite précision. Le g-l Danilefsky nous dit aussi qu'à Swentziany le premier plan d'opérations a subi quelques modifications, mais il place les choses dans un jour tout-à-fait différent. Selon lui le conseil de guerre y a décidé qu'il fallait avant tout réunir les deux armées, et que dans ce but il était nécessaire de se retirer jusqu'à Drissa. (I, 192). — Quoi! c'est à Swentziany qu'il a été pour la première fois question de se rétirer à ce camp de Drissa, que cependant on avait fortifié **depuis des mois!** où on avait d'avance réuni des reserves considérables!— où on avait **depuis des mois** accumulé d'immenses magasins! où on avait **depuis des mois** envoyé coup sur coup des aides-de-camp de l'Empereur et du g-l Pfuhl pour inspecter les traveaux! Il est difficile de le croire, **surtout lorsqu'une pareille assertion n'est appuyé d'aucune preuve.**

Et dans quel but s'est on dirigé sur Drissa? à en croire le g-l Danilefsky, uniquement pour se réunir au p-ce Bagration! — Comment! c'est pour opérer sa jonction avec Bagration, qui se trouvait à cette époque a Slonim, à 240 verstes **au Sud** de Swentziany, qu'on est allé à Drissa, point situé à 120 verstes **au Nord** de cette ville? — On conviendra aisément qu'en manœuvrant ainsi nos généraux pouvaient défier Napoléon de pénétrer leurs desseins! —Voici de quelle manière l'auteur explique ces étonnantes manœuvres:

„Въ слѣдствіе сего предписано было изъ Свенцяны князю Багра-„тіону и Платову идти чрезъ Вилейку для соединенія съ 1-ю арміею, „которая между-тѣмъ должна была воспрепятствовать непріятелю пре-„дупредить ее на Двинѣ. Вотъ причина, почему 1-я армія не обратилась „изъ Свенцянъ влѣво на Минскую дорогу, чтобы сблизиться со 2-ою арміею (I, 192). Il n'est pas facile de comprendre quelque chose à ce raisonnement. Mais! si le camp de Drissa n'était pas un champ de bataille choisi et préparé d'avance, où l'on se proposait d'attendre les attaques de l'ennemi, si on ne voulait absolument que se réunir au p-ce Bagration: quel mal pouvait-il y avoir alors à ce que l'ennemi atteignît les rives de la Dvina en dépassant l'aile droite de notre armée? — Si au contraire il les avait atteints en depassant **l'aile gauche** de l'armée Russe, alors sans doute la jonction avec le p-ce Bagration devenait impossible dans toute la rigueur du terme: et en se dirigeant sur Drissa on facilitait précisement les opérations de l'ennemi sur la gauche de l'armée Russe.

Si on ne voulait que se réunir au p-ce Bagration, il aurait fallu se rétirer précisement dans la direction de Minsk, en supposant la chose possible, ou du moins dans celle de Gloubokoé et de Vitebsk, cela saute aux yeux; il faut donc bien qu'on ait en d'autres motifs pour se rendre à Drissa, et si le g-l Danilefsky veut nous persuader, que tout ce qu'on nous a dit, jusqu-à présent sur le plan d'opérations est faux, alors il faut du moins des preuves plus positives, qu'un raisonnement de cette force. D'autant plus que le g-l Danilefsky a soin de le détruire lui-même sur la page suivante, où il dit (I, 193) que Napoléon ne poursuivit guère l'armée Russe, parce que:

„Онъ довольствовался тѣмъ, что 1-я армія добровольно отходила „назадъ по направленію **отдалявшему ее отъ князя Багратіона!**"

Sans compter les témoins que nous avons déjà cités, il y en a encore un dont le témoignage est directement en contradiction avec toutes ces hipothèses que le g-l Danilefsky voudrait mettre à la place des notions réellement historique que nous avons sur cette partie de la campagne: ce témoin, c'est l'Empereur Alexandre.

Dans la proclamation publiée au camp de Drissa (I, 197) on ne dit pas aux soldats qu'ils y seront sous peu renforcés par l'armée du p-ce Bagration — nouvelle qui aurait cependant bien pu relever leur courage: mais en revanche on leur dit de la manière la plus positive qu'ils sont parvenus au terme de la retraite: au champ de bataille choisi d'avance et depuis longtemps préparé. Dans un ordre adressé par l'Empereur Alexandre au p-ce Bagration, et daté du camp de Drissa, l'Empereur dit:

„Мы ожидаемъ чрезъ нѣсколько дней рѣшительнаго сраженія" (I, 215). Mais il n'ajoute pas qu'on attend le prince pour cette bataille, ni qu'on a jamais compté sur lui; et dans le fait on ne pouvait guère compter sur lui puisqu'on le savait à Nesvig, à 340 verstes de Drissa. Enfin dans une lettre écrite de la propre main de Sa Majesté, adressée de même au p-ce Bagration, l'Empereur lui dit (I, 223) que la direction sur Vileika et sur Minsk lui avait été donné:

„Не столько для того, чтобы совершенно соединиться съ 1-ою „арміею, какъ для поставленія 2-ой арміи на направленіе, имѣющее въ „тылу центръ Россіи, чѣмъ дѣйствія обѣихъ армій сдѣлались бы удоб-„нѣе и дѣятельнѣе".

On voit bien que ce témoignage est décisif, et qu'il renverse les hypothèses de l'auteur. Quel motif peut donc avoir engagé le g-l Danilefsky à faire de toute cette première partie de la campagne un chaos auquel il serait impossible de comprendre quelque chose, s'il ne nous était

pas permis de puiser à d'autres sources, et si nous n'avions pas pour nous instruire les ouvrages qui ont précédé le sien.

Il est étonnant de reste, qu'en parlant du camp de Drissa, l'auteur ne fasse pas mention des renforts que l'armée y a reçus; ils étaient cependant très considérables, formant 19 bataillons et 20 escadrons de reserve (**Boutourline** I, 124. **Clausevitz** 16).

La résolution d'abandonner ce camp, forme dans l'histoire de cette campagne une époque dont il aurait fallu faire ressortir toute l'importance: mais toujours fidèle à son système, faisant toujours abstraction des plans d'opérations qu'on avait suivis jusqu'alors, l'auteur se garde bien de nous dire que ce jour marque le commencement d'une ère nouvelle. Il en parle au contraire, comme si c'était un de ces événements d'une importance secondaire que les circonstances amènent à chaque instant dans le cours d'une campagne. Il n'en est pas ainsi cependant; cette résolution était garant qu'on avait abandonné les projets du g-l Pfuhl, dès lors la réunion des deux armées devint le but immédient des opérations et l'Empereur, à qui une courte expérience de la guerre eu avait révélé beaucoup, avait déviné dès-lors que les illusions d'une théorie faisant abstraction dans ses calculs des réalités de la guèrre, et de petites combinaisons basées sur de savantes erreurs, n'étaient pas faites pour conjurer l'orage.

L'Empereur Alexandre avait déviné qu'il fallait chercher les moyens de vaincre, dans des idées et combinaisons appartenant à un ordre beaucoup plus élevé; qu'il fallait conduire cette guerre sur une échelle beaucoup plus grande, taut sous le rapport des forces opposées à l'ennemi, que sous celui de l'espace. L'Empereur paraît même avoir entrevu dès-lors que Napoléon pourrait bien pénétrer jusqu'aux portes de Moskou: — mais cette idée ne l'avait point effrayée, abondonnant l'espérance illusoire d'arrêter ce rodoutable guerrier avec des forces évidemment insuffisantes, à l'aide des combinaisons d'une stratégie aussi vaine que compliquée, il ordonna de préparer des positions dans la partie centrale de l'empire, et d'armer la population en masse.

Le général Danilefsky nous dit, que c'est le colonel Michaud, qui surtout à mis dans leur vrai jour tous les inconvénients que le camp de Drissa présentait comme champ de bataille, et tous les auteurs sont d'accord que cet officier distingué en a eu effectivement le mérite: mais pourquoi le g-l Danilefsky n'a-t'il pas ajouté, que c'etait le générale Barclay qui avait surtout insisté depuis le commencement de la guerre sur les inconvenients que ce camp présentait comme position stratégique? et qui soutenait maintenant qu'il fallait se tirer le plus vite possible de cette

fausse position qu'on avait prise à force de sciences? — Pour être juste envers tout le monde il aurait fallu ne pas oublier cette circonstance (**Clausewitz** 35).

L'analyse du reste de ce premier volume pourrait mener trop loin; il suffira de dire que la description de tous les combats qui ont eu lieu pendant cette première période de la guerre, porte ce caractère vague dont nous nous sommes déjà plaints. Qu'il soit question des sanglantes affaires d'arrière-garde renouvelées trois jours de suite aux environs d'Ostrovno, des combats sur les rives de la Nischtscha, ou des batailles de Mohileff et de Gorodetschno, l'auteur ne nous dit jamais combien il y avait de chaque coté de combattants, ni de quelle manière ces forces étaient disposées. Quant au terrain, la plupart du temps il ne juge pas nécessaire de nous en donner une idée, ou bien, s'il entreprend de le décrire ce qu'il nous en dit, offre le caractère d'un travail peu médité. Dans la relation de la bataille de Gorodetschno nommément, l'auteur entrainé apparement lui-même par la fougue brillante de son réçit, pousse le mépris de ces détails jusqu'à faire remonter les rivières vers leurs sources; page 374 il dit:

„Передъ нею (l'armée russe de Tormassoff) протекалъ болотистый ручей, терявшійся въ лѣсу на лѣвомъ крылѣ".

Or, un coup d'œil jeté sur la carte, aurait suffi pour le convaincre que le ruisseau sur lequel l'armée russe avait pris position, loin de **se perdre** dans le bois sur la gauche, **vient** précisement de là.

Quelquefois le g-l Danilefsky nous laisse même ignorer sur quel point un combat a eu lieu, ce qui est litteralement le cas par rapport à la troisième affaire d'Ostrovno (I, 306). En un mot, le général a bien fait de ces combats le sujet d'un exercice de rhitorique, mais on ne saurait dire qu'il les a décrits.

Les deux premiers chapîtres du second volume sont consacrés à l'histoire de l'organisation des milices, aux préparatifs d'une guerre nationale. Revenant plusieurs fois encore sur ce sujet dans le cours de son ouvrage, l'auteur nous donne éffectivement sur cette partie de la lutte colossale dont-il parle, des renseignements plus complets et plus détaillés que les historiens qui l'avaient précédés. Seulement on pourrait lui reprocher de trop fréquentes répétitions: et puis! serait-il bien vrai que le peuple russe a fait mourir dans les flammes les prisonniers français, qu'il les a enterrés vivants! (III, 122 et passim) que dans sa vengence il a massacré sans miséricorde et sans pitié, même les malades et les bléssés, comme le général Danilefsky nous le raconte avec une espèce de joie que l'on est tenté de qualifier de souvage? De pareils excès sont peut-être inévitables dans une

guerre nationale, à laquelle la masse du peuple prend un part immédiat et lorsque les passions les plus violentes sont mises en jeu: mais cependant il nous semble qu'un patriotisme éclairé aurait dû engager le g-l Danilefsky a célébrer le dévouement de la nation russe, sa fermeté dans les revers, la valeur que les milices ont deployée dans les combats, sans trop s'appésantir sur ce qui était peut-être la conséquence nécessaire, mais sans doute moins glorieuse de l'exaltation générale. Le nom d'Engelhart mérite certainement de passer à la postérité, mais si le g-l Danilefsky juge nécessaire de parler de cet **ancien** (старостъ) de village, qui a prié un officier russe de lui indiquer quelque nouvelle torture à infliger aux prisonniers français, tout ce qu'il avait pu imaginer lui-même en ce genre étant épuisé—si le g-l Danilefsky croit devoir en parler (III, 132) parceque cette anecdote est peut-être caractéristique: du moins il n'aurait pas dû se donner l'air de présenter cet homme aux siècles à venir comme un héros digne d'être imité. Il aurait dû se souvenir qu'à Wilna le premier soin de l'Empereur Alexandre fut de porter des secours aux français malades dans les hôpitaux; il n'aurait pas dû oublier non plus qu'il y a en Europe un parti, trop nombreux malheureusement, qui guête l'occasion de calomnier la Russie, et que ces récits trop fidèles pourraient fort bien ne pas faire l'impression la plus favorable sur l'opinion publique.

Dans le troisième chapître nous retrouvons les deux armées russes de Barclay et de Bagration réunies sous les murs de Smolensk, et formant selon le g-l Danilefsky un total de 120.000 h. D'après M-r de Boutourline, on n'y aurait pas même compté plus de 116.900 combattants! (**Boutourline**, tableau № VIII). Il y a lieu de croire qu'en effet les troupes réunies sur ce point n'excédaient guère ce total, et nous trouvons dans cette circonstance la preuve, comme nous l'avons déjà annoncé dans la première partie de ce mémoire, que l'effectif des armées russes au commencement de la guerre a été évalué par le g-l Danilefsky à un chiffre considérablement trop élévé. D'après cet auteur, ces armées comptaient sous les armes lors de l'ouverture de la campagne:

la 1-re armée	127.000 h.
la 2-me „	48.000 „
total . . .	175.000 h.

Elles avaeint reçu les renforts suivants:

au camp de Drissa:

19 bat. et 20 escadrons (**Boutourline**) I, 124) . . . 10.200 h.

à Smolensk:

17 bat. de reserve, 4 comp. d'artillerie, 8 escadrons (**Boutourl.** Tabl. VIII, **Danilefsky** I, 262 . . . 10.000 h.

à Bobruisk:

6 bat. de reserve (**Danilefsky** I, 322). . . . . 2.100 h.

à Mohileff:

Brigade de g-l Gresser 3 bat. (**Danilefsky** I, 326) . 1.000 h.

Total . . . 198.300 h.

A déduire:

Le corps du g-l Wittgenstein (**Bout.** Tabl XII) . . . 25.000 h.

Perte dans les combats d'Ostrovno et de Mohileff d'après Danilefsky . . . . . 7.000 h.

à déduire . . 32.000 h.

reste . . . . . 166.300 h.

L'armée était forte à Smolensk . . . . . 120.000 h.

reste. . . . . 46.300 h.

que l'armée russe aurait perdus à ce compte par les maladies, la maraude etc. depuis le 12/24 Juin jusqu'au 4/16 Août. C'est-à-dire qu'elle aurait perdu de la sorte depuis le commencement des hostilités, chaque jour **6 hommes sur 1000**: presque autant que l'armée française, qui en arait perdu journellement à peu près 8 sur 1,000. Cependant, on sait que l'armée d'invasion était décimée par une affreuse épidémie — qu'elle manquait de tout que la disette y avait introduit le désordre—que la discipline y était bien relachée—et la maraude si fréquente que les mesures les plus rigoureuses avaient été jugées nécessaires pour la reprimer que ses pertes en un mot étaient inouiés. Le g-l Danilefsky a lui-mêmie tracé dans les derniers chapîtres du premier volume un tableau très animé de l'état affreux dans lequel se trouvait alors cette armée, et des pertes énormes, qui en étaient la conséquence. L'armée russe au contraire ne manquait de rien, le plus grand ordre y regnait, aucune maladie n'en ravageait les rangs, et l'ennemi admirait la fermeté et la bonne conduite. Le g-l Barclay convient lui-même qu'il n'a point fait de prisoniers. Il n'est guère possible, que dans de pareilles circonstances les pertes des Russes aient presque égalé celles de leurs adversaires, et il ne reste donc qu'une seule solution du problème

possible: il faut croire que les renseignements sur la force des armées russes au commencement de la guerre publiés par le g-l Danilefsky ne sont pas exacts; bien que les erreurs de ce genre doivent nous étoner le plus dans l'ouvrage d'un auteur qui avait à sa disposition tous les archives de l'empire et tous les documents officiels.

En parlant des opérations offensives dont on avait formé le projet après la réunion des deux armées russes dans les environs de Smolensk, le g-l Danilefsky n'aurait pas dû oublier que c'est le c-te Toll qui en était l'auteur; toute l'armée le sait, le g-l Danilefsky serait-il le seul parmi nos vétérans qui ignore quelle part le c-te Toll a prise en 1812 à la direction des opérations?

Le tableau des batailles livrées sous les mûrs de Smolensk et dans les environs pourrait donner lieu à bien des remarques; le combat du premier jour surtout (4/16 d'Août) que tous les auteurs, tant russes qu'étrangers, s'accordent à représenter comme assez insignifiant, prend sous la plume du g-l Danilefsky un caractère beaucoup trop sérieux, mais ne pouvant faire l'analyse de tous les chapitres, ni entrer dans le détail de toutes les opérations, nous nous bornerons à faire observer, qu'il aurait fallu nous dire pourquoi on n'a pas attendu l'ennemi dans la position sur l'Ouja (II, 169) c'est une justice que l'auteur oublie de rendre au g-l Barclay. S'il avait voulu consulter Boutourline (Bout. I, 236) et Clausewitz (Claus. 128) il aurait vu que le g-l Barclay avait résolu d'accepter la bataille dans cette position et que c'est le p-ce Bagration qui s'y est opposé même avec véhémence.

L'arriveé du maréchal Koutousoff au quartier-général marque dans l'histoire de cette campagne une époque très remarquable, tout le monde en conviendra et le g-l Danilefsky l'annonce d'une manière réellement dramatique, et qui produit le plus grand effet. Il aurait donc fallu s'arrêter un instant pour nous détailler en se résumant les resultats qu'avaient ammenés jusqu'à ce moment les opérations des deux armées, ainsi que la position dans laquelle se trouvaient les deux parties; les ressources qui leur restaient et les chances de succès qui s'offraient, tant aux Russes qu'aux Français. C'eût été d'autants plus necessaire que l'auteur, sans entrer dans de semblables détails, sans discuter sérieusement la question laisse cependant entrevoir des opinions erroués et qu'il tâche indirectement de les propager. Pendant la guerre même on croyait assez généralement que jusqu'au moment dont il est ici question, les opérations avaient été fort mal conduites du coté des Russes, qu'on avait perdu du terrain par sa propre faute, que tout allait de mal en pis: enfin que l'armée russe se

trouvait à cette époque dans une position extrêmement fâcheuse. Le g-l Danilefsky, loin de voir les choses dans leur vrai jour, parraît au contraire appartenir au nombre, trés limité sans doute, des personnes qui ne sont pas encore revenues de ces erreurs. Il dit (II, 201) que le m-l Koutousoff était arrivé au quartier-général:

„—во время самаго неблагопріятнаго положенія дѣлъ—"

Il aurait dont fallu prouver, que la position de l'armée était en effet devenue moins favorable qu'elle ne l'avait été au commencement de la guerre. Cette tache aurait été assez difficile. Si le g-l Danilefsky avait bien voulu en faire un exposé raisoné il se serait vu forcé de convenir, qu'au moment où l'armée se trouvait à Tsaréwo-Zaimischtsché, la Russie avait bien au contraire beaucoup plus de chances de succès, qu'à l'époque à laquelle le quartier-général était encore à Wilna. Il est vrai, que cette longue retraite continuée jusqu'au centre de l'empire n'avait pas été médité d'avance; que les circonstances l'avaient amenée malgré les chefs; qu'on regardait généralement la necessité de réculer comme une calamité; que la retraite fut éxecutée sans qu'on ait calculé d'avance ses mouvements si ce n'est du jour au lendemain: et cependant ce n'en est pas moins cette retraite qui a sauvé la Russie et l'Europe.

Les pertes que l'armée russe avait essuyées furent aussitôt réparées: celles des Français ne le furent pas, et dès lors la lutte devait de jour en jour devenir moins inégale. Forcée de plus, de garder par de forts détachements et des corps d'observations, une ligne d'opérations qui se prolongeait en apparence sans terme, et dont il fallait mesurer l'étendue par centaines de lieues, l'armée d'invasion s'affaiblissait chaque jour dans une progression de plus en plus rapide, et déjà les suites, que cet état de choses ne pouvait manquer d'amener, devenaient evidents: si on avait accepté une bataille en Lithuanie, en eût été **un contre deux**, et il est plus que certain, qu'on eût été écrasé. Si on avait voulu engager une affaire générale sur les rives du Borysthène, on eût été **deux contre trois**, proportion qui certes, ne présente pas la moindre chance de succès: grâces aux renforts qu'on avait reçus depuis cette époque et aux pertes que les Français avaient de nouveau essuyées, on était à Borodino **cinq contre six**, et on conviendra que cette proportion est bien moins désavantageuse. Dés-lors on pouvait même prévoir, qu'en continuant la retraite on toucherait bientôt au moment où l'on pourrait combattre l'ennemi avec des forces égales aux siennes.

Quant au terrain qu'on avait pardu, cette perte ne signifiait pas grand chose; rarement décisive, elle l'était en 1812 moins que jamais; nos

généraux avaient abandonné à l'ennemi un terrain d'une étendue immense, il est vrai, mais qui n'offrait nulle part ni des places fortes dont les Français auraient pu s'emparer, ni une forte position défensive, ni surtout, devasté comme il l'était; les ressources dont une armée aussi nombreuse que celle de Napoléon devait avoir besoin pour se remettre d'un revers. Il était donc à prévoir qu'une seul coup heureux porté à l'adversaire, suffirait pour nous rendre tout ce que nous avions perdu, et que dans ce cas la retraite de l'ennemi deviendrait désastreuse en raison des distances qu'il avait à parcourir.

L'on voit donc que la retraite n'avait pas eu jusqu'à cette époque, des conséquences qu'il aurait été juste de qualifier de funestes: mais, que seraient devenues au contraire l'armée et la Russie, si nos généraux avaient commis la faute d'accepter une bataille générale par exemple à Witepsk, où bien en avant de Smolensk? Cette battaile eût été perdue, c'est ce qu'on ne peut se cacher. Or il y avait beaucoup plus de danger à se faire battre en Lithuanie qu'à perdre une bataille à Borodino. Il était aisé de comprendre, que l'offensive de l'armée française ne pourait guère aller jusqu'à Moscou; c'est là que le coup porté par Napoléon avait nécessairement son **maximum** de moment, s'il nous est permis d'emprunter ce terme à la mécanique; c'est là aussi que sa force devait s'épuiser. Au delà de Moscou l'offensive de Napoléon n'avait plus de but possible. En perdant une battaile sous les mûrs de Moscou, on pouvait donc être sûr, de ne pas se voir poursuivi bien au delà du champ de bataille; dès-lors il y avait toute apparence que même une bataille perdue ne deviendrait jamais une déroute; on pouvait espérer de conserver l'armée dont le moral même ne devait être que faiblement ébraulé par un semblables demi-revers. Mais, si on avait perdu une bataille sur les bords de la Dwina ou du Dniepr, s'il avait fallu ensuite faire une retraite de 700 verstes avec une armée battue, poursuivie par un ennemi victorieux: comment aurait on pu échapper à la destruction? Et si à l'époque où Napoléon était parvenu à s'emparer de l'antique capitale de l'empire, l'armée russe avait été anéantie, si elle avait été hors d'état de continuer la lutte: la fermeté même de l'Empereur Alexandre aurait-elle été à l'épreuve d'un pareil revers.

Si à Tsarévo-Zaimischtché la position de l'armée russe était dans la fait moins avantageuse, qu'elle n'aurait pû l'être, c'est précisement parce qu'on n'avait pas compis, ni à l'armée, ni dans le pays, tout ce qu'elle offrait de chances de succès, parce qu'on s'imaginait que tout allait mal, qu'on n'avait plus de confiance dans le général en chef et qu'on se méfiait des officiers qui l'entouraient.

L'opinion publique demandait impérieusement une bataille; il fallait se battre pour contenter l'armée et la pays; il était impossible surtout de livrer la capital à l'ennemi sans avoir tiré l'épée: cette bataille depuis si longtemps entendu, était donc devenu un mal nécessaire, mais n'en était pas moins un mal. Le général Danilefsky tâche, d'insinuer au contraire qu'on s'est rétiré sans trop savoir pourquoi que cette retraite avait mis l'empire à deux doigts de sa perte et que la résolution de livrer une bataille l'a sauvé.

Ah, en écrivant l'histoire d'une époque grande et mémorable, soyons vrais, et juste, envers tout le monde; tâchons de plaçer les événements dans leur vrai jour, gardons nous surtout de propager uue erreur qui est en même temps une criante injustice envers plus d'un noble chef. Plusieurs autres assertions du g-l Danilefsky relativement à l'époque et au m-l Koutousoff, sont de même sujet à contestation. L'auteur nous dit entre autres que ce général ne demandait et ne suivait jamais l'avis de personne, qu'il agissait toujours de son propre mouvement et il ajoute (II, 201):

„Послѣдуемъ за каждымъ его шагомъ, за каждою его мыслью, ибо всѣ распоряженія происходили отъ него одного. Онъ былъ врагъ совѣтовъ и не требовалъ мнѣній постороннихъ".

Cependant les conseils de guerre ont été assez fréquents dans l'armée russe pendant qu'elle était placée sous les ordres du maréchal; on n'a qu'à lire ce que l'auteur nous raconte lui-même du conseil de guerre réuni aux portes de Moscou,—des consultations, qui ont eu lieu lorsque le nouveau plan d'opérations avait été porté à la connaissance du maréchal—et sur les débats qui ont précédé l'attaque de Vinkovo (II, 223; III, 37; III, 245). Il y a encore dans ce même chapitre (II, Глава VIII, 207) un autre passage qui est devenue le sujet de bien des discussions, quoiqu'il ne parraise pas remarquable en lui même. Le c-te Toll, quartier-maître-général du g-l Barclay, avait naturellement rempli les fronctions de quartier-maître-général du commandement en chef, depuis que la 1-re et la 2-me armée étaient réunies sous les ordres de Barclay. Jusqu'à prèsent on avait crû que le m-l Koutouzoff lors de son arrivée, avait bien nomé un chef de son état-major dans la personne du g-l Benningsen—mais point de quartier-maître-général, et que le c-te Toll a toujours continué à en faire le service, jusqu'à ce qu'il a été confirmé dans cet emploi. Le g-l Danilefsky nous apprend que c'était une erreur; c'est le g-l Vistitsky que le maréchal a choisi pour son quartier-maître-général. Rien ne saurait égaler la surprise que cette révélation a causée à nos vétérans; plusieurs de nos vieux officiers se sont demandés si réellement on a jamais vu dans les rangs

de l'armée russe un général de ce nom? On ne saurait plus douter de l'existence de Vistitsky, puisque le g-l Danilefsky lui a rendu la justice que la postérité doit aux grands hommes, en le tirant de l'oubli prématuré dans lequel il était tombé: mais de quel jour est sa nomination? Existe-t-il un ordre, une disposition, un document quelconque, signé ou contre signé par lui?—et jusqu'à quel jour est-il resté en fonction? C'est le cas de compter les jours certainement, puisqu'il y a lieu de croire, qu'il n'a pas brillé longtemps dans cette éminente position à laquelle il était parvenu; et d'ailleurs il paraîtrait qu'un excès de modestie l'a porté à jeter un voile impénétrable sur ses titres à l'immortalité. Personne ne se souvient de lui; personne nommément ne se rappelle de l'avoir aperçu le jour de Borodino, tandis que aucun de nos vétérans n'a oublié quelles ont été ce jour là les fonctions du c-te Toll.

Enfin nous approchons de ce grand événement, de cette bataille attendue depuis si longtemps avec une égale impatience des deux côtés. Le sort de la Russie—de l'Europe, du monde civilisé paraissait dépendre de l'issue de cette journée. On s'attend naturellement à ce que le g-l Danilevsky, avant de commencer le récit des évenements de cette mémorable journée, mettra ses lecteurs en étât de se faire une idée des chances de succès qui s'offraient à chaque partie, que la relation de la bataille sera précédée du tableau exact et detaillé dans lequel se trouvaient les deux armées, et que surtout l'auteur nous dira quel était le nombre des combattants, qu'on était de chaque côté parvenu a réunir sous les drapeaux. Il est inutile d'ajouter que ce dernier point nommément est essentiel. Le g-l Danilefsky a bien jugé nécessaire, en effet de nous entretenir: mais tout ce qu'il nous a dit est malheureusement très vague et ce qu'il est surtout facheux: ses assertions ne sont jamais appuyées de preuves. Ayant de riches matériaux à sa disposition, il parait n'avoir pas mis tout le soin nécessaire à vérifier les chiffres, et il en est resulté, que ses calcules ne sont pas exempts d'erreurs. On y trouve même des fautes si frappantes qu'on a peine à concevoir comment elles ont pu lui échapper.

L'auteur commence par nous dire, parlant d'abord de l'armée de Napoléon (II, Глава IX) que le gouvernement français n'a publié aucun tableau officiel de l'effectif de cette armée à l'époque de la bataille de Borodino. C'est vrai, le gouvernement lui-même n'a rien publié, les gouvernements se chargent rarement de travaux littéraires: mais le g-l Danilefsky n'aurait pas dû en conclure, que nous n'avons point de renseignements authentiques sur le nombre des combattants que l'on comptait dans l'armée française; il en existe et tout le monde le sait. Une notice placée

à la suite de ces remarques générales (II, 226) nous a fait regretter de nouveau que le g-l Danilefsky n'est pas tiré tout le parti possible des matériaux qui lui avaient été confiés.

„У насъ есть только клочки, или отрывки строевыхъ рапортовъ, перехваченныхъ во время бѣгства непріятеля".

Pourquoi n'a-t-il pas publié ces précieux documents à la suite de son ouvrage? Quelque incomplets qu'ils soient ils auraient pu nous servir à vérifier les chiffres rapportés par les auteurs étrangers: et s'il faut le dire, ces documents réellement historiques auraient eu à nos yeux plus de prix que les calculs un peu vagues dans lesquels le g-l Danilefsky se perd sur la page suivante. Après avoir ajouté, que les auteurs français qui ont écrit sur cette campagne ne sont pas d'accord par rapport à la force de l'armée de Napoléon, il en conclut qu'il faut tâcher de constater l'effectif des troupes dont ce chef pourait disposer à Borodino, par une espèce de calcul de probabilité. Voici quelles en sont les bases: à notre avis assez peu solides (II, 227).

„Выступая къ Смоленску онъ (Napoléon) писалъ къ одному изъ маршаловъ, что въ главной арміи подъ ружьемъ 200.000 человѣкъ, но французскіе писатели утверждаютъ, что тогда было только 185.000 человѣкъ".

Les maréchaux de France étaient à cette époque au nombre de vingt-deux; le g-l Danilefsky n'a pas jugé nécessaire de nous prévenir auquel de ces messieurs Napoléon a fait une pareille confidence. N'ayant aucune connaissance de cette lettre, bien que la littérature de cette campagne ait été pour nous le sujet d'études réitérées, nous avons de nouveau composé, pour vérifier le fait, tous les récueils de pièces authentiques relatifs à cette guerre: mais en vain. Il paraîtrait donc que ce document est assez difficile à trouver, et en le citant le g-l Danilefsky aurait dû le désigner du moins avec un peu plus de précision. En attendant que cette lettre de Napoléon à un Maréchal de France anonyme ait été retrouvée, il faudra toujours nous en tenir—non pas à ce qu'en disent en général les auteurs français—mais aux chiffres publiés par le plus impartial, le plus véridique de ces auteurs, par M-r de Chambray, et nous le pouvons avec d'autant plus de confiance que ces **chiffres sont authentiques**, qu'ils sont tirés des **documents officiels**, des tableaux de situation de l'armée française, soumis par le m-l Berthier, major-général de l'armée, à Napoléon lui-même: circonstance que le g-l Danilefsky parait ignorer. On ne peut guère supposer que Berthier ait été mal informé à cet égard, et encore moins qu'il ait osé induire en erreur son chef. D'après ces tableaux de situation l'armée

française était forte le 22 Juillet/3 Août de 193.608 h. en y comprenant la division de Dombrovsky devant Bobruisk (6.000 h.) et le 4-me corps de cavalerie de reserve également détaché—(Latour-Maubourg, 5.000 h.)—reste pour l'armée réunie sous les mûrs de Smolensk=182, 608 h. M-r de Chambray croit cependant, que le 15 Août l'armée était plus forte de quelques milliers d'hommes, parceque le nombre de traincurs qui pendant ces jours de repos avaient rejoint leurs drapeaux, compensant tout ce que l'armée avait de nouveau perdu en malades, maraudeurs etc. présentait même un exidant considérable. Il évalue en conséquence, à 185.000 hommes l'effectif de l'armée française à l'époque de la bataille de Smolensk (**Chambray** note 14). Le g-l Danilefsky continue ainsi:

„Положимъ что, по своему обыкновенію Наполеонъ преувеличилъ число войскъ, а сочинители уменьшили оное, и что при переходѣ чрезъ Днѣпръ состояло на лицо 190.000 человѣкъ.

Убавя изъ сего числа 150.000 убитыхъ и раненныхъ въ сраженіяхъ въ окрестностяхъ Смоленска, заболѣвшихъ, оставленныхъ на этапахъ, и разбродившихся отъ полковъ, выходитъ, что у Наполеона было подъ Бородинымъ болѣе 170.000 человѣкъ".

Quoi! les pertes que l'armée française avait essuyées dans les quatres sanglantes batailles livrés dans les environs de Smolensk; tout ce qu'elle avait perdu de monde dans le courant de trois semaines par ces terribles épidémies dont elle était ravagée; tous les detachements qu'il avait fallu laisser aux étapes pour garder une ligne d'opérations de plus de **300 verstes**, en y comprenant la garnison de Smolensk; tout ce que l'armée où les liens de la discipline étaient déjà devenues si faibles, avait pendant ces grandes trois semaines perdu par la maraude et en hommes isolés: tout cela ne forme ensemble qu'un total de 15.000 hommes? En verité on n'accusera pas le g-l Danilefsky d'avoir dans cette occasion exargéré les pertes de l'ennemi! Et c'est lui qui nous le dit, aprés avoir lui-même, dans les deux derniers chapitres du I-r volume, épuisé toutes les ressources de la rhitorique pour en enrichir le tableau le plus animé, le plus détaillé qu'on nous ait encore présenté, de l'état de détresse et de désorganisation dans lequel l'armée française était déjà tombée. Après en avoir parlé fort au long dans le I-r volume, il revient encore sur ce sujet dans le second (II, 176—178)—vraiment, après tout ce luxe d'éloquence on est fort éloigné de s'attendre à un chiffre aussi modique.

M-r de Chambray, auteur si bien instruit à la fois, et si impartial, nous informe, que dans les seuls combats aux environs de Smolensk, les pertes de Napoléon se sont élévées à plus de 19.000 hommes.

Mais ce qui est encore plus étonant, c'est que l'armée russe avait, s'il faut en croire le g-l Danilefsky, essuyée pendant ces semaines de pertes beaucoup plus accablantes que l'ennemi. Aux environs de Smolensk elle avait été forte de 120.000 hommes; au camp de Tsarévo-Zaimischtsché elle ne comptait plus que 95.734 hommes (II, 204): donc elle avait perdu 25.000 hommes!

Il est cependant plus qu'évident qu'en réalité les pertes de l'armée russe ont dû être bien moins considérables que celles de l'armée d'invasion. Elle a dû perdre moins de monde même dans les combats, et il est aisé de le prouver: à Smolensk nos guerriers étaient abrités par les maisons des faubourgs, et par les mûrs de la ville qu'ils defendaient et que les Français venaient attaquer. A Loubino, les Français ont dû perdre plus de monde que nous, parcequ'ils étaient plus nombreux. L'expérience de toutes les campagnes a prouvé que dans tout combat de front, à **l'arme à feu**, le parti qui emploie le plus de monde, en perd aussi le plus: c'est à dire tant que le combat se prolonge sans être décidé, et sauf à prendre sa revanche, même avec usure, après la victoire, ou plutôt après la crise du combat si on veut nous passer cette expression et pendant la poursuite. Il n'est pas besoin d'une démonstration mathématique pour prouver par exemple: qu'un armée qui attaque en profondes colones quelques batteries et une chaîne de tirailleurs défendant une position avantageuse, soutenus par quelques bataillons postés ça et là en reserve, abrités par quelque accident du terrain: que cette armée doit nécessairement perdre, tant que la victoire n'est point décidée, plus de monde que l'ennemi attaqué par elle. Le combat de Loubino avait en partie ce caractère, et il a été impossille aux Français de prendre leur revanche à la fin du combat, le défilé devant la position russe n'ayant été forcé qu'à la nuit tombante, au moment où l'obscurité, allait séparer les combattants. Grâces à une défense opiniâtre, qui sera toujours citée parmi les beaux faits d'armes de l'infanterie russe, il n'y a donc pas eu de poursuite.

D'ailleurs, l'armée russe se retirant dans son propre pays, n'avait pas besoin d'occuper toutes les étapes par de forts détachements; le coldat, bien nourri et bien vetu, ne manquant de rien, ayant l'habitude du pays et du climat l'armée n'a jamais perdu par les maladies que le nombre peu considérable d'hommes qui devient même dans les circonstances les plus favorables victime des fatiques d'un campagne: elle n'a perdu rien du tout dans la maraude.

Quoi qu'il en soit, la proposition que le g-l Danilevsky voudrait accredité, se reduit aux termes suivants:

L'armée qui perd le plus de monde dans les combats; qui se voit dans la nécessité de faire de nombreux détachements pour occuper toutes les étapes sur une ligne de 300 verstes, qui en proie à la disette et au maladies, perd chaque jour un nombre infini de soldats, victimes de ces maux, et qui en perd presque autant par la maraude: cette armée perd au total, entre Smolensk et Borodino, **moins d'un douzième de son effectif.**

L'armée russe au contraire, qui ne perd pas dans les combats autant que l'ennemi, qui n'a aucun détachement à faire, qui ne manque de rien, qui ne perd rien, ni par les maladies, ni par l'indiscipline et la maraude: cette armée perd dans le même espace de temps **un peu plus d'un cinquième de son effectif,** résultat qui certainement a droit de nous surprendre. Du moins faudrait-il convenir, que ces chiffres ne justifient guère le tableau que l'auteur lui-même nous a fait de l'état dans lequel se trouvaient les deux armées.

Mais ce n'est pas tout: l'armée française qui avait combattu à Smolensk **ne se trouvait pas même réunie toute entière dans les plaines de Borodino.** Il est vrai qu'après les combats, renouvelés quatre fois dans les environs de la ville regardée comme la clef de Moscou, cette armée avait été renforcée par la cavalerie de Latour-Maubourg: mais en revanche la division Laborde (10 bataillons de la jeune garde) avait été laissée à Smolensk, et la division Pino du 4-me corps (15 bataillons) détachée dans la direction de Witepsk, ainsi que la cavalerie de Pajol (**Chambray,** note 35; Boutourline I, 236). Ces troupes détachés l'équivalent d'un corps d'armée, auraient dû être défalquées du moins du chiffre de l'armée française, le g-l Danilefsky **n'en fait seulement pas mention!!!** c'est une omission inconcevable dans l'acception rigoureuse de ce mot.

Et pourquoi l'auteur a-t-il jugé nécessaire de s'égarer dans ce dédale de suppositions et d'erreurs? C'est ce qu'on a peine à concevoir puisque nous ne manquons pas de renseignements authentiques sur l'état de l'armée française à l'époque dont il est ici question. Dans l'ouvrage de **M-r de Chambray**, note 35, se trouve un document qui n'a guère pu échaper à l'attention du g-l Danilefsky; ce sont encore des chiffres tirés des documents officiels, des tableaux de situation de l'armée française, soumis à Napoléon par le chef de son état-major, et il en résulte que l'on comptait dans cette armée le 21 Août/2 Sept. jusqu'à 133.819 hommes sous les armes.

Il est vrai que 6.321 hommes détachés pour faire des vivres etc. et qui devaient rejoindre leurs drapeaux dans le courant des cinq jours suivants, sont compris dans ce chiffre: mais la bataille ayant au lieu effe-

ctivement cinq jours plus tard, il faut supposer que la plupart de ces détachement avaient en effet réjoint, et après avoir défalqué ce que l'armée pouvait avoir perdu de nouveau en malades, maraudeures etc. l'effectif des troupes réunis sous les ordres de Napoléon, avant l'affaire de Schévardino, ne peut guère être reduit à moins de 132.000 hommes. Pourquoi les chiffres reproduits par m-r de Chambray ont-ils paru inexacte au g-l Danilefsky? Il aurait dû nous le dire, et alléguer des preuves. D'ailleurs il lui aurait été très f'acile de vérifier l'exatitude de ces chiffres par un calcul extrêmement simple dont voici les éléments:

A Smolensk l'armée avait été forte de		185.000 h.
elle avait été renforcée depuis par la cavalerie de Latour-Maubourg (déducton faite des 2-me, 7-me et 16-me régiments de lanciers polonais que ce corps avait laissés à la disposition du g-l Dombrowsky devant Bobruisk		4.000 h.
	Total. .	189.000 h.
à deduire:		
perte dans les quatre batailles aux environs de Smolensk	19.000 h.	
détachés:		
La Div. Laborde, 10 bat. (les 22 bat. jeune garde étant selon **Chambray** note 13—10.000 h.).	4.500 h.	
La Div. Pino, 15 bat. (les 57 bat. du 4-me corps 26.000 h.)	6.900 h.	
cavalerie	2.000 h.	
Total à déduire.		32.400
reste . .		156.600
l'armée était forte de		133.819
reste . .		22.781

que l'armée doit avoir perdu, soit dans les petits combats qui se renouvelaient chaque jour, et dont plusieurs, celui de Gridnévo nommément, avaient été assez sanglants—soit par les maladies et la maraude,—et en y comprenant tous les nombreux détachements laissés aux étapes sur cette interminable ligne d'opérations. A ce compte l'armée d'invasion avait perdu

entre Smolensk et Borodino, à peu-près **deux neuvièmes** de son effectif, et ce résultat n'a certainement rien que de très probable puisque d'après le g-l Danilefsky lui-même l'armée russe avait perdu **un cinqième** de son effectif, malgré tous les avantages de sa position comparativement à celle de l'armée de Napoléon.

On voit donc que les documents parvenus à la connaissance du public, et tout les calculs de probabilité qu'il est possible d'établir se soutiennent parfaitement: et c'est à la face de ces documents, malgré l'évidence, et **sans appuer son assertion d'une preuve quelconque**, que le g-l Danilefsky voudrait substituer au chiffre que m-r de Chambray nous en fait connaître celui de 170.000 hommes, basé uniquement, comme nous venons de le prouver, sur des suppositions absolument arbitraires, des calculs évidement faux: enfin sur des erreurs et des omissions réelement inconcevables!

Si l'auteur n'a pas jugé à propos de nous donner sur l'armée française des notices plus détaillées à la fois et plus exactes, du moins devrait-on s'attendre à trouver dans son ouvrage sur l'armée russe tous les renseignements nécessaires. On s'attend naturelement à y trouver l'ordre de bataille de l'armée et le chiffre de son effectif: c'est-à-dire, nonseulement celui de son tatal—mais le chiffre de chaque corps d'armée, de chaque division individuellement; et si l'auteur, ayant à sa disposition tous les documents, toute la correspondance de nos généraux, avait pu nous faire connaître jusqu'à l'effectif de chaque régiment individuellement, ce détail, quelque minitieux qu'il paraisse, serait loin d'être superflu. Mais on se voit encore deçu dans cette attente; quelque invraisemblable que cela puisse paraître; l'ouvrage du g-l Danilefsky ne contient presque rien sur l'état de l'armée russe la veille de cette terrible journée de Borodino. L'auteur se contente de nous informer seulement, que le m-l Koutouzoff y avait réuni jusqu'à 130.000 h. sans compter 15.000 h. de milices.

D'abord: les cosaques sont-ils compris dans le chiffre total, ou ne le sont-ils pas? C'est étrange, dans la première moitié de l'ouvrage les cosaques sont constament compris dans le total de l'armée, dans la seconde ils ne le sont jamais, et dans les chapîtres qui traitent de la bataille de Borodino, l'auteur parait hésiter entre ces deux systêmes: du moins est-il très difficile de deviner s'il a voulu ou non, les comprendre dans le chiffre de l'effectif. D'un coté est presque forcé de croire qu'oui, puisqu'il ne parle que de 113.000 hommes et des milices, sans faire mention des cosaques comme d'un corps à part: mais une autre notice parait détruire de nouveau toute hypothèse que l'on pourrait établir sur cette base: II p. 275, l'auteur

dit, qu'au camp de Taroutino l'armée présentait encore un effectif de 52.343 hommes, et qu'ayant été forte de 113.000 hommes à Borodino, elle avait perdu, à ce qu'il croit pouvoir conclûre de ces chiffres, jusqu'à 61.000 hommes, dans cette sanglante bataille. Plus tard, pg. 96 du III vol., nous voyons que les cosaques ne sont pas compris dans le chiffre de l'effectif à Taroutino; il paraîtrait dont qu'abstraction en a été faite dans tout ce calcul. Que faut-il donc croire? Comment se tirer de ce labyrinthe?

Ce serait en vain de demander combien il y avait dans l'armée russe d'infanterie, de troupes à cheval et d'artillerie: l'auteur ne nous en dit pas un mot; et cependant tout le monde conviendra qu'il aurait été essentiellement important de le savoir; et puis, comme le g-l ne nous dit pas quel était l'effectif de chaque corps d'armée individuellement, comment ferons nous, pour nous former une idée exacte de la distribution des forces et de la progression dans laquelle ils ont été successivement employées? quel moyen avons-nous de calculer, combien il y avait à chaque époque de la bataille de troupes effectivement engagées de chaque côté, et combien en reserve? c'est pourtant ce qu'il s'agit de savoir. Encore y a-t-il lieu de croire que le chiffre du total même n'est pas exact.

Dans une brochure publiée l'année dernière à l'époque de camp de Borodino (**Опытъ описанія Бородинскаго сраженія**, par Néiéloff) se trouve un ordre de bataille de l'armée russe, d'après lequel elle aurait formé le 26 Août/7 Sept. 1812 un total de 180 bataillons, 163 escadrons, 53 batteries etc. (Infanterie et son artillerie 74,800 hommes, cavalerie et son artillerie 18.200 h., artillerie de reserve 10.800 h.)=103.800 hommes, sans compter 7.000 h. de cavalerie irrégulière et 10.000 hommes de milices.

L'auteur de la brochure nous prévient, que cet ordre de bataille lui a été communiqué par le c-te Toll, qui à l'époque de la bataille de Borodino remplissait les fonctions de quartier-maître-général de l'armée. Il est aisé d'en vérifier l'exactitude; à Tsarévo-Zaimischtsché l'armée avait été forte de 95.738 hommes, elle avait réçu dans cette position un renfort de 15.589 hommes (II, 204) cela fait 111.327 hommes, en défalquant de ce nombre les pertes qu'elle avait essuyées depuis surtout dans les combats de Gridnévo et de Schévardino, on voit que be m-l Koutouzoff ne pourrait guère avoir plus de 104.000 h. sous les armes, le 26 Août (4 Sept.) **après l'affaire de Schévardino**.

Nous citerons encore un petit mémoire très remarquable bien qu'il n'ait pas été remarqué comme il mériterait de l'être, et qui se trouve sous le titre de: „Fragmente über Moskaus Einäscherung“ dans les „Militärische Monographien aus der neueren Zeit, Seite 287—303.

L'auteur, officier supérieur dans l'armée du p-ce Bagration, est très bien informé comme on le voit en comparant son mémoire avec tout ce que nous possédons de documents officiels: l'auteur y dit, p. 303 „Die Stärke der Russen ergiebt sich, wenn ich gewissenhaft berichte, dass die grosse Armee bis auf 70.000, die Kleine aber bis auf 34.000 Mann zusammen geschmolzen war".

Ce sont exactement les chiffres communiqués par le c-te Toll au lieut. Néiéloff et au g-l Khatoff (traduction de l'ouvrage de m-r de **Boutourline**—tableaux.

Ces mêmes chiffres ont été inscrits en vertu d'un ordre supprême, sur le monument élevé à Borodino même, aux mânes des braves qui y ont versé leur sang pour le patrie; il n'est donc permis de douter de leur exactitude: pourquoi le g-l Danilefsky a-t-il donc voulu leur en substituer d'autres, **sans alléguer des preuves quelconques**?

C'est en vain d'ailleurs que nous avons cherché dans l'ouvrage du g-l Danilefsky quelque renseignement sur le nombre des pièces d'artillerie que chacune de deux armées avait à mettre en batterie. C'est étrange! l'orsqu'on fait entrer en ligne de compte jusqu'aux milices armées de piques, il n'est guère permis d'oublier l'artillerie: cette arme qui met un poids si décisif dans la balance, et qui jamais peut-être n'a joué un rôle plus important qu'à Borodino. Cependant, si le g-l Danilefsky avait seulement voulu puiser aux sources les plus accessibles, il aurait vu que l'armée russe avait 640 pièces d'artillerie (Néiéloff 100) à opposer aux 587 des Français (**Chambray** nots 35).

Dans le fait l'armée russe n'avait donc que 104.000 hommes de troupes de ligne et 640 pièces d'artillerie à opposer aux 132.000 combatants 587 pièces de Napoléon; même en faisant entrer en ligne de compte cette légère supériorité de son artillerie les Russes n'étaient pas tout-à-fait **5 contre six;** encore faut-il ajouter qu'il y avait dans les rangs des Russes jusqu'à 15.000 recrues; soldats enrolés depuis quelques semaines seulement, n'ayant jamais vu le feu et sachant à peine manier le fusil, tandis que l'armée française au contraire se composait entiérement de vétérans. Tout ce qu'il y avait eu dans les cadres de conscrits et d'hommes faibles avait depuis longtemps succombé aux fatigues de la guerre et au maladies qui en étaient la suite; ce qui restait sous les drapeaux, c'étaient de vieux soldats à l'epreuve des fatigues, et qui avaient une longue habitude, nonseulement de la guerre et des combats, mais encore de la victoire. Si malgré une infériorité aussi sensible l'armée russe a su leur opposer une résistance aussi glorieuse, si elle a su leur disputer la victoire d'une manière aussi

brillante—c'est qu'elle a bien certainement deployé une valeur, telle que l'exigeaient les circonstances et la grandeur, du moment histrorique.

Nous n'entrerons pas dans tous les détails de la journée de Borodino (II, Глава IX) le mécanisme de cette terrible bataille était extrêmement simple, et jamais peut-être on n'a moins manoeuvré; c'était un combat de front, une de ces luttes opiniâtres qui ne sont décidées à la fin que par l'épuisement de l'un des deux partis. Dès-lors l'économie de l'emploi succesif des forces et ce qui doit nous intéresser le plus dans les dispositions, il serait instructif sans doute de pouvoir calculer à chaque époque de la bataille, le montant des forces mis successivement dans la balance: mais en ne nous donnant que des renseignements extrêmement vagues sur le nombre des combattants dont se composaient les deux armées, l'auteur nous a d'avance privés de moyens d'établir un semblable calcul, et dès-lors sa relation ne pouvait plus guère offrir d'intérêt, si ce n'est celui que présente un morceau de rhitorique. Il ne sera donc pas nécessaire de nous y arrêter pour relever toutes les petites erreurs et les contradictions que nous avons cru y remarquer, et nous nous bornerons à signaler à la critique deux des ces erreurs, trop importantes pour être passées sous silence.

La première a rapport à la manière dont les troupes françaises étaient disposées. Sur le plan qui représente la position des deux armées après la prise des flêches—Borodino (près de Séménoffskoé) par les Français; l'infanterie de Napoléon forme une ligne non interrompue depuis Borodino et les rives de la Kolotcha jusqu'au delà de l'ancienne route de Smolensk; nous y voyons la cavalerie placée en réserve plus en arrière, et l'auteur s'imagine que telle était effectivement la position de l'armée française; c'est ce que prouvent plusieurs passages du texte. Ente autres il dit (II, 262) en parlant des attaques de cavalerie dirigées sur la batterie Bayewsky (située au centre de la position russe).

„Конница ихъ (des Français) опять показалась впереди пѣхоты, въ колоннахъ".

C'est cependant une erreur, et une erreur assez grave. Le combat autour des flêches de Borodino et la batterie Rayewsky s'étant prolongé bien plus longtemps que Napoléon n'avait cru, Davoust et Ney chargés d'attaquer les premières, s'étaient vus obligés d'appuyer de plus en plus vers leur droite, et il en était resulté que l'infanterie française se trouvait divisée en deux grandes masses, dont l'une, commandée par les deux maréchaux que nous venons de nommer, continuait ses attaques à la droite, entre Séménofskoé et l'ancienne route de Smolensk, tandis que la seconde, à la gauche, sous les ordres du vice-roi Eugène, dirigeait tous ses efforts

sur la batterie Rayeffsky. Une lacune assez considérable entre ces deux masses était remplie uniquement par la cavalerie de Latour-Maubourg et de Montbrun—et la cavalerie—la cavalerie de reserve se trouvait ainsi former en première ligne le centre de l'armée: chose à-peu-près inouïe *); c'est là un des traits le plus caractéristiques de cette battaile, et il parait d'autant plus singulier de le voir passer sous silence dans l'ouvrage dont nous-nous occupons, que tous les auteurs français, sans en excepter un seul, font remarquer cette position peu usitée. Si le g-l Danilefsky avait voule en outre consulter quelques sources sécondaires, telles que: le mémoire d'un officier de cavalerie Westhphalien, dans „**Militärisches Tachenbuch dritter Jahrgang 1821**“—**Röder, Mitheilungen aus dem russischen Feldzuge 1812, 2-r Theil, S. 103 und folgende**; „**Die Mitwirkung der sächsischen Cürassier-Brigade in der Schlacht an der Moskwa** (Oesterr. Milit. Zeitschrift 1812)—et la biographie du g-l Thielemann—il aurait pu y puiser une foule de détails interéssants sur les opérations de cette cavalerie pendant qu'elle occupait ainsi, sous le feu croisé des batteries russes, une position qui ne lui est pas d'ordinaire assignée. Ces opérations, bien qu'elles n'ayent pas exercé sur la marche des évenements une influence bien décisive, ne manquent cependant pas d'un certain intérêt aux yeux de tout homme qui, loin de regarder une bataille comme une partie d'échecs et les soldats comme des machines, cherche au contraire à suivre dans l'histoire des combats l'effet des impressions morales. Nous voyons cette cavalerie exécuter un grand nombre de charges partielles, sans en avoir reçu l'ordre de la part des chefs supérieurs, et sans que ses attaques eussent un but bien déterminé. Il est intéressant de la voir ainsi s'avancer bien des fois à travers la fumée qui lui cachait l'ennemi, et sans savoir au juste sur quoi elle donnerait; entraînée en avant uniquement par le besoin d'agir—de faire quelque chose! parceque rester entièrement passiff devenait à chaque instant insupportable dans une position aussi pénible que la sienne.

La seconde erreur du g-l Danilefsky bien plus grave encore, a rapport à la diversion exécutée sur la gauche de l'armée française par le g-l Ouvaroff. Cette expédition paraît avoir été placée dans un jour tout-à-fait faux par le g-l Danilefsky: tant sous le rapport de la manière dont elle a été amenée, que sous celui des effets qu'elle a produits. L'auteur raconte qu'après s'être avancé jusque sur le faîte d'un petit mamelon (II, 255) après avoir de ce point examiné la position des deux armées et médité les chances du

*) Dans la guerre de 1756—63 la bataille de Minden offre encore l'exemple d'une disposition analogue.

combat, le m-l Koutouzoff a ordonnée, sans avoir consulté personne, aux gg-x Platoff et Ouvaroff de passer la Kolotcha avec les cosaques et le 1-r corps de cavalerie, pour se porter sur la gauche de l'armée française. Mais! nous savons à ne pouvoir en douter que le g-l Platoff **avait passé la rive opposée de la Kolotcha dès le matin**, sans en avoir reçu l'ordre de personne, (**Néiéloff** 68, **Clausewitz** 151) et un témoin oculaire, le g-l Clausewitz, alors chef d'état-major du g-l Ouvaroff, nous apprend que les choses se sont passées d'une manière tout-à-fait différente.

C'était l'ataman des cosaques qui, n'apercevant que peu de troupes ennemis de ce côté, crut entrevoir la possibilité de tomber sur la gauche de l'armée française—et il expédia aussitôt le p-ce de Hesse-Philippsthal pour en faire la proposition au maréchal. Le Prince s'adressa d'abord au c-te Toll et c'est encore cet officier qui engagea le maréchal à faire exécuter cette manoeuvre par le corps du g-l Ouvaroff. En comparant au récit un peu exagéré de g-l Danilefsky ce que le chef d'état-major du g-l Ouvaroff nous raconte des attaques exécutées ensuite par le 1-r corps de cavalerie sur la rive gauche de la Kolotcha, on voit bien que cette échauffourée n'eut pas à beaucoup près l'importance que le g-l Danilefsky voudrait lui prêter. (**Clausewitz** 154—159; voyez aussi **Néiéloff** 68 et **Boutourline** 1, 281). Mais c'est surtout relativement aux effets de cette diversion que l'auteur paraît se tromper. Ce n'est pas qu'elle n'ait d'abord produit un certain effet; le vice-roi Eugène, prévenu qu'il était attaqué sur sa gauche, a différé l'attaque décisive de la batterie Rayeffsky d'une demi-heure; il s'est même porté de sa propre personne au devant d'Ouvaroff sur la gauche de la Kolotcha, emmenant avec lui les cinq bataillons de la garde italienne, et cette demi-heure de répit était certainement quelque chose pour l'armée russe réduite à la défensive par son infériorité: mais ce n'était pas beaucoup, surtout entre onze heures et midi, époque à laquelle ces attaques ont eu lieu lorsque Napoléon avait encore devant lui plus de six heures de jour pour conduire la bataille à son terme. Le vice-roi, s'étant convaincu bientôt que ce qui se promenait sur sa gauche n'était qu'un faible détachement de cavalerie légère, et que cette cavalerie était pardessus le marché arrêté court par un défilé qu'elle ne pouvait forcer: ce chef retourna aussitôt sur la droite de la Kolotcha, et dès ce moment la diversion du g-l Ouvaroff cessa d'exercer une influence quelconque sur la marche des événements; son effet devint nul. Si le g-l Danilefsky prétend que de nombreuses colonnes de toute arme ont été dirigées contre Ouvaroff, c'est évidement une erreur. Aucun des auteurs français n'en fait mention, et Clausewitz qui était bien dans le cas de savoir ce qui en était, puisqu'on

voyait du point où il se trouvait une grande partie du champ de bataille, et que de ce coté la fumée n'empéchait pas de bien voir: Clausewitz n'a pas non plus aperçu ces colonnes.

Dès le moment où le vice-roi Engène avait rebroussé chemin, de nouvelles attaques furent dirigées sur la batterie Rayeffsky—le combat dans les environs de Séménoffskoé continua avec le méme acharnement—et les reserves de Napoléon restèrent immobils à la hauteur de Schévardino, sans que l'armée française eut le moins du monde l'air de s'apercevoir de la présence du g-l Ouvaroff et de son faible détachement sur la rive gauche de la Kolotcha. On ne saurait donc nier qu'il n'y ait beaucoup d'exagération dans les conclusions du g-l Danilefsky, lorsqu'il nous dit (II, 257).

„Дѣйствія Платова и Уварова имѣли на участь сраженія вліяніе чрезвычайно важное, вполнѣ оправдавшее ожиданіе князя Кутузова!"

ajoutant sur la page suivante:

„Вотъ одна изъ главныхъ причинъ, лишившихъ Наполеона возможности воспользоваться побѣдою, уже склонявшееся на его сторону. Столь счастливый оборотъ былъ непосредственнымъ слѣдствіемъ превосходнаго маневра князя Кутузова—маневра до сихъ поръ неоцѣненнаго достойнымъ образомъ".

Mais ce qui a bien plus encore droit de nous surprendre, ce sont les raisons qui ont à en croire le g-l Danilefsky, motivé plus tard la retraite du g-l Ouvaroff (II, 256):

„князь Кутузовъ смотрѣлъ на дѣйствія Уварова съ Горскихъ батарей, и приказалъ ему отступить, замѣтивъ, что цѣль, для которой послана кавалерія, была достигнута, то есть, что войска непріятельскія **стали** подаваться на лѣвое крыло ихъ".

Comment! on a rappélé le g-l Ouvaroff **parceque** ses opérations remplissaient le but qu'on s'était proposé, et au moment même où les ennemis **commencaient** à faire ce qu'on avait voulu, c'est à dire à diriger de fortes colonnes contre lui! On **craignait** donc apparemment de voir l'ennemi s'affaiblir sur les points décisifs? et on a rappélé ce détachement afin que l'ennemi ne fut pas induit en erreur sur son importance: pour épargner aux généraux français toute inquiétude inutile à cet égard! Mais vraiment c'eût été un trait de bonhomml, ou si l'on aime mieux, de courtoisie chevaleresque aussi touchant que rare dans un siècle egoiste et positif comme le nôtre! Si les attaques du g-l Ouvaroff produisaient réellement des effets aussi salutaires, c'eût été au contraire une exellente raison pour

persister, pour les continuer aussi longtemps que possible, et pour les pousser aussi loin que faire se pouvait.

Heureusement nous sommes, par d'autres auteurs, mieux informer sur cette partie de la bataille; sans cela, ces lignes fatales echappées sans doute par mégarde à la plume du g-l Danilefsky seraient bien faites pour donner à la postérité une étrange ideé de la capacité et des talents du m-l Koutouzoff. On n'a qu'à jeter les yeux sur la relation de Néiéloff, de Boutourline et surtout de Clausewitz; on y verra que le g-l Ouvaroff ayant été, par l'impossibilité de forces le passage de la Voina, reduit au rôle insignifiant de spectateur oisif. Le c-te Toll, le g-l Ojaroffsky et bien d'autres officiers du quartier-général vinrent l'un après l'autre examiner cette partie du champ de bataille, et voir s'il n'y avait pas moyen de faire en sorte que la diversion—ou plutôt la demonstration—exécutée par ce détachement eût une influence un peu plus sensible sur le sort de la journeé. Tout le monde a dû convenir que c'était impossible, et on a fini par rappeler le g-l Ouvaroff, parcequ'on voyait bien que sa présence sur la rive gauche de la Kolotcha avait depuis longtemps cessé de produire un effet quelconque.

Plus tard, en parlant des résultats de la bataille, l'auteur se trompe encore lorsqu'il veut prouver, que l'armée russe avait à la fin du combat plus d'artillerie en reserve que celle de l'adversaire. Il dit, que même l'artillerie de la garde française avait été au feu, exepté une trentaine de pièces qui étaient encore restées en reserve. C'est une notice qu'il a trouvé apparement dans Chambray et dans les mémoires du g-l Rapp; mais il a eu le malheur de comprendre ces auteurs, pour ainsi, à rebours. Chambray et Rapp disent l'un et l'autre, que l'artillerie de la garde, forte de 109 pièces, était tout entière en reserve, à l'exception d'une trantaine de pièces qui avaient pris part à l'action. Mais les erreurs de ce genre sont beaucoup trop nombreuses dans l'ouvrage du g-l Danilefsky, pour pouvoir être rélévées.

Ne pouvant guère nous arrêter aux chapitres suivants, nous ferons remarquer seulement, que nous devons savoir gré au g-l Danilefsky, de nous avoir fait connaître dans tous les détails ce qui s'est passé dans le conseil de guerre aux portes de Moscou. Quant à l'incendie devenu si célèbre, et à la destruction de cette antique capitale, l'auteur ne nous apprend dans le fait rien de nouveau. Tout ce qu'il dit d'esentiel sur ce sujet avait été publié dès l'année 1818 par l'auteur des: „**Fragmente über Moskaus Einäscherung**“ que nous avons déjà cités plus haut. Il y a une circonstance cependant que le g-l Danilefsky aurait dû nous expliquer: comment se fait-il que nos milices n'étaint en partie armées que de piques

à la bataille de Borodino, tandis qu'il y avait encore à l'arsenal de Moscou jusqu'à 80.000 armes à feu, qui sont tombées plus tard au pouvoir de l'ennemi. Dans les premiers chapîtres du III volume, l'auteur raconte ce qui s'est passé à la grande armée immédiatement après la chute de Moscou, et dans cette partie de l'ouvrage nous trouvons de nouveau des assertions qui ne nous paraissent pas bien solidement appuyées de preuves. Plusieurs points de ce récit sont sans doute extrêmement sujet à contestation. Le g-l Danilefsky tâche d'insinuer par exemple, que le m-l Koutouzoff avait même avant d'abandonner Moscou, conçu le projet de s'établir sur l'ancienne route de Kalouga, et qu'il s'est rétiré d'abord dans la direction de Riazane uniquement dans le but de tromper Napoléon sur ses véritables intentions: mais il y aura toujours un grand nombre de militaires, qui demanderont où en est la preuve? qui soutiendront, que telle étant l'entention du maréchal, le plus simple aurait été d'éxécuter ce quart de conversion stratégique à Moscou même où les routes se croisent—et qu'en se retirant d'abord sur Riazane où risquait de se voir prévénu par l'armée française sur la route de Kalouga. Il paraîtrait même que c'était l'opinion de l'Empereur Alexandre (II, 417). Mais à quelque époque que le m-l Koutouzoff ait conçu ou adopté l'idée de s'établir sur la droite de l'armée française, il y a deux circonstances qui auraient dû d'autant moins échapper au g-l Danilefsky, qu'elles pourraient bien jusqu'à un certain point contribuer à nous éclairer sur l'origine de cette manoeuvre stratégique, devenu célèbre. **Clausewitz**, nous informe, qu'imédiatement après la bataille de Borodino et avant que Moscou fût abandonné, le c-te Toll lui a dit plus d'une fois, qu'à son avis a retraite au delà de Moscou ne pouvait plus être continuée dans la direction de Vladimir; qu'il fallait faire à Moscou un quart de conversion stratégique, pour se baser sur les riches provinces du midi, et pour prendre en flanc la ligne d'opération de l'ennemi: mais qu'il craignait très fort de ne pouvoir faire adopter cet avis, les chefs supérieurs étant trop décidement opposés à une mesure pareille. (**Clausewitz** 175—176). Ensuite le g-l Danilefsky (vol. II, 327) est lui-même forcé de convenir, que c'est le c-te Toll qui, dans le conseil de guerre tenu aux portes de Moscou, a proposé de prendre position appuyant l'aile droite à la ville, l'aile gauche à la nouvelle route de Kalouga, **afin de pouvoir se rétirer, le cas échéant, sur l'ancienne route de Kalouga.**

„...и потомъ, если обстоятельства потребуютъ, отступить къ старой „Калужской дорогѣ".

Mais l'auteur parait éprouver une certaine répugnance à citer le c-te Toll, on dirait qu'il évite autant que possible de nomer cet officier. En voici encore

une preuve. Lorsque le c-te Tchernycheff, arrivé au camp de Krassnaïa Pakhra, eut fait connaître au m-l Koutouzoff le nouveau plan d'opérations, dont il était porteur, le m-l déclara qu'il ne pouvait se prononcer définitivement sur ces dispositions projétées avant de s'être consulté avec le g-l Beningsen (III, 39). Un conseil de guerre eut effectivement lieu le lendemain, mais les seuls généraux admis à y prendre part, étaient selon l'auteur, Beningsen et Konovnitzine. Le c-te Toll n'aurait-il réellement pas été présent? serait-il bien vrai que dans un pareil moment, lorsqu'il s'agissait d'une résolution dont dépendait, à ce qu'on croyait du moins, le succés de la campagne: qu'alors personne n'a jugé necessaire de demander son avis au **quartier-maître général de l'armée** à un officier qui possédait, comme toute l'armée le savait, au plus haut degré la confiance du maréchal? L'armée, la Russie, et l'Europe entière auront bien de la peine à se le persuader. De même le g-l Danilefsky trouve encore môyen de ne pas faire mention du c-te Toll en parlant de l'affaire de Taroutino, et pourtant on n'a qu'à jeter les yeux sur la relation du g-l Boutourline, pour demeurer convaincu que le c-te Toll n'y a pas précisément joué un rôle insignifiant. Pourqoi nommément, le g-l Danilefsky en parlant de la reconnaissance sur l'aile gauche des Français, dont le résultat a fait naître l'idée qu'il était possible de surprendre Murat: pourquoi n'a-t-il pas dit que cette raconnaissance avait été éxécutée par le c-te Orloff-Denissoff et le c-te Toll? quel motif a pu l'engager à nommer le c-te Orloff seul? *) Une autre question relativement aux opérations du maréchal immédiatement après la prise de Moscou, se présente encore de manière à ne pouvoir être éludée. L'auteur nous entretient assez longuement et en apparence très en détail des desseins que le maréchal Koutouzoff avait conçus à cette époque: pourquoi les ordres expédiés alors aux g-x Tormassoff et Tchitchagoff sont-ils passés sous silence? Même avant la chûte de Moscou le maréchal avait expédié à Tchitchagoff l'ordre de venir le joindre dans les environs de Moscou. Lorsque l'ancienne capitale de la Russie avait été perdue, le maréchal

*) Pour être à même d'apprécier toute la part que le c-te Toll a pris à l'affaire de Taroutino, on n'a qu'à lire le rescrit de l'Empereur Alexandre en lui conférant l'ordre de St.-Anne I-re classe, où il est dit:

«Въ ознаменованіе отличныхъ подвиговъ, оказанныхъ Вами 6-го Октября 1812 года въ сраженіи противъ французскихъ войскъ и при аттакѣ на непріятельскій авангардъ, гдѣ Вы, рекогносцировавъ непріятельскій лагерь, составили проектъ къ нападенію и, несмотря на темноту ночи, подвели подъ непріятельскіе пикеты сто тысячъ войска нашего, а во время аттаки направляли колонны наши, и вездѣ находились тамъ, гдѣ успѣхъ побѣды зависѣлъ отъ аттакующей части, Всемилостивѣйше жалуемъ Васъ Кавалеромъ Св. Анны 1 степени».

ordonna au g-l Tormassoff de laisser à Tchitchagoff le soin de défendre la Volhynie et la Podolie contre le p-ce Schwartzemberg et de franchir au plus vite une distance de plus de mille verstes pour renforcer l'armée principale au camp de Taroutino; enfin quelques jours plus tard, cette disposition fut encore modifiée par un troisième ordre portant que l'armée de l'amiral devait au contraire se rapprocher de l'armée principale en marchant par Mohileff tandis que Tormassoff aurait à défendre la Volhynie.

Ces manoeuvres n'ont pas été exécutées, il est vrai, le plan d'opérations en ayant disposé autrement: mais quelles étaient les combinaisons stratégiques auxquelles ces ordres se rattachaient? Il aurait été sans doute facile au g-l Danilefsky d'éclaircir ce point, puisqu'il est impossible que le maréchal ait donné ordre d'exécuter des manoeuvres de cette importance, sans expliquer dans ses rapports à l'Empereur quel en était le motif, et quels résultats il en attendait. Ces combinaisons nous intéressent; ce sont sans doute les projets, les plans d'opérations que le maréchal avait conçus lui-même avant qu'il eût reçu la disposition dont le c-te Tchernycheff était porteur, et nous ne saurions nous faire une juste idée des talents de Koutouzoff à moins de connaître ses propres conceptions. Combien n'aurait-il pas été intéressant d'ailleurs de savoir dans quel jour le général en chef des armées russes voyait alors la position des deux parties guerroyantes, et quels étaient à son avis les mesures qu'exigeaient les circonstances, sans compter que les combinaisons stratégiques d'un si grand capitain doivent en elles mêmes être extrêmement instructives et précieuses. Nous disons même plus; publier ces projets, c'était une juctice que l'auteur n'aurait pas dû se dispenser de rendre au maréchal. Précisement parcequ'on ne connaît pas l'ensemble du plan d'opérations dont les ordres expédiés aux gg-x Tormasoff et Tchitchagoff faisaient sans doute partie, ces dispositions partielles ont été jugées avec une sévérité extrême à-peu-près par tout le monde. Plusieurs célèbres militaires les ont même trouvées tellement extraordinaires, qu'ils ont cru devoir douter de leur existence (**Chambray** note 59). Sans ce rapport il est intéressant d'apprendre du moins, que ces ordres ont effectivement été expédiés, bien que l'auteur ne nous en prévienne qu'en passant et pour ainsi dire à la dérobée (III, 37 et 208).

L'analyse du quatrième volume n'offrirait pas moins d'intérêt que celle de trois premiers; nommément il y aurait bien des remarques à faire sur la manière dont l'auteur a raconté les événements qui ont eu lieu dans les environs de Krassnoi, et sur les bords de la Bérézina: mais ce mémoire n'est déjà que trop long peut-être, et d'ailleurs ce que nous avons déjà dit suffira pour donner une juste idée de l'ouvrage. Les plans dont l'ouvrage

est accompagné sont très nombreux, mais en partie du moins, ils ne sont bons à rien; nous demanderons par exemple, à quoi peut servir un croquis tel que celui de la prise de Véréïa? Des plans en moins grand nombre, mais sur lesquels la nature du terrain fut exprimée d'une manière plus caractéristique, et la position des troupes avec plus d'exactitude, auraient mieux valu.

Sous le rapport du style, des juges plus compétents que nous, accusent le g-l Danilefsky de pécher par de nombreux gallicismes: quant à nous, nous avons sous ce rapport un reproche peut-être plus grave à lui faire. Tout en admirant le patriotisme de l'auteur, nous aurions désiré que des sentiments aussi élevés fussent toujours exprimés dans un langage digne de la grandeur des objets, digne d'une époque de l'histoire si grande et si belle dans les annales de la Russie. Mais, à notre grand regret nous sommes forcés d'en convenir: le style du g-l Danilefsky **descend** quelquefois jusqu'à une énergie qui n'est ni reçue, ni même tolerée en bonne compagnie *).

*) Подлинникъ „Критики сочиненія Михайловскаго-Данилевскаго" находится въ семейномъ архивѣ гр. Е. Н. Толя.

О квартирмейстерской части вообще.

О квартирмейстерской части вообще *).

Квартирмейстерская часть въ россійской арміи есть корпусъ, составленный изъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ и колоноважатыхъ.

А какъ каждому чиновнику, исключая колоноважатыхъ (которые унтеръ-офицерскихъ чиновъ), позволяется переходить изъ квартирмейстерской части во всякій другой родъ службы, то и слѣдуетъ, что наличное число всѣхъ чиновъ подвержено частому измѣненію. Число же колоноважатыхъ по штату положено имѣть 60 человѣкъ. Оное пополняется, при открывшихся вакансіяхъ, изъ дворянъ вольноопредѣляющихся и получившихъ уже нѣкоторое образованіе въ математикѣ, языкахъ и черченіи плановъ.

Раздѣленіе чиновъ квартирмейстерской части.

Чиновники, составляющіе квартирмейстерскую часть, раздѣляются на

Начальниковъ Главнаго Штаба, при арміяхъ—чиновъ генеральскихъ, а при корпусахъ—штабъ-офицерскихъ;

Генералъ-квартирмейстеровъ, чиновъ генеральскихъ при арміяхъ.

Оберъ-квартирмейстеровъ, чиновъ штабъ-офицерскихъ при корпусахъ.

---

*) Подлинникъ хранится въ семейномъ архивѣ графа Е. Н. Толя.

Дивизіонныхъ квартирмейстеровъ, чиновъ оберъ и субалтернъ-офицерскихъ при дивизіяхъ.

Всѣ прочіе чины, не занимая вышепомянутыхъ мѣстъ, употребляются при канцеляріяхъ начальниковъ штабовъ и генералъ-квартирмейстеровъ и при оберъ-квартирмейстерахъ.

О колоноважатыхъ.

Колоноважатые не прежде поступаютъ въ дѣйствительную службу, какъ по окончаніи наукъ, потребныхъ офицеру квартирмейстерской части, и, по испытаніи въ оныхъ, отличнѣйшіе производятся въ прапорщики.

О гвардейскомъ Генеральномъ Штабѣ.

Сверхъ сего, существуетъ еще гвардейскій Генеральный Штабъ, принадлежащій въ особенности къ отдѣльному гвардейскому корпусу и исправляющій при оном всѣ обязанности чиновниковъ квартирмейстерской части, къ арміи принадлежащихъ.

Предметъ квартирмейстерской части.

Квартирмейстерская часть устроена въ арміи для облегченія приведенія въ исполненіе всѣхъ предположеній главнокомандующаго и прочихъ командировъ корпусовъ, дивизій и другихъ отдѣльныхъ частей войскъ относительно расположенія арміи въ зимнихъ и кантониръ-квартирахъ, въ лагерѣ и во время движенія войскъ. А дабы дать общее понятіе о всѣхъ сихъ распоряженіяхъ и показать, въ какомъ отношеніи всѣ части войскъ, армію, корпусъ или дивизію составляющіе, между собою находятся, чиновники квартирмейстерской части сочиняютъ квартирныя карты, планы лагерямъ и мѣстоположеніямъ, на которомъ сражаться предполагаютъ, дѣлаютъ обозрѣніе края, въ которомъ война происходитъ и позиціямъ непріятеля; и всѣ свои работы и наблюденія представляютъ своему начальству.

Для лучшаго же отправленія службы квартирмейстерской

части необходимо нужно, чтобы чиновники, находящіеся при корпусахъ и дивизіяхъ, не подвергались бы частому перемѣщенію изъ одного корпуса или дивизіи въ другіе, ибо довѣренность, которую они пріобрѣсти могутъ отъ своего генерала и взаимную дружбу съ равными имъ чиновниками по корпусному и дивизіонному штабамъ, съ коими они по дѣламъ службы бываютъ въ безпрестанномъ сношеніи, а равно и знакомство со всѣми полковыми и баталіонными командирами по войску, при коемъ находятся, не скоро пріобрѣсть можно при новомъ мѣстѣ. Ощутительную пользу сего наиболѣе въ военное время видѣть можно.

О качествахъ и познаніяхъ, необходимыхъ чиновнику квартирмейстерской части.

Изъ всего вышеописаннаго явствуетъ, что квартирмейстерская часть есть корпусъ, долженствующій вмѣщать въ себѣ чиновниковъ съ отличными качествами и познаніями, которыя состоятъ въ нижеслѣдующемъ:

Знаніе двухъ или трехъ языковъ, но россійскій совершенно.

Легкость въ объясненіи.

Скорое понятіе и хорошую память.

Быстрота въ исполненіи.

Неутомимая дѣятельность и крѣпкое сложеніе тѣла.

Совершенное знаніе фронтовой службы и эволюціонную тактику.

Кастраметацію или знаніе занимать лагери.

Фортификацію и артиллерію столько, сколько нужно въ полѣ, чтобы при первомъ взглядѣ умѣть судить какъ о укрѣпленіяхъ, такъ и о дѣйствіи артиллеріи.

Знаніе инструментальной и глазомѣрной съемки.

Черченіе всякаго рода плановъ и картъ.

Знаніе стратегіи и, наконецъ,

Умѣть сохранять тайну.

Раздѣленіе офицеровъ по способностямъ ихъ.

Но какъ всѣ сіи познанія и качества весьма рѣдко можно соединить въ одномъ человѣкѣ, то и должно, сохраняя пользу службы, раздѣлять офицеровъ квартирмейстерской части на два разряда. Въ первой будутъ заключаться такіе, коихъ физика не позволяетъ переносить большихъ трудовъ войны, коихъ слабое зрѣніе не позволяетъ далеко видѣть, но которые, зная совершенно языки, съемку всякаго рода, скорое и чистое изученіе плановъ и картъ и по свойственной имъ прилежности и терпѣнію, любятъ болѣе работать въ комнатѣ. Сіи-то весьма полезные офицеры могутъ быть употреблены въ канцеляріяхъ начальниковъ главныхъ штабовъ и генералъ-квартирмейстеровъ. Одни изъ сихъ офицеровъ ведутъ военную переписку съ разными лицами, другіе производятъ съемку въ тылу арміи, занимаясь, между тѣмъ, военно-топографическимъ описаніемъ снятыхъ мѣстъ, сочиненіемъ табелей о богатствѣ и населеніи оныхъ и вообще собираніемъ всѣхъ свѣдѣній о землѣ, гдѣ война происходитъ. Въ канцеляріи генералъ-квартирмейстера одинъ изъ способнѣйшихъ офицеровъ ведетъ журналъ всѣмъ военнымъ дѣйствіямъ, прилагая при ономъ и планы главныхъ сраженій.

Равнымъ образомъ назначается одинъ офицеръ для веденія журнала всѣмъ показаніямъ плѣнныхъ, которые въ особенности имъ разспрашиваемы бываютъ. А какъ у сего офицера хранятся всѣ вѣдомости, относящіяся до силъ непріятельскихъ, то и обязанъ онъ всякій разъ сличать показанія плѣнныхъ съ оными; судя по онымъ, не усилился-ли какой-либо корпусъ или дивизія новыми войсками; не поступили-ли они въ команду новаго начальника; не отдѣлилась-ли какая часть отъ арміи для составленія гарнизона какой-нибудь крѣпости, и тому подобное. Всѣ сіи свѣдѣнія почерпаетъ онъ также и изъ рапортовъ отрядныхъ начальниковъ. По всѣмъ

симъ извѣстіямъ вообще старается онъ, сколь возможно, исправлять расписанія непріятельскихъ силъ вообще.

Второй разрядъ чиновниковъ квартирмейстерской части долженъ состоять изъ офицеровъ весьма смѣтливыхъ и неутомимыхъ, могущихъ переносить всѣ трудности похода, знающихъ совершенно фронтовую службу, имѣющихъ способность при первомъ взглядѣ на мѣстоположеніе судить о всѣхъ выгодахъ и невыгодахъ онаго, дабы при занятіи зимнихъ и кантониръ-квартиръ, лагерей и военныхъ полицій могли бы они съ оными сообразоваться. При составленіи описаній, рапортовъ и даваніи наставленій умѣть объясняться кратко и ясно. Глазомѣрную съемку знать совершенно, дабы на каждомъ лагерномъ мѣстѣ и занятой войсками позиціи, равно и при обозрѣніи дорогъ, умѣть сдѣлать въ скорости планъ, и чрезъ то дать генералу своему первое понятіе какъ о мѣстоположеніи, такъ и о расположеніи войскъ. Дѣлать рекогносцировку непріятеля и всего окрестнаго края, на которомъ войско дѣйствовать предполагаетъ. Объѣзжать и повѣрять передовые посты. Словомъ сказать, споспѣшествовать всему тому, что только можетъ дать лучшее понятіе о краѣ, о положеніи непріятеля и къ скорому и безостановочному движенію войскъ, при коихъ они безсмѣнно остаются. Вести ежедневный журналъ всѣмъ дѣйствіямъ той части войскъ, къ коимъ принадлежатъ и дѣлать диспозиціи движеніямъ оныхъ и атаки непріятеля по предположеніямъ своего генерала.

Изъ всего вышеизложеннаго не должно заключать, чтобы чиновники квартирмейстерской части перваго разряда, къ канцеляріямъ принадлежащіе, лишались бы чрезъ то случая быть въ сраженіяхъ; совсѣмъ нѣтъ, ибо во время дѣйствія, находясь при своихъ генералахъ, кромѣ того, что употреблены быть могутъ для разныхъ посылокъ,—легко случиться можетъ необходимость на самомъ полѣ сраженія дать письменное повелѣніе какому-нибудь корпусу или дивизіи, которое на словахъ по видамъ главнокомандующаго никакъ передано быть

не можетъ, ибо требуетъ подробныхъ поясненій, а наиболѣе къ концу сраженія, гдѣ обстоятельства требуютъ другихъ наставленій и новыхъ направленій войскамъ и тому подобнаго.

Примѣчаніе. Разбирая вышеизложенную записку, генералъ А. З. Мышлаевскій говоритъ:

„Такой взглядъ графа Толя вполнѣ понятенъ. Европейски образованный, съ широкимъ розмахомъ мысли, проведшій значительную часть службы на театрѣ войны и на полѣ сраженія, сталкивавшійся и съ Вейротерами и съ Пфулями, видѣвшій за время службы, какъ наша же армія отъ суворовскихъ побѣдъ, въ которыхъ онъ участвовалъ въ чинѣ поручика, быстро катилась къ грѣхамъ польской кампаніи 1830 и 1831 годовъ, чтобы, уже безъ него, увѣнчать свое отклоненіе отъ завѣтовъ прошлаго массою жертвъ подъ Альмою, Инкерманомъ и Севастополемъ,—такой генералъ-квартирмейстеръ къ военной исторіи иначе и не могъ относиться“ *).

*) См. „Русскій Инвалидъ“ 1898 г., 11 января, № 8, стр. 4. „Записка генералъ-квартирмейстера графа Толя о квартирмейстерской службѣ“ (къ исторіи генеральнаго штаба).

Приложенія.

Приложеніе № 1.

Господинъ Порутчикъ Толь.

Труды понесенные вами при переходѣ черезъ Альпійскія горы войскъ Нашихъ подъ предводительствомъ Генералисимуса Князя Италійскаго Графа Суворова-Рымникскаго, гдѣ вы въ неоднократномъ сраженіи съ непріятелемъ оказали отличную храбрость, преобретаетъ вамъ Монаршее Наше благоволеніе. Воизъявленіе котораго жалуемъ васъ кавалеромъ ордена Нашего святыя Анны 3-го класса, коего знакъ при семъ доставляя, повелѣваемъ вамъ возложить на себя. Удостоверены мы въ прочемъ, что вы получа сіе со стороны Нашей ободреніе, потщитеся продолженіемъ службы вашей вящше удостоится Монаршаго Нашего благоволенія.

Пребываемъ вамъ благосклонны.

ПАВЕЛЪ.

Въ Гатчинѣ.

Октября 30-го дня 1799 года.

Приложеніе № 2.

Господинъ Маіоръ Толь.

Въ воздаяніе отличныхъ трудовъ понесенныхъ вами въ продолженіи нынѣшней компаніи противу войскъ французскихъ, и храбрости оказанной въ сраженіи минувшаго ноября 20-го числа при Аустерлитцѣ, жалую васъ Кавалеромъ Ордена Святаго Равноапостольнаго Князя Владимира четвертой степени, коего знакъ у сего къ вамъ препровождая повелѣваю возложить на себя и носить въ петлицѣ съ бантомъ установленнымъ порядкомъ, увѣренъ будучи что сіе послужитъ вамъ поощреніемъ къ вящщему продолженію ревностной службы вашей. Пребываю вамъ благосклонный.

АЛЕКСАНДРЪ.

въ Санктпетербургѣ
24-го Февраля 1806-го

Приложеніе № 3.

Господинъ Маіоръ Толь 1-й.

Въ воздаяніе отличной храбрости и усердія вашего къ службѣ, оказанныхъ вами въ продолженіи всей компаніи противу турецкихъ войскъ, гдѣ вы находясь при Главнокомандующемъ Генералѣ отъ Кавалеріи Михельсонѣ исполняли рачительно разныя отъ него препорученія, и были посыланы во время сраженій въ опаснѣйшія мѣста, жалую васъ Кавалеромъ Ордена Святыя Анны втораго класса, коего знакъ у сего къ вамъ доставляя, повелѣваю возложить на себя и носить по установленію; увѣренъ будучи, что сіе послужитъ вамъ поощреніемъ къ вящшему продолженію усердной службы вашей. Пребываю вамъ благосклонный.

АЛЕКСАНДРЪ.

С.-Петербургъ,
16 Марта 1807.

Приложеніе № 4.

Господинъ Маіоръ Толь.

Въ воздаяніе отличной храбрости, оказанной вами 12-го іюня въ сраженіи противу турецкихъ войскъ подъ Измаиломъ, гдѣ вы во время сраженія посылаемы были отъ Главнокомандовавшаго въ опаснѣйшія мѣста, жалую вамъ препровождаемый при семъ знакъ Ордена Святыя Анны втораго класса алмазами украшенный, увѣренъ будучи, что сіе послужитъ вамъ поощреніемъ къ вящшему продолженію усердной службы вашей, пребываю вамъ благосклонный.

АЛЕКСАНДРЪ.

въ С.-Петербургѣ
25-го Ноября 1807-го.

Приложеніе № 5.

Свиты Его Императорскаго Величества по Квартермейстерской Части Подполковникъ Толь съ апреля мѣсяца 1808 года поступивъ въ мою команду старшимъ чиновникомъ къ главному молдавской арміи корпусу, во все время оказывалъ не только усердіе и расторопность, но совершенно во всѣхъ случаяхъ оправдалъ тѣ труды, которые на воспитаніе его въ кадетскомъ корпусѣ употреблены были, и соединяя познанія своей части съ отличною храбростію доказалъ тѣ чувства, которые въ младенчествѣ въ публичномъ воспитаніи старались ему вселить, и тѣмъ доставилъ мнѣ случай сугубо пріятно отдать ему справедливость имѣвъ его кадетомъ подъ моими глазами и видя теперь достойнымъ офицеромъ въ войскахъ Его Императорскаго Величества.

Его Императорскаго Величества всемилостивѣйшаго Государя моего Генералъ-отъ-Инфантеріи и Кавалеръ Голенищевъ-Кутузовъ.

Молдавскаго Княжества городъ Галицы.

1809 года Іюня 19 дня.

№ 622

Приложеніе № 6.

Господину Полковнику и кавалеру Толю.

По Высочайшему повелѣнію назначены Ваше Высокоблагородіе Генералъ-Квартирмейстеромъ въ 1-ю западную армію на мѣсто Генералъ-Маіора Мухина, коему послѣдовало другое назначеніе. Въ слѣдствіе сего, предписываю вамъ, по сдачѣ ввѣреннаго вамъ 2-го отдѣленія по канцеляріи Генералъ-Квартирмейстера, квартирмейстерской части Полковнику Эйхену 2-му, принять во всѣй подробности отъ Г. Мухина все ввѣренное ему по службѣ и приступить къ исправленію возложенной на васъ должности.

Атестаты объ окончаніи дачи вамъ жалованья и казеннымъ вещами деньщикамъ провіанта и порціоновъ, и лошадямъ фуража, равно послужной списокъ казенныхъ вашихъ деньщиковъ при семъ прилагаю.

Генералъ-Адъютантъ Князь Волконскій.

№ 1735

Главная квартира при г. Дриссѣ.

Іюня 30 дня 1812 года.

Къ приложенію № 6.

Списокъ офицеровъ Квартирмейстерскаго Штаба ко времени назначенія Толя генералъ-квартирмейстеромъ I-й арміи.

При II пѣх. корпусѣ:

Поручикъ Брунъ.

Подпоручикъ фонъ-Кнорринг.

При III пѣх. корпусѣ:

Поручикъ Ивановъ (впослѣдствіи полковникъ при Военной Академіи въ СПБ.).

Поручикъ фонъ-Дистъ (v. Diest) (впослѣдств. ген.-м. прусск. службы).

Поручикъ князь Меньшиковъ, флигель-адъют. (впослѣдствіи адмиралъ; 1854 г. командующій арміей въ Крыму).

При IV пѣх. корпусѣ:

Подполковникъ Зуевъ.

Поручикъ Маркевичъ.

Прапорщикъ князь Андрей Голицынъ (впосл. ген.-лейт.).

При V пѣх. корпусѣ:

Полковникъ Курута (впослѣдствіи генер.-отъ-инф.).

Капитанъ Брозинъ I.

Прапорщикъ Лукашъ (впослѣдствіи ген.-м. и начальн. штаба IV армейск. корпуса.

При VI пѣх. корпусѣ:

Полковникъ Емельяновъ.

Поручикъ Липранди (впослѣдствіи ген.-лейт. и начальникъ дивизіи).

При I кавал. корпусѣ:

Штабсъ-Капитанъ Брозинъ II.

Колонновожатый Бурнашевъ (Курскій вице-губерн.).

При II кавал. корпусѣ:

Капитанъ Шубертъ (сынъ извѣстн. астронома; впослѣдствіи генер.-отъ-инф. и генер.-кварт. арміи).

Колонновожатый фонъ-Штернгельмъ (v. Sternhielm) (впослѣдствіи отставн. полковникъ).

При III кавал. корпусѣ:

Поручикъ фонъ-Данненбергъ (впослѣдствіи генер.-отъ-инфант. и при Инкерманѣ команд. IV арм. корпуса).

Колонновожатый Шраммъ.

При Управленіи Артиллеріей:

Прапорщикъ фонъ-Данненбергъ.

При авангардѣ:

Полковникъ Гавердовскій.

Поручикъ Юнгъ.

Подпоручикъ Мессингъ.

„ Муравьевъ I (декабристъ).

При Вагенбургѣ:

Подпоручикъ Бергенштраль (Bergenstrahl).

Колонновожатый Рихтеръ (впослѣдствіи ген.-м.).

При Главной Квартирѣ:

Полковникъ Граббе.

Подполковникъ: фонъ-Гартингъ (впослѣдствіи ген.-лейт.).

„ фонъ-Гоффманъ (впосл. ген.-лейт. прусск. сл.).

„ Нейтгардтъ (Neithart*) (впослѣдствіи генер.-отъ-инф. и командующ. войск. въ Грузіи).

Подполковникъ фонъ-Клаузевицъ (впосл. генералъ прусск. службы; знаменитый воен. писатель).

Подполковникъ Черкасовъ.

Капитанъ Теннеръ (впосл. ген.-лейт.).

„ Краузе.

Подпоручикъ Зоне (Sohne).

„ фонъ-Гельфрейхъ.

„ Озерскій.

„ Хомутовъ.

„ Траскинъ.

---

*) Нейтхартъ, вмѣсто Нейдгартъ у Bernhardi. *Прим. Ред.*

Прапорщикъ Муравьевъ II (Николай, впосл. генер.-отъ-инфант., командиръ гренадерск. корпуса; въ 1855 г. въ Грузіи).

Прапорщикъ Муравьевъ (Михаилъ, впосл. дѣйств. статск. совѣтн. губернаторъ Курскій).

Прапорщикъ Амантовъ.

„ Сеньковскій.

„ Глазовъ.

„ Щербининъ (впослѣдствіи дѣйств. статск. совѣтникъ).

Въ командировкахъ:

Полковникъ Мишо (Michaud) *), флигель-адъютантъ при Особѣ Государя.

Полковникъ фонъ-Эйхенъ II (на работахъ въ лагерѣ при Дриссѣ).

Подполковникъ фонъ-Вольцогенъ **) } при генералѣ
„ Чуйкевичъ } Барклай-де-Толли.

(См. T. v. Bernhardi: „Denkwürdigkeiten des Gener. v. d. Infant. C. F. Grafen v. Toll". Bd. I. Beilage IV, стр. 427—428.).

*) Впослѣдствіи графъ Мишо-де-Боретуръ, генералъ-адъютантъ. *Прим. редакціи.*

**) Баронъ Юлій-Адольфъ-Фридрихъ фонъ-Вольцогенъ, флигель-адъютантъ Имп. Александра I, участникъ войнъ съ Франціей 1812, 1813 и 1814 гг., впослѣдствіи генералъ прусской службы, воспитатель наслѣднаго принца Вильгельма (впослѣдствіи Императора Вильгельма I), авторъ извѣстныхъ мемуаровъ, изд. въ 1851 г. его сыномъ. † 1845 г.

Приложеніе № 7.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ
МЫ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ
ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ
ВСЕРОССІЙСКІЙ
и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему Генералъ-Лейтенанту Толю 1-му.

Въ воздаяніе ревностной службы вашей и отличія, оказаннаго въ компаніи противу французскихъ войскъ 1812 года, гдѣ находясь въ должности Генералъ-квартирмейстера арміи, избирали мѣста для устроенія войскъ въ боевой порядокъ въ сраженіяхъ подъ Витебскомъ 13-го, 14-го и 15-го числъ іюля и 7-го августа при деревнѣ Заболотье близь Смоленска показывали во всякомъ случаѣ искусство по своей части, мужество и неустрашимость въ бою. Всемилостивѣйше пожаловали МЫ васъ въ 22-й день сентября 1812 года Кавалеромъ ордена Св. Владиміра третьей степени. Грамоту сію во свидѣтельство подписать, Орденскою печатью укрѣпить и знаки Орденскіе препроводить къ вамъ, Указомъ Нашимъ въ 6-й день Августа 1817 года, Повелѣли МЫ Капитулу Россійскихъ Императорскихъ Орденовъ.

Дана въ Санктпетербургѣ въ 7 день маія 1818 года.

За отсутствіемъ Канцлера Генералъ-отъ-Кавалеріи Г. Волковъ.

Орденскій Казначей Генералъ-Маіоръ Крыжановскій.

№ 1431.

Приложеніе № 8.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ
МЫ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ,
ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ
ВСЕРОССІЙСКІЙ
и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему Генералъ-Лейтенанту Толю 1-му.

Въ воздаяніе отличныхъ подвиговъ, оказанныхъ вами въ сраженіи противу французскихъ войскъ 6-го октября 1812 года при атакѣ непріятельскаго авангарда, гдѣ вы рекогноссировали непріятельскій лагерь, сдѣлали прожектъ атакѣ и не смотря на темноту ночи подвели стотысячную армію подъ непріятельскіе пикеты, при атакѣ же указывали колоннамъ Нашимъ направленіе бывъ вездѣ, гдѣ только успѣхъ побѣды зависѣлъ отъ атакующихъ частей, Всемилостивѣйше пожаловали МЫ Васъ Кавалеромъ ордена Нашего Святыя Анны первой степени и знаки онаго для возложенія на васъ у сего препровождая пребываемъ вамъ благосклонны.

АЛЕКСАНДРЪ.

Начальникъ Главнаго Штаба Князь Волконскій.

С.-Петербургъ, 30 Іюля 1818.

Приложеніе № 9.

Письмо полк. Толя въ 1812 г. къ кн. Волконскому *).

Mon Prince.

Dans la lettre d'hier, je n'ai pu vous marquer tout ce que je désirai Vous dire, parceque le peu de temps que j'avais ne me permettait d'en dire davantage. Me voilà aujourd'hui plus à mon aise puisque l'armée ne fait aucun mouvement depuis deux jours.

Après la jonction faite avec Bagration, tout le monde s'attendait à une offensive active; l'ennemi énivré par l'envahissement de plusieurs provinces, poussait de forts partis dans toutes les directions comme il suit: sur Sebesch, Newel, Douhofschina par Poretsché sur la route de Beloi, Gorki, Mstislawl. Les principals corps se trouvèrent: Magdonald en Courlande avec 2.500; Udinot avec 1.800 sur la route de Polotzk à Sebesch où il a été battu, Bessiere à Poretsché, avec 10.000, Napoléon avec les Gardes 25.000 à Witebsk; Ney et Monbrun avec 40.000 à Liosna et Rudnia.

Davoust avec 45.000 à Mogilew et Orscha; le Roi de Westphalie et Poniatowsky avec 25 a 30.000 hommes du côté de Mozir, Renier avec 15.000 à Slonim et les Saxons à Kobrin. De là vous pouvez juger que les principales forces de l'ennemi entre Mogilew et Poretschié dispersés sur une surface de 1.500 verstes. Nous au contraire ayant une position centrale avec 120.000 hommes n'y comptant pas les cosaques qui sont de 6—8.000 hommes, ne profitions pas des avantages que les circonstances nous dictent. Malgré le conseil de guerre qui a eu lieu le 24 à Smolensk où tout les membres étaient du même avis, c'est à dire pour

*) Подлинникъ хранится въ военно-ученомъ архивѣ генеральнаго штаба.

marcher à l'ennemi dans la direction de Rudnia, persér la ligne des forces annemies dispersés depuis Mogilew jusqu'à Poretsché distance de 150 verstes au moins, et puis après avoir battu Ney, tourner à droite (en occupant le poste de Babinowitsky très important par sa positon militaire) et marcher à la rencontre de Napoléon qui certainement aurait fait un mouvement concentrique avec le corps placé sur la direction de Poretsché peu-être dans les environs de Kolischky.

De cette manière nous aurions l'avantage de battre successivement les différents corps ennemis en leurs présentant toujours des forces supérieures.

En consequence du plan arrêté. Nous marchâmes le 26 de Smolensk dans la direction de Rudnia à Wydra 25 verstes, ayant deux petits corps d'observation dans la direction de Poretsché et sur la Route de Krasnoy à Orscha. Dans cette journée nos postes avancés firent replier les postes ennemis pas plus qu'a 7 à 8 verstes. Le lendemain, l'armée devait continuer sa marche vers Inkowo et Malevo-Boloto, je m'y rendis la nuit chez Platoff enfin de pouvoir faire une reconnaissance forcée pour le 3-m jour, de notre marche vers Rudnia. A 5 heures du matin l'avangarde se mit en marche et l'action s'engagea assez vivement, vers les 10 heures du matin tout était fini, l'ennemi repoussé jusqu'à Rudnia en abandonnant 400 prisonniers, 2 colonels et 16 officiers. En examinant le terrein, j'avais trouvé un champ de Bataille très favorable pour toute l'armée, en cas que l'ennemi se serait rassemblé et avait marché à nous; mais ayant appris par les prisonniers que Napoléon était encore à Witebsk, je comptais faire sur le champ la disposition pour la marche offensive de l'armée sur Rudnia, quand tout-à-coup j'appris que les fouriers de quelques régiments qui nous suivaient de près étaiet rappellés dans le camp de Wydra. Notre avangarde de Platoff arrêté à Leschna, ne me donna pas moins de soupçon d'une marche retragrade que nous allons faire. Malgré tout cela je restais à Malevo-Boloto pour attendre les ordres de g-l en Chef. Ce n'est que deux heures après minuit

qu'on me fit savoir que l'armée prenait une autre direction et que je devais retourner au quatier-général.

Ce mouvement inattendu, a mit tout de desordres dans l'ârmée le magasin ambulant qui nous suivait dans la direction de Rudnia n'a pu facilement gagnés les routes par les quelles l'armée fit son mouvement de flanc, puisque les petites routes de travers etaient presque impraticables pour les grandes voitures de vivres, de sorte que l'armée manqua entièrement de vivres pendant presque deux jours. Ce qu'il y a depire dans tout cela, c'est que nous avons par notre mouvement offensif de Smolensk reveillé l'ennemi endormi, qui maintenant marche concentriquement dans la direction de Rudnia, et qui peut accablir par la supériorité de ses forces le prince Bagration éloigné de nous à 35 verstes distance qui n'est pas si grande si vous le voulez, mais dont la communication est rendu trés difficile par les pluies continuelles qui durent depuis 4 jours. Mes officiers travaillent comme de malheureux pour la reparation de ces mêmes routes.

Il y a un petit corps d'observation entre les deux armées sous le commendement du prince Schahofskoi qui est en intermediaire, et où j'ai placé comme chef de l'état Major Orloff votre aide de camp. Je suis parfaitement content de lui, et je desire que nous ayons plus d'officiers aussi intelligent et zèle comme lui. L'enseigne Schram du 20 Régiment de chasseurs est adjoint à ma Personne c'est un jeune homme qui m'aide beaucoup. Permettez mon Prince que je le présente au g-l en Chef pour le faire entrer dans notre corps; sa conduite est exemplaire; et il merite vraiment de servir chez nous.

J'attends avec impatience vos ordres et suis à jamais.

Votre dévoué

Charles Toll.

Переводъ приложенія № 9.

Князь.

Въ посланномъ Вамъ вчера письмѣ, за неимѣніемъ времени, мнѣ не удалось отмѣтить всего того, что желалъ бы Вамъ передать; но вотъ сегодня я болѣе свободенъ, въ виду того, что уже два дня, какъ армія никакихъ движеній не совершаетъ.

Послѣ соединенія съ Багратіономъ, всѣ ожидали активное наступленіе; противникъ, опьяненный овладѣніемъ нѣсколькихъ губерній, выслалъ сильные отряды по всѣмъ направленіямъ, а именно: на Невель—Духовщину черезъ Порѣчье на дорогу въ Бѣлое, Горки, Мстиславъ. Главные корпуса находятся: Макдональда (2.500) въ Курляндіи, Удино (1.800) по дорогѣ изъ Полоцка, гдѣ онъ былъ разбитъ. Бессіеръ (10.000) въ Порѣчьѣ; Наполеонъ съ гвардіей (25.000) въ Витебскѣ; Ней и Монбрёнъ (съ 40.000) въ Лозной и Раднѣ; Даву (45.000) въ Могилевѣ и Оршѣ, Король Вестфальскій и Понятовскій съ 25—30.000 человѣкъ на берегу Мозыря; Реніе (15.000) въ Слонимѣ и Саксонцы въ Кобринѣ.

Изъ вышеизложеннаго можете заключить, что главныя силы противника, находясь между Могилевомъ и Порѣчьемъ, растянуты на протяженіи 1.500 кв. верстъ; мы же, напротивъ того, имѣя центральную позицію силою въ 120.000 человѣкъ, не считая казаковъ отъ 6—8.000, не воспользовались преимуществами благопріятно для насъ сложившейся обстановки. Несмотря на военный совѣтъ, состоявшійся 24-го въ Смоленскѣ, на которомъ всѣ члены были одного и того же мнѣнія, т. е. итти на непріятеля по направленію къ Руднѣ, прорвать непріятельскія силы, разбросанныя отъ Могилева до Порѣчья на разстояніи, по крайней мѣрѣ, 150 верстъ и, разбивъ ихъ, двинуться направо, занявъ Рабиновицкій постъ, имѣющій важное значеніе по своему стратегическому положенію, затѣмъ итти навстрѣчу Наполеону, который навѣрное сдѣлалъ бы концентрическое движеніе вмѣстѣ съ корпусомъ, расположеннымъ по направленію Порѣчья, а можетъ быть и въ окрестностяхъ Колышекъ.

Такимъ образомъ мы бы имѣли преимущество разбивать противника по частямъ, постоянно имѣя сравнительно бо̀льшія противъ него

силы. Послѣдствіемъ этого плана явилась пріостановка дѣйствій. Мы прошли 26-го 25 верстъ отъ Смоленска къ Руднѣ и Выдрѣ, имѣя два небольшихъ наблюдательныхъ корпуса по направленію къ Порѣчью и по дорогѣ отъ Краснаго на Оршу. Въ этотъ день наши аванпосты заставили непріятельскіе отодвинуться не болѣе, какъ на 7—8 верстъ. На слѣдующій день армія должна была продолжать движеніе на Инково и Малево-болото. Ночью я отправился къ Платову, дабы сдѣлать усиленную рекогносцировку для нашего дальнѣйшаго движенія къ Руднѣ. Въ 5 часовъ утра двинулся авангардъ и завязалось довольно горячее дѣло; около 10 часовъ утра все было кончено: противникъ отброшенъ до Рудни, оставивъ 400 плѣнныхъ, два полковника и 16 офицеровъ. Осмотрѣвъ мѣстность, я нашелъ очень выгодное поле сраженія для всей арміи на случай, если бы противникъ сосредоточился и сталъ наступать; но узнавъ отъ плѣнныхъ, что Наполеонъ еще находится въ Витебскѣ, я предполагалъ составить тутъ же на мѣстѣ диспозицію относительно наступательнаго движенія арміи къ Руднѣ. Какъ вдругъ я узнаю, что фуражиры нѣсколькихъ слѣдовавшихъ по близости полковъ, были отозваны въ Выдринскій лагерь. Остановка нашего авангарда Платова въ Лешнѣ не разсѣяла моихъ опасеній относительно предпринятаго обратнаго движенія арміи. Несмотря на все это, я остался въ Малево-болото въ ожиданіи приказаній командующаго арміей. Только въ два часа ночи мнѣ дано было знать объ измѣненіи направленія движенія арміи и необходимости вернуться въ главную квартиру. Это неожиданное движеніе возбудило въ арміи безпорядокъ: военный транспортъ, слѣдовавшій за нами по направленію къ Руднѣ, изъ-за дурныхъ дорогъ лишь съ большими затрудненіями могъ поспѣть за арміей, предпринявшей фланговый маршъ въ виду того, что проселочныя дороги были почти непроходимы для громоздкихъ фургоновъ съ продовольственными запасами, такъ что армія лишалась въ продолженіе почти двухъ дней самаго необходимаго. Но самое прискорбное во всемъ этомъ то, что, благодаря нашему наступательному отъ Смоленска движенію, мы возбудили дѣятельность дремавшаго до тѣхъ поръ противника, двигающагося теперь концентрично по направленію къ Руднѣ и могущаго, съ помощью своего превосходства въ силахъ, напасть на князя Багратіона, находящагося отъ насъ въ 35 верстахъ; это разстояніе, ести хотите, уже не такъ велико, но сообщеніе съ нимъ стало безусловно затруднительнымъ благодаря постояннымъ дождямъ, вотъ уже 4 дня не прекращающимся. Мои офицеры работаютъ, какъ несчастные, исправляя эти самыя дороги.

Между двумя арміями имѣется небольшой наблюдательный корпусъ подъ начальствомъ князя Шаховскаго; онъ промежуточный; я назначилъ Орлова, Вашего адъютанта, начальникомъ штаба этого корпуса; вполнѣ имъ доволенъ и желалъ бы, чтобы у насъ было побольше такихъ расторопныхъ и дѣльныхъ офицеровъ. Прапорщикъ Шрамъ 20-го Егерскаго полка прикомандированъ ко мнѣ лично. Этотъ молодой человѣкъ во многомъ помогаетъ мнѣ. Разрѣшите, князь, представить его Главнокомандующему, дабы онъ вошелъ въ составъ нашего корпуса; его поведеніе примѣрное и онъ дѣйствительно достоинъ служить между нами.

Ожидаю съ нетерпѣніемъ Вашихъ приказаній и остаюсь навсегда Вамъ преданный

Карлъ Толь.

Приложеніе № 10.

Милостивый Государь,
Графъ Карлъ Ѳедоровичъ,

Письмо, коего Ваше Сіятельство изволили меня удостоить, останется для меня драгоцѣннымъ памятникомъ Вашего благорасположенія, а вниманіе коимъ почтили первый мой историческій опытъ, вполнѣ вознаграждаетъ меня за равнодушіе публики и критиковъ.

Не менѣе того порадовало меня мнѣніе Вашего Сіятельства о Михельсонѣ, слишкомъ у насъ забытомъ. Его заслуги были затемнены клеветою; нельзя безъ негодованія видѣть, что долженъ онъ былъ претерпѣть отъ зависти или неспособности своихъ сверстниковъ и начальниковъ. Жалѣю, что не удалось мнѣ помянуть въ моей книгѣ нѣсколько строкъ пера Вашего для полнаго оправданія заслуженнаго Воина. Какъ не сильно предубѣжденіе невѣжества, какъ не жадно пріемлется клевета, но одно слово сказанное такимъ человѣкомъ каковъ Вы навсегда ихъ уничтожаетъ.

Геній съ одного взгляда открываетъ истину, а истина сильнѣе царя, говоритъ священное писаніе.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностью честь имѣю быть, Милостивый Государь, Вашего Сіятельства покорнѣйшимъ слугою.

Александръ Пушкинъ *).

26 Января 1837.

*) Подлинникъ хранится въ семейномъ архивѣ графа Е. Н. Толя. Письмо было напечатано въ „Русской Старинѣ“ за 1898 г., январь, стр. 48.

Приложеніе № 11.

Милостивый Государь

Карлъ Федоровичъ!

По желанію Вашего Превосходительства, прилагаю при семъ экземпляръ моего **„Опыта о партизанахъ“;** желаю ему заслужить ваше одобреніе, и быть столько счастливымъ, чтобы внести хотя одну мысль въ ваше сочиненіе. Но я и теперь достигъ моей цѣли: вы увидите, что̀ я говорю въ вступленіи: „Если мой несовершенный опытъ можетъ поощрить писателя, превосходнаго меня дарованіями, разсмотрѣть мои мысли, распространить ихъ и дополнить, и если яснейшимъ изложеніемъ истины, убѣдить Правительство, въ пользѣ образованія, партій въ россійской арміи, то я имѣю право сказать, что трудился не даромъ“.

Вы беретесь за сіе дѣло, почтеннѣйшій Карлъ Федоровичъ; но другія части действія остаются еще безъ правилъ, и я полагаю, что небезполезно бы было Правительству употребить мирное время на составленіе ихъ, со всемъ вниманіемъ приличнымъ сему Важному предпріятію.

Стратегія ясно изложена на французскомъ языкѣ, въ сочиненіи Жомини, но переводъ его теменъ и даже безтолковъ—нужно перевести сію поучительнейшую книгу ясно, и вразумительно для кждаго молодого офицера, ибо она не требуя вспомогательныхъ сочиненій, одна способна образовать великихъ полководцовъ. Я думаю даже, что не худо сократить бы ее въ переводѣ, изключа изъ нее тактическія подробности 7-ми летней войны, и оставя тѣ только, кои служатъ для примѣровъ и нынѣ употребительны.

Полковая и баталіонная тактика въ постановленіяхъ нашихъ доведѣна до совершенства, а можетъ быть (увы!) и (далѣе.) Но между правилъ стратегіи и полковыхъ эволюцій, ничего нѣтъ. Уже множество молодыхъ людей судютъ о движеніяхъ армій, какъ вы, нашъ Жомини, Бутурлинъ, Орловъ и пр., (болѣе) еще тѣхъ кои ворочаютъ полкомъ и баталіономъ какъ Храповицкой; но никто не имѣетъ еще положительныхъ правилъ для действія дивизіями и корпусами, что необходимо

для начальниковъ ограниченныхъ способностей которыхъ всегда (болѣе), нежели отличныхъ. Васильчиковъ одинъ и первый презрѣлъ линіи и ввелъ дѣйствіе громадъ (masses) въ кавалеріи—но етотъ счастливый опытъ не есть положеніе, а люди привыкшіе по уставу застегивать воротникъ на 3, а не на два крючка, а безъ устава ходить въ рубашкѣ въ первой войнѣ будутъ дѣйствовать, одинъ въ двѣ сомкнутыя линіи, другой по Шахматному, а третій какъ удастся; (не) касается до одной кавалеріи, которая есть вспомогательная часть арміи. Что же будетъ съ пѣхотою! Мнѣ скажутъ, что она дѣйствовать будетъ какъ прежде, и для славы довольно. Нетъ это опредѣленіе неудовлетворительно! Людямъ мыслющимъ нужны не слѣдствіи, а причины, не успѣхъ дѣла, а соображеніе и приведеніе онаго въ исполненіе, ибо одно подвластно случаю, а другое связи искуства съ дарованіями. Не касаясь уже до невѣденія какъ лучше двигаться въ схватку обширными и короткими или узкими и длинными колоннами, одной или многими, съ права или изъ средины построенными, дѣйствіе ихъ представляетъ новое сомнѣніе: съ 1806 года вездѣ начинаютъ его перестрѣлкою, которую мало по малу усиливаютъ такъ, что колонны таютъ стрѣлками, и между тѣмъ привлекаютъ на избранную точку атаки главныя силы непріятельскія; ето противно разсудку если должно пасть **какъ снѣгъ на голову** и только позволительно употреблять на той точкѣ куда думаетъ отвлечь вниманіе непріятеля; но сей способъ принятъ многими благосклонно, ибо менѣе предпріимчивыхъ нежели слабыхъ духомъ—сіи послѣдніе рады распустить дивизіи и корпуса свои въ стрѣлки, только чтобы остаться съ резервомъ, состоящимъ изъ одного баталіона, внѣ выстрѣла ружейнаго; между тѣмъ дивизія или корпусъ толпою напиханной въ лѣсу, содержитъ ужасный огонь, и стрѣляетъ въ верхъ и въ своихъ цѣлый день. Главнокомандующій и войска поставленные въ дали видятъ дымъ и слышатъ трескъ выстрѣловъ; всѣ говорятъ: «какъ **такой-то** сильно дерется!—Герой **такой-то.**» Но предпріятіе невыполнено, и трусъ нашъ прослываетъ героемъ потому, что стрѣлялъ густо и потерялъ много людей!

Очень нужно, и даже необходимо составить комитетъ изъ людей извѣстныхъ своими познаніями и опытностію по каждой части дѣйствія; они избрали бы переводчиковъ для **сочиненія Жомини;** занялись бы дѣятельнѣе уставомъ общаго построенія и дѣйствія дивизій и корпусовъ, дабы связать тѣмъ стратегію съ полковой тактикою; изыскали бы новые способы продовольствія, снабженія одеждою и зарядами, ибо извѣстно что нынешніе способы ни къ чему негодятся. Но мы

забываемъ о томъ въ покое, занимаемся ломкою фрунта, мѣрою шага и за то дорого платимъ въ военное время.

Если-бъ таковой Комитетъ могъ составиться, если-бъ вы назначались президентомъ онаго—я съ восхищеніемъ принялъ бы честь засѣдать въ немъ и конечно былъ бы полезнѣе отечеству тамъ, нежели на моемъ мѣстѣ, гдѣ ничего нѣтъ равнаго моему дарованію, очень слабому, но....*) превосходному текущимъ корпуснымъ дѣламъ и осмотру полковъ и баталіоновъ.

Заключаю тѣмъ, что если угодно будетъ вамъ сдѣлать меня кореспондентомъ вашимъ и прибѣгнуть иногда къ моей опытности, я за особую почту честь и удовольствіе сообщать вамъ мои брѣдни, изъ коихъ вы можете выбирать что хотите, прочее предавать забвенію.

Съ истиннымъ почтеніемъ и душевною преданностью имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Денисъ Давыдовъ **).

1-го Августа.

Кременчугъ.

*) Пропущено неразборчиво написанное слово.

**) Подлинникъ этого письма хранится въ семейномъ архивѣ графа Е. Н. Толя. Орѳографія подлинника сохранена.

Приложеніе № 12.

Письмо гр. Толя къ Д. П. Бутурлину*).

„Любезный генералъ. Мнѣ попался подъ руку листокъ парижскаго журнала „Journal de Paris“ отъ 25 Марта сего года № 85, гдѣ я встрѣтилъ статью съ разборомъ сочиненія вашего о войнѣ 1812 года. Съ неудовольствіемъ увидалъ я, что авторъ этой статьи, вполнѣ оцѣнивая ваше благоразуміе и вѣрность военныхъ вашихъ наблюденій, не менѣе того обвиняетъ васъ въ пристрастіи къ фельдмаршалу Кутузову и оканчиваетъ упреки, обращаемые къ вамъ по этому поводу, слѣдующимъ выраженіемъ: **„Все что при немъ было сдѣлано лучшаго, принадлежитъ начальнику его штаба Толю“.**

„Личная моя честь, прямота, свойственная порядочному человѣку и чувство благодарности къ памяти покойнаго фельдмаршала, которое я почитаю священнымъ сердечнымъ долгомъ сохранять и за предѣлами гроба, возлагаютъ на меня обязанность отвергнуть похвалу, которая, не будучи основана на истинѣ, изобрѣтена плодовитымъ воображеніемъ автора статьи. Имѣвъ счастіе служить въ достопамятную войну 1812 года въ должности генералъ-квартирмейстера подъ начальствомъ фельдмаршала, я конечно могу похвалиться тѣмъ, что раздѣлялъ съ нимъ труды и занятія сей славной войны, что былъ его главнымъ сотрудникомъ и первымъ орудіемъ во всемъ

*) Письмо это появилось въ „Journal des Débats“ 1825 года, въ листѣ отъ 24 Января. Черновикъ письма находится въ семейномъ архивѣ графа Е. Н. Толя.

томъ, что онъ обдумывалъ для погубленія непріятеля и, наконецъ, что я пользовался въ высшей степени его уваженіемъ и довѣріемъ. Честь эта конечно не малая, и я не уступлю ея никому; но съ другой стороны было бы недостойно меня хранить молчаніе, какъ скоро до меня дошло сужденіе иностранца, оскорбляющее истину и выставляющее въ неблагопріятномъ свѣтѣ заслуги великаго человѣка. Итакъ, я долженъ объявить, что дѣйствія князя Кутузова и мои въ эту войну, хотя и направленныя къ одной цѣли, не менѣе того разнились существенно и зависѣли отъ обязанностей, которыя мы несли каждый по службѣ. Онъ съ твердостію и постоянствомъ слѣдуя наставленіямъ, получаемымъ отъ августѣйшаго нашего Государя, и предводительствуя всѣми нашими арміями, при свѣтѣ обширнаго и опытнаго ума своего, придумывалъ общія планы дѣйствій, долженствовавшихъ неминуемо привести непріятеля къ погибели, и назначалъ время и мѣсто для исполненія сихъ плановъ. Я же ограничивался кругомъ мнѣ принадлежавшимъ, довольствовался разработкою его мыслей и составлялъ подробныя распредѣленія, необходимыя для всякаго военнаго дѣйствія. Соединяя въ себѣ всѣ пружины нашей воинской силы, онъ руководилъ ею такъ, чтобы она наносила непріятелю наиболѣе гибельные удары, а я только направлялъ эту силу къ тѣмъ мѣстамъ, которыя были указываемы его мудростью. Будучи первымъ двигателемъ всего въ арміи, онъ поддерживалъ во всѣхъ чинахъ терпѣніе, самоотверженіе, неустрашимость и вѣру въ успѣхъ; я, въ свою очередь, заимствовалъ отъ него одушевленіе и наполнялся усердіемъ для вѣрнаго исполненія приказаній, которыя онъ мнѣ отдавалъ“.

„Сограждане и сослуживцы по всей справедливости назвали его **спасителемъ Отечества**, и вотъ завистники его славы думаютъ прикрыться моимъ именемъ, дабы ослабить ея сіяніе. Могу-ли, долженъ-ли я это стерпѣть“.

„Конечно, мнѣніе безымяннаго автора упомянутой статьи о Кутузовѣ не можетъ имѣть достаточно вѣса, чтобы поколебать убѣжденіе, которое составилось вообще о заслугахъ сего великаго генерала, но для моего собственнаго удовлетворенія я долженъ повторить, что отвергаю рѣшительно во всемъ до меня относящемся сужденія, выраженныя въ этой статьѣ; и также точно поступлю я, если кто-либо станетъ писать въ подобномъ смыслѣ".

„Согласно съ этимъ, ожидаю отъ дружбы вашей, любезный генералъ, что вы дадите настоящему письму моему елико возможно большую гласность".

Примите и пр.

Баронъ Карлъ Толь".

Приложеніе № 13.

Mon cher général.

J'ai remis différents papiers concernant la campagne de 1812 à M. de Boutourline, que je recommande à vos bontés et dans lequel vous aurez un bon aide parcequ'il est en état de rediger lui-même. Je désire qu'il fasse la traduction de mes papiers, enfin que cela ne soit estropié par tout d'autre qui n'est pas assez homme de guerre et qui n'entendra pas bien ce que j'ai voulu dire. Les papiers qu'il vient de recevoir contienent

1) l'introduction jusqu'à l'ouverture de la campagne,

2) journal des mouvements de la première armée occidentale jusqu'au camp de Drissa.

3) journal des mouvements de la première armée occidentale après l'enbandon du camp de Drissa jusqu'à Moscou,

4) journal des mouvements de la 2-me armée jusqu'à sa réunion avec la première à Smolensk,

5) relation du combat de Smolensk et de celle d'Ostrovno et de Saltanovka qui ont précédé celui de Smolensk,

6) relation du combat de Loubino (que les français nomment Valentino),

7) relation de la bataille de Borodino (que les français nomment Mojaisk),

8) relation du combat de Taroutino ou Tschernichnia (que les français nomment **la deroute du matin**).

Les plans de batailles: celui de Smolensk, Borodino et Tschernichnia sont achevés mais faits avec des signes qui ne sont pas assez clair pour un plan de bataille.

9) journal des opérations du corps sous les ordres du lieutenant-général baron de Sacken, depuis la formation en date du 11 octobre 1812 jusqu'à sa dissolution en février 1813.

Pour le journal des opérations du corps sous les ordres du général Witgenstein me sera envoyé dans peu de jour par le général Diebitch*).

*) Черновикъ сего письма, написанный рукою графа Карла Ѳедоровича, хранится въ семейномъ архивѣ гр. Е. Н. Толя. Кому оно было адресовано—не упомянуто. Отсутствуетъ также и подпись. Но согласно прилагаемой при семъ перепискѣ съ генераломъ Жомини, ясно, что оно адресовано этому генералу, а изъ содержанія письма видно, кто его авторъ.

Переводъ приложенія № 13.

Дорогой Генералъ!

Я передалъ различныя бумаги, относящіяся къ кампаніи 1812 года, Бутурлину, котораго могу Вамъ рекомендовать съ лучшей стороны и въ которомъ Вы найдете хорошаго помощника, такъ какъ онъ самъ въ состояніи справиться съ этою работой. Я желалъ бы, чтобы именно онъ перевелъ мои бумаги, дабы они не были искажены кѣмъ-либо другимъ съ недостаточною военною подготовкой и не вполнѣ усвоившаго себѣ всего того, что я хотѣлъ бы сказать относительно содержанія имъ полученныхъ бумагъ: 1) Введеніе до открытія военныхъ дѣйствій. 2) Журналъ движеніямъ первой Западной арміи до Дрисскаго лагеря. 3) Журналъ 1-ой Западной арміи послѣ оставленія Дрисскаго лагеря до Москвы. 4) Журналъ движеніямъ второй арміи до соединенія съ первой у Смоленска. 5) Описаніе сраженія подъ Смоленскомъ, а также подъ Островной у Салтановки, предшествовавшіе сраженію подъ Смоленскомъ. 6) Подъ Лубинымъ, которое французы называютъ Валентино. 7) При Бородинѣ, которое французы называютъ Можайскъ. 8) Подъ Тарутинымъ или при Чернышнѣ, которое французы называютъ **утреннее пораженіе.** Планы сраженій подъ Смоленскомъ, Бородинымъ и Чернышной готовы, но съ обозначеніями, недостаточно ясными для плана сраженія. 9) Журналъ операціямъ корпуса подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта барона Сакена, считая со дня его формированія — 11 Октября 1862 года—до его расформированія—въ Февралѣ 1813 года.

Что же касается журнала операцій корпуса подъ начальствомъ генерала Витгенштейна, то онъ мнѣ будетъ черезъ нѣсколько дней доставленъ генераломъ Дибичемъ.

Приложеніе № 14.

Mon cher général.

J'ai reçu la lettre que Vous m'avait fait l'amitié de m'écrire le 7 *). M-r Boutourline m'a dit avoir reçu les matériaux qui y sont annoncées, pour la campagne de 1812. La nomenclature que Vous avez pris la peine de me donner annonce déjà que la besogne est a peu près faite, nous n'aurons plus qu'à lier les événements d'après un plan uniforme.

L'honneur de ce travail sera donc plutôt le votre que le mien, si Vous le permettez nous le publierons en nom et en intérêts communs.

J'ai toujours rendu à Cesar ce qui appartenait à Cesar et vous me trouverez toujours prêt à vous rendre toute la justice qui Vous est due.

Croyez mon cher général à la sinserité de mes sentiments, et à mon dévouement sans bornes **).

G-l Jomini.

Le 9/17 D-bre 1816.

*) Неразборчиво написанное слово.

**) Подлинникъ этого письма находится въ семейномъ архивѣ графа Е. Н. Толя.

Переводъ приложенія № 14.

Дорогой генералъ!

Я получилъ письмо, которое Вы имѣли любезность мнѣ написать 7-го *). Бутурлинъ мнѣ сказалъ, что получилъ матеріалы для кампаніи 1812 года, о которой извѣщаете. Судя по номенклатурѣ, для меня Вами составленной, уже можно заключить, что бо̀льшая часть работы сдѣлана и намъ лишь останется послѣдовательно передать событія согласно общему плану.

Честь по изданію этого сочиненія будетъ такимъ образомъ скорѣе Ваша, чѣмъ моя, мы его напечатаемъ, если позволите, подъ общимъ именемъ и при соблюденіи обоюдныхъ интересовъ.

Я всегда отдавалъ Кесарево—Кесарю и ни на одно мгновеніе не поколеблюсь Вамъ вернуть должное, по справедливости.

Повѣрьте мнѣ, мой дорогой Генералъ, въ искренности моихъ чувствъ и безпредѣльной преданности.

Генералъ Жомини.

9/17 Декабря 1816 г.

*) Неразборчиво написанное слово.

Приложеніе № 15.

Mon cher général.

J'ai chargé M-r de Boutourline de me traduire les matériaux, que Vous lui avez confiés: je pense que cela nous donnera la presque totalité de la campagne de 1812. Je n'aurai autre chose à faire qu'à y ajouter les renseignements français que nous pourrons nous procurer et quelques coups d'œils sur la situation générale de l'Europe.

Mais en tout cas je ne puis que confié à M-r de Boutourline le premier jet de cette campagne, puisque tous les matériaux sont en Russie et je pourrais en entendant faire moi même la campagne de 1813 dont tous les matériaux sont en français ou en allemand.

Cela ferait que les deux campagnes jusqu'à l'entrée à Paris seraient à peu près prêtes en même temps.

Veuillez donc mon cher général donner l'ordre au colonel de me remettre ce qu'il a ce sur cette campagne de 1813 et 1814.

Agréez, je Vous prie, l'assurance de mon entier dévouement.

G-l Jomini *).

Le 12 D-bre 1816.

*) Подлинникъ этого письма хранится въ семейномъ архивѣ гр. Е. Н. Толя.

Переводъ приложенія № 15.

Дорогой Генералъ!

Я поручилъ М. Бутурлину перевести мнѣ матеріалы, которые Вы ему довѣрили; полагаю, что мы такимъ образомъ создадимъ общую картину похода 1812 года. Мнѣ лишь останется добавить нѣкоторыя свѣдѣнія изъ французскихъ источниковъ, которые имѣемъ возможность пріобрѣсти, и бросить бѣглый взглядъ на общее состояніе Европы.

Во всякомъ случаѣ, могу лишь довѣрить Бутурлину сдѣлать первоначальный набросокъ этого похода, такъ какъ всѣ матеріалы на Русскомъ языкѣ, я же займусь описаніемъ кампаніи 1813 года, для которой матеріалы почти всѣ на французскомъ или на нѣмецкомъ языкѣ. Такимъ образомъ описанія обѣихъ кампаній, до вступленія въ Парижъ, будутъ почти одновременно готовы. Итакъ, прошу, дорогой генералъ, распорядиться, дабы полковникъ мнѣ передалъ, что у него имѣется относительно походовъ 1813 и 1814 годовъ.

Примите, пожалуйста, увѣреніе въ совершенной моей преданности.

Генералъ Жомини.

12 Декабря 1816 г.

Приложеніе № 16.

Сенаторъ Бутурлинъ, свидѣтельствуя свое почтеніе Его Сіятельству графу Карлъ Ѳедоровичу, имѣлъ честь съ живѣйшей благодарностью возвратить сообщенную ему Его Сіятельствомъ критику, на сочиненіе Г. Данилевскаго, которая, должно признать, во многихъ отношеніяхъ оказывается справедливою. *)

18-го Ноября 1839.

*) Подлинникъ этого письма имѣется въ семейномъ архивѣ гр. Е. Н. Толя.

№1.

ОРДЕРЪ де БАТАЛЬ

ВОЙСКЪ БЫВШИХЪ ВЪ СРАЖЕНІИ ПРИ СЕЛѢ **БОРОДИНѢ** 24„26го ЧИСЕЛЪ АВГУСТА 1812го ГОДА.

Главнокомандующій Арміею Генералъ отъ Инфантеріи Князь Голенищевъ Кутузовъ.

При немъ: Начальникъ Главнаго Штаба Генералъ Маіоръ Ермоловъ. Начальникъ Артиллеріи Генералъ Маіоръ Графъ Кутайсовъ. Генералъ Квартирмейстеръ Полковникъ Толь.

ГЕНЕРАЛЪ ОТЪ ИНФАНТЕРІИ КНЯЗЬ БАГРАТІОНЪ
Генералъ Лейтенантъ Князь Горчаковъ 2й

8й Корпусъ
Генералъ Лейтенантъ Воронцовъ 1й

Ген. Маі. Неверовскій — Ген. Маі. Прин. Меклен. Карлъ

27й Див. — 2й Гре. Див.

4й Кавалерійскій Корпусъ
Генералъ Маіоръ Графъ Сиверсъ 1й

7й Корпусъ
Генералъ Лейтенантъ Раевскій

Ген. Маіоръ Васильчиковъ — Ген. Маі. Паскевичъ

12й Див. — 26й Див.

3й Кавалерійскій Корпусъ
Генералъ Адъютантъ Баронъ Корфъ

ГЕНЕРАЛЪ ОТЪ ИНФАНТЕРІИ ДОХТУРОВЪ

6й Корпусъ
Генералъ отъ Инфантеріи Дохтуровъ

Ген. Маі. Лихачевъ 1й — Ген. Лей. Капцевичъ

24й Див. — 7й Див.

РЕЗЕРВЪ АРМІИ

3й Корпусъ
Генералъ Лейтенантъ Тучковъ 1й

Ген. Лейт. Бенкендорфъ — Ген. Маі. Гр. Строгоновъ

3й Див. — 1й Гре. Див.

5й Корпусъ
Генералъ Лейт. Лаптевъ

Гвардейская Див.

Генералъ Лейтенантъ Князь Большаковъ 1й

ГЕНЕРАЛЪ ОТЪ ИНФАНТЕРІИ БАРКЛАЙ де ТОЛЛИ
Генералъ отъ Инфантеріи Милорадовичъ

4й Корпусъ
Генералъ Лейтенантъ Графъ Остерманъ Толстой

Ген. Маі. Бахметевъ 1й — Ген. Маі. Бахметевъ 2й

23й Див. — 11й Див.

2й Кавалерійскій Корпусъ
Генералъ Адъютантъ Баронъ Корфъ

2й Корпусъ
Генералъ Лейтенантъ Багговутъ

Генералъ Лейтенантъ Олсуфьевъ — Т. М. Прин. Евгеній Виртембергскій

17й Див. — 4й Див.

1й Кавалерійскій Корпусъ
Генералъ Адъютантъ Уваровъ

Генералъ Маіоръ Карповъ — Донскіе Казаки Полки

Ген. Лейт. Гр. Марковъ — Московское Ополченіе

Гвардейскія Гре. Батальоны — Гвардейскія Гре. Батальоны

2й Кирасирская Дивизія — Генер. Маіоръ Лукъ

1й Кирасирская Дивизія — Генер. Маіоръ Depreradovich 2й

Г. Л. Кн. Бенигсенъ — Г. Л. Кн. Бенигсенъ — Г. Л. Коновницынъ — Г. Л. Кайсаровъ

Г. Л. Лебедевъ — Смоленское Ополченіе

Генералъ отъ Кавалеріи Платовъ — Донскіе Казаки Полки

РЕЗЕРВЪ АРТИЛЛЕРІИ
Генералъ Маіоръ Ломоносовъ

Полковникъ Холодъ — Гвардейская Дивизія — Полковникъ Ермоловъ

Масштабъ къ планамъ 3 версты

Гравировано при Военно Топографическомъ Депо въ 1838 году.

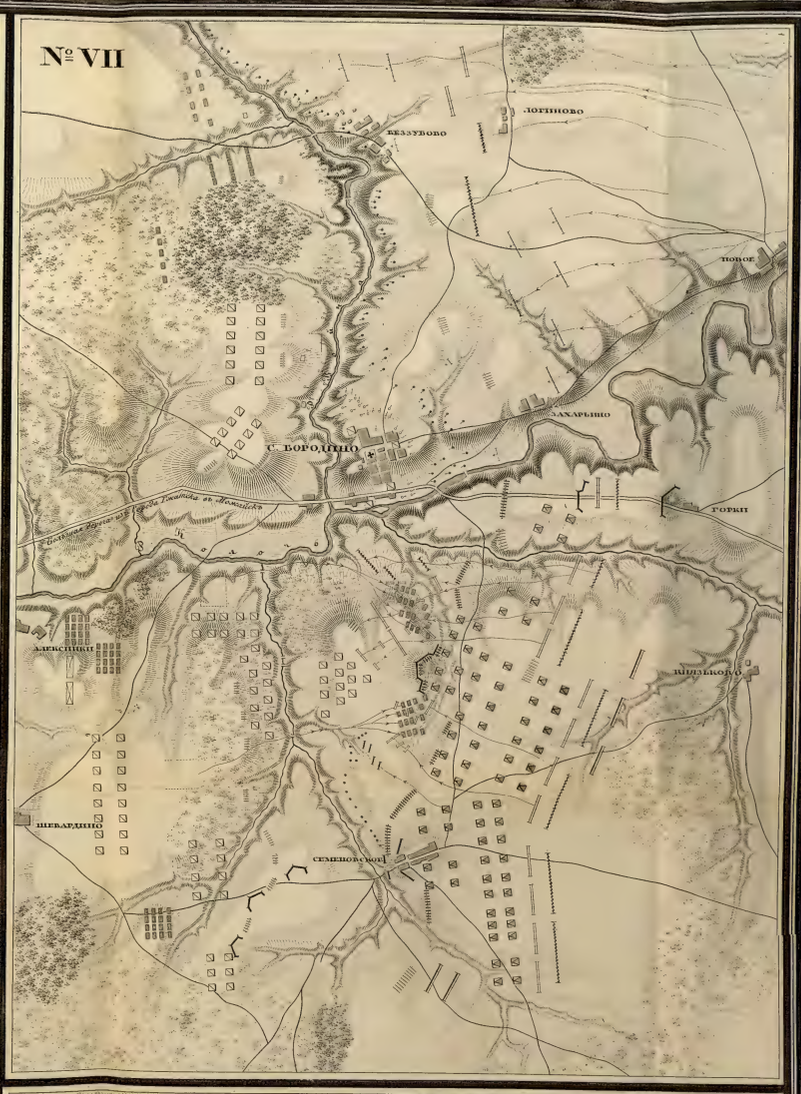
На подлинномъ написано: Сочинилъ Генералъ Лейтенантъ Барклай Толли въ 1814 году.

Литографія Ген. Штаба № 24

№II

№V

№VII



№III

№VI

№VIII

№IV

ПЛАНЪ СРАЖЕНІЯ

при

СЕЛѢ БОРОДИНѢ

Бывшаго 26 Августа 1812 года

между

Россійскою **ИМПЕРАТОРСКОЮ** Арміею подъ предводительствомъ Генерала отъ Инфантеріи **КНЯЗЯ ГОЛЕНИЩЕВА КУТУЗОВА** и Французской соединенною Арміею составленною изъ войскъ всѣхъ державъ западной Европы подъ предводительствомъ

ИМПЕРАТОРА НАПОЛЕОНА

Съ подлинныхъ написано: Сочинено Генералъ-Лейтенантомъ Барономъ Толемъ въ 1814 году.

BRISTOL UNIVERSITY LIBRARY